
Российская Академия наук
Институт славяноведения

Центр научных работников
и преподавателей иудаики в вузах
«Сэфер»

ISSN: 2658-3364
DOI: 10.31168/2658-3364

DOI выпуска: 10.31168/2658-3364.2021.1

Judaic-Slavic Journal

№ 1(5)
2021

При поддержке / Supported by

GENESIS
PHILANTHROPY
GROUP

*Russian
Jewish
Congress*

Москва

Редакционная коллегия

Олег Будницкий (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва)
Джеффри Вайдлингер (Мичиганский университет, Энн Арбор)
Франсуа Гене (Университетский колледж Лондона)
Цви Гительман (Мичиганский университет, Энн Арбор)
Валерий Дымищ (Европейский университет в Санкт-Петербурге)
Аркадий Зельцер (Яд Вашем, Иерусалим)
Александр Иванов (Европейский университет в Санкт-Петербурге)
Аркадий Ковельман (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)
Сабине Колер (Университет Регенсбурга)
Бер Котлерман (Университет имени Бар-Илана, Рамат Ган)
Марк Куповецкий (Российский государственный гуманитарный университет, Москва)
Владимир Левин (Еврейский университет Иерусалима)
Харриет Мурав (Иллинойсский университет в Урбана-Шампейн)
Бенджамен Натанс (Пенсильванский университет, Филадельфия)
Энтони Полонский (Университет Брендайза)
Шимон Рудницкий (Варшавский университет)
Дарюс Сталюнас (Институт истории Литвы, Вильнюс)
Брайан Хоровиц (Тулейнский университет, Нью-Орлеан)
Михаил Членов (Центр «Сэфер», Москва)
Анна Штерншиш (Университет Торонто)
Геннадий Эстрайх (Нью-Йоркский университет)

Редакторы

Михаил Крутиков (Мичиганский университет, Энн Арбор, США)
Виктория Мочалова (Центр славяно-иудаики Института славяноведения РАН; Центр «Сэфер»)
Шауль Штампфер (Еврейский университет Иерусалима)

Сотрудники редакции

Светлана Амосова (выпускающий редактор)
Маргарита Горбачева (отдел рецензий)
Литературный редактор
Светлана Николаева
Корректор
Татьяна Миргород
Верстка
Александр Сильванович
Оформление
Сергей Трофимов

Editorial Board

Oleg Budnitskiy (National Research University Higher School of Economics, Moscow)
Mikhail Chlenov (Sefer, Moscow)
Valery Dymshits (European University at St. Petersburg)
Gennady Estraiikh (New York University)
Zvi Gitelman (University of Michigan, Ann Arbor)
François Guesnet (University College London)
Brian Horowitz (Tulane University, New Orleans, LA)
Alexander Ivanov (European University at St. Petersburg)
Sabine Koller (University of Regensburg)
Ber Kotlerman (Bar Ilan University, Ramat Gan)
Arkady Kovelman (Lomonosov Moscow State University)
Mark Kupovetsky (Russian State University for the Humanities, Moscow)
Vladimir Levin (Hebrew University of Jerusalem)
Harriet Murav (University of Illinois at Urbana-Champaign)
Benjamin Nathans (University of Pennsylvania, Philadelphia)
Antony Polonsky (Brandeis University)
Szymon Rudnicki (University of Warsaw)
Darius Staliūnas (Lithuanian Institute of History, Vilnius)
Anna Shternshis (University of Toronto)
Jeffrey Veidlinger (University of Michigan, Ann Arbor)
Arkady Zeltser (Yad Vashem, Jerusalem)

Editors

Mikhail Krutikov (University of Michigan, Ann Arbor, USA)
Victoria Mochalova (Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, and Sefer)
Shaul Stampfer (Hebrew University of Jerusalem, Israel)

Managing editors

Svetlana Amosova (editor)
Margarita Gorbacheva (review department)
Literary editor
Svetlana Nikolaeva
Proofreader
Tatiana Mirgorod
Layout
Alex Silvanovich
Design
Sergey Trofimov

Специальный выпуск: История сибирского еврейства

*Приглашенные редакторы: Виктория Герасимова,
Владимир Левин*

Содержание

- 7 Предисловие редакторов

Статьи

- 17 **Сибирский миф в еврейской истории: евреи Сибири как религиозная группа**
Анна Березин, Владимир Левин
- 68 **«Желтый вопрос» и еврейский вопрос на российском Дальнем Востоке: 1858–1914**
Това Бенжамин
- 101 **Знакомый незнакомец Яков Фризер: штрихи к портрету сибирского еврея**
Ирена Владимирски, Мария Кротова
- 130 **Евреи и власть в позднеимперском Иркутске: нелегальные практики взаимодействия**
Юлия Пинигина
- 148 **Сибирь как «новый еврейский центр»: план переселения беженцев в годы Первой Мировой войны**
Полли Завадивкер
- 173 **Вечная жизнь р. Натана-Неты Олевского (Вильна, Усть-Уда, Черемхово, Иркутск, Москва)**
Бер Котлерман
- 193 **«Биробиджанское поколение»: строительство местечка на Дальнем Востоке**
Геннадий Эстрайх, Иосиф Бренер

Архивы. Публикации

- 227 **«Приемлю смелость всеподданнейше просить...»**
Дмитрий Фельдман
- 233 **«План Киржница»: проект по переселению евреев в Сибирь
в период Гражданской войны**
Виктория Герасимова

Рецензии

- 265 **Виктор Дятлов, Яна Гузей, Татьяна Сорокина. Китайский
погром. Благовещенская „утопия” 1900 года в оценке
современников и потомков**
Артур Марковский
- 275 **Agata Maksimowska. Birobidżan. Ziemia, na której mieliśmy być
szczęśliwi**
Мария Макарова
- 280 **Конфессиональные и этнические группы российских
регионов в XIX–XXI вв. Сборник научных трудов**
Александр Локшин
- 291 **Дзинтра Гека. Шалом, Сибирь... воспоминания евреев,
которые были вывезены из Латвии в Сибирь в 1941
и 1949 годах**
Светлана Погодина
- 295 **Памяти Ефима Иосифовича Меламеда**
Александр Иванов

Special Issue: History of Siberian Jewry

Guest Editors: Victoria Gerasimova, Vladimir Levin

Contents

- 11 **Editors' Foreword**

Articles

- 17 **Siberian Myth in the Jewish History: Jews of Siberia as a Religious Group**
Anna Berezin, Vladimir Levin
- 68 **The “Yellow” and “Jewish” Question in the Russian Far East: Managing Foreignness, Productivity, and Colonization, 1858–1914**
Tova Benjamin
- 101 **A Familiar Stranger Yakov Frizer: A Portrait of a Siberian Jew**
Irena Vladimirsky, Maria Krotova
- 130 **Jews and Power in Late Imperial Irkutsk: Illegal Practices of Interaction**
Yulia Pinigina
- 148 **Siberia as a “New Jewish Center”: A Plan to Resettle Refugees in Russia during the First World War**
Polly Zavadviker
- 173 **R. Nathan-Neta Olevski's Eternal Life (Vilna, Ust-Uda, Cheremkhovo, Irkutsk, Moscow)**
Ber Kotlerman
- 193 **“Birobidzhan Generation”: Construction of a Shtetl in the Far East**
Gennady Estraiikh, Iosef Brener

Archives. Publications

- 227 **“I Have the Courage to Ask Most Sincerely...”**
Dmitry Feldman
- 233 **“The Kirzhnits’s Plan”. A Project of Jewish Resettlement to Siberia during the Civil War Era**
Victoria Gerasimova

Reviews

- 265 **Victor Dyatlov, Yana Guzei, Tatiana Sorokina. Anti-Chinese Pogrom. Blagoveshchensk "Utopia" of 1900 in the Opinion of Contemporaries and Descendants**
Artur Markowski
- 275 **Agata Maksimowska. Birobidżan. Ziemia, na której mieliśmy być szczęśliwi**
Maria Makarova
- 280 **Religious and Ethnic Groups of Russian Regions in the Nineteenth to Twenty-First Centuries, Vol. 3. Jews and Judaism in the Russian Empire and the USSR**
Alexander Lokshin
- 291 **Dzintra Geka. Shalom, Siberia ... Memories of Jews who Were Deported from Latvia to Siberia in 1941 and 1949**
Svetlana Pogodina

Предисловие редакторов

DOI: 10.31168/2658-3364.2021.1.01

Этот выпуск журнала посвящен истории евреев в Сибири. Сибирь не была местом традиционного проживания евреев, и они появились на ее огромной территории только в современный период (к сожалению, в русском языке еще не выработался термин, который позволяет точно передать смысл термина *modernity* и многочисленных коннотаций, с ним связанных). Первые евреи поселились в Сибири в самом конце XVIII в., а организованные еврейские общины сложились лишь в XIX в. В этом Сибирь схожа с другими регионами мира, удаленными от Средиземноморья и Европы: Австралией, Южной Африкой, Латинской Америкой, Канадой и в значительной мере Соединенными Штатами Америки. Однако в отличие от этих регионов, до революций 1917 г. динамика еврейского заселения Сибири складывалась не под влиянием объективных факторов миграции и экономического развития, а всецело определялась политикой царского правительства: наказание ссылкой в Сибирь и рекрутская повинность были факторами, увеличивавшими еврейское (и нееврейское) население региона, а ограничивавшие «правожителство» евреев законы препятствовали свободному переселению евреев. Евреи дореволюционной Сибири являлись «евреями пограничья» (*Frontier Jews*), то есть евреями, селящимися в новой местности, где нет ни исторического еврейского населения, ни устоявшейся еврейской инфраструктуры, ни сложившегося модуса отношений с нееврейским населением¹.

Приток беженцев и военнопленных во время Первой мировой и Гражданской войн, интенсивная урбанизация и индустриализация, массовые депортации сталинского периода, эвакуация и советская политика распределения «молодых специалистов» – все это преобразовало структуру еврейского населения Сибири в XX в. Прибывшие стали «транзитными евреями», для которых Сибирь являлась временной обителью, принудительным или добровольным выбором. Распад СССР вызвал массовую эмиграцию евреев за границу и одновременно возрождение еврейской институциональной и культурной жизни. В советский и постсоветский период история евреев в Сибири была так же неразрывно связана с судьбой всего советского и российского еврейства.

Первые работы о евреях в Сибири появились еще в начале XX в., однако полноценный процесс исследования начался лишь в постсоветский

¹ Термин “*Frontier Jews*” предложен Владимиром Левиным, см. Левин В. Смоленщина: границы и пограничье // Евреи пограничья: Смоленщина. М., 2018. С. 17–30.

период, когда изучение еврейской истории снова стало возможным. Многочисленные сборники статей, изданные в 1990-х и 2000-х гг. (в основном под редакцией Якова Кофмана [1948–2012]), а также несколько монографий по еврейской теме вводят в научный оборот новые исторические факты и представляют разбор местных аспектов еврейской истории. Попытки осмысления истории евреев Сибири в целом предпринимались лишь в некоторых из этих публикаций. Нынешний выпуск журнала нацелен на продолжение этой работы и рассмотрение сибирского еврейского опыта в более широком контексте.

Представленные в номере статьи, публикации документов и рецензии тематически пересекаются и обогащают друг друга новыми смыслами. Именно поэтому о них уместно говорить, нарушая привычную рубрикацию и смешивая жанровую принадлежность текстов. В статье иерусалимских исследователей Анны Березин и Владимира Левина «Сибирский миф в еврейской истории: евреи Сибири как религиозная группа» анализируются религиозные практики сибирских евреев XIX и начала XX вв. на основании материалов еврейской прессы и объектов материальной культуры. Разбирая этот материал, авторы ставят под сомнение часто повторяющееся в историографии представление о сибирских евреях как об уникальной группе и демонстрируют разнообразные связи между евреями Сибири и еврейским миром Российской империи. Публикация московского историка Дмитрия Фельдмана «“Приемлю смелость всеподданнейше просить...”» ставит под сомнение другой распространенный миф – представление о том, что евреи специально совершали преступления с целью получить возможность поселиться в Сибири. «Герой» документа, проживший 16 лет в Сибири, вовсе не мечтает остаться здесь, а наоборот, просит разрешения вернуться на родину, в Одессу.

В статье Товы Бенджамин из Нью-Йорка «“Желтый вопрос” и “еврейский вопрос” на российском Дальнем Востоке: 1858–1914» предложен необычный взгляд на имперскую политику: автор сравнивает отношения властей Приамурского края к корейцам, китайцам и евреям. Эту же тему продолжает рецензия польского исследователя Артура Марковского на книгу Виктора Дятлова, Яны Гузей и Татьяны Сорокиной «Китайский погром. Благовещенская “утопия” 1900 года в оценке современников и потомков». Автор рецензии обсуждает сильные и слабые стороны этой книги в контексте изучения коллективного насилия на национальной почве вообще и исследования антиеврейского насилия в частности.

В статье Ирены Владимирски из Израиля и Марии Кротовой из Санкт-Петербурга «Знакомый незнакомец Яков Фризер: штрихи к портрету сибирского еврея» рассматривается биография одного из наиболее заметных еврейских бизнесменов и общественных деятелей Сибири. Другая статья – «Евреи и власть в позднеимперском Иркутске: нелегальные практики взаимодействия», написанная Юлией Пинигиной из Иркутска, напротив,

посвящена нижним слоям еврейского населения Сибири. На основании жандармских документов автор разбирает коррупционные связи между полицией, евреями и приближенными к полиции людьми – интеракции, которые обычно проходили в устной форме и почти не оставили следа в письменных источниках. Отмена черты оседлости в 1915 г. сделала актуальным обсуждение возможностей широкомасштабного переселения евреев в Сибирь. Этому обсуждению посвящена статья Полли Завадивкер из Ньюарка, штат Делавэр, «Сибирь как “новый еврейский центр”: план переселения беженцев в России в годы Первой мировой войны». Неожиданное продолжение эта тема находит в публикации Виктории Герасимовой из Омска «“План Киржница”: проект по переселению евреев в Сибирь в период Гражданской войны». В опубликованном документе рассматривается полемика по поводу организации эмиграции в Сибирь, здесь также приведены соображения одного из сибирских общественных деятелей по этому поводу.

Советский период в истории евреев Сибири представлен в журнале четырьмя работами, которые отражают три разных аспекта советского еврейского опыта в этом регионе. Статья израильского исследователя Бера Котлермана «“Вечная жизнь” р. Натана-Неты Олевского» представляет читателю одно из немногих собраний раввинских респонсов, написанных в Советском Союзе. Олевский, будучи ортодоксальным раввином в Иркутске, придерживался довольно либеральной трактовки галахи. В статье Геннадия Эстрайха из Нью-Йорка и Иосифа Бренера из Биробиджана «“Биробиджанское поколение”: строительство местечка на Дальнем Востоке» обсуждается судьба советского проекта Еврейской автономной области, который вместо создания современного научного и культурного центра привел к появлению своеобразного местечка. Этой же теме посвящена рецензия Марии Макаровой на книгу польского автора Агаты Максимовской «Биробиджан. Земля, на которой мы должны были быть счастливы». Рецензия рижанки Светланы Погодиной на книгу латышского автора Дзинтры Гека «Шалом, Сибирь...: воспоминания евреев, которые были вывезены из Латвии в Сибирь в 1941 и 1949 годах» напоминает, что еврейское население советской Сибири состояло не только из людей, поселившихся там до революции, как Олевский, и переселенцев, как жители Еврейской автономной области, но и из ссыльных, отправленных в Сибирь при сталинском режиме. Однако большинство ссыльных, выживших в Сибири, предпочли вернуться домой, а не остались там жить.

В рецензии москвича Александра Локшина на третий выпуск сборника «Конфессиональные и этнические группы российских регионов в XIX–XXI вв.», посвященный евреям и иудаизму в России и СССР, нет упоминаний о работах, связанных с евреями Сибири. Однако представленная в сборнике общая картина региональных исследований создает контекст, необходимый для понимания того, как происходит изучение евреев Сибири и какие цели

и задачи необходимо ставить, чтобы такое исследование вышло на более высокий научный уровень.

Опубликованные в этом номере статьи, разумеется, не дают исчерпывающего представления обо всем круге вопросов, связанных с историей и культурой евреев за Уралом. Однако мы надеемся, что сибирский выпуск *Judaic-Slavic Journal* станет новым этапом осмысления еврейского опыта в Сибири, а также приглашением к дальнейшим и региональным, и компаративным, и обобщающим исследованиям российского еврейства.

Герасимова Виктория

(Омск, Россия)

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

E-mail: gerasimova@bk.ru

ORCID: 0000-0002-9968-3379

Владимир Левин

(Иерусалим, Израиль)

Еврейский университет в Иерусалиме

PhD, директор Центра еврейского искусства

E-mail: vladimir.levin@mail.huji.ac.il

ORCID: 0000-0001-8166-1297

Editors' Foreword

DOI: 10.31168/2658-3364.2021.1.02

The current issue of the *Judaic-Slavic Journal* is dedicated to the history of Jews in Siberia. Siberia has never been an area traditionally inhabited by the Jews, who appeared in the vast Siberian territories only in the modern era. The first Jews settled in Siberia at the very end of the eighteenth century, while the institutionalized communities emerged only in the nineteenth century. In this respect, Siberia is similar to other regions apart from the Mediterranean and Europe: Australia, South Africa, Latin America, Canada, and, to some extent, the United States of America. However, unlike those regions, the dynamics of the Jewish settlement in Siberia until the revolutions of 1917 was influenced not by the objective factors of migrations and economic development, but rather by the policies of the tsarist government. The exile of criminals and army recruitment have contributed to the growth of both Jewish and Gentile population, while restrictive anti-Jewish laws prevented free settlement of the Jews there. The Jews of pre-revolutionary Siberia were “Frontier Jews,” settling in a new region with neither a historical Jewish population, nor an established Jewish infrastructure or mode of relations with non-Jewish neighbors.¹

The influx of refugees and POWs during the First World War and the Russian Civil War, rapid urbanization and industrialization, mass deportations under Stalin, evacuation during the Second World War, and Soviet policy of centralized “allocation” of university graduates altered the structure of the Jewish population in Siberia in the twentieth century. Newcomers became the “Transit Jews,” Siberia being only a temporary abode for them, either by force or choice. The collapse of the USSR in 1991 caused both mass emigration of Jews and the revival of institutionalized Jewish cultural life. The Soviet and post-Soviet history of the Jews in Siberia is inseparable from the history of Soviet and post-Soviet Russian Jewry.

Initial studies on Siberian Jews appeared in the early twentieth century, but serious research only began in the post-Soviet period, when Jewish topics were no longer silenced. Collected papers published in the 1990s and 2000s, mostly edited by Yakov Kofman (1948-2012), as well as several monographs were dedicated to the publication of new facts and discussion of local aspects of Jewish history. Just a few studies attempted to view the history of Jews in Siberia in its entirety. The current issue of the *Judaic-Slavic Journal* aims to continue this work, providing a broader view of the Siberian Jewish experience.

¹ The term “Frontier Jews” is proposed by Vladimir Levin, see Левин В. Смоленщина: границы и пограничье // Евреи пограничья: Смоленщина. М., 2018. С. 17–30.

Papers, document publications, and book reviews in this issue are thematically related and inextricably tied. Therefore, we introduce them in order of their topics. The article by Anna Berezin and Vladimir Levin (Jerusalem), "Siberian Myth in the Jewish History: Jews of Siberia as a Religious Group", analyzes religious practices of Siberian Jews in the nineteenth and early twentieth centuries through the lense of the Jewish press and material culture objects. The authors cast doubts on the perception of Siberian Jews as a unique group, frequently encountered in historiography. They reveal manifold connections between the Jews of Siberia and the Jewish world of the Russian Empire. A document published by the Moscow-based historian Dmitry Feldman "I Have the Courage to Ask Most Sincerely" challenges another widespread myth, namely, that Jews committed crimes on purpose in order to settle in Siberia. The author of the document, after 16 years of Siberian exile, did not dream about staying there, but in contrast, asked for permission to return to his hometown of Odessa.

The article by Tova Benjamin from New York, "The "Yellow" and "Jewish" Question in the Russian Far East: Managing Foreignness, Productivity, and Colonization, 1858–1914," proposes an unusual perspective on Russian imperial policies and contrasts imperial officials' attitudes toward Chinese, Korean, and Jewish settlement and economic activities in Priamurskii Krai. The review by the Polish researcher, Artur Markowski of the book *Anti-Chinese Pogrom: Blagoveshchensk "Utopia" of 1990 in the Opinion of Contemporaries and Descendants* elaborates on the same issue. The author of the review discusses the strong and weak points of the book in the context of research of collective violence in general and of anti-Jewish violence in particular.

The paper by Irena Vladimirovsky from Israel and Maria Krotova from St. Petersburg, "A Familiar Stranger Yakov Frizer: A Portrait of a Siberian Jew," presents the biography of one of the most prominent Jewish businessmen and public activists in Siberia. In contrast, the article by Yulia Pinigina from Irkutsk, "Jews and Power in Late Imperial Irkutsk: Illegal Practices of Interaction," is dedicated to the lower strata of Jewish population. Based on gendarme (political police) investigation papers, the author analyses corrupted relationship between local police, Jews, and individuals close to police. As a rule, such connections were established by word of mouth, and therefore are rarely documented.

The abolition of the Pale of Jewish Settlement in 1915 gave rise to the discussion of possibilities of a large scale Jewish immigration to Siberia. The paper by Polly Zavadviker from Newark, DE, "Siberia as a 'New Jewish Center': A Plan to Resettle Refugees in Russia during the First World War," is dedicated to those debates. An unexpected continuation of this topic is the document published by Victoria Gerasimova from Omsk, "The Kirzhnits's Plan": A Project of Jewish Resettlement to Siberia during the Civil War Era." This document describes the polemics of the organization of Jewish migration to Siberia and thoughts of a Siberian public activist on the matter.

In this issue, the Soviet period is illustrated by four works reflecting three different aspects of the Soviet-Jewish experience in Siberia. The paper by Israeli researcher, Ber Kotlerman, “R. Nathan-Neta Olevski’s Eternal Life,” introduces one of the rare collections of rabbinical *responsa* written in the Soviet Union with a quite liberal approach to halakhah by Olevsky, the Irkutsk Orthodox rabbi. The article by Gennady Estrakh of New York and Iosef Brener from Birobidzhan, “Birobidzhan Generation”: Construction of a Shtetl in the Far East,” discusses the fate of the Soviet project of the Jewish Autonomous Region, which, instead of the creation of a modern scientific and cultural center, caused the emergence of a kind of shtetl. The same topic is dealt with in a review by Maria Makarova on the book by Polish author, Agata Maksimowska, *Birobidzhan. The Land Where We Had to Be Happy*. The review by Svetlana Pogodina from Riga on the book by a Latvian author Dzintra Geka *Shalom... Memoirs of the Jews who Were Deported from Latvia to Siberia in 1941 and 1949* reminds us that Jewish population of Soviet Siberia consisted not only of people who settled there before the revolutions of 1917, like Olevsky, and settlers in the Jewish Autonomous Region, but also of the deportees, sent to Siberia by Stalin’s regime. The majority of the deportees, however, chose to return home and not stay in Siberia after Stalin’s death.

The review by Alexander Lokshin from Moscow on the third issue of the collection *The Religious and Ethnic Groups in the Russian Province in the Nineteenth to Twenty-First Centuries*, which is dedicated to Jews and Judaism in Russia and the USSR, does not mention a single work on Siberian Jews. However, the general overview of regional research as seen in the collection generates a context necessary for understanding of the current state of research of Jews in Siberia and of goals to be set in order to bring it to high scholarly level.

Obviously, the works published in the current issue do not provide the comprehensive picture of the history of Jews beyond the Urals. We hope nonetheless that the “Siberian” issue of *Judaic-Slavic Journal* is a new step in understanding of the Jewish experience in Siberia as well as an invitation for further research – regional, comparative, and synthesizing – of the Russian Jewry.

Victoria Gerasimova

(Omsk, Russia)

PhD, Senior Research Fellow,

Dostoevsky Omsk State University

E-mail: gerasimova@bk.ru

ORCID: 0000-0002-9968-3379

Vladimir Levin

(Jerusalem, Israel)

PhD, the Center for Jewish Art at the Hebrew University of Jerusalem

e-mail: vladimir.levin@mail.huji.ac.il

ORCID: 0000-0001-8166-1297

Статъи

Articles

Анна Березин

(Иерусалим, Израиль)

PhD, Центр еврейского искусства при Еврейском университете в Иерусалиме

E-mail: anna.berezin@mail.huji.ac.il

ORCID: 0000-0002-0020-2169

Владимир Левин

(Иерусалим, Израиль)

PhD, директор Центра еврейского искусства при Еврейском университете в Иерусалиме

E-mail: vladimir.levin@mail.huji.ac.il

ORCID: 0000-0001-8166-1297

Сибирский миф в еврейской истории: евреи Сибири как религиозная группа¹

Аннотация: Задачей этой статьи является анализ религиозных практик сибирских евреев в широком еврейском контексте. Авторы рассматривают, как евреи, оторванные от традиционных центров, выстраивали свою религиозную жизнь, на какие модели ориентировались и в какой форме сохраняли связь с еврейским миром. Исследование в основном построено на анализе еврейской периодики и объектов материальной культуры сибирских евреев (здания синагог, еврейские кладбища и предметы, связанные с еврейскими обрядами). Авторы статьи приходят к выводу, что существующее в историографии представление о сибирских евреях как об уникальной группе несостоятельно. Сибирские евреи развивались в рамках современной модели, распространенной в Санкт-Петербурге, Москве и других городах вне черты оседлости, а также среди евреев в крупных городах черты. Формы соблюдения религиозной традиции в Сибири схожи с формами, характерными для регионов и городов с быстрыми темпами модернизации еврейского населения.

Ключевые слова: евреи, Сибирь, синагога, еврейское кладбище, ритуальные предметы, еврейская пресса, модернизация

DOI: 10.31168/2658-3364.2021.1.03

¹ Мы благодарны Виктории Герасимовой за значительную помощь в настоящем исследовании. Мы также благодарим Александра Вальдмана, Екатерину Олешкевич, анонимных рецензентов и Викторину Герасимову, которые прочли первоначальный вариант этой статьи и своими замечаниями помогли ее улучшить. Статья написана в рамках проекта по исследованию материальной культуры евреев Сибири в Центре еврейского искусства при Еврейском университете Иерусалима.

О евреях Сибири и Дальнего Востока² написаны сотни статей и десятков монографий. Пожалуй, ни один регион за пределами черты оседлости не является объектом такого пристального внимания исследователей. За последние тридцать лет, с тех пор как еврейская тема перестала быть табуированной, сибирские ученые проделали колоссальный труд по анализу региональных аспектов еврейской истории. Они сконцентрировались в основном на пяти темах: «еврейском» законодательстве и его применении в Сибири и на Дальнем Востоке, демографическом анализе, еврейской экономической деятельности, истории отдельных городских общин и биографиях отдельных видных персон в дореволюционный период³. Существует также ряд работ, посвященных истории сибирского еврейства в годы Гражданской войны, в советский и постсоветский периоды⁴. К сожалению, ни одна монография о евреях Сибири и Дальнего Востока в дореволюционный период не рассматривает весь регион в целом, все известные на сегодняшний день работы посвящены отдельным субрегионам (Западная Сибирь, Восточная Сибирь, Дальний Восток) или различным губерниям, областям и городам. Кроме того, исследователи рассматривают евреев Сибири почти исключительно в региональном контексте, как отдельную группу, «не связанную с остальным русским еврейством» [Киржниц 1915, цит. по: Берман 2019, 44] и основываются на источниках (в основном официальных документах), которые не позволяют изучать внутреннюю жизнь общин.

В целом историю евреев в Сибири можно кратко суммировать следующим образом. Постоянное еврейское население региона сформировалось в первой половине XIX в. за счет ссыльных и их семей, а также еврейских солдат и небольшого количества «вольнозашедших». Закон 1837 г., запретивший поселение евреев на территории Сибири, и другие законодательные акты ограничительного характера сдерживали рост еврейского населения и способствовали его обособлению. К концу

² Географические рамки исследования охватывают Сибирь (Тобольская, Томская, Енисейская, Иркутская губернии, Акмолинская, Забайкальская и Якутская области), Дальний Восток (Амурская, Приамурская и Приморская области), а также Харбин. Несмотря на то, что Манчжурия официально никогда не была частью российского Дальнего Востока, община Харбина развивалась в непосредственной связи с еврейскими общинами Сибири.

³ См., например, основные монографии [Романова 2001; Рабинович 2002; Кальмина 2003; Галашова 2006; Орехова 2007; Курас 2010; Белых, Кальмина и Курас 2010; Ульянова 2010; 2011; Гончаров 2013; Ming Hui Pan 2020], а также многочисленные «сибирские» сборники, среди них «Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке», выпущенные в 2000–2007 гг., «Еврейские общины Сибири и Дальнего Востока», опубликованные в 1999–2002 гг., и ряд других [см., например: Гольдберг и Ключева 2004; Варкин 2013], а также статьи в сборниках центра «Сэфер» и региональных академических журналах.

⁴ Например, [Генина 2003; Нам 2009].

XIX в. еврейское население Сибири и Дальнего Востока насчитывало около 35 000 человек, то есть менее одного процента всех жителей этих регионов⁵.

В первой половине XIX в. основная часть евреев жила в деревнях, и даже в 1897 г. примерно половина еврейского населения была зарегистрирована в сельской местности. Общины в сибирских городах тоже возникли в начале XIX в. и уже в 1860-х гг. насчитывали несколько сотен человек. К концу века еврейское население в большинстве региональных столиц Сибири было сравнимо с таковым в городах вне черты оседлости. В Томске и Иркутске жило свыше 3 000 евреев – больше, чем в большинстве губернских городов Европейской России; в Тобольске, Омске, Красноярске и Чите – свыше 1 000 евреев, так же, как в Воронеже, Казани, Курске, Пскове, Орле, Оренбурге, Ревеле (Таллин), Самаре, Саратове, Юрьеве (Тарту) и Ярославле [Тройницкий 1897]. Постройка Транссибирской железной дороги в 1890-х гг. привела к росту тех городов, которые она связала с Центральной Россией, и в них заметно увеличилось еврейское население, в том числе за счет притока мигрантов из черты оседлости. Строительство Транссиба также стало причиной появления новых крупных еврейских общин, например, в Ново-Николаевске (Новосибирск) и Харбине. К 1910 г. в Томске, Иркутске, Чите и Харбине насчитывалось более 5 000 евреев⁶, в то время как в большинстве губернских городов вне черты оседлости их число не превышало 2 000. Во многих сибирских городах евреи составляли вторую по численности этническую группу после русских, успешные еврейские предприниматели являлись частью местных элит, и в целом уровень жизни еврейского населения был относительно высоким.

Общинная и религиозная жизнь сибирских евреев была сконцентрирована вокруг синагог, а в городах – еще и вокруг еврейских учебных заведений и благотворительных институций. В большинстве мест основным религиозным функционером был приглашенный из черты оседлости резник, зачастую выполнявший и остальные религиозные функции. Только самые крупные общины могли нанять «профессионального» раввина – сибирского еврея с хорошим еврейским образованием или ученого человека из черты оседлости⁷.

⁵ В сибирских и дальневосточной губерниях проживало 32 597 евреев, а в Акмолинской области (выделена в 1868 г. из Тобольской губернии и с этого момента считалась частью Средней Азии) – еще 1 613 евреев [Тройницкий 1905, 6–7].

⁶ Данные приведены по [Города России в 1910 году... 1914, 1030–33]. Данные по Омску, Чите и Харбину относятся к 1913 г. [Гончаров 2013, 128; Нам 2009, 492; Ming Hui Pan 2020, 34, 38].

⁷ Согласно российскому законодательству для назначения на пост раввина требовалось наличие высшего образования. Это требование привело к появлению так называемого двойного раввината: «казенный» (позже «общественный») раввин

В то время как существующая историография очерчивает религиозную и общинную жизнь евреев Сибири канвой дат и фактов – постройка синагоги, избрание казенного раввина, основание хедера, – за рамками исследований остается важнейший вопрос о том, насколько религиозный мир евреев Сибири был изолирован или, наоборот, взаимосвязан с «большим» еврейским миром. В настоящей статье религиозные практики сибирских евреев анализируются в широком еврейском контексте. Ее цель – рассмотреть, как евреи, оторванные от традиционных центров, выстраивали свою религиозную жизнь, на какие модели ориентировались и в какой форме сохраняли связь с еврейским миром. Исследование в основном построено на анализе еврейской периодики и объектов материальной культуры сибирских евреев (здания синагог, еврейские кладбища и предметы, связанные с еврейскими обрядами), так как эти источники отражают мировосприятие местных общин и связи с другими общинами точнее, чем официальные документы.

Сибирские евреи как группа

В современной историографии общим местом является представление об особой «идентичности» сибирских евреев. Эта идея была сформулирована еще в дореволюционный период. Например, Ю. Островский в брошюре «Сибирские евреи» утверждал, что в Сибири «образовалась ... своеобразная группа евреев, с совершенно иным укладом жизни, чем у их братьев в Европейской России, создался особый тип евреев – *сибирских евреев*» [Островский 1911, 7; курсив в оригинале]. Эта формулировка почти дословно повторяется в важнейших современных работах [Рабинович 1998, 168–212; Романова 2001, 56–57; Кальмина 2003, 489–91; Гончаров 2013, 92–93], а статьи о еврейской сибирской «идентичности» дополняют этот тезис подборкой цитат из дореволюционных книг, мемуаров и сибирской прессы [Рабинович 2003; Гончаров 2012; Нам 2014].

Евреи, оказавшись на территории Сибири, действительно пережили некоторую трансформацию, однако важно понимать, что попали они не только в новый для себя регион, но и в новое мифологическое пространство. Сибирь как мифологема – «внушающее ужас сердце тьмы и сказочная страна богатств» [Slezkine 1993, 2] – широко известна в России

с высшим образованием утверждался властями и был ответственным за ведение метрических книг, а «духовный» раввин без светского образования выполнял традиционные раввинские функции. Жесткие ограничения на поселение евреев в Сибири делали невозможным приглашение раввинов из черты оседлости, и официально утвержденным раввином зачастую становился любой местный еврей с высшим образованием (например, аптекарь или врач). О «двойном раввинате» см. [Левин и Лурье 2012, 371–379].

и за ее пределами. Неслучайно именно здесь оказался Робинзон Крузо во втором томе известного романа. Далекая, покрытая снегами, диковинная Сибирь ассоциировалась со ссылкой, тюрьмой и каторгой, но одновременно манила то мехами, то золотом, то другой надеждой на обогащение. Мифическое пространство Сибири было населено «сибиряками» (имелись в виду русские переселенцы, а не автохтонное население), которые считали себя кардинальным образом отличающимися от жителей Европейской России [Дамешек и Ремнев 2007; Жигунова, Ремнев и Суворова 2014]. Неудивительно, что местные евреи также со временем приобрели – в своих глазах и в глазах своих современников – особые сибирские черты, резко отделявшие их от «европейских» собратьев. И если современникам-христианам «осибирячивание» евреев представлялось процессом положительным, отдалявшим местных евреев от их «фанатичных сородичей» в западных губерниях, то современники-евреи, путешествовавшие по Сибири, бывали неприятно удивлены привычкой местных евреев гордо «бить себя в грудь» в желании доказать, что они сибиряки [Kashdai 1911, 18].

Современники обращали внимание на высокомерие сибирских евреев по отношению к «российским» собратьям. Уже в 1842 г. офицер, служивший в Омске, писал, что местные евреи «презирают» «одноплеменников, жителей Европейской России» [Белов 1852, 21]. Схожие утверждения мы находим и у еврейских авторов во второй половине XIX и начале XX вв. [например: Y.N.Y. 1869, 4; Kashdai 1911, 17–49; Островский 1911, 38–39; Войтинский и Горнштейн 1915, 228; На-Ам 1917, 1]. Таким образом, высокомерие, отстраненность и вера в свое моральное превосходство были замечены уже у первого поколения еврейских поселенцев и фиксировались вплоть до начала Гражданской войны. С одной стороны, это преломление общего высокомерного отношения сибиряков к жителям Европейской России. С другой стороны, в еврейской среде оно обрело свои особенности, и тому есть немало примеров. Так, один еврей-сибиряк жалел своих бедных родственников в Литве и говорил при этом: «...нам не нужен “ваш” мессия, пусть идет себе к евреям Литвы и Польши, а мы останемся здесь в Сибири» [Kashdai 1911, 89]. Таким образом, он отделял судьбу сибирских евреев от судьбы всего еврейского народа в ее традиционном религиозном понимании. Однако представлять систему взаимоотношений сибиряков с «большим» еврейским миром только на основе свидетельств о «высокомерии» и «отстраненности» довольно наивно. Даже беглое знакомство с источниками показывает, что «высокомерие» не исчерпывает весь спектр взаимоотношений: религиозная жизнь общин концентрировалась вокруг резников из черты, сибиряки испытывали живой интерес к приезжавшим в Сибирь людям с еврейским образованием, увлекались палестинофильством и сионизмом, а также жертвовали на различные проекты в черте оседлости и Палестине.

Евреи Сибири с их ярко выраженной региональной идентичностью несомненно воспринимали себя (и воспринимались другими) отдельной группой, но это не редкость. Еврейское население России было неоднородно и включало не только евреев черты оседлости, но и евреев в столицах и других регионах за чертой. Внутри черты также не было единообразия. Ко второй половине XIX в. в России сложилось две модели еврейской жизни – традиционная и модернизированная. Традиционная еврейская жизнь Восточной Европы не сводилась только к синагогальному ритуалу, но принципиально отличалась от жизни нееврейского населения с точки зрения быта, одежды, языка, кухни, каждодневных занятий и досуга. Модернизация же в еврейском контексте означала усвоение стиля жизни окружающего населения и была характерна для еврейской элиты в больших городах в черте и для общин вне черты. Сибирское еврейство развивалось в рамках модернизированной модели. Неслучайно современники-христиане замечали, что «сибирский еврей враг ермолки, пейсов и долгополой одежды»; не знает еврейских языков и хорошо говорит по-русски [например: Шевич 1878, 6]. «Модернизированные» евреи зачастую противопоставляли себя традиционному еврейскому миру, как делали, например, модернизированные евреи Новороссии, отличая себя от евреев в длиннополой одежде, говоривших на идиш и занятых мелочной торговлей, из старых еврейских общин «на Литве», Волыни и Подолии⁸. Подобное явно прослеживается и в дискурсе о евреях Сибири. Сибиряки, подчеркивая свое отличие от «россейских», имели в виду не всех евреев по другую сторону Урала, а образ жителя традиционной общины в черте оседлости. «Российский еврей» в сибирском дискурсе был не географической характеристикой, а скорее оценочной категорией.

В свою очередь, евреи, близкие к традиционному образу жизни, часто относились с подозрением к «новым» общинам (в Одессе ли, Нью-Йорке, Буэнос-Айресе или Омске). Отсутствие религиозного «фанатизма», характерное для таких новых еврейских центров, радовало христиан, но смущало многих евреев. Коммивояжер Цви Кашдай (ездил по Сибири в 1894–1896 гг.) писал, что «на первый взгляд» Омск был похож на любой «город в Литве»: «две синагоги, ... кошерная миква, и “омывшиеся” выходят из миквы, а с их пейсов стекает вода. Три резника с их партиями, столкновениями и конфликтами, и другие религиозные служители» [Kashdai 1911, 17]. Присмотревшись, однако, Кашдай, как и многие другие, пришел к выводу, что иудаизм за Уралом был сведен к «мафтиру»⁹ [Kashdai 1911, 102], благословениям, в лучшем случае – знанию молитвен-

⁸ О проблематичности термина «русский еврей» см. [Lederhendler 1995].

⁹ Глава из Книг пророков, чтение которой завершает публичное чтение свитка Торы. Во многих общинах чтение «мафтира» являлось самой почетной частью синагогального ритуала.

ника, а сибиряк не ведал «никаких ценностей в еврействе, кроме кошерного и трэфного» [Островский 1911, 40]. Большинство сибирских евреев ходили в синагогу не ежедневно, а по субботам, некоторые – только по праздникам (так же вели себя евреи вне черты оседлости и в больших городах черты). Вместе с тем, когда Кашдай писал, что в самой сути местной жизни было «мало еврейского», он имел в виду не только уровень соблюдения заповедей: его (и не только его) поражало, насколько быт еврея-сибиряка был неотличим от жизни окружающего населения.

Сибирские евреи и сами понимали, что от других сибиряков их принципиально отличали только вопросы религии. В такой ситуации, чтобы «быть евреем», необходимо было прилагать усилия. Точка приложения этих усилий в Сибири, как и в других «новых» общинах, находилась самым естественным образом именно в сфере религии и общинных институтов. Видимо, по этой причине сибиряки «гордились» своими синагогами [Островский 1911, 39] и не упускали случая подчеркнуть, насколько их общины «нормативны». Множество таких примеров можно найти в еврейской прессе. Так, Шалом Элиэзер Лагин из Тобольска в своем письме в газету на иврите «Гамелиц» писал: «Благодарение Богу, у нас в общине есть все необходимое: прекрасная синагога, дорогие свитки Торы и немного книг, кошерная миква, Хевра Кадиша, общество беспроцентных ссуд и два резника» [Lagin 1893, 3], а раввин Томска Дубер (Бер Израилевич) Левин подытожил состояние религиозных и общинных институтов города фразой «все как принято в городах на западе нашей страны» [Levin 1870, 37]. И эта формулировка не только точно отражает общее настроение посланий из Сибири в еврейские газеты, но критически важна для понимания того образа, который хотели бы создать вокруг своих общин религиозные «функционеры» и «простые» сибиряки.

Еврейство для сибиряков было почти исключительно связано с участием в религиозных обрядах. Например, родители учеников еврейского училища в Иркутске в начале XX в. говорили: «Все равно наш сын уже “настоящим евреем” не будет, хватит с него, если он хоть “давать” [молиться – прим. авт.] сумеет» [Войтинский и Горнштейн 1915, 328]¹⁰. Дополнительные примеры того, что «еврейство» в Сибири в первую очередь интерпретировалось как соблюдение самых основных религиозных предписаний, можно найти в эго-документах¹¹. Симон Евсиевич

¹⁰ Согласно авторам этого текста под «настоящим евреем» понимается еврей, «исполняющий все требования религии и обряда», а «давать» (из идиш. ‘молиться’) «переделано в Сибири в “русский глагол”». Симптоматично, что это слово вошло и в английский язык британских и американских евреев (daven) и даже включается в современные словари английского языка.

¹¹ Наиболее известные эго-документы, рассказывающие о еврейской жизни в Сибири, – это мемуары Моисея Новомейского [Новомейский 1979], Абрама Пантофеля (опубликованы с сокращениями, [Пантофель 1998; Краткое воспоминание...

(1899–1992), проведший детство в Мариинске Томской губернии, который автор называет «сибирским Бердичевом», писал в своих воспоминаниях: «Ортодоксальных евреев Запада [России – прим. авт.] уже не было, хотя еврейские религия и обычаи свято соблюдались. В городе была большая каменная синагога, стоявшая на ... главной улице» [Евсиович 1981, 15]¹². Синагога в этом отрывке появляется неслучайно, и авторская мысль от «еврейских религии и обычаев» естественным образом переходит к синагоге. Именно она была материальным воплощением и «сосредоточием всего еврейского в Сибири» [Сусанин 1916, 27].

Сибирские синагоги: формы богослужения

В настоящей статье мы не ставим задачу написать историю сибирских синагог¹³, но обращаемся к синагогальному богослужению как к историческому источнику, анализируя который можно лучше понять еврейское мировоззрение сибиряков и те образцы, на основании которых оно формировалось¹⁴.

Часто упоминаемое «отсутствие деления на миснагедские и хасидские синагоги» в Сибири [например: Островский 1911, 47] означало на практике, что организация богослужения в сибирских синагогах требовала от евреев определенной гибкости. Еврейское население Сибири происходило из разных регионов черты оседлости с отличными друг от друга религиозными традициями, а число евреев в каждом городе или деревне изначально было невелико, и поэтому, чтобы молиться в одной синагоге, им приходилось вырабатывать какую-то форму компромисса, которая, вероятно, разнилась от общины к общине. Автор письма из Иркутска в газету «Гамагид» в 1868 г. утверждал, что «большинство евреев,

1999; Герасимова 2016]. Дневник Якова Фризера не опубликован, но анализируется в ряде статей [Владимирски 2019; Владимирски и Кротова 2019а; 2019б; 2020а; 2020б; 2020в], в том числе в этом номере журнала.

¹² Мы благодарны потомкам Симона Евсиовича: проф. Юлии Устиновой из Университета им. Давида Бен-Гуриона в Негеве (Израиль), которая рассказала нам об этих мемуарах, и Лоре Эльяшевич из Ганновера, которая позволила нам ознакомиться с ними.

¹³ Несмотря на то, что российское законодательство различало синагоги и молитвенные дома (официально именовавшиеся «молитвенными школами»), ни власти, ни сами евреи не могли указать на какую-либо принципиальную разницу между ними. В данной статье оба названия используются как синонимы. Подробно о типах синагог/молитвенных домов и российском законодательстве о синагогах см. [Levin 2010а, 19–22; 2017а, 26–38].

¹⁴ Краткая история синагог в Сибири описана в нашей статье [Berezin and Levin, forthcoming]. Ей также посвящена монография, которую мы заканчиваем в настоящий момент.

живущих в Сибири, происходят от евреев ... Волыни и Райсена. <...> Поэтому нусах сфаради распространен во всех молитвенных домах евреев Сибири» [Y.N.Y. 1869, 4]¹⁵. «Нусах сфаради» – это порядок молитв, принятый среди хасидов: в Райсене, то есть в восточных областях современной Беларуси, доминирующим религиозным направлением был хасидизм Хабада¹⁶, и большинство евреев на Волыни также были хасидами. Однако в Сибири были и такие общины, которые придерживались нехасидского порядка молитв («нусах ашкеназ»). Например, опись имущества Второго молитвенного дома в Тобольске в 1887 г. ясно показывает, что его прихожане были выходцами из Литвы, так как в молитвенном доме были только книги «Хайей Адам» и «Огель Яаков», особо популярные в литовском, нехасидском, направлении иудаизма [ГА в г. Тобольске, Ф. И-329. Оп. 2. Д. 293. Л. 58]. В полицейском отчете о евреях Баргузина от 1878 г. указано, что местные евреи разделены на хасидов и миснагедов (нехасидов), но это единственный документ, который упоминает о разделении на «секты» в Сибири [ГАЗК, Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 1678. Л. 6–7 об.]. Таким образом, в Сибири сложилась ситуация, видимо, характерная для многих «новых» общин вне черты оседлости. На первых этапах евреи, по причине малочисленности, были вынуждены договариваться о нусахе, но и в дальнейшем, когда число евреев росло, отдельных хасидских и нехасидских миньянов не образовывалось. В тех городах, где существовало несколько молитвенных домов, разделение между ними обычно пролегалось не в области литургии, а в области социально-экономического положения. Там, где существовали кантонистские школы (Омск, Тобольск, Томск, Иркутск [Петровский-Штерн 2003, 114]), отставные еврейские солдаты с разной степенью успеха учреждали собственные молитвенные дома¹⁷. Отдельные синагоги пытались организовывать ссыльные¹⁸ и «простые прихожане», притесняемые более богатыми

¹⁵ Резник из Нижнеудинска в 1887 г. также утверждал, что «большинство [евреев Сибири – прим. авт.] придерживаются “нусах сфарад”» [Elyakum NaCohen Shub 1887, 2].

¹⁶ Про Райсен см. [Levin, Staliūnas 2016].

¹⁷ Существовала кантонистская школа и в Красноярске, но солдатской общины там в последующем не образовалось, зато значительное число солдат, видимо, проживало в Енисейске [Орехова 2007, 50, 88]. В городах Дальнего Востока (Благовещенск, Хабаровск, Владивосток) и городах Акмолинской и Семипалатинской областей (Акмолинске, Петропавловске, Семипалатинске) еврейские солдаты составляли костяк еврейского общества, но эта ситуация скорее нехарактерна для Сибири.

¹⁸ В Томске, Каинске и селе Читканском Баргузинского уезда ссыльные просили разрешения на строительство отдельных синагог, причем в Томске они объясняли свою просьбу «неприятным отношением» к ним других евреев [Ульянова 2011, 13; Галашова 2004, 142–143], а в Читканском ссыльных «вытесняли» из молитвенного дома «старожилы» [РГИА, Ф. 821. Оп. 8. Д. 179. Л. 60].

членами общины¹⁹. После запуска Транссибирской железной дороги в больших городах были также зафиксированы конфликты между сибиряками и новоприбывшими «российскими» евреями²⁰. Видимо, именно эти «новоприбывшие» иногда образовывали независимые миньяны [Ha-Melits 1900, 4; Die Welt 1911, 44], однако о типах богослужения в них ничего не известно.

Для традиционного восточноевропейского богослужения (как хасидского, так и нехасидского) характерна двухфокусная организация синагогального пространства. Около восточной стены молитвенного зала находится арон кодеш, где хранятся свитки Торы. Во время молитвы рядом с арон кодешем стоит ведущий молитву (шац). В центре зала расположено возвышение со столом (бима), куда выносят свиток Торы для чтения. Таким образом, во время богослужения внимание молящихся переключается между двумя полюсами – арон кодешем и бимой. Сохранилось очень мало сведений об организации синагогального пространства в Сибири, но известно, что «первая молитвенная школа» в Тобольске²¹, синагога в Красноярске²² и синагога в Мариинске²³ были организованы именно таким традиционным способом.

Существовал в Сибири и другой вид богослужения, отличный от традиционного восточноевропейского (как хасидского, так и нехасидского) и построенный по образцу «реформированных» или «прогрессивных» синагог, которые стали появляться в Центральной Европе с начала XIX в.²⁴

¹⁹ В Канске в результате конфликта между «простыми прихожанами» и «выборными членами» правления в 1912 г. была открыта вторая синагога [Орехова 2007, 76].

²⁰ Один из самых известных конфликтов имел место в Харбине в 1913 г. при выборе раввина [Ming Hui Pan 2020, 43–44].

²¹ Фотографии синагоги Тобольска были найдены Викторией Герасимовой, см. [Герасимова 2019]. На фотографии 1907 г. видно, что бима расположена в центре зала [ГА в г. Тобольске, Ф. И-158. Оп. 3. Д. 2284. Л. 362. Фотография 3]. Синагога на этом месте существовала с 1818 г. и в последний раз значительно перестраивалась до 1891 г.

²² После пожара 1881 г. красноярская община заключила договор на строительство синагоги, где подробно описывалось будущее здание, в том числе и бима: «Внутри мужского отделения посредине сделать восьмигранно ... с двух сторон по 3 ступеньки “Амвон”, вокруг Амвона сделать решетки, под Амвоном независимо верхнего потолка здания сделать на столбиках кумпом ... дощатую крышку» [цит. по: Кальмина 2003, 354].

²³ Неутвержденный проект синагоги в Мариинске указывает на месторасположение бимы в центре зала, между четырьмя колоннами [ГАТО, Ф. 3. Оп. 2. Д. 1918. Л. 12]. Осуществленный проект кирпичной синагоги 1895 г. также показывает, что свод зала поддерживается четырьмя колоннами, что предполагает размещение бимы между ними [ГАТО, Ф. 3. Оп. 41. Д. 372. Л. 11–17]. Мы благодарны Виктории Герасимовой за копии этих архивных материалов.

²⁴ О реформистском движении в Европе и Америке см. [Meyer 1995].

Если в Европе изменения в синагогальном ритуале были частью религиозной реформы, которая стремилась привести иудаизм в соответствие с европейскими представлениями того времени о религии, в России религиозная реформа в полном смысле этого слова никогда не имела места. Модернизированные «прогрессивные» синагоги, которые в России стали называть «хоральными», ставили во главу угла не изменение ритуала, а придание ему более упорядоченного и торжественного характера. В отличие от традиционных синагог, где прихожане читали молитвы сами, зачастую в полный голос, громко отвечали на произносимые шацем благословения, раскачивались, плевали на пол и свободно ходили по молельному залу, в хоральных синагогах требовали соблюдать тишину, порядок и постоянно пребывать на своих местах. Молитву в таких синагогах вел профессиональный кантор, зачастую в сопровождении профессионального хора, а прихожане должны были пассивно внимать кантору или молиться про себя. Таким образом, характер богослужения в хоральных синагогах больше, чем молитва в традиционной синагоге, отвечал эстетическим ожиданиям христианского населения и представлял евреев более «цивилизованными» и соответствующими современным европейским нормам поведения [Levin 2020].

В Иркутске в частном молитвенном доме купца Якова Домбровского, который существовал с 1859 г., были установлены следующие «особые правила»: «...каждый прихожанин стоит на своем месте во время молитвы и не слоняется из угла в угол, и нет не относящихся к службе разговоров, а также вызов к чтению Торы посредством записок, а не в результате публичного торга»; всеобщее вставание во время молитвы за царя (портрет которого висел в синагоге); устройство свадебной церемонии на биме в синагоге, а не во дворе; отмену «акафот»²⁵. «Даже городские чиновники и христианские священники, посетившие дом молитвы, были очень довольны и хвалили [его] за хорошие порядки» [Sesitsky 1865, 192; Teiman 1871, 21; Н.Н. 1915, 88]. Все это свидетельствует о том, что молитвенный дом Домбровского был устроен по «прогрессивной» модели. Такое богослужение Домбровский не мог видеть в маленьком литовском местечке Юрбург (ныне Юрбаркас), где родился и вырос. Когда он был сослан в Сибирь в начале 1830-х гг., таких синагог в Российской империи еще не было, к 1860 г. их число не превышало пяти [Levin 2020]. Как видно, Домбровский познакомился с «прогрессивным» богослужением в 1820-е гг. во время своих путешествий по Польше, Германии, Нидерландам и Англии [Войтинский и Горнштейн 1915, 202–203; Домбровская и Домбровский 2015]. В любом случае частный молитвенный дом Домбровского был одной из первых синагог России, где ввели новые порядки при

²⁵ Акафот – церемония, которая устраивается на праздник Симхат Тора. Во время нее процессия молящихся со свитками Торы обходит вокруг бимы семь раз.

богослужении. Эти порядки сохранили свою актуальность для иркутской общины и через тридцать пять лет [Правила 1900].

К началу 1880-х гг. хоральные синагоги появились почти во всех больших городах черты оседлости и в обеих российских столицах. Они воспринимались как синагоги финансовой и интеллектуальной элиты, и многие общины, в том числе и в Сибири, копировали те или иные элементы «хорального» богослужения²⁶. Во многих хоральных синагогах России, по примеру немецких реформистских синагог, бима, традиционно находившаяся в центре зала, была передвинута к арон кодешу. Таким образом, интерьер хоральной синагоги имел только одну фокальную точку. Все это способствовало поддержанию порядка и пассивному поведению прихожан, которые могли – как в театре или на концерте – следить за богослужением со своих мест. Именно так было организовано богослужение в синагогах Иркутска (1881) и Верхнеудинска (1883 или 1910), в Каменной синагоге Томска (не позднее 1890-х), в синагогах Харбина (1907) и Читы (1908). «Хоральное» богослужение привлекало и большие деревенские общины, например, в селе Кабанск Забайкальской области²⁷.

Постоянное участие в молитве кантора с хором и размещение женщин на открытых галереях внутри зала было важными элементами «хорального» богослужения. Женские галереи появились в большинстве синагог с 1880-х [Levin 2021], а хор могли себе позволить только большие и богатые общины. В иркутской синагоге молитва сопровождалась пением хора с 1885 г. [Романов 1993, 128], а в Каменной синагоге в Томске, видимо, с 1890 г. [Сибирский вестник 1890, 3; Ульянова 2011, 10]. Новая Каменная синагога в Томске, открытая в 1902 г., также имела «специальное помещение для хора». Согласно описанию в местной газете, «помещение синагоги представляет собой обширное двухсветное здание, подразделенное колоннами на мужское и женское отделения [то есть там была галерея для женщин – прим. авт.], с прекрасным местом для совершения богослужения [имеется в виду пространство перед арон кодешем, включавшее и биму – прим. авт.], специальным помещением для хора,

²⁶ Подробно о хоральных синагогах в России см. [Levin 2020].

²⁷ Совмещение бимы с арон кодешем хорошо видно на фотографиях интерьеров синагог в Иркутске (копия, находится в синагоге Иркутска), Томске (Томский областной краеведческий музей, ТОКМ 8647), Харбине и Кабанске (архив Историко-краеведческого центра им. М. Н. Хангалова). Об организации пространства в синагоге Верхнеудинска можно судить по подставкам для свитков Торы, которые должны были располагаться на помосте перед арон кодешем [ИЖА 31725]. Аналогичные подставки можно увидеть на фотографиях синагог в Томске и Кабанске. Об организации пространства в синагоге Читы можно судить по информации о приглашении кантора [Рассвет 1907, 19; Deputy Nisselovich 1907, 178; Die Welt 1907, 15] и наличии фисгармонии [ГАЗК, ф. 282. Оп. 1. Д. 3204. Л. 41 об.]. О фисгармониях и органах в синагогах см. [Levin 2020, 32–33].

изящной мебелью, электрическим освещением и искусной отделкой. По своему устройству синагога напоминает собой Петербургскую недавно построенную хоральную синагогу» [Сибирский вестник 1902, 3]. Стремление к элитарности вполне «прочитывалось» несибирскими евреями. Так, Цви Кашдай объяснял появление хора в иркутской синагоге желанием «подражать другим» [Kashdai 1911, 26].

Таким образом, в начале еврейского поселения в Сибири первые малочисленные общины просто не могли себе позволить разделиться на несколько молитвенных сообществ и вынуждены были договариваться о «нусахе». Недостаток образованных людей, способных вести молитву, сдерживал образование новых миньянов и в дальнейшем. В конце XIX в. в крупных общинах появилось «хоральное» богослужение, при котором «прихожане» молились не самостоятельно, а скорее слушали молитву, присутствовали при ней. Создавая синагоги по образцу хоральных, сибирские евреи ориентировались на синагоги элиты в больших городах черты оседлости и столицах, которые в свою очередь были вдохновлены зарубежными моделями.

Сибирские синагоги: архитектурные решения

Архитектура синагогальных зданий может служить еще одним источником, анализ которого позволяет понять, какие образцы сибиряки воспринимали как достойные для подражания. В настоящей статье мы опираемся не только на архитектуру сохранившихся зданий, но и на синагоги, известные по фотографиям, планам, открыткам или устным описаниям.

До 1880-х гг. большинство синагог Сибири были деревянными и в архитектурном отношении непритязательными. Первоначально синагоги размещались в обычных домах, внешне неотличимых от окружающих зданий. В деревнях такие синагоги строились даже в XX в. Другие деревянные синагоги – как и в тысячах местечек Литвы, Белоруссии и Украины – представляли собой прямоугольные здания, в восточной части которых располагался молитвенный зал с большими окнами, западная же часть их была разделена на два этажа с маленькими окошками – вестибюль внизу и женское отделение наверху (ил. 1). Единственной сохранившейся синагогой такого типа в Сибири является старая синагога в Чите, возведенная в 1871–1874 гг. – неброское деревянное здание с резными наличниками, типичными для сибирского зодчества (ил. 2)²⁸.

²⁸ При строительстве новой каменной синагоги в 1907 г. старое здание было перенесено и в последующем переоборудовано в еврейскую школу. См. [ГАЗК, Ф. 1. Оп. 1 (стр). Д. 317. Л. 16].

1. Петропавловск. Фрагмент открытки начала XX в. Коллекция семьи Гросс, Тель-Авив.

2. Деревянная синагога в Чите. Фото Владимира Левина, 2015. Индекс еврейского искусства им. Бецалеля Наркисса (Центр еврейского искусства, Еврейский университет в Иерусалиме)

Такие синагоги существовали и в более поздний период в небольших или разобщенных общинах (Красноярск, Тобольск), малых или отдаленных городах (Баргузин, Каинск, Петропавловск [ил. 1], Сретенск), новообразованных общинах (Ново-Николаевск) и в городах на Дальнем Востоке, где положение евреев было очень нестабильно (Николаевск-на-Амуре). Таким образом, многие еврейские общины Сибири в зданиях своих синагог продолжали традицию, известную им по жизни в черте оседлости.

Однако еврейские общины в региональных столицах (Томске, Иркутске, Енисейске, Омске) во второй половине XIX в. начали строить синагоги «со вкусом и со знанием последних образцов» [Kashdai 1911, 26–27]. Эти синагоги строились не просто с целью создать пространство для общественного богослужения, но имели и репрезентативную задачу – представлять евреев как группу в еврейской и нееврейской среде. Выбор архитектурной модели являлся в таком случае одним из основных элементов репрезентации.

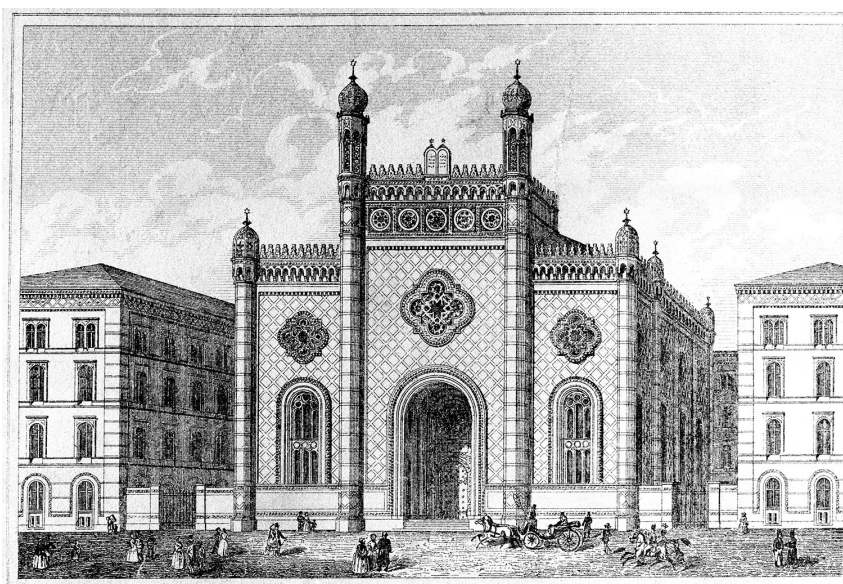
Наиболее интересным образцом заимствования является Новая синагога в Омске (ил. 3), построенная в 1874 г., видимо, архитектором Эдуардом Эзетом [Лебедева 2000, 113]. Моделью для нее послужила неомавританская синагога в Леопольдштадте, одном из районов Вены (ил. 4), возведенная в 1858 г. по проекту Людвиг Фёрстера [Levin 2020, 25; Герасимова и Демьянов 2019]. Проект синагоги в Леопольдштадте был опубликован в важнейшем журнале для архитекторов *Allgemeine Bauzeitung* [Das israelitische Bethaus 1859, 230–235; Krinsky 1996, 191–195], а изображения построенной синагоги были широко распространены. Сразу после постройки синагога в Леопольдштадте стала моделью при проектировании других синагог в Австро-Венгрии и за ее пределами [Kravtsov 2016, 58–60; Klein 2017], но нам не известно ни одного здания в Российской империи, построенного по этому образцу, кроме синагоги в Омске.

Использование синагоги в Леопольдштадте в качестве образца позволяет предположить, что община Новой синагоги ориентировалась на умеренную реформу в богослужении. Эту ориентацию, скорее всего, отражает и ивритская надпись под скрижалями на фасаде омской синагоги, «дом молитвы наречется». Стих из Книги Исая «дом мой дом молитвы наречется для всех народов» (56:7) часто воспроизводился на фасадах «прогрессивных» синагог²⁹ и имел своеобразный «экуменический» смысл, так как уравнивал между собой дома молитвы разных народов и религий.

²⁹ См., например, хоральные синагоги в Ковно и Вильне [Cohen-Mushlin 2010, Т. 1, 53; Т. 2, 257]. Такая же надпись находилась на фасаде синагоги в Тюмени, построенной в 1911–1912 гг.

3. Новая синагога в Омске. Фотография из альбома «Виды Омска» И.Е. Кесслера, 1890-е гг. Из коллекции Омского историко-краеведческого музея, ОМК-4048/11

4. Синагога в Леопольдштадте (Leopoldstädter Tempel) в Вене. Wikimedia Commons

5. Синагога в Иркутске. Открытка начала XX в. Коллекция семьи Гросс, Тель-Авив

Появление в крупных городах Сибири синагог с куполами также указывает на то, что именно «прогрессивные» образцы более всего привлекали сибиряков. Вероятно, первой такой синагогой стала синагога в Иркутске (ил. 5). Здание было освящено в 1881 г. [Кальмина 2003, 355–358], но деревянный купол над входом не был частью первоначального проекта, и его добавили лишь в 1882 г. [ГАИО, Ф. Р-504. Оп. 5. Д. 57. Л. 51–52]³⁰. Независимо от Иркутска, проект Каминерской синагоги в Томске 1881 г. также включал небольшой купол, венчавший центральную часть здания [ГАТО, Ф. 6. Оп. 1. Д. 1788. Л. 1а–1г]. Большой купол над центральной частью здания украшал и деревянную синагогу в Енисейске (1886–1887). Таким образом, купола стали неотъемлемой частью синагог в богатых сибирских общинах.

Общины в малых городах часто ориентировались на здания синагог в региональных столицах. Пример Иркутской синагоги был немедленно востребован в расположенном в непосредственной близости (по сибирским меркам) Верхнеудинске: в 1881 г. местные евреи начали строительство каменной синагоги, а в 1883 г. они уже просили разрешения добавить купол над входом (ил. 6) [ГАЗК, Ф. 1. Оп. 1 (общ.). Д. 1998. Л. 4 об.–5].

³⁰ Можно предположить, что образцом для расположения купола над входной частью синагоги послужила Новая синагога на Oranienburger Straße в Берлине, построенная в 1859–1866 гг. по проекту Эдуарда Кноблауха. О влиянии этой синагоги на архитектуру синагог в России см. [Levin 2020, 12, 18, 20].

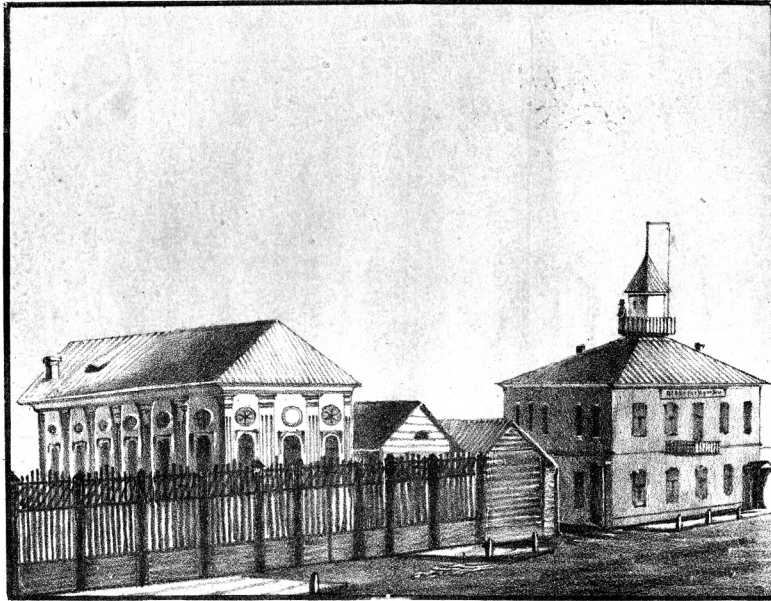

6. Синагога в Верхнеудинске. Открытка до 1910 г. Коллекция семьи Гросс, Тель-Авив

В 1907 г. евреи села Кабанск Забайкальской области, расположенного между Иркутском и Верхнеудинском, использовали ту же схему и возвели каменную синагогу с деревянным куполом над входом. Синагога Енисейска³¹, видимо, стала моделью для общины Канска Енисейской губернии, которая также возвела в 1895 г. классицистическое здание, увенчанное куполом на восьмигранном барабане [Орехова 2007, 75–76]. Здание Каминерской синагоги, возведенное в 1881 г., явно ориентировалось на архитектуру первой синагоги города, Каменной, построенной не позднее 1871 г. (ил. 7) – обе использовали мотив окулусов над арочными окнами. В 1894 г. община Мариинска Томской губернии также подала на утверждение проект деревянной синагоги с окулусами [ГАТО, Ф. 3. Оп. 2. Д. 1918. Л. 12], но он не был одобрен.

Начиная с последнего десятилетия XIX в. важной моделью для синагог России стала Хоральная синагога в Санкт-Петербурге, освященная в

³¹ Весьма вероятно, что образцом для Енисейской синагоги послужила Хоральная синагога в Харькове, основанная в 1867 г. купцами, приезжавшими на знаменитые харьковские ярмарки. При строительстве синагоги в Енисейске скопировали не только купол Харьковской синагоги, но и классический стиль, абсолютно несвойственный 1880-м: трехчастные фасады увенчаны фронтоном, три окулуса расположены в центральной части и два палладианских полуциркульных окна в боковых секциях. В отличие от кирпичного круглого барабана в Харькове, в Енисейске барабан был восьмигранным. О Хоральной синагоге Харькова см. [Котляр 2004, 49; Kotlyar 2011, 44; Levin 2020, 9–10].

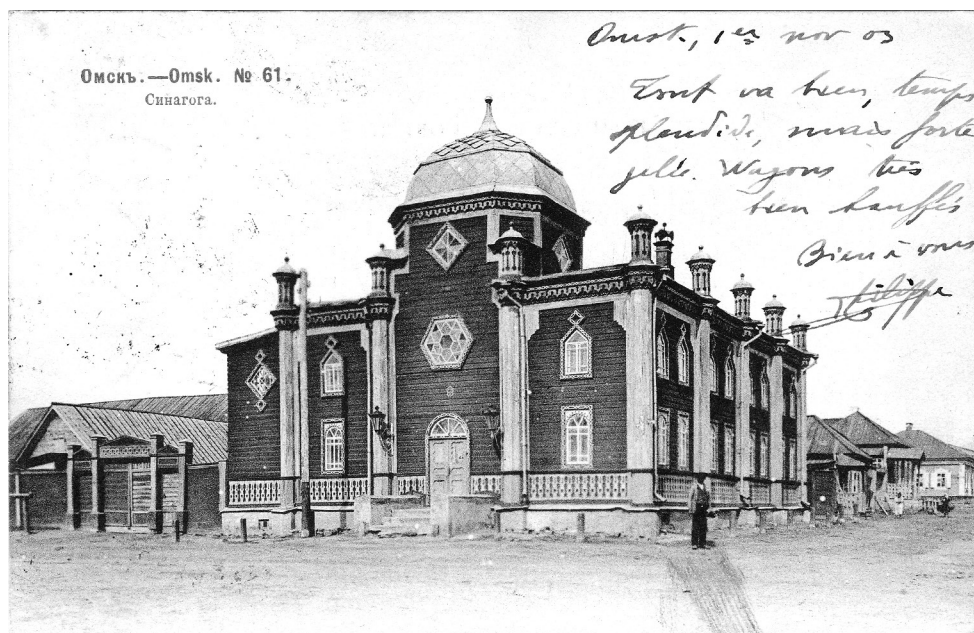

7. М. Колосов, литография, представляющая синагогу и полицейский участок в Томске, 1871. Из альбома литографий Колосов М. Виды Томска. Томск: издан при Томской губернской типографии, 1871. Библиотека Конгресса. <https://lccn.loc.gov/2018693724>

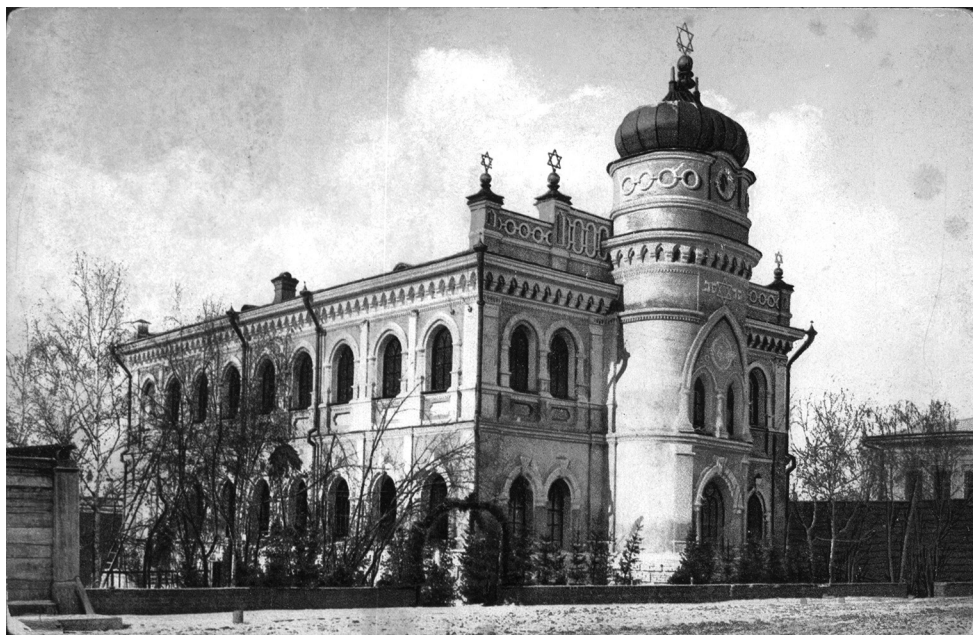
декабре 1893 г. [Levin 2020, 19–26]. Сибирь в этом отношении не отличалась от других регионов: многие синагоги, построенные после 1895 г., включали различные элементы мавританского стиля или другие архитектурные находки, использованные при строительстве петербургской синагоги. История вышеупомянутой Новой синагоги в Омске прекрасно демонстрирует новую тенденцию. Синагога, построенная в 1874 г. по образцу синагоги в Леопольдштадте, сгорела в 1895 г. [Krasnik 1895, 287; Лебедева 2000, 112–115] и была построена заново уже под влиянием петербургской модели. Строители синагоги в Омске заимствовали из Петербурга неомавританские купол в западной части здания и башенки, венчающие восьмigrанные полуколонны на фасадах (ил. 8). Старая (солдатская) синагога в Омске тоже была перестроена в 1898 г. [Yebamah 1900, 403] с использованием неомавританских элементов.

Про Новую каменную синагогу в Томске, открытую в 1902 г. (ил. 9), в местной газете писали – естественно, со слов кого-то из глав общины, – что ее «устройство» «напоминает собой Петербургскую недавно построенную хоральную синагогу» [Сибирский вестник 1902, 3]³². Деревянная

³² Купол этой синагоги расположен над арон кодешем, в восточной части здания. Синагоги в Петровском Заводе и Нижнеудинске, построенные в 1908 и 1914 гг., также имели похожие купола, расположенные над арон кодешем. Вероятно,

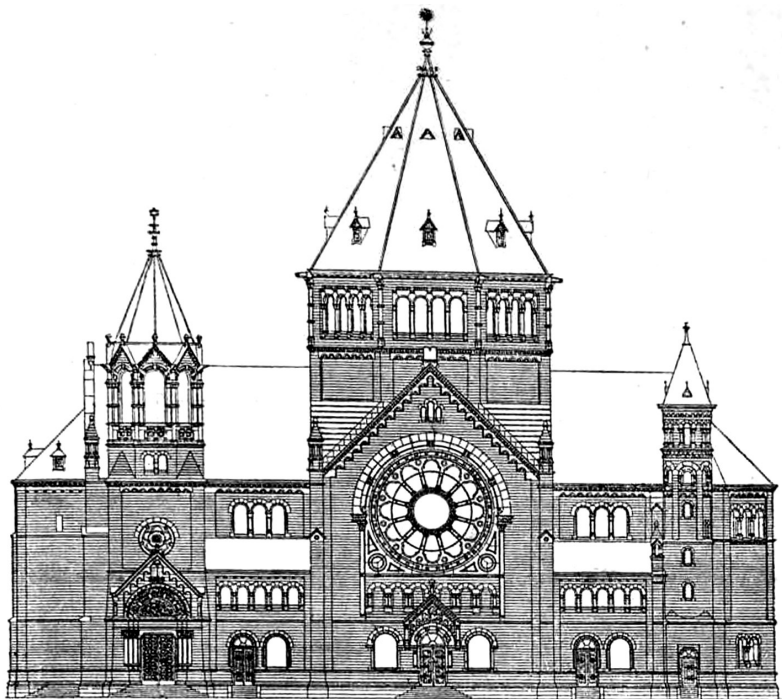
8. Синагога в Омске. Открытка начала XX в. Коллекция František Bányai (www.judaica.cz)

9. Новая Каменная синагога в Томске. Открытка начала XX в. Коллекция семьи Гросс, Тель-Авив

10. Синагога в Ачинске. Открытка начала XX в. Коллекция František Bányai (www.judaica.cz)

11. Чертеж фасада синагоги в Страсбурге, опубликованный в «Архитектурной энциклопедии» Барановского (Барановский 1902, 407)

Солдатская синагога в Томске (1907) была украшена резьбой с неомавританскими элементами [Цам 1909, 12]. Синагога в Чите (1907–1908) включала башни с куполками, которые, как и многие другие детали отделки фасадов, были скопированы архитектором Гавриилом Никитиным с неутвержденного проекта петербургской синагоги Виктора Шрётера (1879)³³. Синагога в Петровском Заводе (1908), вероятно, была построена с ориентацией на Каменную синагогу Томска, а ее восточный фасад украсило окно в форме подковы – один из элементов неомавританского стиля. Архитектор синагоги в Харбине (1909) заимствовал у Хоральной синагоги Санкт-Петербурга форму барабана большого купола со скошенными углами (а там она появилась из мамлюкских мавзолеев в Каире XIV–XV вв.) [Wischnitzer 1964, 209; Levin 2010b, 198]. Деревянная синагога в Таре (1909 или 1911) также была построена в неомавританском стиле [Алфёрова 2014, 35], а синагога в Тюмени (1911–1912) имела характерные подковообразные окна³⁴.

В начале XX в. к другим образцам сибирские общины почти не обращались. Редким исключением является синагога в Ачинске (1907, ил. 10). При ее строительстве красноярский архитектор Владимир Соколовский использовал в качестве образца проект синагоги в Страсбурге (1890, арх. Людвиг Леви, ил. 11)³⁵.

В начале XX в. богатые общины уже не довольствовались одним куполом. Солдатская синагога в Томске была увенчана тремя куполами – большим куполом над молитвенным залом и двумя поменьше в западной входной части. По такой же схеме располагались и купола синагог в Чите и Ачинске. Синагога в Харбине имела два купола – один небольшой над вестибюлем и другой, побольше, над западной частью здания.

Таким образом, ориентация на европейское синагогальное зодчество, которая была впервые зафиксирована в Сибири в 1874 г., продолжалась и в начале XX в. В некоторых случаях моделью для сибирских евреев служила Хоральная синагога Петербурга, в других они смело обращались к зарубежным синагогам, известным по различным публикациям. Выбор архитектурных моделей не был случайным. Принимая во внимание устройство «хорального» богослужения в Томске, Иркутске, Чите и Харбине, понятно, что именно такие архитектурные формы соответ-

такое расположение купола объясняется тем, что эти синагоги были обращены к улице восточным фасадом и, соответственно, купола были возведены над восточной частью здания так, чтобы их было видно с улицы.

³³ Проект Шрётера к тому времени уже был дважды опубликован в России – в архитектурном журнале «Зодчий» (1881) и в «Архитектурной энциклопедии» Г. В. Барановского (1902) [Шрётер 1881, Черт. 13; Барановский 1902, 402].

³⁴ Обе эти синагоги имели купол над входной частью, обращенной к улице.

³⁵ Проект синагоги в Страсбурге был опубликован в «Архитектурной энциклопедии» Барановского в 1902 г. [Барановский 1902, 407].

ствовали желанию евреев в региональных центрах следовать примеру элитистских синагог столицы и больших городов в черте оседлости. Эти синагоги региональных центров становились в свою очередь моделями для еврейских общин в малых городах.

Ритуальные предметы

Для проведения богослужения в синагоге необходимы специальные предметы, в первую очередь, написанный на пергаменте свиток Торы. В Сибири, где испытывали острую нехватку даже самых необходимых еврейских функционеров – резников и мозелей, не было специалистов, которые могли бы написать такой свиток, и поэтому свитки привозили из черты оседлости. Первое упоминание свитка Торы в Сибири относится к 1826 г. Он принадлежал частному лицу в Тобольске и, по утверждению его хозяев, был написан в Могилеве за 500 рублей [ГА в г. Тобольске, Ф. И-329. Оп. 5. Д. 220. Л. 1–2]. В 1864 г. солдатская община Томска «выписала» свиток Торы за 150 рублей и получила свой заказ через год [Цам 1909, 3].

Свиток Торы был самым дорогим предметом в синагоге, а количество свитков свидетельствовало о богатстве общины [Levin 2017b]. Неслучайно раввин Томска Дубер Левин, описывая синагоги города, указывал, что в каждой из них было «около 30 свитков» [Levin 1870, 37]. Видимо, он несколько преувеличивал, по крайней мере, в Солдатской синагоге 28 свитков и три серебряных короны «накопилось» только к началу XX в. [Цам 1909, 6–7]. В 1923 г. в Читинской синагоге было 60 свитков Торы, 5 корон и 3 пары наверший для свитков, 181 рубашка и 4 указки [ГАЗК, Ф. 282. Оп. 1. Д. 3204. Л. 39–39 об.]. Не каждая сибирская община могла себе такое позволить. Так в синагоге Хабаровска в 1904 г. был только один свиток [Navatselet 1904, 238–39].

В общинах вне черты оседлости, за исключением Москвы и Санкт-Петербурга, не существовало производства ритуальных еврейских предметов. Видимо, не было такого производства и в Сибири, и местные евреи привозили из черты оседлости не только свитки, но и украшения для них. Так, староста Солдатской синагоги в Томске Герцель Цам привез, видимо, из Варшавы, свиток Торы и две серебряные лампы в память об умершей жене [Elyakum HaCohen Shub 1892, 2]. Еще один предмет из Варшавы украшал свиток Торы в синагоге Верхнеудинска: серебряная корона, сделанная известным серебряных дел мастером Антоном Ридлом, была пожертвована купеческой семьей Родовских в 1900 г.³⁶

³⁶ Хранится в Музее истории Бурятии им. М. Н. Хангалова в Улан-Удэ. Этот музей обладает лучшей в Сибири коллекцией ритуальных предметов. В ней находится

Большинство датированных предметов, находящихся в музеях Сибири и Дальнего Востока, относятся к самому концу XIX и началу XX вв. Среди сохранившихся предметов довольно много тканей – завесы для арон кодеша (парохет), рубашки для свитков Торы, мешочки для талита и тфилина. Среди них встречаются предметы с профессиональной вышивкой, которые, видимо, были привезены в Сибирь, и более простые предметы с нашитыми магендавидами, которые, скорее всего, были сделаны в Сибири.

В дни еврейских праздников евреям были необходимы дополнительные предметы, которые также приходилось привозить. Община села Кабанск Забайкальской области, например, переправила деньги раввину Москвы Хаиму Берлину, чтобы с его помощью получить из Палестины этрог (цитрусовый плод) для праздника Суккот и мешок с землей, которую подсыпали в могилы³⁷ (все еврейские общины России импортировали этроги из Средиземноморья). Все необходимое для Песаха – муку из мацы, пасхальное вино из Палестины и специальный пасхальный сахар – евреи Забайкалья могли купить на ежегодной зимней ярмарке в Верхнеудинске. Там же продавали талиты и еврейские книги [Kashdai 1911, 34–35]. То есть спрос на определенные товары был настолько значительным, что их привозили на местные ярмарки, и сибирякам не приходилось изыскивать способы заказывать их самостоятельно.

Сибирские евреи не только привозили ритуальные предметы из черты, но и сохраняли определенные традиции, связанные с ними. Например, в Томске в первый день еврейского месяца сторож синагоги обходил еврейские дома с «лентами», которыми завязывают свитки Торы, и получал «в каждой семье пожертвования деньгами и свечами» [Сибирская газета 1882b, 963]³⁸.

Таким образом, еврейское богослужение и еврейские праздники требовали наличия ритуальных предметов, которые в массе своей (за исключением некоторых предметов из ткани) привозили в Сибирь. Другими словами, евреи Сибири были в абсолютной зависимости от производителей ритуальных предметов, находившихся в черте оседлости и Царстве Польском.

и самый старый известный нам ритуальный предмет в Сибири – щиток на свиток Торы, датированный 1875 г.

³⁷ См. письмо раввина Москвы Хаима Берлина Залману Хаиму Ривлину в Иерусалим от 15 сивана 5646. Письмо было продано на аукционе (см.: <http://moreshet-auctions.com/interesting-letter-written-in-the-handwriting-and-signed-by-harav-haim-berlin-1886>). Об использовании земли из Палестины при захоронениях см. [Sperber 2008, 467].

³⁸ См. описание такого же обычая в литовском местечке Крöße (Kražiai) в [Abrahams 1953, 47]. Мы благодарим Екатерину Олешкевич за указание на эту книгу.

Сибирские еврейские кладбища

Непрерывное существование еврейских кладбищ в сибирских городах прослеживается с начала XIX в.: кладбище в Тобольске было создано в 1813 г. [Островский 1911, 7–9], в Красноярске – в 1824 г. [Орехова 2007, 107], а кладбища в Ачинске и, вероятно, в Баргузине, существовали уже в 1830-е [Орехова 2007, 107; Молчанова 2014]. Однако пока нам не удалось найти ни одного сохранившегося датированного надгробия старше 1874 г. (Красноярск) [IJA 216041] или 1875 г. (Тобольск) [IJA 24104]. Это, несомненно, связано с разрушением многих кладбищ в советский период и, вероятно, также с тем, что многие надгробия были деревянными и не дошли до наших дней. Например, австрийский военнопленный времен Первой мировой войны Бенно Гжебинах написал в своих воспоминаниях, что надгробия 1860-х гг. на кладбище в Верхнеудинске были деревянными, а более новые – гранитными или мраморными [Grzebinasch 1919, 366]. На сегодняшний день деревянные надгробия сохранились лишь на кладбище в Якутске, и все они датированы 1940-ми гг. [IJA 281031; IJA 281383].

При анализе еврейских надгробий в Сибири необходимо обращать особое внимание на два параметра. Во-первых, это форма надгробия и орнамент на нем. Другими словами, насколько сибирские надгробия отличаются от еврейских надгробных памятников Восточной Европы. Во-вторых, это форма и язык эпитафии – насколько традиционная эпитафия на иврите видоизменяется, и какое место на надгробии занимает эпитафия на нееврейском языке.

Большинство сохранившихся еврейских надгробий 1870–1890-х являются каменными стелами с полукруглым завершением, то есть вполне следуют традиционной форме еврейских надгробий в Восточной Европе. Иногда эти стелы встроены в невысокие кирпичные сооружения, которые закрывают собой всю могилу (ил. 12). Такие дощатые или кирпичные сооружения были распространены во многих местах Восточной Европы (ил. 13), в то время как массивные деревянные срубы над могилами (сохранились в Баргузине и Якутске), видимо, были призваны защищать могилу от животных и являются специфичным сибирским явлением (такие надгробия автохтонного населения можно увидеть, например, в музее деревянного зодчества Тальцы под Иркутском). Большинство каменных стел в Сибири не имеют орнамента, как и большая часть надгробий в Литве и Белоруссии. Однако в некоторых случаях, когда орнамент присутствует (ил. 14), его сходство с традиционными мотивами на надгробиях Украины и Молдовы очевидно.

С 1890-х на еврейских кладбищах начали возводить более современные надгробия в форме обелисков, саркофагов, пюпитров с раскрытой книгой (ил. 15) и древ с обрубленными ветвями. Эти формы появились во

12. Надгробие Цви Йосефа в Тобольске, 1875. Фото Михаила Шаповалова, 2016. Индекс еврейского искусства им. Бецалея Наркисса (Центр еврейского искусства, Еврейский университет в Иерусалиме)

13. Еврейское кладбище в Вилькомире (ныне Укмерге), Литва. Открытка 1916–1917. Коллекция семьи Гросс, Тель-Авив

14. Надгробие Залмана Йофиша в Петровском Заводе, 1886. Фото Владимира Левина, 2015. Индекс еврейского искусства им. Бецалея Наркисса (Центр еврейского искусства, Еврейский университет в Иерусалиме)

второй половине XIX в. на могилах более модернизированных евреев в черте оседлости (и в Восточной Европе вообще) и во многих больших городах стали нормой для зажиточных семей в начале XX в. (в то время как более традиционные или бедные семьи продолжали устанавливать традиционные стелы). Таким образом, распространение современных форм надгробий в Сибири запаздывало по сравнению с общинами Европейской России. В то же время в некоторых городах сохранились чугунные надгробия (Красноярск, ил. 16, Петровский Завод, Верхнеудинск) или металлические плиты, вмурованные в каменное надгробие (Баргузин, с. Бальзино). Использование металла для надгробий, несвойственное общинам в черте оседлости и в городах Европейской России, видимо, было следствием близости к металлургическим заводам.

В отношении эпитафий, однако, сибирские евреи были в авангарде изменений. Уже на наиболее ранних сохранившихся надгробиях вслед

15. Надгробие Хаима Фишера в Иркутске, 1920. Фото Катрин Кесслер, 2015. Индекс еврейского искусства им. Бецалея Наркисса (Центр еврейского искусства, Еврейский университет в Иерусалиме)

за эпитафией на иврите располагается короткая надпись на русском языке (ил. 12). В начале XX в. русские эпитафии стали – по количеству слов и по расположению – равнозначны эпитафиям на иврите, а во многих случаях и превосходили их. Однако нам не известны дореволюционные надгробные памятники с эпитафией только на русском языке. Наличие эпитафий на иврите практически на всех дореволюционных надгробиях показывает, что в каждом сибирском городе были люди, способные такие эпитафии составить и выбить на камне. В Канске и Баргузине, например, некоторые эпитафии на иврите были рифмованными или содержали акrostихи, и это значит, что автор эпитафии владел ивритом на высоком уровне.

Еще одним важным индикатором изменений являлось включение фамилии и возраста усопшего в эпитафию на иврите (ил. 14), которая

16. Чугунное надгробие Иса́й Вейнеровича в Красноярске, 1881. Фото Катрин Кесслер, 2015. Индекс еврейского искусства им. Бецалеля Наркисса (Центр еврейского искусства, Еврейский университет в Иерусалиме)

традиционно содержала лишь имя похороненного, имя его/ее отца и дату смерти. В черте оседлости эпитафии на русском языке на надгробиях наиболее модернизированных евреев также появились во второй половине XIX в., однако появление в традиционном тексте на иврите фамилии распространилось лишь с начала XX в., а во многих небольших местечках – только в 1930-е.

Анализ надгробий на сибирских еврейских кладбищах показывает, что погружение в русскую среду способствовало быстрой аккультурации, выражавшейся как во включении фамилии и возраста усопшего в эпитафию на иврите, так и в довольно раннем появлении русских эпитафий. Процесс же распространения памятников «нетрадиционных» форм не отличался в Сибири, в общинах вне черты оседлости и среди модернизированных евреев черты.

Благотворительность

Благотворительность является одной из важнейших заповедей в иудаизме и нормативной частью поведения религиозного еврея. Евреи Восточной Европы традиционно поддерживали бедных не только в своей общине, но и в Земле Израиля, а с начала XIX в. собирали пожертвования и на большие литовские йешивы в Воложине и Мире [Stampfer 2012, 31–36]. В еврейских домах были специальные копилки («пушке»), предназначенные для сбора денег на эти цели [Штампфер 2014, 230–50].

В Сибири этот обычай также был распространен: Цви Кашдай, рассказывая о деревенских евреях Забайкалья, упоминал, что в каждом доме были копилки для «бедных евреев» Иерусалима и других городов Земли Израиля, а также копилки в пользу йешив Воложина, Мира и Телза [Kashdai 1911, 54]. Такие копилки («жестяная кружка, привешенная к стене») были найдены в 1872 г. в Тобольске при обыске в еврейских квартирах. Пожертвования из кружек передавали отставному солдату Янкелю Вишняку – видимо, постоянному сборщику пожертвований (габаю), – который пересылал их в Иерусалим через барона Гинцбурга [РГИА, Ф. 821. Оп. 8. Д. 524. Л. 90–97; копия в САНЖР, НМ2-7777.2]. «Пушке» стояли и в еврейских домах Томска: «...в каждом еврейском доме есть замкнутая копилка, куда опускаются добровольные пожертвования семьи; ежемесячно раввин объезжает дома и опорожняет копилки» [Сибирская газета, 1882b, 963]. В Омске тоже был постоянный сборщик пожертвований для евреев в Палестине и для Воложинской и Мирской йешив [Votman 1885b, 178]. Многие богатые сибирские евреи, как это было принято и в черте оседлости, включали в завещания благотворительные институты в Палестине и литовские йешивы [РГИА, Ф. 821. Оп. 8. Д. 524. Л. 138–139; копия в САНЖР, НМ2-7777.2; Губернские иркутские ведомости 1885, 5; Юдалевич 1913].

В Сибирь также приезжали шадарим (шлихим де-рабанан) – «посланники раввинов», собиравшие средства на те же цели. Судя по тому, что шадарим были готовы месяцами добираться до сибирских городов и деревень, сборы в местных общинах были обильными, а около половины суммы пожертвований, вероятнее всего, доставалась самим шадарим в счет оплаты их трудов и расходов [Stampfer 2012, 184–85]. Сибирь даже была официально поделена на зоны влияния: в 1868 г. палестинские колелы (организации, собиравшие и распределявшие средства для поддержки евреев Эрец-Исраэль, занятых молитвой и изучением Торы, так называемому Старому Ишуву) заключили соглашение, согласно которому пять городов – Ачинск, Баргузин, Верхнеудинск, Петровский Завод и Чита – были оставлены за колелем Райсена [Levin 1988, 258–259]. Таким образом, деньги, собранные в этих сибирских городах на нужды евреев в Земле Израиля, передавались в колель нехасидов, которые прибыли в

Палестину из Витебской и Могилевской губерний [Luntz 1911, 18, 35–36]. При этом интересно, что в тексте соглашения между колеями о разделе Сибири на зоны влияния она рассматривалась как географическая единица, отдельная от России [Levin 1988, 258–59].

Появление некоторых шадарим было зафиксировано в еврейской периодике и в архивных источниках. Так, в 1870-е «за этими сборами приезжал из Иерусалима в Тобольск еврей, турецкий подданный» [РГИА, Ф. 821. Оп. 8. Д. 524. Л. 93; копия в САНР, НМ2-7777.2]. Другой шадар из Иерусалима – Яков Ицхак Софер приезжал в Сибирь «не менее десяти раз» [Zederbaum 1884, 891]. Шадар из Иерусалимской йешивы «Эц Хайм» был в Омске в 1887 г. [Krasnik 1887, 3], а шадар из Ковны добрался до Читы в 1891 г. и собрал 300 рублей [Ткач 1891, 5]. Посланник от Мирской и Воложинской йешив Арне Акива посещал Сибирь «35 лет подряд» [Войтинский и Горнштейн 1915, 212–213]. Сибирь также привлекала странствующих проповедников (маггидим). Например, маггид Дов Бер из Слуцка в 1887 г. собрал в Забайкалье более тысячи рублей [Elyakum HaCohen Shub 1887, 2].

Суммы пожертвований, указанные в письмах в еврейскую прессу, были призваны продемонстрировать богатство общин или действенность проповеди шадара/маггида и необязательно совпадали с цифрами в официальных отчетах. Например, резник из Нижнеудинска сообщил в газету «Гамелиц», что шадар колея в Слободке³⁹ собрал в Восточной Сибири и переслал в Слободку 3 500 рублей [Elyakum HaCohen Shub 1888a, 986]. Это сообщение повлекло за собой неприятное для всех сторон разбирательство на страницах газеты, так как в Слободке получили только 800 рублей. Шадар, повторно проезжая через Нижнеудинск, обругал резника, объявил его резку некошерной и обещал лично позаботиться о том, чтобы раввины запретили резнику заниматься своей профессией [Elyakum HaCohen Shub 1888b, 1590; Ha-Melits 1888, 2506; Gordus 1888, 2549–2550]. Этот конфликт выглядит случайным, но на самом деле он демонстрирует изменения в мире еврейской благотворительности – борьбу за общественный контроль над финансами еврейских институций.

В результате подобных процессов Воложинская йешива опубликовала несколько отчетов о полученных средствах в газете «Гамелиц»⁴⁰. Согласно отчету за 1883 г., «от посланника и от габаим» в Сибири пришло 758 рублей, от отдельных жертвователей поступило еще около 100 рублей, что вместе составило около 5% от доходов йешивы [Ha-Melits 1885a, 140]. Отчеты за 1884 и 1885 гг. были более подробным и содержали список имен тех, кто пожертвовал более пяти рублей, а также суммы собранные посто-

³⁹ Колель в Слободке, пригороде Ковно (Каунаса), – система поддержки женатых людей, посвящающих все свое время изучению Торы. См. [Stampfer 2012, 337–359].

⁴⁰ Об отчетах Воложинской йешивы см. [Stampfer 2012, 180–189].

янными габаим (922 и 839 рублей соответственно) [Ha-Melits 1885b, 555; Ha-Melits 1886, 624]⁴¹. Пожертвования на Воложинскую йешиву из Сибири в 1884 и 1885 гг. составили 8–9% от всех ее доходов и были сопоставимы с суммами, собранными в ее пользу в Соединенных Штатах, где община эмигрантов из России только начинала складываться [Stampfer 2012, 184]. Интересно, что в отчетах из Воложина (как и в соглашениях между колеллями, и во многих других отчетах о пожертвованиях) Сибирь рассматривается как особая географическая единица, подобно США и Англии, в то время как Петербург и Москва являются частью общероссийского списка.

Шадарим и габаим собирали деньги в пользу строго определенного круга организаций, и не все были согласны с таким положением дел. Так, Герш Бутлицкий из Баргузина послал в 1884 г. в газету «Гамелиц» 105 рублей в пользу еврейских сельскохозяйственных колоний в Палестине и «удивлялся» тому, что шадар собирает деньги только на Старый Ишув и не рассказывает о новых колониях [Zederbaum 1884, 891]. Таким образом, сибирские евреи были вовлечены не только в «традиционные», но и новые благотворительные и политические проекты. Они также откликались на призывы о помощи пострадавшим от погромов, пожаров и голода в черте оседлости.

Евреи Сибири поддерживали не только палестинские институты и литовские йешивы. Во многих городах была создана система поддержки бедных, характерная для общин черты, которая включала в себя талмуд-тору для неимущих учеников, богадельню, общество беспроцентных ссуд, сбор денег на мацу для бедных и доставку кошерной еды арестантам и солдатам, а во времена Первой мировой войны – немецким и австро-венгерским военнопленным. Со временем общины вводили современные виды благотворительности. Например, в 1885 г. в Томске было принято решение собирать средства для бедных, чтобы прекратить хождение по домам с просьбами о милостыне. В начале XX в. общества пособия бедным евреям были созданы практически во всех городах Сибири⁴². Кроме того, все современные еврейские учебные заведения (школы, образцовые хедеры, училища) в той или иной степени зависели от частных пожертвований.

Таким образом, общины Сибири восприняли как традиционные, так и современные паттерны благотворительности, характерные для всех российских общин. В то же время сибиряки видели благотворительность не только как религиозную обязанность, но и как один из способов со-

⁴¹ Имена жертвователей в обоих отчетах не повторяются, то есть большие пожертвования, в отличие от мелких, собираемых в «пушке» и аккумулируемых габаим, были одноразовыми, а не постоянными. И эти одноразовые пожертвования в среднем были меньше, чем одноразовые пожертвования, собранные в остальной России.

⁴² Об «Обществах пособия бедным» см. [Lindenmeyr 1996, 198–199; Levin 2016, 381].

хранять связь «с массой своих единоверцев из “черты”» [Войтинский и Горнштейн 1915, 212]. Мифологема Сибири способствовала тому, что зачастую сибирские общины рассматривали как отдельную единицу, не связанную с остальной страной.

Евреи Сибири и еврейская пресса

Еврейская периодика не относится напрямую к сфере религии, однако содержит важную информацию о религиозных практиках сибирских евреев, на которой в значительной степени основано данное исследование. Она также служила одним из важнейших средств связи между сибирскими общинами и еврейским миром в России и за ее пределами.

Одно из ранних свидетельств знакомства сибиряков с актуальной еврейской новостной повесткой мы находим в одесской русскоязычной газете «Сион» за 1862 г.: среди жертвователей на благоустройство кладбища еврейских солдат, погибших при защите Севастополя, указаны евреи из Петровского Завода в Забайкальской области [Сион 1862, 516]⁴³. Это показывает, что сибиряки читали еврейские газеты практически с момента их появления⁴⁴. Они также посылали в них письма, так называемую «корреспонденции», где рассказывали о последних событиях в своей общине, предавали огласке местные конфликты и сообщали о «достойном» или «недостойном» поведении тех или иных членов общины, пытаясь, таким образом, оказать влияние на общинные дела⁴⁵. Например, автор «корреспонденции» из Верхнеудинска Шмуэль Розенберг в марте 1881 г. жаловался на разобщенность евреев, которые получили разрешение на строительство синагоги три года назад, а к возведению здания так и не приступили [Rozenberg 1881a, 202]. Через пять месяцев Розенберг сообщал, что огласка помогла делу, и здание доведено уже до уровня окон [Rozenberg 1881b, 682]. Чаще всего авторы «корреспонденций» из Сибири (как и авторы писем из черты оседлости) жаловались на недостаток внимания общины к вопросу еврейского образования. Например, Моше Барух Вотман из Омска писал в различные издания об отсутствии в городе хедера и достойной талмуд-торы, призывая местных лидеров решить эту проблему [например, Votman 1885b, 178–79; 1885a, 79]. Таким образом, публикации в еврейских газетах Петербурга, Одессы и Варшавы считались в сибирских общинах эффективным способом

⁴³ Кампания по увековечиванию памяти еврейских защитников Севастополя была начата в газете «Рассвет» в 1861 г. [Шмерлинг 1861, 748–749].

⁴⁴ Первой газетой на иврите в России был «Гамагид», который печатался с 1856 г., а первая еврейская газета на русском языке «Рассвет» вышла в Одессе в 1861 г.

⁴⁵ О «корреспонденциях» см. [Segev 2015].

влияния. В этом смысле «корреспонденции» из Сибири ничем не отличались от «корреспонденций» из других мест. Письма сибирских евреев, сообщения о пожертвованиях на различные благотворительные проекты и другие данные в еврейской прессе доказывают, что сибиряки были включены в информационное пространство еврейской России.

Степень этой включенности можно оценить на основе данных о подписке, хотя они и очень фрагментарны. При этом важно помнить, что читателей газет и журналов было гораздо больше, чем подписчиков. Подписка стоила дорого и была по карману только зажиточным людям или библиотекам, поэтому один экземпляр журнала или газеты передавался из рук в руки⁴⁶. Например, Цви Кашдай упоминал Исая Файнберга из Иркутска, который выписывал газеты на иврите и давал их читать всем желающим [Kashdai 1911, 78].

В 1882 г. в Томске два человека выписывали «Рассвет», три человека – «Восход», а семеро – газету «Русский еврей» [Сибирская газета, 1882а, 741]. В 1885 г. в Иркутске было одиннадцать подписчиков на газеты на иврите [Romanov 1993, 128]. В 1885 г. «Восход», на тот момент единственный еврейский журнал в России на русском языке, выписывали в городах и деревнях Сибири 83 человека, к 1898 г. число подписчиков увеличилось до 167. Впрочем, отдельно взятые цифры без сравнения с другими регионами и без сопоставления с количеством евреев в регионе малоинформативны. Например, в 1898 г. в Забайкальской области «Восход» получало 53 подписчика, а в Якутской области таких подписчиков было четверо, при этом в обеих областях на одного подписчика приходилось около 150 евреев. Это соотношение не отличалось от данных по Самарской и Ярославской губерниям, где на один журнал приходилось 154 и 156 евреев⁴⁷.

В 1914 г. у сионистского журнала на русском языке «Рассвет», выходившего в Санкт-Петербурге, было 680 подписчиков в Сибири и на Дальнем Востоке [Slutski 1978, 203–268]. В Иркутской губернии на одного подписчика приходилось 45 евреев, а в Забайкальской области – 58. Похожие цифры характеризовали подписку в Тамбовской, Ярославской, Самарской, Пензенской и Уфимской губерниях (46, 48, 50, 51, 52). Таким образом, уровень интереса к еврейской периодике и знакомство с ней в Сибири и в губерниях Европейской России вне черты оседлости были вполне сравнимы⁴⁸.

⁴⁶ Согласно опросу журнала «Рассвет» в 1910 г., каждый номер журнала, не считая посетителей библиотек, читали в среднем 4,7 человека [Рассвет 1910, 24]. Издатель газеты на иврите «Газман» Бенцион Кац считал, что число читателей превосходило число подписчиков в три-четыре раза [Katz 1963, 205].

⁴⁷ При расчете соотношения числа подписчиков с численностью евреев в регионе мы используем данные переписи 1897 г. как единственно возможную базу для сравнения между регионами.

⁴⁸ О географических аспектах подписки на вышеупомянутые еврейские журналы и газеты см. [Levin 2006].

Заключение

Сибирь как мифологическое пространство неизбежно наделяла своих жителей особыми чертами, как в собственных глазах, так и в глазах других. В случае сибирских евреев это означало, что они не ассоциировали себя с «традиционным» еврейским миром и воспринимали себя как особую группу. Такое поведение было характерно и для евреев других регионов, мифологический статус которых был гораздо ниже.

Заявленные «отдельность» и «особость» сибирских евреев никак не противоречили сохранению контактов с другими общинами России, и связь с «большим» еврейским миром никогда не прерывалась, несмотря на расстояние. Еврейское население в Сибири не являлось демографически изолированной группой, оно постоянно прирастало за счет ссыльных и мигрантов из черты. Евреи Сибири находились в общероссийском еврейском информационном пространстве: они читали еврейские газеты и посылали в них свои «корреспонденции». Сибирские евреи также были включены в систему поддержки литовских йешив, Старого и Нового Ишувов в Палестине. Связь с «большим» еврейским миром существовала и на уровне материальном: из черты оседлости и Палестины в Сибирь привозили предметы, необходимые для еврейских ритуалов. Сохранились и личные связи: сибиряки поддерживали переписку с родственниками в черте, общались с приезжими евреями, шадарим, маггидим и местными религиозными «функционерами», прибывавшими из черты. Таким образом, сибиряки никогда не были оторваны от «большого» еврейского мира.

Однако географическая, как и мифологическая удаленность, в сочетании с осознанием собственной особенности и, возможно, даже некоторым чувством неполноценности по отношению к большим и традиционным общинам с их многосторонней еврейской жизнью усиливала желание поддерживать разнообразные еврейские начинания, а относительно высокий уровень благосостояния позволял это делать в степени, превышающей процентную долю сибиряков среди евреев Российской империи. Другими словами, еврею Бердичева или Вильны не надо было доказывать ни себе, ни другим, что он хороший еврей, в отличие от еврея Омска, Томска или Иркутска.

Как свидетельствует анализ синагогальной архитектуры, синагогального богослужения и надгробных памятников, многие сибирские евреи ориентировались не на традиционные группы, а на модернизированные слои российского еврейства, и в этом они были очень похожи на других евреев, живших вне черты оседлости. Синагоги крупных городов строились по образцу синагог Вены или Петербурга, а богослужение в них было организовано по «хоральной» модели, распространенной в европейских синагогах, в синагогах элитных групп в больших городах

черты оседлости, столицах и других городах вне черты. Таким образом, высокомерие сибиряков по отношению к «российским» евреям не распространялось на практики модернизированной элиты, которые принимались и с готовностью усваивались.

Несомненно, сам факт того, что евреи составляли менее 1% жителей Сибири, способствовал их быстрой аккультурации: они хорошо владели русским языком, находились в тесных отношениях с неевреями, участвовали в «общей» жизни сибирских городов. Однако аккультурация – в отличие от ассимиляции – не подразумевает исчезновения отдельной еврейской идентичности. В этом сибирские евреи были похожи на евреев Петербурга, Москвы и других городов вне черты оседлости или на модернизированных евреев Одессы, Варшавы и Нью-Йорка.

Источники:

- Белов 1852 – Белов И. Путевые заметки и впечатления по Западной Сибири. М.: Тип. А. Семена, 1852. 107 с.
- ГА в г. Тобольске – Государственный архив в г. Тобольске. Ф. И-158. Оп. 3. Д. 2284. «Дело по обвинению ссыльных крестьян Тюменского уезда К. Ф. Игольников, Ш. И. Пневского и крестьянина Ишимского уезда Е. В. Касьянова в убийстве тобольских мещан Ш. Трейбага, Л. Абрамовича и краже имущества из тобольской еврейской синагоги», 1907–1908 гг., Л. 362, Фотография 3.
- Ф. И-329. Оп. 2. Д. 293. «Список с журнала присутствия Тобольского губернского правления о постройке нового здания еврейской молельни», 1885 г., Л. 58.
- Ф. И-329. Оп. 5. Д. 220. «Дело по прошению мещан Дозорцевых разрешения о передаче имеющейся у них скрижали еврейской богомольне», 1838 г., Л. 1–2.
- ГАЗК – Государственный архив Забайкальского края. Ф. 1. Оп. 1 (общ.). Д. 1998. «Об утверждении разных планов в 1883 г.», 1883 г., Л. 4 об.–5.
- Ф. 1. Оп. 1 (стр). Д. 317. «Переписка о постройке в Чите каменной еврейской синагоги», 1906–1907 гг., Л. 16.
- Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 1678. «О доставлении генерал-губернатору Восточной Сибири сведений о молитвенных домах», 1878–1879 гг., Л. 6–7 об.
- Ф. 282. Оп. 1. Д. 3204. «Устав и протоколы собраний Читинской религиозной общины», 1925–1929 гг., Л. 39–39 об., 41 об.
- ГАИО – Государственный архив Иркутской области. Ф. Р-504. Оп. 5. Д. 57. «Материалы о деятельности Иркутской еврейской общины верующих», 1923–1933 гг., Л. 51–52.

- ГАТО – Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1918. «Дело об открытии еврейской молитвенной школы в г. Мариинске», 1877–1880 гг., Л. 12.
- Ф. 6. Оп. 1. Д. 1788. «Проект молитвенного еврейского дома в г. Томске за 1881 год», 1881 г., Л. 1а–1г.
- Ф. 3. Оп. 41. Д. 372. «Дело по прошению прихожан Мариинского иудейского молитвенного дома о разрешении строительства и рассмотрении проекта нового здания молитвенного дома в г. Мариинске. Проект молитвенного дома», 1895 г., Л. 11–17.
- Губернские иркутские ведомости 1885 – Засвидетельствовано духовное завещание...// Губернские иркутские ведомости. 6 марта 1885. № 10. С. 5.
- Евсиович 1981 – *Евсиович С. Г.* Крутые повороты [неопубликованная рукопись]. 1981.
- Краткое воспоминание жизни николаевского солдата 1999 – Краткое воспоминание жизни николаевского солдата Абрама Марковича Пантофеля, посвященное своим детям и внукам // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 1999. Вып. 7. С. 300–309.
- Н. Н. 1915 – *Н. Н.* Из впечатлений минувшего века // Еврейская старина. 1915. № 8. С. 85–99.
- Новомейский 1979 – *Новомейский М.* От Байкала до Мертвого моря. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1979. 386 с.
- Пантофель 1998 – *Пантофель А.* В кантонистах. Под редакцией А. Галич // Корни. 1998. № 10. С. 151–173.
- Правила 1900 – Правила, установленные Правлением Иркутского Еврейского Молитвенного дома, Иркутск, 1900. Копия, находящаяся в Иркутской синагоге // Rules of the Irkutsk Synagogue. The Bezalel Narkiss Index of Jewish Art, The Center for Jewish Art at the Hebrew University of Jerusalem. ID 339477. <https://cja.huji.ac.il/browser.php?id=339477&mode=alone>.
- Рассвет 1907 – Правовое положение // Рассвет. 1907. № 47. С. 19.
- Рассвет 1910 – Анкета «Рассвета» // Рассвет. 1910. № 52. С. 22–24.
- РГИА – Российский государственный исторический архив. Ф. 821. Оп. 8. Д. 179. «Постройка и открытие духовных учреждений; деятельность правлений при них. Дело о рассмотрении ходатайств еврейских обществ Сибири об открытии и постройке в различных городах и местечках молитвенных домов, учреждении при них молитвенных правлений; о назначении и увольнении раввинов», 1907–1910 гг., Л. 60.
- Ф. 821. Оп. 8. Д. 524. «Дело о поступлении в Департамент сведений о негласно существующем в разных губерниях сборе среди русских евреев добровольных пожертвований в пользу их палестинских единоверцев и о признании необходимости запрещения этого сбора»,

- 1871–1902 гг., Л. 90–97, 138–139, копия в САНJP – The Central Archives for the History of the Jewish People. HM2-7777.2.
- Сибирская газета 1882a – Сибирская газета. 1882. № 31. С. 741.
- Сибирская газета 1882b – Хроника // Сибирская газета. 3 октября 1882. № 40. С. 962–963.
- Сибирский вестник 1890 – Местная хроника // Сибирский вестник. 8 июня 1890. № 64. С. 3.
- Сибирский вестник 1902 – Торжественное освящение Хоральной синагоги // Сибирский вестник. 17 сентября 1902. № 200. С. 3.
- Сион 1862 – Пожертвования в пользу устройства кладбища для евреев, погибших при защите Севастополя // Сион. № 32. 9 февраля 1862. С. 516.
- Сусанин 1916 – Сусанин А. Сибирские письма // Новый путь. 1916. № 44. С. 26–30.
- Шевич 1878 – *Шевич В.* О евреях в Сибири // Сибирь. 13 августа 1878. № 28. С. 6.
- Шмерлинг 1861 – *Шмерлинг С.* Севастополь // Рассвет. 14 апреля 1861. № 47. С. 748–749.
- Das israelitische Bethaus 1859 – Das israelitische Bethaus in der Wiener Vorstadt Leopoldstadt, nebst den dazu gehörigen Wohngebäuden, von Ludwig Förster // Allgemeine Bauzeitung. 1859. № 14–16. S. 230–235.
- Deputy Nisselovich 1907 – Deputy Nisselovich Intervenes in Behalf of Jewish Cantor // The American Hebrew. 20 December 1907. P. 178.
- Die Welt 1907 – Haben Synagogenchordirigenten das Wohnrecht? // Die Welt. 13 December 1907. № 50. S. 15.
- Die Welt 1911 – Verzeichnis des Goldenbuch-Teilzahlungskonten aus 1908 // Die Welt. 13 January 1911. № 2. S. 43–44.
- Elyakum HaCohen Shub 1887 – *Elyakum HaCohen Shub.* Nizhneudinsk // Ha-Yom. 14 [28] September 1887. № 203. P. 2–3.
- Elyakum HaCohen Shub 1888a – *Elyakum HaCohen Shub.* Nizhneudinsk // Ha-Melits. 29 April [11 May] 1888. № 93. P. 986.
- Elyakum HaCohen Shub 1888b – *Elyakum HaCohen Shub.* Nizhneudinsk // Ha-Melits. 11 [23] July 1888. № 150. P. 1590.
- Elyakum HaCohen Shub 1892 – *Elyakum HaCohen Shub.* Omsk // Ha-Melits. 16 [28] January 1892. № 13. P. 2.
- Gordus 1888 – *Gordus Sh. Sh.* Nizhneudinsk // Ha-Melits. 18 November 1888. № 252. P. 2549–2550.
- Grzebinasch 1919 – *Grzebinasch B.* Eindrücke über Juden und Judentum während meiner Russischen Kriegsgefangenschaft // Der jüdische Wille. 1919. № 6. P. 361–370.
- Ha-Am 1917 – Felyeton // Ha-Am. 21 July [3 August] 1917. № 9. P. 1.
- Ha-Melits 1885a – Yeshivah shel ma'alah // Ha-Melits. 1 [13] February 1885. № 9. P. 137–140.

- Ha-Melits 1885b – Akhnasah me-yeshivah... // Ha-Melits. 6 [18] May 1885. № 34. P. 555.
- Ha-Melits 1886 – Heshbon ha-parnasah le-yeshivah // Ha-Melits. 23 May [4 June] 1886. № 40. P. 624.
- Ha-Melits 1900 – Moda'a 494 // Ha-Melits. 29 October [11 November] 1900. № 236. P. 4.
- Ha-Melits 1888 – Nizhneudinsk // Ha-Melits. 14 [26] November 1888. № 248. P. 2506.
- Havatsalet 1904 – Rusiyah // Havatsalet. 12 August 1904. № 30. P. 238–239.
- IJA 24104 – Tombstone of Tzvi Yosef (1875) in the Jewish cemetery in Tobolsk. The Bezalel Narkiss Index of Jewish Art, The Center for Jewish Art at the Hebrew University of Jerusalem. ID 24104. <https://cja.huji.ac.il/browser.php?mode=set&id=24104>.
- IJA 31725 – Stand for Torah scroll from Ulan Ude. The Bezalel Narkiss Index of Jewish Art, The Center for Jewish Art at the Hebrew University of Jerusalem. ID 31725. <https://cja.huji.ac.il/browser.php?mode=set&id=31725>.
- IJA 216041 – Tombstone of Gitl daughter of Leizer / Jewish cemetery in Krasnoyarsk. The Bezalel Narkiss Index of Jewish Art, The Center for Jewish Art at the Hebrew University of Jerusalem. ID 216041. <https://cja.huji.ac.il/browser.php?id=216041&mode=alone>.
- IJA 281031 – Wooden tombstone of Sarah Altholtz from Sanok, Poland, in the Jewish cemetery in Yakutsk. The Bezalel Narkiss Index of Jewish Art, The Center for Jewish Art at the Hebrew University of Jerusalem. ID 281031. <https://cja.huji.ac.il/browser.php?id=281031&mode=alone>.
- IJA 281383 – Wooden tombstone of Rabbi Haim Naftali Halbershtam in the Jewish cemetery in Yakutsk. The Bezalel Narkiss Index of Jewish Art, The Center for Jewish Art at the Hebrew University of Jerusalem. ID 281383. <https://cja.huji.ac.il/browser.php?id=281383&mode=alone>.
- Krasnik 1887 – *Krasnik H.* Omsk // Ha-Tsfirah. 4 [16] February 1887. № 30. P. 2–3.
- Krasnik 1895 – *Krasnik H.* Srefah // Ha-Tsfirah. 14 [26] March 1895. № 62. P. 287.
- Kashdai 1911 – *Kashdai Ts.* Me-yarketei tevel. Jerusalem: A. M. Lunts, 1911. 168 c.
- Katz 1963 – *Katz B.* Zikhronot: Hamishim shanah be-historiyah shel yehudei rusiyah. Переведено Barukh Karu. Tel Aviv: N. Twersky, 1963. 307 c.
- Lagin 1893 – *Lagin Sh. E.* Tobolsk // Ha-Melits. 26 October [7 November] 1893. № 231. P. 3.
- Levin 1870 – *Levin D.* Tomsok // Ha-Melits. 2 [14] February 1870. № 5. P. 37–38.
- Luntz 1911 – *Luntz A. M.* Ha-halukah: mehora, koroteha ve-hishtalsheluteha // Yerushalayim: ma'asef sifrut le-hakirat erets ha-kodesh. 1911. № 9.
- Rozenberg 1881a – *Rozenberg S.* Verkhneudinsk // Ha-Melits. 10 [22] March 1881. № 10. P. 202.
- Rozenberg 1881b – *Rozenberg S.* Verkhneudinsk // Ha-Melits. 18 [30] August 1881. № 32. P. 682.
- Sesitsky 1865 – *Sesitsky E. Y.* Irkutsk // Ha-Karmel. April 1865. № 24. P. 192.

- Teiman 1871 – *Teiman M.* Irkutsk be-Sibir // Ha-Melits. 19 January 1871. № 3. P. 21.
- Tkach 1891 – *Tkach A. bar D.* Chita // Ha-Melits. 22 January [3 February] 1891. № 18. P. 5.
- Votman 1885a – *Votman M. B.* Omsk // Ha-Maggid. 5 March 1885. № 10. P. 79.
- Votman 1885b – *Votman M. B.* Omsk // Ha-Tsfirah. 4 [16] June 1885. № 22. P. 178–179.
- Yebamah 1900 – *Yebamah.* Al davar tsorekh mapat ha-arets be-ivrit // Ha-Tsfirah. 28 April 1900. № 97. P. 403.
- Y.N.Y. 1869 – *Y.N.Y.* Irkutsk // Ha-Maggid. 6 January 1869. № 1. P. 4.
- Zederbaum 1884 – *Zederbaum A.* Nedavot le-yishuv erets israel // Ha-Melits. 9 [21] July 1884. № 53. P. 891.

Литература

- Алфёрова 2014 – *Алфёрова О. Ю.* Еврейская религиозная община Тары в конце XIX – начале XX века // Храмы в крепостных стенах: конфессиональная история города Тары. Омск: Наука. 2014. С. 29–42.
- Барановский 1902 – *Барановский Г. В.* Архитектурная энциклопедия второй половины XIX века. Т. 1 (Архитектура исповеданий). СПб.: Издание редакции журнала «Строитель». 1902. XXII, 500 с.
- Белых, Кальмина и Курас 2010 – *Белых Е. А., Кальмина Л. В. и Курас Л. В.* Общественная и культурно-просветительская деятельность евреев в Забайкальской области (60-е гг. XIX в. – февраль 1917 г.). Улан-Удэ: ВСГАКИ. 2010. 191 с.
- Берман 2019 – *Берман Е. А.* Сказки забытого раввина. Этнокультурное наследие Соломона Бейлина: еврейский фольклор, авторская публицистика, рассказы, воспоминания. Иркутск: Издательство ИРНИТУ. 2019. 244 с.
- Варкин 2013 – *Варкин И. Е.*, ред. Евреи в социокультурном пространстве Тюмени и региона: к 100-летию городской синагоги. Материалы научно-практической конференции (Тюмень, 24–25 октября 2012 г.). Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета. 2013. 202 с.
- Владимирски 2019 – *Владимирски И.* «Отсюда, сколько ни скажи, ни до какого государства не доскачешь...: города Сибири в дневниках сибирского золотопромышленника Якова Фризера» // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории.* 2019. № 3 (2). С. 672–711. DOI: 10.23859/2587-8344-2019-3-2-4.
- Владимирски и Кротова 2019а – *Владимирски И., Кротова М. В.* Книги и встречи: формирование духовного мира еврейского купца в Сибири на

- рубеже XIX и XX вв. // Уральский исторический вестник. 2019. Вып. 1 (62). С. 79–86. DOI: 10.30759/1728-9718-2019-1(62)-79-86.
- Владимирски и Кротова 2019 – *Владимирски И., Кротова М. В.* Сибирская золотопромышленность через призму дневников Якова Фризера (1869–1932) // Новейшая история России. 2019. № 9 (3). С. 609–624. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2019.304.
- Владимирски и Кротова 2020а – *Владимирски И., Кротова М. В.* Два взгляда на строительство железных дорог в Восточной Сибири (по материалам работ сибирского золотопромышленника Якова Фризера) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2020. № 32. С. 91–100. DOI: 10.26516/2222-9124.2020.32.91.
- Владимирски и Кротова 2020б – *Владимирски И., Кротова М. В.* К вопросу изучения сибирского купечества: круг социальных контактов золотопромышленника Якова Фризера // Омский научный вестник. Общество. История. Современность. 2020. № 5 (2). С. 9–15. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-2-9-15.
- Владимирски и Кротова 2020в – *Владимирски И., Кротова М. В.* Мемуары сибирских купцов Я. Д. Фризера и С. В. Востротина как зеркало регионалистики // Северные архивы и экспедиции. 2020. № 4 (2). С. 18–30. DOI: 10.31806/2542-1158-2020-4-2-18-30.
- Войтинский и Горнштейн 1915 – *Войтинский В. С., Горнштейн А. Я.* Евреи в Иркутске. Иркутск: Хоз. правл. Иркут. евр. молитв. дома и Иркут. отд. Общ. распространения прос. между евреями в России, 1915. 393 с.
- Галашова 2006 – *Галашова Н. Б.* Евреи в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. (1860–1917 гг.). Красноярск: Красноярский писатель, 2006. 392 с.
- Генина 2003 – *Генина Е. С.* Кампания по борьбе с космополитизмом в Кузбассе (конец 1940-х – начало 1950-х гг.). Красноярск: Кларетрианум, 2003. 140 с.
- Герасимова 2016 – *Герасимова В. А.* «Примерный солдат своего отечества?» Еврейский кантонист на службе империи (по мемуарам А. М. Пантофеля) // Азиатская Россия: люди и структуры империи. Омск: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2016. С. 315–325.
- Герасимова 2019 – *Герасимова В. А.* Иудейское культовое строительство Тобольска в XIX в.: опыт источниковедческого исследования // Вестник архивиста. 2019. Вып. 3. С. 909–22. DOI: 10.28995/2073-0101-2019-3-909-922.
- Герасимова и Демьянов 2019 – *Герасимова В. А., Демьянов К. В.* Омск еврейский: маршрут экскурсии. Омск: Кан, 2019. 33 с.
- Гольдберг и Клуюева 2004 – *Гольдберг Р. С., Клуюева В. П.*, ред. «Приезд и водворение в Сибирь евреям воспрещается» Из истории еврейской общины в Тюмени. Тюмень: Тюменский курьер, 2004. 184 с.

- Гончаров 2012 – *Гончаров Ю. М.* «Сибирская идентичность евреев дореволюционной Сибири» // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2012. № 2 (3). Часть 1. С. 26–32.
- Гончаров 2013 – *Гончаров Ю. М.* Еврейские общины Западной Сибири (XIX – начало XX в.). Барнаул: Азбука, 2013. 174 с.
- Города России в 1910 году 1914 – Города России в 1910 году. СПб.: Центральный статистический комитет МВД, 1914. Т. 2. 1200 с.
- Дамешек и Ремнев 2007 – *Дамешек Л. М., Ремнев А. В.*, ред. Образы Сибири и региональная идентичность // Сибирь в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение. 2007. С. 24–39.
- Домбровская и Домбровский 2015 – *Домбровская Ж., Домбровский В. Яков Савельевич Домбровский. Очерк жизни* // Иркипедия. 2015. http://irkipedia.ru/content/yakov_savelevich_dombrovskiy_ocherk_zhizni. (10.09.2021).
- Жигунова, Ремнев и Суворова 2014 – *Жигунова М. А., Ремнёв А. В., Суворова Н. Г.* Сибирский ракурс региональной идентичности // Национальные приоритеты России. 2014. Вып. 2 (12). С. 48–62.
- Кальмина 2003 – *Кальмина Л. В.* Еврейские общины Восточной Сибири: (середина XIX в. – февраль 1917 года). Дисс. ... докт. ист. наук. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2003.
- Котляр 2004 – *Котляр Е.* Евреи на карте Харькова: Историческая прогулка в канун юбилея // Истоки. 2004. № 14. С. 48–57.
- Курас 2010 – *Курас С. Л.* Ссылка евреев в Сибирь в законодательных актах и делопроизводственной документации: (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.). Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2010. 160 с.
- Лебедева 2000 – *Лебедева Н. И.* Памятники культового зодчества в динамике культурно-исторических реалий XX века: на материалах Омского Прииртышья. Дисс. ... канд. ист. наук. Омск: Омский государственный университет, 2000.
- Левин и Лурье 2012 – *Левин В., Лурье И.* Формирование еврейской ортодоксальной политики // История еврейского народа в России: От разделов Польши до падения Российской империи, 1772–1917 / под редакцией И. Лурье. Москва, Иерусалим: Гешарим. 2012. С. 361–400.
- Молчанова 2014 – *Молчанова Т.* Инвентаризация старого еврейского кладбища в Баргузине. Школьный проект. МБОУ «Баргузинская СОШ», Республика Бурятия. 2014. <https://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2014/02/05/inventarizatsiya-starogo-barguzinskogo-evreyskogo-kladbishcha>. (10.09.2021).
- Нам 2009 – *Нам И. В.* Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск: Издательство Томского университета, 2009. 500 с.

- Нам 2014 – *Нам И. В.* Институционализация этничности в сибирском переселенческом обществе (конец XIX – начало XX в.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2014. № 10. С. 34–49.
- Орехова 2007 – *Орехова Н. А.* Еврейские общины на территории Енисейской губернии: XIX – начало 30-х гг. XX вв. Дисс. ... канд. ист. наук. Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, 2007.
- Островский 1911 – *Островский Ю.* Сибирские евреи. СПб.: Б. и., 1911. 62 с.
- Петровский-Штерн 2003 – *Петровский-Штерн Й.* Евреи в русской армии: 1827–1914. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 556 с.
- Рабинович 1998 – *Рабинович В. Ю.* Евреи дореволюционного Иркутска как предпринимательское меньшинство. Дисс. ... канд. ист. наук. Иркутск: Иркутский государственный университет, 1998.
- Рабинович 2002 – *Рабинович В. Ю.* Евреи дореволюционного Иркутска: меняющееся меньшинство в меняющемся обществе. Красноярск: Кларетианум, 2002. 240 с.
- Рабинович 2003 – *Рабинович В. Ю.* «Еврей или сибиряк?» // *Ab Imperio*. 2003. Вып. 4. С. 115–142.
- Романов 1993 – *Романов Н. С.* Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1993. 544 с.
- Романова 2001 – *Романова В.* Власть и евреи на Дальнем Востоке России: история взаимоотношений (вторая половина XIX в. – 20-е годы XX в.). Красноярск: Кларетианум, 2001. 292 с.
- Тройницкий 1897 – *Тройницкий Н. А.* Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., Санкт-Петербург: паровая типо-лит. Н. Л. Ныркина. 1897–1905, тт. 72–76, 78–81.
- Тройницкий 1905 – *Тройницкий Н. А.* Краткие общие сведения по империи. Распределение населения по главнейшим сословиям, вероисповеданиям, родному языку и по некоторым занятиям. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 год. Санкт-Петербург: паровая типо-лит. Н. Л. Ныркина. 1905. 43 с.
- Ульянова 2010 – *Ульянова О. С.* Еврейское население в экономической, социокультурной и общественно-политической жизни города Томска (вторая половина XIX – 20-е гг. XX столетия). Томск: Издательство Томского университета, 2010. 246 с.
- Ульянова 2011 – *Ульянова О. С.* Еврейская община города Томска: становление, развитие и свертывание ее деятельности (вторая половина XIX – 20-е гг. XX столетия). Томск: Издательство Томского университета, 2011. 114 с.
- Цам 1909 – *Цам Г. Я.* История возникновения в г. Томске военно-молитвенной солдатской школы. Томск: Типо-лит. Т-ва печатн. дела, 1909. 21 с.

- Штампфер 2014 – *Штампфер Ш.* «Пушке» и ее метаморфозы // Семья, школа и раввины у евреев Восточной Европы. Иерусалим, Москва: Гешарим/Мосты культуры. 2014. С. 230–250.
- Юдалевич 1913 – И. А. Юдалевич // Юбилейное историческое и художественное издание в память 300-летия царствования державного дома Романовых. М.: Издание М.С. Гугелия, 1913. Б. паг.
- Abrahams 1953 – *Abrahams B.* Mayne zibetsik yor. Johannesburg: Kayor Publishing House. 1953. 202 p.
- Berezin and Levin, forthcoming – *Berezin A., Levin V.* Frontier Jews: Jewish Colonization of Siberia and its Architectural Expressions // Jewish Communities in Modern Asia: Their Rise, Demise and Resurgence / eds. Rotem Kowner and Ithamar Theodor. Cambridge: Cambridge University Press, forthcoming.
- Cohen-Mushlin et al. 2010 – *Cohen-Mushlin A., Kravtsov S., Levin V., Mickūnaitė G., and Šiaučiūnaitė-Verbickienė J.*, eds. Synagogues in Lithuania. A Catalogue. Vol. 1. Vilnius: Vilnius Academy of Arts Press. 2010. 334 p.
- Klein 2017 – *Klein R.* Synagogues in Hungary, 1782–1918: Genealogy, Typology and Architectural Significance. Budapest: TERC. 2017. 800 p.
- Kotlyar 2011 – *Kotlyar E.* Jewish Kharkov – Evreiskii Khar'kov: A Guide-Book on History, Culture and Memorial Places. Kharkov: Center for Eastern Studies of Kharkov State Academy of Design and Arts, 2011. 165 p.
- Kravtsov 2016 – *Kravtsov S.* Architecture of 'New Synagogues' in Central-Eastern Europe // Reform Judaism and Architecture / eds. A. Brämer, M. Przystawik, and H. H. Thies. P. 47–78. Petersberg: Michael Imhof Verlag, 2016.
- Krinsky 1996 – *Krinsky C. H.* Synagogues of Europe: Architecture, History, Meaning. New York: Dover Publications, 1996. 480 p.
- Lederhendler 1995 – *Lederhendler E.* Did Russian Jewry Exist prior to 1917? // Jews and Jewish Life in Russia and the Soviet Union / ed. Y. Ro'i. Ilford: Frank Cass. 1995. P. 15–27.
- Levin 1988 – *Levin S. D.* Toldot habad be-erets ha-kodesh ba-shanim 1777–1950. Brooklyn: Kehat. 1988. 336 p.
- Levin 2010a – *Levin V.* Synagogues in Lithuania: A Historical Overview // Synagogues in Lithuania: A Catalogue / eds. A. Cohen-Mushlin, S. Kravtsov, V. Levin, G. Mickūnaitė, and J. Šiaučiūnaitė-Verbickienė. Vol. 1. Vilnius: Vilnius Academy of Arts Press. 2010. P. 17–41.
- Levin 2010b – *Levin V.* The St. Petersburg Jewish Community and the Capital of the Russian Empire: An Architectural Dialogue // Jewish Architecture in Europe / eds. Aliza Cohen-Mushlin and Harmen H. Thies. Petersberg: Michael Imhof Verlag. 2010. P. 197–217.
- Levin 2016 – *Levin V.* Mi-mahapekhah le-milhamah: Ha-politikah ha-yehudit be-rusiyah, 1907–1914. Jerusalem: Zalman Shazar Center, 2016. 503 p.

- Levin 2017a – *Levin V.* The Legal History of Synagogues of Volhynia // Synagogues in Ukraine: Volhynia / Sergey Kravtsov and Vladimir Levin. Jerusalem: Zalman Shazar Center and the Center for Jewish Art. 2017. P. 21–57.
- Levin 2017b – *Levin V.* The Social Function of Synagogue Ceremonial Objects in Volhynia // Synagogues in Ukraine: Volhynia / Sergey Kravtsov and Vladimir Levin. Vol. 1. Jerusalem: Zalman Shazar Center and the Center for Jewish Art. 2017. P. 139–173.
- Levin 2020 – *Levin V.* Reform or Consensus? Choral Synagogues in the Russian Empire // Arts. 2020. № 9 (72). P. 1–49. DOI:10.3390/arts9020072.
- Levin 2021 – *Levin V.* The Architecture of Gender: Women in the Eastern European Synagogue // Jewish History 35, P. 89–134. DOI: 10.1007/s10835-021-09412-4.
- Levin and Staliūnas 2016 – *Levin V., Staliūnas D.* Lite on the Jewish Mental Maps // Spatial Concepts of Lithuania in the Long Nineteenth Century / ed. D. Staliūnas. Boston: Academic Studies Press. 2016. P. 312–370.
- Lindenmeyr 1996 – *Lindenmeyr A.* Poverty Is Not a Vice: Charity, Society, and the State in Imperial Russia. Princeton: Princeton University Press, 1996. 335 p.
- Meyer 1995 – *Meyer M. A.* Response to Modernity: A History of the Reform Movement in Judaism. Detroit: Wayne State University Press, 1995. 494 p.
- Ming Hui Pan 2020 – *Ming Hui Pan.* The Harbin Jewish Community and the Regional Conflicts of Northeast China, 1903–1963. PhD thesis, Montreal: Concordia University, 2020.
- Segev 2015 – *Segev D.* Tafkaida ha-hevratī shel ha-itonut ha-ivrit ba-imperiyah ha-rusit be-tkufat aleksandr ha-shlishi (1881–1894). PhD thesis, Tel Aviv: Tel Aviv University, 2015. 279 p.
- Slezkine 1993 – *Slezkine Y.* Introduction: Sibiria as History // Between Heaven and Hell: The Myth of Siberia in Russian Culture / ed. Galya Diment and Yuri Slezkine. New York: St. Martin's Press. 1993. P. 1–6.
- Sperber 2008 – *Sperber D.* The Jewish Life Cycle: Custom, Lore and Iconography. Jewish Customs from the Cradle to the Grave. Oxford and Ramat Gan: Oxford University Press and Bar-Ilan University Press, 2008. 676 p.
- Stampfer 2012 – *Stampfer Sh.* Lithuanian Yeshivas of the Nineteenth Century: Creating a Tradition of Learning. Tran. Lindsey Taylor-Gutharz. Oxford: The Littman Library of Jewish Civilization, 2012. 416 p.
- Wischnitzer 1964 – *Wischnitzer R.* The Architecture of the European Synagogue. Philadelphia: Jewish Publication Society. 1964. 312 p.

Siberian Myth in the Jewish History: Jews of Siberia as a Religious Group

Anna Berezin

(Jerusalem, Israel)

PhD, the Center for Jewish Art at the Hebrew University of Jerusalem

e-mail: anna.berezin@mail.huji.ac.il

ORCID: 0000-0002-0020-2169

Vladimir Levin

(Jerusalem, Israel)

PhD, the Center for Jewish Art at the Hebrew University of Jerusalem

e-mail: vladimir.levin@mail.huji.ac.il

ORCID: 0000-0001-8166-1297

Abstract: The present article aims to analyze the religious practices of Siberian Jews in a broad Jewish context. It presents a review of the religious life of the Jews isolated from traditional centers, with a focus on the models they were guided by in developing their communal life and the ways in which they maintained their connection with the Jewish world. The research is primarily based on the analysis of Jewish periodicals and the material culture of Siberian Jews (synagogue buildings, Jewish cemeteries, and ceremonial objects). The authors contest the view of Siberian Jews as a unique group, widespread in historiography, as untenable. Siberian Jewry developed within the framework of the modernized model, common in St. Petersburg, Moscow, and other cities outside the Pale of Settlement as well as among Jews in large cities of the Pale. The forms of religious observance in Siberia are similar to those typical for regions and cities with a rapid pace of modernization of the Jewish population.

Keywords: Jews, Jewish history, Siberia, synagogues, Jewish cemeteries, ceremonial objects, Jewish press, modernization.

References

- Alferova, O.Yu., 2014, *Evreiskaia religioznaia obshchina Tary v kontse 19 – nachale 20 veka* [Jewish community in Tara in the end of the 19th – beginning of the 20th centuries]. In *Khramy v krepostnykh stenakh: konfessional'naia istoriia goroda Tary* [Places of worship in the town walls: history of denominations in the town Tara], 29–42. Omsk, Nauka, 230.
- Belykh, E.A., L.V. Kal'mina, and L.V. Kuras, 2010, *Obshchestvennaia i kul'turno-prosvetitel'skaia deiatel'nost' evreev v Zabaikal'skoi oblasti (60-e gg. 19 v. –*

- fevral' 1917 g.)* [Public, cultural and educational activities of Jews in the Transbaikal region]. Ulan-Ude, VSGAKI, 191.
- Berezin, A. and V. Levin. *Frontier Jews: Jewish Colonization of Siberia and its Architectural Expressions. Jewish Communities in Modern Asia: Their Rise, Demise and Resurgence*, eds. Rotem Kowner and Ithamar Theodor. Cambridge: Cambridge University Press, forthcoming.
- Berman, E.A., 2019, *Skazki zabytogo ravvina. Etnokul'turnoe nasledie Solomona Beilina: evreiskii fol'klor, avtorskaia publitsistika, rasskazy, vospominaniia* [Fairytale of the forgotten Rabbi. Ethnic and cultural heritage of Solomon Beilin: Jewish folklore, journalism, short stories, memoirs]. Irkutsk, Izdatel'stvo IRNITU, 224.
- Cohen-Mushlin, A., S. Kravtsov, V. Levin, G. Mickūnaitė, and J. Šiaučiūnaitė-Verbickienė, eds., 2010, *Synagogues in Lithuania. A Catalogue*. Vol. 1., Vilnius, Vilnius Academy of Arts Press, 472.
- Dameshek, L.M., and A.V. Remnev, eds., 2007, *Sibir' v sostave Rossiiskoi imperii* [Siberia as a part of the Russian Empire]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 370.
- Galashova, N.B., 2006, *Evrei v Tomskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. (1860–1917 gg.)* [Jews in the Tomsk Governorate in the second half of the 19th – beginning of the 20th centuries (1860–1917)]. Krasnoiarsk, Krasnoiarskii pisatel', 241.
- Genina, E.S., 2003, *Kampaniia po bor'be s kosmopolitizmom v Kuzbasse (konets 1940–kh – nachalo 1950–kh gg.)* [The campaign against cosmopolitanism in Kuzbass (the late 1940s–early 1950s)]. Krasnoiarsk, Klaretianum, 140.
- Gerasimova, V.A., 2016, “Primernyi soldat svoego otechestva?” *Evreiskii kantonist na sluzhbe imperii (po memuaram A.M. Pantofelia)* [Exemplary soldier of his Fatherland? Jewish cantonist on service of the empire (following memoirs of A.M. Pantofel)]. *Aziatskaia Rossiia: liudi i struktury imperii* [Asian Russia: people and imperial structures], 315–25. Omsk, Omskii gosudarstvennyi universitet imeni F.M. Dostoevskogo, 480.
- , 2019, *Yudeiskoe kul'tovoe stroitel'stvo Tobol'ska v XIX v.: opyt istochnikovedcheskogo issledovaniia* [The Jewish houses of worship in Tobolsk in the 19th century: a source study]. *Vestnik arkhivista*, 3, 909–22. DOI: 10.28995/2073-0101-2019-3-909-922.
- Gerasimova, V.A., and K.V. Dem'ianov, 2019, *Omsk evreiskii: marshrut ekskursii* [Jewish Omsk: city tour]. Omsk, Kan, 33.
- Gol'dberg, R.S., and V.P. Kliueva, eds., 2004, “*Priezd i vodvorenii v Sibir' evreiam vospreshchaetsia*”: *Iz istorii evreiskoi obshchiny v Tiiumeni* [Arrival and settlement of Jews in Siberia is forbidden”: From the history of the Jewish community in Tyumen]. Tyumen: Tiimenskii kur'er, 182.
- Goncharov, Yu.M., 2012, *Sibirskaiia identichnost' evreev dorevoliutsionnoi Sibiri* [Siberian identity of Jews in prerevolutionary Siberia]. *Izvestiia Irkutskogo*

- gosudarstvennogo universiteta. Serii: Politologiya. Religiovedenie*, 2(3), Pt. 1, 26–32.
- , 2013, *Evreiskie obshchiny Zapadnoi Sibiri (XIX – nachalo XX v.)* [Jewish communities of Western Siberia (19th – beginning of the 20th century)]. Barnaul, Azbuka, 172.
- Kal'mina, L.V., 2003, *Evreiskie obshchiny Vostochnoi Sibiri (seredina XIX v. – fevral' 1917 goda)* [Jewish communities of Eastern Siberia (mid-19th century – February 1917)]. Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni doktora istoricheskikh nauk [PhD thesis], Irkutsk: Irkutskii gosudarstvennyi universitet, 583.
- Kuras, S.L., 2010, *Ssylka evreev v Sibir' v zakonodatel'nykh aktakh i deloproizvodstvennoi dokumentatsii: (vtoraia polovina XIX v. – fevral' 1917 g.)* [Exile of Jews to Siberia: legislation and records (2nd half of the 19th century – February 1917)]. Ulan-Ude, VSGAKI, 159.
- Lebedeva, N.I., 2000, *Pamiatniki kul'tovogo zodchestva v dinamike kul'turno-istoricheskikh realii XX veka: Na materialakh Omskogo Priirtysh'ia* [Objects of ritual architecture in the cultural and historical context of the 20th century: Sources of the Omsk region]. Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk [PhD thesis], Omsk: Omskii gosudarstvennyi universitet, 280.
- Levin, V., 2010a, *Synagogues in Lithuania: A Historical Overview*. In *Synagogues in Lithuania: A Catalogue*, eds. Aliza Cohen-Mushlin, Sergey Kravtsov, Vladimir Levin, Giedrė Mickūnaitė, and Jurgita Šiaučiūnaitė-Verbickienė, 1:17–41. Vilnius, Vilnius Academy of Arts Press, 472.
- , 2010b, *The St. Petersburg Jewish Community and the Capital of the Russian Empire: An Architectural Dialogue*. In *Jewish Architecture in Europe*, eds. Aliza Cohen-Mushlin and Harmen H. Thies, 197–217. Petersburg: Michael Imhof Verlag, 382.
- , 2016, *Mi-mahapekhah le-milhamah: Ha-politikah ha-yehudit be-rusiyah, 1907–1914* [From revolution to war: Jewish politics in Russia, 1907–1914]. Jerusalem: Zalman Shazar Center, 503.
- , 2017a, *The Legal History of Synagogues of Volhynia*. In *Synagogues in Ukraine: Volhynia*, Sergey Kravtsov and Vladimir Levin, 21–57. Jerusalem: Zalman Shazar Center and the Center for Jewish Art.
- , 2017b, *The Social Function of Synagogue Ceremonial Objects in Volhynia*. In *Synagogues in Ukraine: Volhynia*, Sergey Kravtsov and Vladimir Levin, 139–173. Jerusalem, Zalman Shazar Center and the Center for Jewish Art.
- , 2020, *Reform or Consensus? Choral Synagogues in the Russian Empire*. *Arts* 9 (72), 1–49. DOI: 10.3390/arts9020072.
- , 2021, *The Architecture of Gender: Women in the Eastern European Synagogue*. *Jewish History* 35 (2021): 89–134. DOI: 10.1007/s10835-021-09412-4.

- Levin, V., and I. Lurie, 2012, Formirovanie evreiskoi ortodoksal'noi politiki [Development of Jewish Orthodox politics]. *Istoriia evreiskogo naroda v Rossii: Ot razdelov Pol'shi do padeniia Rossiiskoi imperii, 1772–1917* [History of the Jews in Russia. From the partitions of Poland to the fall of the Russian Empire, 1772–1917], ed. Ilia Lurie, 361–400. Moscow, Jerusalem: Mosty kul'tury–Gesharim, 534.
- Levin, V., and D. Staliūnas, 2016, Lite on the Jewish Mental Maps. In *Spatial Concepts of Lithuania in the Long Nineteenth Century*, ed. Darius Staliūnas, 312–70. Boston, Academic Studies Press, 478.
- Ming Hui Pan, 2020, *The Harbin Jewish Community and the Regional Conflicts of Northeast China, 1903–1963*. PhD thesis, Montreal, Quebec, Canada: Concordia University, 246.
- Nam, I.V., 2009, *Natsional'nye men'shinstva Sibiri i Dal'nego Vostoka na istoricheskom perelome (1917–1922 gg.)* [Ethnic minorities in Siberia and Russian Far East at the historic turning point]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 500.
- , 2014, Institutsionalizatsiia etnichnosti v sibirskom pereselencheskom obshchestve (konets XIX – nachalo XX v.) [Institutionalization of ethnicity among Siberian settlers]. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*, 10, 34–49.
- Orekhova, N.A., 2007, *Evreiskie obshchiny na territorii Eniseiskoi gubernii: XIX – nachalo 30-kh gg. XX vv.* [Jewish communities in the Eniseisk Governorate: 19th – the early 30s of the 20th century]. Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk [PhD thesis], Krasnoiarsk: Krasnoiarskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni V.P.Astaf'eva, 275.
- Petrovskii-Shtern, Y., 2003, *Evrei v russkoi armii: 1827–1914* [Jews in the Russian Army]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 556.
- Rabinovich, V.Yu. 1998, *Evrei dorevoliutsionnogo Irkutsk kak predprinimatel'skoe men'shinstvo* [Jews of prerevolutionary Irkutsk as an entrepreneurial minority]. Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk [PhD thesis], Irkutsk: Irkutskii gosudarstvennyi universitet, 236.
- . 2002. *Evrei dorevoliutsionnogo Irkutsk: meniaiushcheesia men'shinstvo v meniaiushchemsia obshchestve* [Jews of prerevolutionary Irkutsk: a changing minority in a changing society]. Krasnoiarsk: Klaretianum, 238.
- . 2003. *Evrei ili sibirskii?* [A Jew or a Siberian?] *Ab Imperio*, 4: 115–42.
- Romanova, V. 2001. *Vlast' i evrei na Dal'nem Vostoke Rossii: istoriia vzaimootnoshenii (vtoraiia polovina XIX v. – 20-e gody XX v.)* [Administration and Jews in the Russian Far East: history of relationships (second half of the 19th century – 1920s)]. Krasnoiarsk: Klarentianum, 292.
- Segev, D., 2015, *Tafkida ha-hevrat shel ha-itonut ha-ivrit ba-imperiyah ha-rusit be-tkufat aleksandr ha-shlishi (1881–1894)* [The social role of Hebrew press

- in the Russian Empire under Alexander III (1881–1894)]. PhD thesis, Tel Aviv: Tel Aviv University. 279.
- Slezkine, Yu., 1993, Introduction: Siberia as History. In *“Between Heaven and Hell: The Myth of Siberia in Russian Culture,”* eds., Galya Diment and Yuri Slezkine, 1–6. New York: St. Martin’s Press.
- Sperber, D., 2008, *The Jewish Life Cycle: Custom, Lore and Iconography. Jewish Customs from the Cradle to the Grave*. Oxford and Ramat Gan, Oxford University Press and Bar-Ilan University Press, 620.
- Stampfer, Sh., 2012, *Lithuanian Yeshivas of the Nineteenth Century: Creating a Tradition of Learning*. Tr. Lindsey Taylor-Gutharz. Oxford, The Littman Library of Jewish Civilization, 416.
- , 2014, “Pushke” i ee matamorfozy [The Pushke and Its Development]. In *Sem’ia, shkola i ravviny u evreev Vostochnoi Evropy* [Families, Rabbis, and Education: Traditional Jewish Society in Nineteenth-Century Eastern Europe], 230–50. Jerusalem, Moscow: Mosty kul’tury– Gesharim, 320.
- Ul’ianova, O.S., 2010. *Evreiskoe naselenie v ekonomicheskoi, sotsiokul’turnoi i obshchestvenno-politicheskoi zhizni goroda Tomska (vtoraia polovina XIX – 20-e gg. XX stoletii)* [Jewish population in economic, social, cultural and political life of Tomsk]. Tomsk: Izdatel’sтво Tomskogo universiteta, 246.
- . 2011. *Evreiskaia obshchina goroda Tomska: stanovlenie, razvitie i svertyvanie ee deiatel’nosti (vtoraia polovina XIX – 20-e gg. XX stoletii)* [Jewish community of Tomsk: establishment, development and drawdown]. Tomsk: Izdatel’sтво Tomskogo universiteta, 114.
- Varkin, I. E., ed. 2013, *Evrei v sotsiokul’turnom prostranstve Tiumeni i regiona: k 100-letiiu gorodskoi sinagogi. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii (Tiumen’, 24–25 oktiabria 2012 goda)* [Jews in the socio-cultural context of Tiumen’ and its region: dedicated to 100-anniversary of the town synagogue. Proceedings of the conference (Tyumen, 24–25 October, 2012), Tyumen, Izdatel’sтво Tiemenskogo gosudarstvennogo universiteta, 202.
- Vladimirsky, I. 2019, “Otsiuda, skol’ko ni skachi, ni do kakogo gosudarstva ne doskachesh’...”: goroda Sibiri v dnevnikh sibirskogo zolotopromyshlennika Yakova Frizera [“You May Gallop for Three Years before You Reach a Foreign Country...” Cities of Siberia in the Diaries of Siberian Gold-Mining Magnate Yakov Frizer]. *Historia Provinciae – Zhurnal regional’noi istorii*, 3 (2), 672–711. DOI: 10.23859/2587-8344-2019-3-2-4.
- Vladimirsky, I. and Krotova M.V., 2019a, Knigi i vstrechi: formirovanie dukhovnogo mira evreiskogo kuptsa v Sibiri na rubezhe 19 i 20 vv.’ [Books and meetings: the formation of the spiritual world of the Jewish merchant in Siberia at the turn of the 20th century]. *Ural’skii istoricheskii vestnik*, 1 (62), 79–86. DOI: 10.30759/1728-9718-2019-1(62)-79-86.
- , 2020b, K voprosu izucheniia sibirskogo kupechestva: krug sotsial’nykh kontaktov zolotopromyshlennika Yakova Frizera [On the issue of studying Siberian merchant class: the circle of social contacts of gold producer Yakov

Frizer]. *Omskii nauchnyi vestnik. Obshchestvo. Istoriia. Sovremennost'*, 5 (2), 9–15. DOI:10.25206/2542-0488-2020-5-2-9-15.

———, 2020c, Memuary sibirskikh kuptsov Ya. D. Frizera i S. V. Vostrotina kak zerkalo regionalistiki [Memoirs of the Siberian merchants Ya. D. Frizer and S. V. Vostrotin as a mirror of regional science]. *Severnye arkhivy i ekspeditsii*, 4 (2), 18–30. DOI:10.31806/2542-1158-2020-4-2-18-30.

Zhigunova, M.A, A.V. Remnev, and N.G. Suvorova. 2014. Sibirskii rakurs regional'noi identichnosti [The Siberian aspect of the regional identity]. *Natsional'nye priority Rossii*, 2 (12), 48–62.

Това Бенжамин

(США, Нью-Йорк)

Нью-Йоркский университет, Скирбол Департамент еврейских исследований

Аспирантка

ORCID: 0000-0001-7885-9534

E-mail: tpb254@nyu.edu

«Желтый вопрос» и еврейский вопрос на российском Дальнем Востоке: 1858–1914¹

Аннотация: В статье сравниваются еврейский и «желтый» вопросы на российском Дальнем Востоке, а также противоречивое отношение имперской администрации к китайцам, корейцам и евреям и их экономической деятельности в Приамурском крае. Рассмотрение этих групп вместе показывает, что империя относилась к евреям как к своему внутреннему «другому», а дискурс, характерный для описания евреев западных окраин Российской империи, мог применяться и в отношении других групп, воспринимавшихся как угроза, в данном случае – корейских и китайских мигрантов и поселенцев. В статье подробно описывается правовая неопределенность, в которой эти три группы существовали в период с 1858 по 1884 г., а также развитие анти-азиатских и антиеврейских настроений после изменения административных границ в 1884 г. Несмотря на небольшое количество евреев в регионе, местные чиновники и чиновники Министерства юстиции и внутренних дел обсуждали еврейский вопрос в Приамурье. Российские чиновники и русские поселенцы, желавшие обратить внимание на возможную экономическую угрозу, исходящую от китайских и корейских поселенцев, воспринимали как типичных экономических эксплуататоров и евреев. В более ранний период (кон. XVIII в. – нач. XIX в.) империя считала евреев потенциально продуктивным колонизирующим элементом. В этой статье на региональном примере (Дальний Восток) рассматривается, как в имперском отношении к нерусскому населению соединились представления об экономической пользе от нежелательных групп с их предполагаемой культурной угрозой.

Ключевые слова: еврейский вопрос, имперские границы, евреи в Сибири и на Дальнем Востоке, корейцы в Приамурье, колонизация, китайская миграция.

DOI: 10.31168/2658-3364.2021.1.04

¹ Данное исследование осуществлено благодаря стажировке в Исследовательском центре Частного учреждения культуры «Еврейский музей и центр толерантности» (Москва) и финансовой поддержке А.И. Клячина. Я хотела бы поблагодарить анонимных рецензентов за их вдумчивые замечания, редакторов, а также Якова Липскера за правки, которые мне очень помогли улучшить текст статьи.

На протяжении XVIII–XIX вв. Российская империя последовательно расширялась, включая в себя новые территории и разнообразные народы. Одной из самых трудных задач было поддержание стабильности в новообретенных районах с различными группами населения и превращение этих районов в интегральные части империи. В середине XIX в., после заключения ряда договоров с Китаем, Россия заняла Дальний Восток – территорию, прилегающую к рекам Амур и Уссури, вплоть до границы с Кореей, за тысячи километров от имперского центра. Вместе с землями к России отошло и население, состоящее как из представителей коренных народностей, так и из мигрантов. В поисках земли и лучшей доли мигранты прибывали в регион и до присоединения к России, и в особенности после него.

Учитывая близость Корейской империи и империи Цин, неудивительно, что к 1884 г., когда Дальний Восток стал Приамурским генерал-губернаторством, он уже был домом для десятков тысяч китайских и корейских поселенцев и мигрантов. У российских чиновников концентрация иностранцев в приграничном районе вызывала беспокойство, для обозначения всего комплекса проблем, которые, как считалось, могут быть вызваны этими группами населения, появился термин «желтый вопрос». Под этим термином имелась в виду как внешняя угроза от соседних государств, так и внутренняя угроза, исходящая от китайских и корейских мигрантов, а также вопрос о правовом статусе, праве на поселение и экономической активности этих мигрантов.

Помимо тех, кто попадал в Приамурье через дальневосточную границу, между 1858 и 1884 гг. в регион прибыло несколько тысяч мигрантов из Восточной и Западной Сибири, а также из европейской части России. Среди последних были и еврейские переселенцы, в том числе нелегальные. Российская администрация рассматривала присутствие евреев и иностранцев вблизи границы с Цинской империей как проблему, мешающую развитию новоприобретенных земель, переселению на них русских крестьян и охране границы от экономических и военных посягательств соседних держав. В отсутствие развитой административной и полицейской инфраструктуры местные власти поначалу вынужденно терпели и нелегальных нерусских переселенцев из других уголков империи, и китайцев, а корейцев даже признавали полезными в качестве земледельцев, но со временем начали предпринимать шаги для ограничения миграции и ужесточения контроля над иностранным присутствием в приграничных областях.

Качественный сдвиг в политике империи на Дальнем Востоке произошел в 1884 г., когда там было учреждено Приамурское генерал-губернаторство, включавшее Амурскую, Приамурскую и Забайкальскую области и остров Сахалин. Уже первый генерал-губернатор барон А. Н. Корф поднял вопрос о правовом статусе корейцев, китайцев и евреев – их праве

на жительство и экономическую деятельность в регионе. Несмотря на то, что по состоянию на 1884 г. евреи, в отличие от китайцев и корейцев, являлись российскими подданными, генерал-губернатор воспринимал все три группы как потенциальную угрозу – и экономическую, и культурную. В настоящей статье обсуждаются «желтый» и еврейский вопросы на Дальнем Востоке, сравнивается отношение местных имперских чиновников к китайским, корейским и еврейским поселенцам в Приамурье. Опираясь на архивные материалы, личные свидетельства генерал-губернаторов, отчеты путешественников и уже опубликованные по этой и смежным темам работы, я сравниваю положение евреев, китайцев и корейцев в период ранней колонизации – до 1884 г. – и анализирую эволюцию имперской риторики по отношению к ним после учреждения генерал-губернаторства.

Рассматривая эти группы вместе, нетрудно увидеть, что к евреям Российская империя относилась как к своему внутреннему «другому» и что ее видение ситуации у восточных границ во многом способствовало использованию дискурса о еврейской угрозе у западных рубежей и в этом случае: он был распространен и на прочие «опасные» группы – китайских и корейских мигрантов и поселенцев. В 1884 г., когда обсуждался вопрос о том, следует ли давать иностранцам и нерусским гражданам империи право на жительство на Дальнем Востоке, генерал-губернатор Корф взвешивал экономическую пользу от той или иной категории населения и вред, который она приносила или могла принести в будущем. Китайцев и корейцев одновременно признавали необходимой для развивающегося региона рабочей силой и обвиняли в экономической эксплуатации, в то время как евреи воспринимались как эксплуататоры *par excellence*. Каким малочисленным не было бы еврейское население региона, местные администраторы и чиновники в Министерствах юстиции и внутренних дел всерьез обсуждали еврейский вопрос в Приамурье. Для властей, как и для многих русских поселенцев, евреи были типичным воплощением экономической угрозы, с которой – в лице мигрантов из Восточной Азии – теперь столкнулись и они сами.

В исследовании о евреях и российской администрации на Дальнем Востоке В. В. Романова утверждает, что, расширив права евреев на проживание, правительство могло бы ограничить приток «желтого труда» и уменьшить проникновение в регион иностранного капитала, тем самым решив – хотя бы частично – две проблемы разом [Романова 2001, 60]. Кажется вполне логичным, что в дальневосточном колониальном контексте еврейские подданные Российской империи, особенно на фоне огромного числа китайских и корейских поселенцев, могли бы не считаться «иностранцами» и на условной цивилизационной лестнице стоять не намного ниже русских². Однако в реальности, при всех различиях

² Так утверждает Дэвид Волфф [Wolff 1999].

в «желтом» и еврейском вопросах, в глазах властей евреи были таким же неблагонадежным элементом, как трудовые мигранты и поселенцы из стран Восточной Азии. На ранних этапах колонизации выживание Дальнего Востока зависело именно от многочисленности китайских и корейских земледельцев и поденных рабочих. Напротив, немногочисленность евреев позволяла местным чиновникам без сомнений обсуждать их высылку из генерал-губернаторства или ограничивать их право на проживание в регионе, так как значимую рабочую силу они собой не представляли. Начиная с 1880-х гг., по мере того как на Дальний Восток прибывало все больше русских переселенцев, преимущественно крестьян, империя становилась все менее терпима ко всем иностранцам, включая корейцев и китайцев, периодически пытаясь выдавить их из приграничных областей и перераспределить землю в пользу своих русских подданных.

Со сменой руководства ограничительная политика по отношению к трем обсуждаемым группам на Дальнем Востоке все более ужесточалась. Н. Л. Гондатти (1860–1946), занимавший пост генерал-губернатора в 1911–1917 гг., прилагал немало усилий для депортации китайцев и корейцев и высылки евреев. Ниже я прослеживаю динамику антиазиатской и антиеврейской риторики властей с середины XIX в. до конца пребывания на генерал-губернаторском посту Гондатти.

Начало колонизации Дальнего Востока: корейские, китайские и еврейские поселенцы в правовом тумане (1858–1884)

Российская империя присоединила левый берег Амура после Айгунского договора 1858 г., а юг Дальнего Востока, Уссурийский край – после Пекинского договора 1860 г. Чиновники в Санкт-Петербурге надеялись, что эти отдаленные земли станут опорным пунктом России, куда будут массово переселяться крестьяне из западных губерний, чтобы осваивать богатейшие ресурсы Дальнего Востока: леса, реки и земельные недра. Сразу после аннексии, в отсутствие адекватной полицейской и административной инфраструктуры, в регион начали переселяться тысячи мигрантов, в основном китайских и корейских³. Большинству евреев было запрещено проживать в Сибири и на Дальнем Востоке, однако несколько

³ Историография на русском языке обычно описывает китайских и корейских поселенцев как мигрантов, хотя многие из них проживали на территории Дальнего Востока еще до его присоединения к России. Сергей Глебов полагает, что именно в результате аннексии эти переселенцы превратились в «мигрантов» [Glebov 2017, 103, сноска 53]. Пржевальский в своих путевых записках отмечал, что трудно определить, кто прибыл в регион до прихода туда России, а кто после. Поскольку корейское и китайское население Дальнего Востока было в высшей

сотен все же поселились там, а некоторым даже удалось приобрести в собственность землю [ГАРФ, Ф. 102. Оп. 76а. Д. 1753. Л. 166]. Мигранты торговали в порту, нелегально добывали полезные ископаемые и расчищали участки в тайге для земледелия – одним словом, осуществляли экономическую деятельность, которую имперский центр практически не мог ни отслеживать, ни контролировать.

Три категории поселенцев – корейцы, китайцы и евреи – определяли как некоренных жителей региона и считали неблагонадежными. Для властей корейцы и китайцы, будучи представителями чужих империй, символизировали внешнюю угрозу, евреи же воспринимались как внутренняя угроза для социальной и экономической стабильности внутри страны. Эти три группы были во многом несхожи, однако военные чиновники, ответственные за успешную колонизацию региона до 1884 г., использовали по отношению к ним одну и ту же риторику: их право находиться на Дальнем Востоке определялось тем, насколько возможным представлялось их обрусение, отношением к их экономической деятельности и «пользой», которую они могли принести империи в качестве колонизаторов. Роднило все три категории еще и то, что все они существовали в правовом тумане: ясного статуса не было ни у тех, кто проживал в регионе задолго до прихода туда России, ни у тех, кто попал туда уже после начала колонизации. До тех пор, пока империя не переселила на Дальний Восток значительное число российских крестьян, «нежелательные» элементы оставались необходимой для освоения региона рабочей силой.

С 1850-х до 1880-х гг. Дальний Восток по большому счету представлял собой военный форпост с оживленным торговым портом во Владивостоке и административным центром, находящимся более чем в 4 000 км от него, – в Иркутске [Ремнев 2004; Matsuzato 2012]. Огромные пограничные территории у реки Амур впервые привлекли внимание российской обществу во время вспышки национального самосознания в 1840-х г. и после поражения Цинской империи в Опиумных войнах. Русские националисты стали рассматривать Дальний Восток как потенциальный Новый Свет России, называя его благословенным «русским Кентукки» [Bassin 1999, 10, 159]. Однако, получив его в свое пользование и немного осмотревшись, власти были глубоко разочарованы и мелководьем Амура, и трудным для жизни климатом, и недостаточно плодородной почвой [Matsuzato 2012, 327; Bassin 1999, 234–244]. Все вышеперечисленное вкупе с удаленностью региона от Европейской России побудило чиновников пойти на беспрецедентные меры, чтобы привлечь на Дальний Восток русских поселенцев. На заре колонизации Николай Муравьев-Амурский

степени мобильным, я использую оба термина – «переселенцы» и «мигранты» – как взаимозаменяемые. Также см. [Park 2019, XVII].

предложил свободу осужденным, отбывавшим каторгу в других частях Сибири, при условии, что они переедут в Приамурье и поселятся там в качестве земледельцев [Bassin, 1999, 234–244; Ремнев 2004, 210]. Задолго до того, как в 1880 г. государство разработало детальный план заселения остальной Сибири, оно смягчило законы о заселении Дальнего Востока, признав этот регион исключительным, и послало туда казаков в надежде на то, что те станут пионерами колонизации [Treadgold 1957, 69–70; Ремнев 2010, 55–56; Park 2019, 158].

До 1880-х гг. колонизаторские инициативы империи на Дальнем Востоке заканчивались в большинстве своем провалом. Чтобы стимулировать заселение региона, в 1861 г. был разработан закон, по которому и российским подданным, и иностранцам раздавались щедрые земельные наделы. Крестьянам государство оплачивало расходы на переезд и освобождало их от уплаты налогов и воинской службы, но само по себе путешествие на Дальний Восток было столь долгим и было сопряжено с такими трудностями, что немногие на него решались⁴. Случалось, что кто-то умирал в пути. Это становилось известно и еще больше отпугивало потенциальных переселенцев [Treadgold 1957, 69–70; Унтербергер 1900, 65–72; Park 2019, 158–159]. В 1869 г., вскоре после присоединения Дальнего Востока, власти возвели на острове Сахалин колонию и начали ссылать туда преступников [Сибирский торгово-промышленный ежегодник 1913, 68]. Отбыв срок, такие люди, как правило, оставались жить на Дальнем Востоке, часто только потому, что не имели средств на дорогу домой [Унтербергер 1900, 118]. Казаки, которые по замыслу властей должны были и выполнять функции солдат военных гарнизонов, и заниматься сельским хозяйством, надежд империи не оправдали. В подробном описании своей поездки по Уссурийскому краю в 1867–1869 гг. географ и путешественник Николай Михайлович Пржевальский отмечает, что местное население, включая около 5 000 казаков (многие из которых были насильно переселены сюда из Забайкалья), представляет собой жалкое зрелище: нищета, болезни, «самый гнусный разврат и апатия ко всякому честному труду» [Пржевальский 1870, 29–30].

Муравьев-Амурский и последующие военные губернаторы считали, что для оптимального развития региона необходимо надежное оседлое население. Географы, путешественники и отдельные местные чиновники с плохо скрываемым недовольством констатировали, что привлечение переселенцев и мигрантов из Восточной Азии является одним из

⁴ По свидетельству Пржевальского, путь по суше из Европейской России до Амура занимал от двух до трех лет, и у большинства крестьян просто заканчивались средства, прежде чем они добирались до пункта назначения. Он рекомендовал переправлять крестьян на Дальний Восток по морю – что правительство и начало делать спустя примерно десять лет [Пржевальский 1870, 291–292].

возможных решений. Отсутствие пограничной полиции не позволяло российской администрации регулировать приток людей в регион, и, начиная с 1860 г., туда хлынули тысячи корейцев и китайцев [Унтербергер 1900, 111], приумножив восточноазиатское население, перешедшее под юрисдикцию России в результате аннексии⁵. Китайские поселенцы были особенно многочисленны и экономически активны в Уссурийском крае и портовом Владивостоке. Корейцы немного уступали им на этих территориях, но населяли и другие районы, в частности, бухту Посъет, вплотную граничившую с Кореей [Шрейдер 1897, 12]. Оценки численности дальневосточных поселенцев из Восточной Азии в первые два десятилетия российской колонизации существенно разнятся: по одним подсчетам – около 7 000 корейцев и 9 000 китайцев, по другим – десятки тысяч и тех, и других: завышенные оценки, скорее всего, объяснялись предвзятостью наблюдателей: у страха, как известно, глаза велики. С подсчетом корейцев у чиновников были трудности, поскольку далеко не все они становились оседлыми – часть постоянно мигрировала между городами и селами. С аналогичной проблемой власти столкнулись и при подсчете китайцев, миграционное и экономическое поведение которых было им вновинку: многие пришельцы из империи Цин валили и обрабатывали лес, другие занимались торговлей, переходя из одной местности в другую. Трудно было не только определить их численность, но и отличить поселенцев от мигрантов⁶.

И сторонние наблюдатели, и чиновники подчеркивали различия между китайцами и корейцами, отдавая предпочтение последним как более надежным и полезным колонизаторам. Такая дифференциация очевидна, в частности, в путевых записках Пржевальского: «В своем домашнем быту корейцы... отличаются трудолюбием, особенно чистотой,

⁵ В отчетах военных чиновников и записках путешественников китайские поселенцы часто обозначаются словом «манза». По словам историка Сергея Глебова, так монгольские чиновники презрительно называли коренное китайское население Маньчжурии и Монголии, со временем этот термин перекочевал на российский Дальний Восток, где стал применяться ко всем китайцам как официальными лицами, так и обычными жителями региона [Glebov 2017, 95]. См. также [Шрейдер 1897, 12].

⁶ Пржевальский различал китайских поселенцев и поденщиков, оценивая оседлое китайское население по состоянию на 1870 г. в 4–5000 человек. Шрейдер же писал, что к 1880 г. в регионе проживало 6 000 корейских поселенцев. В 1898 г. Унтербергер говорил о 7 000 корейских поселенцев и 23 000 корейских мигрантов. Согласно антикорейски настроенному Аносову (1928) численность корейских мигрантов оценить невозможно, так как многие попадали в Россию нелегально; тем не менее он привел примерные оценки: 23 000 корейцев в 1898 г., 27 000 – в 1899-м и 32 298 – в 1901 г. Более детальную демографическую статистику см. в [Унтербергер 1912; Колбасенко 1899; Кабузан 1983; Обзор Приморской области Владивосток, по годам 1876–1916].

что совершенно противоположно китайским манзам, грязным донельзя. Самое одеяние их белого цвета уже указывает на любовь к чистоте» [Пржевальский 1870, 105, 108]. В опубликованном в 1900 г. статистическом очерке «Приморская область, 1856–1898» тогдашний генерал-губернатор признавал важную роль корейцев в первые десятилетия колонизации: благодаря корейским колониям сельхозпродукции стало больше, и цены на нее, соответственно, снизились [Унтербергер 1900; Park 2019, 115]. В своих путевых записках, красноречиво озаглавленных «Наш Дальний Восток», Шрейдер называет корейцев «первыми пионерами-колонизаторами Южно-Уссурийского края» [Шрейдер 1897, 175].

Если верить официальным документам и тревелогам конца XIX – начала XX вв., корейские переселенцы прибыли на Дальний Восток, спасаясь от голода, поразившего их страну. Российские власти встретили их «благожелательно» и «с полным сочувствием». Правительство охотно давало им землю, рассчитывая, что они «сделаются полезным элементом для заселения края» [Пржевальский 1870, 105–106; Шрейдер 1897, 176; Унтербергер 1900; Унтербергер 1912; Аносов 1928]. Следует, впрочем, учитывать ретроспективность подобных благодушных нарративов. В действительности российская военная администрация, признавая необходимость корейских колоний, уже в 1870-х гг. начала проявлять беспокойство в связи с большими скоплениями корейцев вблизи границы и заставлять корейских земледельцев переселяться вглубь региона [Park 2019, 115; Унтербергер 1900, 189; Приамурские ведомости 1894, 8–9].

Китайские поселенцы казались властям не менее необходимыми, чем корейцы, но гораздо более ненадежными. Экономическая ниша, которую заняли китайцы на Дальнем Востоке, во многом была сродни той, что занимали евреи в черте оседлости у западных рубежей державы: мелкая торговля и коммерция. Так, например, в 1897 г. во Владивостоке насчитывалось 3 500 китайских и только 1 240 русских торговцев, при том что в городе проживало около 16 000 русских и только 10 000 китайцев⁷. Так же, как евреи на западных окраинах, своими успехами дальневосточные китайцы были во многом обязаны этнической солидарности и механизмам взаимного кредитования [Kahan 1986, 11–12; Позняк 2010, 206]. Китайское население состояло в основном из мужчин: помимо торговли, они занимались ремеслами и участвовали в железнодорожных работах [Seigelbaum 1978, Hsu 2006]. Многие промышляли неофициальной добычей золота и последующей нелегальной торговлей, особенно распространенной на берегах Амура. Власти не могли контролировать

⁷ Статистика приведена в [Sorokina 1999] и цитируется в [Park, 2019]. Официальный ежегодный «Обзор...» приводил следующие оценки населения Владивостока за 1897 г.: русских – 12 401 мужчина и 3 517 женщин; китайцев – 10 121 мужчина и только 60 женщин [Обзор Приморской области за 1897 год].

китайских старателей и все больше укреплялись в своих опасениях относительно того, что китайцы являются неблагонадежными мигрантами [Унтербергер 1900, 189; Glebov 2017, 105; Боголюбский 1886].

По численности еврейские мигранты на Амуре и в Приамурье не могли соперничать с китайцами или корейцами. Большинству евреев было запрещено проживать в Сибири и на Дальнем Востоке, хотя несколько сот (возможно, до тысячи или больше) евреев из европейской части России все же поселились в Приамурье в первые два десятилетия российской колонизации. Многие поначалу нелегально селились в Сибири, а позже перебирались на восток. Незначительное меньшинство евреев имело право поселиться в регионе, не нарушая закон: это были представители тех категорий, которые после Великих реформ получили особое разрешение проживать вне черты оседлости [Натанс 2007, 61–100]. Среди еврейского населения Сибири был еще один сегмент, к которому реформы не имели отношения: ссыльные и каторжники. Часть самых первых поселенцев на востоке состояла именно из них [Кальмина 2005, 3–8]. Как и каторжане других религиозных конфессий и сословий, после окончания срока (а порой и не дожидаясь его) они перемещались в другие районы Сибири, где многие из них оседали. Их потомки в городах и селах Сибири обеспечили рост еврейского населения к востоку от Урала [Wood 1999, 123; Кальмина 2003а, 41–46; Романова 2001, 19–35]⁸.

Политика дальневосточных властей по отношению к евреям базировалась на тех же принципах, что и на западных окраинах. В 1860 г. Сенат запретил евреям, включая бывших каторжан и ссыльных, селиться ближе, чем в ста верстах от границы с Цинской империей [Белковский 1905, 49]. Этот закон, повторяя аналогичное ограничение на западе (евреям запрещалось селиться не ближе, чем в 50 верстах от западной границы), на практике давал волю местным чиновникам изгонять евреев из региона, когда заблагорассудится [Кальмина 2003b]. В обоих случаях ограничения были основаны на уверенности властей в том, что, проживая рядом с границей, евреи будут заниматься контрабандой товаров на западе и золота на востоке. Министерство финансов, занимавшееся проблемой контрабанды, так и объясняло новую ограничительную меру: «В силу того соображения, что, если она признана нужной в одной губернии, то по тем же причинам она может быть необходима и в других губерниях» [Белковский 1905, 49–50].

⁸ По закону о детях еврейских преступников, только детям до пяти лет давалось разрешение на жительство в регионе. См. [Восход 1889]. В 1909 г. статья в газете «Идише тогблат» об истории российской колонизации Сибири отмечала: «...разумеется, евреи в Сибири родом не из Вильны». Описывая феномен получения права на жительство в Сибири детьми еврейских преступников, автор с иронией употребил религиозный термин «зхус овес» (букв. «за заслуги отцов», т. е. библейских патриархов и других праведников) [Yidishe Togblat 1909, 8].

Помимо торговли, евреи Приамурья, как и китайские поселенцы, работали на золотых приисках и в ремесленных мастерских [Кальмина 2003а, 237–265; 2016, 25–32; Романова 2001, 32, 45; Белковский 1905, 12]. Торговцев, перемещавшихся между населенными пунктами, было труднее контролировать, и среди них могло быть больше нелегальных мигрантов [Белковский 1905, 64–66]. Особенно «трагическим» – как описано в более поздней статье на идише – было положение еврейских преступников, приписанных к деревням, поскольку евреи «не склонны к земледелию и к сельскому образу жизни в целом» [Der Fraynd 1904, 1]. Число евреев, подававших ходатайства о разрешении на переезд, побуждало дальневосточную администрацию обратиться в Министерство внутренних дел, при этом подчеркивалась трудность контроля нелегальных передвижений евреев, на что был получен ответ: «...если пожелают избрать другое место для жительства, могут воспользоваться этим правом лишь в черте постоянной еврейской оседлости» [ГАРФ, Ф. 102. Оп. 76а. Д. 1753. Л. 12–13].

Еврейскому этнографу и идишскому писателю Якову Лещинскому еврейская община Сибири показалась столь малочисленной (особенно в сравнении с еврейским населением черты), что даже не заслуживала отдельного анализа [Lestchinsky 1922, 84]. Численность евреев на Дальнем Востоке оценить трудно. В путевых заметках и мемуарах встречаются отдельные упоминания о евреях, но никто из авторов даже не пытался приводить какие-то цифры, как это делалось в случае китайцев или корейцев. Согласно всероссийской переписи населения 1897 г., в Приамурье проживало около 2 000 евреев, включая отставных солдат, ремесленников и торговцев – 0,8% от общего населения региона, насчитывавшего 223 336 человек [Первая всеобщая перепись 1905, 6, 60, 137]. Разумеется, отдельные еврейские купцы, особенно в Восточной Сибири, были важны для экономического развития региона, однако основной рабочей силой были восточноазиаты: корейские земледельцы, китайские торговцы и поденщики. Изредка источники также упоминают китайцев на Дальнем Востоке как посредническое меньшинство. Одессит Шрейдер по итогам своего путешествия писал, что китаец для региона – это «всё»: «Он прислуга, он и ремесленник, и огородник, и мясоторговец, и фактор, комиссионер, подрядчик, лавочник, земледелец, пахарь – словом, все, что угодно» [Шрейдер 1897, 49].

Дискурс об иностранном труде на Дальнем Востоке после учреждения Приамурского генерал-губернаторства: 1884–1910

В 1884 г., спустя почти тридцать лет после присоединения Россией территории, пролегающей вдоль Амура, регион был официально отделен

от Восточной Сибири и стал Приамурским генерал-губернаторством, во главе которого был поставлен барон А. Н. Корф (1831–1893) [Ремнев 2004, 281; Сибирский торгово-промышленный ежегодник, 1913]⁹. Корф был полон решимости реализовать давнюю имперскую мечту, создав в регионе русскую колонию из крестьян европейской части России. Проблема состояла, однако, в том, что экономика Приамурья во многом зависела от иностранной рабочей силы, капитала и земледельцев.¹⁰ Чтобы навести порядок, Корф начал разрабатывать шкалу «иностранности», учитывая возможность контролировать экономическую деятельность конкретной группы и вероятность ее дальнейшей ассимиляции. Несмотря на то, что число евреев на российском Дальнем Востоке было крошечным в сравнении с корейским и китайским населением, еврейский вопрос был первым из серии «вопросов», которые Корф намеревался решить, как и так называемый желтый вопрос¹¹. Оба вопроса сводились к неоднозначному правовому положению евреев, китайцев и корейцев на Дальнем Востоке, что, в свою очередь, было следствием отсутствия внятного статуса самого региона с 1858-го до 1884 г., когда империя взялась за его реорганизацию.

Новые административные границы на Дальнем Востоке были очерчены в 1884 г., примерно в то же время, когда империя после продолжительной экспансии и военных кампаний в Средней Азии перестраивала конфигурацию всех своих азиатских территорий¹². По мнению Анатолия Ремнева, учреждение новых административных единиц и отделение Дальнего Востока от остальной Сибири было политическим творчеством местных губернаторов, не всегда учитывавших социально-экономические и прочие особенности индивидуальных областей. Ремнев выделил четыре этапа имперской политики в азиатской части России: первый – присоединение территории; второй – перенос региональных административных центров или создание новых; третий – искусственное административное деление и насаждение имперской инфраструктуры,

⁹ Новое генерал-губернаторство включало в себя те части Забайкалья, которые в 1906 г. были административно отнесены к Восточной Сибири. В настоящей статье рассматривается только Приамурье.

¹⁰ Одессит Шрейдер писал о том, что уже в первые дни его путешествия по Уссурийскому краю русские поселенцы говорили ему о своей абсолютной зависимости от китайцев: «Не будь манзы..., мы все перемерли бы здесь с голоду» [Шрейдер 1897, 49].

¹¹ Подробнее см. в «Программе совещания съезда губернаторов Приморского края в Хабаровске в 1885 г.», цит. в [Ремнев 2004, 284–285]; также см. итоги съезда в [Съезд губернаторов Приамурского края, 1885]. О политическом значении «вопросов» во времена социальной и политической нестабильности см. [Case, 2018].

¹² В отличие от Ремнева и Бэссина (Bassin), которые считали, что причиной тридцати лет бездействия имперских властей на Дальнем Востоке была неповоротливость бюрократической машины, Мацузато [Matsuzato 2012] убежден, что оно было вызвано военными кампаниями в Средней Азии. Также см. [Morrison 2020].

а также установление контроля над коренными жителями и пришлым населением и, наконец, четвертый – имперское «поглощение» [Ремнев 2004, 15–17]. С 1990-х гг. историки, заимствуя идеи постколониального дискурса, рассматривали Российскую империю как страну, подобную морским империям Европы [Morrison 2012b]. Один из самых спорных моментов такого подхода состоит в том, что он не учитывает российское «управление инаковости». Историки утверждают, что в российском контексте границы между «колонизаторами» и «колонизируемыми» были более размыты и что Россия не занималась «строгой регламентацией расовых и цивилизационных границ», как это делали западные империи. Но если рассматривать такие территории, как Средняя Азия и, возможно, Дальний Восток, то оказывается, что в действительности Россия имела немало общего с империями Запада [Morrison 2012a].

Учреждение генерал-губернаторства ознаменовало «третий этап» (в терминологии Ремнева) эволюции российской политики на Дальнем Востоке. В 1885 г., вскоре после того как Хабаровск был объявлен новым административным центром, Корф организовал там первое из серии совещаний, на которые приглашал местных чиновников, промышленников и купцов, чтобы определить социальные, политические и экономические проблемы нового «края» и найти пути их решения, позволяющие интегрировать регион во всероссийское национальное целое [Унтербергер 1900, 247–264; Белковский 1905, 63–66; Ремнев 2004, 283]. Одной из наиболее неотложных проблем Корф считал опасное скопление в регионе иностранцев, местных инородцев и других нерусских.

В программе совещания Корф поставил вопрос о том, насколько «желательно или возможно» присутствие в Приамурье китайцев, корейцев и евреев как постоянных жителей или временных поселенцев, и о том, какие права следует им дать. В отличие от корейцев, в 1885 г. еще не получивших российского подданства, и китайцев, которые пользовались экстерриториальностью¹³, евреи являлись российскими подданными (пусть и с ограниченной свободой передвижения), что не помешало Корфу объединить все три группы в одну рубрику. Взгляды Корфа на еврейских подданных России как на внутренних «других» выражались в том, что он объединял их с иностранными подданными и обсуждал в тех же терминах, хотя и не называл евреев напрямую иностранцами¹⁴.

¹³ «Программа совещания на съезде губернаторов Приморского края в Хабаровске в 1885 г.», цит. по [Ремнев 2004, 284–285]. О китайской экстерриториальности см. [Glebov 2017]. Норвежский исследователь Фритъоф Нансен отмечал, что по договору Россия была обязана выдавать китайских правонарушителей китайским властям [Nansen 1914, 365].

¹⁴ Организация переписей населения также является способом классификации населения. В годовых обзорах по Приамурской области, а также в данных о населении в отчетах генерал-губернатора евреи включались в число иностранных

Степень «нежелательности» каждой группы Корф определял, во-первых, опираясь на колониальный дискурс, утверждавший превосходство европейской культуры и ставивший восточноазиатов и евреев на более низкую ступень цивилизационной лестницы; во-вторых, оценивая потенциальную пользу той или иной категории населения для местной экономики. Идеология «полезного» труда, в которой экономическая деятельность, связанная с сельским хозяйством и промышленностью, ценится выше, чем торговля и коммерция, была чрезвычайно распространена в среде российских чиновников, что имело социальные и политические последствия, в особенности для евреев¹⁵. И цивилизационная иерархия, и риторика полезности видны уже в опубликованной Корфом программе совещания, в которой он сформулировал еврейский и «желтый» вопросы в Приамурье [Съезд губернаторов Приамурского края, 1885].

«Край только начинает заселяться», – писал Корф, – «[но] уже имеет чрезвычайно разноплеменное население». Китайцев и корейцев он рассматривал в первую очередь как экономическую угрозу для коренных жителей региона и прибывающих русских поселенцев¹⁶. Восточноазиатам и евреям генерал-губернатор противопоставлял, с одной стороны, «русских» (включая украинцев и белорусов), а с другой – «инородцев», то есть представителей коренных народностей региона, таких как, например, ороконы.

Оценивая желательность присутствия китайцев и корейцев в регионе с экономической точки зрения, Корф использовал подход «за и против». Китайские мигранты, «казалось бы, желательны для нашего края, столь нуждающегося в рабочих руках». Их «полезность», впрочем, нивелируется невозможностью их ассимилировать:

исповеданий так же, как старообрядцы и протестанты, в то время как корейцы, китайцы и японцы определялись как иностранцы, наряду с российскими подданными и коренными народами. После 1891 г. корейцы появлялись под двумя рубриками: российские подданные и иностранцы.

¹⁵ Янни Коцонис (Yanni Kotsonis), обсуждая кредитные кооперативы, называет эту распространенную имперскую идеологию «трудовым принципом»: крестьяне признавались достойными кредита, даже без уплаты депозита, поскольку имели потенциал как земледельцы. Все население, таким образом, разделялось на «производителей» и «непроизводителей» [Kotsonis 1999, 42]. «Трудовой принцип» перекликается с «многовековой», по выражению Кагана, идеей о евреях как «непроизводителях», которую он возводит к физиократам [Kahan 1986, 43]. О панъевропейских идеях, касающихся евреев и производительного труда, см. также [Penslar 2001].

¹⁶ Несмотря на то, что Сибирь и Дальний Восток часто считались «пустыми» землями, в действительности они были населены разнообразными коренными племенами. По словам Юрия Слезкина, в российской культурной репрезентации Сибири всегда сосуществовали две реальности: Сибирь одновременно представлялась «и как пугающее сердце тьмы, и как чудесный край изобилия. Далекий и, как видится, бескрайний» [Diment and Slezkin 1993, 2].

Но китайцы никогда не ассимилируются. Куда бы не являлись китайцы, они всюду вносят свой культ, свое мировоззрение и даже свой суд; их сплоченность и высокое мнение о своем прошлом препятствуют слиянию с русскими, поэтому, куда бы они не явились, *составляют как бы государство в государстве*, что в особенности опасно в Приамурском крае, тянущемся на 5 т. верст вдоль государственной китайской границы [Съезд губернаторов Приамурского края, 1885] (курсив мой – Т.Б.)

Примечательно, что Корф здесь применил к китайцам формулу «государство в государстве», которой чиновники любили описывать евреев. Сам термин получил распространение после публикации «Книги Кагала» Якова Брафмана (1869), где говорилось об угрозе, которую таят автономные общинные институты евреев [Rogger 1986, 71; Klier 1995, 263–283].

Когда речь зашла о корейцах, Корф заявил, что когда-то, на заре колонизации, они были полезны как земледельцы, но теперь, после 1884 г., необходимо контролировать их численность и сокращать их права на землевладение, чтобы освободить землю для русских поселенцев. По мнению Корфа, корейцы по характеру своему «слабосильны» и к земле относятся хищнически, эксплуатируя ее до такой степени, что «на ней перестает родиться даже трава». Кроме того, корейцы слишком подвержены влиянию китайцев и китайских товаров, что также препятствует их обрусению.

Евреев, последнюю группу «чужих», Корф обрисовал еще менее желательным элементом, чем корейцев и китайцев. Если в случае корейцев и китайцев Корф все же находит золотую середину между их вкладом в экономику и потенциальной угрозой от них, о какой бы то ни было экономической деятельности евреев он не упоминает вовсе:

Евреи на Амуре, как и везде, занимаются только эксплуатацией местного населения. Они всегда сумеют изыскать средство обойти закон и тем вносят деморализацию. На юге России эксплуататорство евреев довело мирного русского крестьянина до того, что он возмутился против них¹⁷. Отдавать новый край еврею, этому всемирному эксплуататору, не следует; а потому не только постоянное, но и временное пребывание евреям должно быть воспрещено. Правилу этому должны подвергаться также и отставные солдаты из евреев [Съезд губернаторов Приамурского края 1885, 7].

В 1860 г. евреи были признаны полезными колонизаторами, наравне с корейцами и китайцами: относительно либеральный (по сравнению с Корфом) Муравьев-Амурский даже специально просил разрешить евреям селиться на Дальнем Востоке, чтобы помочь развитию региона

¹⁷ Корф имеет в виду погромы 1881–1882 гг.

[Романова 2001, 29]. Корф, однако, не рассматривал евреев как полезных колонизаторов. Игнорируя тот факт, что евреи являлись российскими подданными к 1885 г., он рекомендовал полностью запретить их пребывание в регионе, при этом признавая присутствие в нем иностранцев – китайцев и корейцев – терпимым, хотя и ограничивая его. Необходимо также учитывать, что еврейские поселенцы были немногочисленны, и технически Корф вполне мог бы изгнать из Приамурья их всех, включая отставных солдат, которые имели законное право там проживать. Выслать же китайцев и корейцев представлялось практически невозможным, учитывая близость обеих империй к российскому Дальнему Востоку и нерегулируемое перемещение их населения через границу в условиях неразвитой пограничной патрульной и полицейской инфраструктуры.

При всех различиях в подходах к управлению корейцами, китайцами и евреями Корф подчеркивает, что все три категории населения опасны для экономики и культуры региона, и все три являются в той или иной мере эксплуататорами. Представление о евреях как паразитах и эксплуататорах имело в Российской империи долгую историю, отчасти из-за их доминирования в торговле и коммерции в Западном крае [Rogger 1985, Klier 1995]. Корейцы, хотя их труд признавался «полезным», считались эксплуататорами из-за их методов ведения сельского хозяйства. Местные чиновники неоднократно называли корейцев, а заодно и китайцев, хищниками, а их практики – как на земле, так и в лесу – экономической и экологической угрозой [Sokolsky 2014]. О разрушительной для природы деятельности китайских мигрантов упоминал, в частности, Пржевальский в 1870 г. «Китайцы на Дальнем Востоке, – писал он, – вырубают дубовые деревья, чтобы собирать грибы, что в будущем может привести к полному уничтожению лесов» [Пржевальский 1870, 80–93].

Корф выражал беспокойство по поводу неспособности китайцев и корейцев ассимилироваться, но вопросом о том, обладают ли ассимиляционным потенциалом евреи, даже не задавался. На самом же деле евреи Сибири и Дальнего Востока в целом были ассимилированы значительно больше, чем их единоверцы в черте оседлости. Как и евреи в Западной и Восточной Сибири, еврейские мигранты и поселенцы на Дальнем Востоке были сильно «русифицированы». Например, автор статьи в идишской газете «Дер фрайнд» в 1904 г. сетует, что сибирские евреи во многом отошли от соблюдения религиозных предписаний. Они работают в субботу, почти не исполняют заповеди, не следуют обычаям и почти не говорят на идише – все потому, что сибирские условия «вынудили их ассимилироваться»¹⁸. Тем не менее в глазах властей ассимиляция евреев

¹⁸ В качестве иллюстрации отхода сибирских евреев от традиций предков автор пересказывает свой разговор с местной еврейской женщиной. Он спросил ее,

не сделала их желательными колонизаторами. Если более либеральная администрация 1860 г. ратовала за обрусение евреев, то для реакционного режима Александра III оно уже не стояло на повестке дня [Klier 1995; Rogger 1986].

Из комментариев Корфа можно заключить, что евреям отказывали в способности ассимилироваться не столько в силу их культурной или языковой «инаковости», сколько из-за их экономической деятельности и приписываемой им склонности эксплуатировать местное население, где бы они ни оказались. В этой системе координат еврей по природе своей неассимилируем и потому всегда будет являться источником нестабильности [Гольдин 2011]. Погромы на юго-западе страны в начале 1880-х евреи сами спровоцировали, заявил Корф, по сути вторя царю и его министрам, которые связывали антиеврейские выступления с экономической деятельностью евреев [Rogger 1986, Klier 1995]. Из слов Корфа также следовало, что заселение Дальнего Востока евреями было несовместимо с имперским планом сделать регион русским и стабильным, ведь присутствие евреев неминуемо приведет к беспорядкам.

Беспокойство по поводу поведения евреев по отношению к местному населению нарастало по мере интенсивного переселения на Дальний Восток русских крестьян, большинство из которых прибывало по морю из Одессы [Буссе 1896]. Начавшаяся в 1880-х гг. массовая крестьянская миграция из Европейской России, по оценкам некоторых исследователей, стала одним из самых успешных переселенческих проектов империи [Glebov 2020; Ремнев 2004]. В период с 1883 по 1899 г. в Приамурье появились десятки тысяч русских крестьян [Nansen 1914, 360; Унтербергер 1912; Кабузан 1983, 61–99, 227–229], и китайские и корейские иностранцы, ранее считавшиеся необходимыми для экономики региона, стали превращаться исключительно в угрозу. На совещании 1885 г. Корф говорил о восточноазиатах в расовых терминах, противопоставляя китайского мигранта «белому рабочему» из России. Корф, а после него и следующий генерал-губернатор П. С. Унтербергер (1842–1921) неоднократно подчеркивали, что только имея в регионе большое количество переселенцев из Европейской России, можно противостоять восточноазиатскому натиску: «Нам важно иметь коренное русское население для оплота и противовеса мирному нашествию к нам желтой расы» [Унтербергер 1900, 114].

В такой атмосфере китайцы стали восприниматься, по выражению Сергея Глебова, своего рода «дальневосточными евреями». В среде русских переселенцев проводились открытые параллели между евреями

используют ли они *хошанос* в день Хошана Раба. Когда та не поняла вопроса, он в шутку объяснил, что *хошанос* – это разновидность *креплах* (традиционное блюдо восточноевропейских евреев). К превеликому его изумлению, она поверила [Der Fraynd 1904, 1].

и китайцами. Газета «Владивосток» опубликовала корреспонденцию, которая описывала китайцев как «наших местных гешефтмахеров, нещадно нас эксплуатирующих»: идишское слово «гешефтмахер» (торгаш) подчеркивало аналогию между эксплуататорами-евреями западных приграничных областей и эксплуататорами-китайцами на Дальнем Востоке [Владивосток, 1884; цит. по: Glebov 2017, 114]. Другая статья в том же издании намекала на то, что «местные жидо-манзы» торгуют, сильно завышая цены. В официальном докладе 1893 г. били тревогу, утверждая, что китайские предприниматели становятся «таким же пауком, как евреи в Европейской России» [цит. по: Glebov 2017, 114]. Аналогии между китайцами и евреями возникали еще и потому, что обе группы занимали одну и ту же социально-экономическую нишу. Антикитайские настроения не ограничивались одной риторикой: в 1900 г. в Приамурье произошли погромы, тысячи китайцев были убиты, большинство из них в Благовещенске [Дятлов, Гузей, Сорокина 2020]. Имперская идеология продолжала разделять корейцев и китайцев: корейцы, прибывшие в регион до 1884 г., в 1891 г. получили российское подданство, с китайцами же такого не случилось. Отчет о корейском вопросе 1899 г. пытался вывести корейцев из области «желтого вопроса»: «В желтом вопросе корейцы занимают особое место» [цит. по: Песоцкий и др. 1911, 96].

После поражения России в Русско-японской войне 1904–1905 гг. отношение к иностранцам, особенно к восточноазиатам, стало еще более настороженным. После революции 1905 г. министр внутренних дел П. А. Столыпин попытался реализовать национальный проект колонизации Дальнего Востока (то есть заселение его русским крестьянством), надеясь, что, получив щедрые земельные наделы на востоке империи, крестьяне прекратят беспорядки в Центральной России [Glebov 2020; Ascher 2002]. В 1908 г. в своем обращении к Думе он произнес: «Мы должны быть сильны на нашем Дальнем Востоке». Он говорил о «просачивании» на Дальний Восток значительного нерусского населения, которое, если ему не противостоять, грозит наводнить всю империю, пока Российское государство не останется «русским только по названию» [Из речи П. А. Столыпина 1908].

Тон становился более враждебным и по отношению к корейцам. Несмотря на то, что им была предоставлена возможность принять правослаvie и получить российское подданство – во многом в знак признания их «полезности» как земледельцев, корейцев постоянно обвиняли в экономической эксплуатации и паразитизме, хотя они и не занимались торговлей, как евреи и китайцы. В духе риторики, введенной Корфом в 1885 г., корейцев обвиняли в эксплуатации из-за их сельскохозяйственных практик. Так, доклад 1910 г. описывал корейцев как «особый вид земледельца-хищника» и отделял их от остальных российских подданных: «...разделение на [корейских] русско-подданных и [корейских]

иностранно-подданных существует только на бумаге» [цит. по: Песоцкий и др. 1911, 100–101].

В другом докладе 1910 г. чиновник утверждал, что нашествие «корейцев в нашу далекую окраину приняло эпидемический характер». Деятельность их на земле и в лесах крайне разрушительна: «...те места, где корейцы поселились, быстро обезлесиваются, так как кореец охотно переходит на новые и новые места, уничтожая для распашки лес, предварительно его выжигая». Для усиления риторического эффекта автор провел прямую параллель между паразитами-корейцами и вечными эксплуататорами-евреями, вольно пересказывая библейскую историю о египетском рабстве израильтян, которое закончилось якобы следующим:

Посыетский участок, с заселением его корейцами, печальный исторический факт, похожий на тот, когда евреи переселились в Египет и не ассимилировались: египтянам евреи почти ничего не оставили, кроме опустошенной земли; то же повторяется здесь с корейцами. После лишения корейцев земли они превратятся из земледельцев в новый вид желтолицых «жидов», вид еще более страшный [цит. по: Песоцкий и др. 1911–1913, 110].

Подобно евреям в этой псевдобиблейской истории, корейцы выжмут из дальневосточной земли все соки, загубят ее, а потом отправятся в другую. Различия между двумя группами стираются (ср. «желтолицые жиды»): и корейцы, и евреи опасны для империи из-за своей неоседлости и экономического поведения, и на Дальнем Востоке им не должно быть места.

От периферии к центру: правовой статус корейцев, китайцев и евреев в Приамурском крае (1885–1911)

Удаленность Приамурья от имперского центра давала местному руководству определенную степень автономии в вопросах законодательного регулирования прав на проживание в регионе иностранцев и нерусских. Доставка писем из Хабаровска в Петербург занимала месяцы, а ответы сначала долго обсуждались и согласовывались в столице, а уже затем отправлялись в Хабаровск. По утверждению одного историка, в контексте Восточной Сибири подобное положение дел привело к тому, что решение даже таких сложных вопросов, как судьба незаконных еврейских поселенцев, почти целиком зависело от личности и политических пристрастий генерал-губернаторов. Одни строго следовали директивам имперского центра, другие позволяли себе отклоняться от генеральной линии [Кальмина 2020]. Не все внутриминистерские обсуждения выливались в результате в конкретные меры, однако они отчетливо демонстрируют,

каким образом центр рассматривал управление периферийными территориями, и показывают особую обеспокоенность царя и министров еврейской миграцией на восток империи и неконтролируемым ростом еврейского присутствия в Сибири и на Дальнем Востоке.

После совещания 1885 г. Корф напрямую обратился с запросом к Министерству внутренних дел, требуя прекратить отправку еврейских ссыльных на Дальний Восток. Документ остался без ответа, застряв в бюрократическом болоте на десять с лишним лет. Несмотря на то, что вопрос о праве жительства для евреев оставался открытым и после 1885 г., совещание имело осязаемые последствия для мигрантов из Восточной Азии: определенным категориям корейцев открылась дорога к российскому подданству, а китайские рабочие смогли получать временное разрешение на жительство. Решения, принятые Корфом после совещания, определяли положение в регионе иностранцев и нерусских народностей вплоть до 1911 г., когда на пост генерал-губернатора был назначен Н. Л. Гондатти, жесткая антиазиатская и антиеврейская политика которого также основывалась на идеологии Корфа: объем прав определялся полезностью той или иной группы для местной экономики и ее предрасположенностью к ассимиляции.

Вопреки опасениям по поводу китайских мигрантов и их неспособности ассимилироваться, Корф, исходя из соображений экономической целесообразности, предложил разрешить китайским мигрантам и рабочим временно селиться и трудиться в регионе «в силу необходимости», но без права приобретать во владение землю. Он ввел паспортную систему, которая требовала от китайских сезонных рабочих уплаты определенных сборов, что позволило бы регулировать их численность [Сорокина 2010, 185–186]¹⁹. Корейцам был предоставлен более широкий набор прав. Им Корф позволил и дальше заниматься сельским хозяйством и владеть землей, сам же тем временем продолжил политику местной администрации 1870-х гг. по выдавливанию корейских поселенцев из приграничных областей вглубь региона. В каком-то смысле меры против иностранцев начались еще до учреждения Приамурского генерал-губернаторства: если в 1860 г. земельные гранты раздавались и русским, и иностранцам, то после 1882 г. без проблем получить землю могли только русские, иностранцы же вынуждены были подавать специальные прошения и проходить через целый ряд согласований [Park 2019, 121; Унтербергер 1900, 72].

По инициативе Корфа в 1891 г. корейские поселенцы, основавшие земледельческие поселения на российском Дальнем Востоке до 1884 г., получили право стать подданными империи, те же, кто прибыл позже, рисковали быть депортированными, если не оплачивали специальную визу, позволявшую им находиться в России и работать на земле [Park

¹⁹ О динамике антикитайских мер см., напр. [Glebov 2020; Сорокина 2010].

2019, 119–120; Chang 2016, 13–15; Glebov 2020, 7]. В действительности чиновники не обладали точными данными о том, кто приехал до 1884 г., а кто после, что приводило к немалой путанице и шквалу жалоб и прошений. Вот, например, фрагмент статьи, посвященной селу Благословенное (основано в 1870-х гг.): «Они [корейцы] тоже неоднократно обращались с просьбою о принятии их в русское подданство, заверяя, что давно потеряли всякую связь с родиною и не желают жить под иными порядками, как русскими. Разрешение на это не дано» [Приамурские ведомости 1894, 8–9]. В конце 1890-х многие корейцы, появившиеся в регионе после 1884 г., под угрозой депортации были согнаны со своих земельных участков – на их место пришли русские поселенцы [Аносов 1928; Glebov 2020, 7–8; Park 2019, 124–126; Приамурские ведомости 1894, 8–9; Chang 2016].

Политика местной администрации по отношению к евреям зачастую тоже была обусловлена текущей ситуацией. Когда Корф обращался в МВД с просьбой перестать ссылать евреев на Дальний Восток и позволить ему изгнать уже имеющихся, он апеллировал к «необходимости» скорейшего решения «еврейского вопроса в крае» ввиду «усиливающегося стремления евреев водвориться там в обход закона» [ГАРФ, Ф. 102. Оп. 76а. Д. 1758. Л. 1–3]. МВД запросило мнение Министерства юстиции, которое ответило отказом, отметив, что закон не допускает различий в исполнении наказания в зависимости от национальности преступника [ГАРФ, Ф. 102. Оп. 76а. Д. 1758. Л. 24 об.]. Царская пенитенциарная система была одним из тех немногих институтов, где не существовало иерархий, регламентирующих жизнь остального общества. В тюрьмах вместе содержались заключенные разных конфессий [Тюремный вестник 1898, 142–143]²⁰.

Спустя несколько лет с аналогичным запросом в Петербург обратился преемник Корфа С. М. Духовский (1838–1901), и в течение долгого времени в коридорах центральной власти шло обсуждение – как ограничить присутствие евреев в регионе и какие меры следует принять [ГАРФ, Ф. 102. Оп. 76а. Д. 1758]. Духовский включил свой запрос в общий отчет за 1893–1895 гг. В начале документа он описывает свою растерянность, связанную с противоречивым правовым статусом евреев на Дальнем Востоке: «Весьма своеобразным представляется положение в Приамурском крае евреев... На основании устава о паспортах приезд из Европейской России и водворение в Сибирь евреев свободного состояния

²⁰ Генерал-губернаторы Дальнего Востока неоднократно обращались к имперскому правительству с прошениями перестать ссылать к ним преступников, поскольку те оказывают негативное воздействие на окружающее население и моральный облик региона [Кальмина 2020]. Большинство преступников, помимо прочего, были мужчины, что усиливало гендерный перекос в демографии Приамурья. Описывая систему ссылки, Джордж Кеннан рассказывал о своих встречах с Корфом и об усилиях последнего в том, чтобы добиться упразднения этой системы [Kennan 1891, 465].

воспрещены». Однако после ссылки евреи по закону имели право проживать на этой территории, как и другие ссыльные. Рассуждая о таком положении вещей, Духовский заметил, что «для приобретения права еврейской семьи водвориться в Приамурском крае глава этой семьи должен совершить преступление». Таким образом, еврейский преступник оказывается в «более привилегированном положении», чем еврей законопослушный [ГАРФ, Ф. 102. Оп. 76а. Д. 1758. Л. 4–4 об.].

В том же отчете Духовский отметил, что «между евреями все более являются желающие водвориться в новом крае, столь выгодном для всякого рода ремесла и промыслов», в связи с чем призвал МВД решить еврейский вопрос в Приамурье как можно скорее. Впрочем, он тут же констатировал, что «к сожалению, это возможно лишь после разрешения того же [еврейского] вопроса для всей Империи» [ГАРФ, Ф. 102. Оп. 76а. Д. 1758, Л. 1, 4–4 об.]. Для Духовского, как ранее для Корфа, Приамурье – не заморская колония, а «часть метрополии», потому и «еврейский вопрос» на местном уровне являлся лишь частью того же вопроса для империи в целом²¹. Николай II, однако, трактовал ситуацию иначе. Когда ему переслали доклад Духовского, царь лично проинструктировал своих министров: «Вопрос о евреях в Сибири должен быть отделен от общего вопроса, иначе никогда не получит своего разрешения. С каждым годом Сибирь наводняется ими в возрастающем количестве!» [ГАРФ, Ф. 102. Оп. 76а. Д. 1758. Л. 1, 5–5 об.]. Комментарии монарха, таким образом, заставляли усомниться в том, что Приамурье действительно является частью российского национального целого.

Для решения «еврейского вопроса» на восточных рубежах МВД первым делом занялось сбором данных о еврейском населении Сибири и Дальнего Востока. В 1902 г. министерство разослало телеграммы в дальневосточные города и села, требуя от местных чиновников предоставить информацию о численности евреев, находящихся как легально, так и нелегально на вверенной им территории, а также о роде их занятий. Рапорт из Приамурского генерал-губернаторства был отправлен в феврале 1902 г., подписал его генерал от инфантерии Аркадий Семенович Беневский (1840–1914), помощник генерал-губернатора Николая Ивановича Гродекова (1843–1913). В рапорте содержались данные о численности и роде занятий населения региона, а также рекомендации прежних

²¹ Корф аргументировал свою позицию следующим образом: «Приамурский край, хотя отстоит от Европейской России за много тысяч верст, тем не менее не есть колония, а представляет из себя часть метрополии, с которой он связан сухим путем, и не подходит под категорию колоний потому, что колония, по отношению к метрополии, служит аренной или местом сбыта произведений метрополии, составляющих излишек потребления внутри страны, и имеет всегда более или менее независимое от метрополии управление; но к Приамурскому краю это неприменимо» [Съезд губернаторов Приамурского края 1885, 2].

генерал-губернаторов. В Приамурье, по официальным данным, находились 1 000 евреев, 25 из которых имели недвижимое имущество и проживали в регионе двадцать и более лет [ГАРФ, Ф. 102. Оп. 76а. Д. 1758, л. 166–167].

В рапорте излагались и соображения Духовского по поводу еврейского капитала и участия евреев в золотодобывающей промышленности Приамурья:

...с одной стороны, некоторые предприимчивые еврейские капиталисты и искусные ремесленники могли бы содействовать торгово-промышленному развитию края, так нуждающегося в капиталах <...>, с другой стороны, нельзя закрывать глаза на ту опасность, которая предстоит для молодого края от наводнения его еврейским элементом, падким к наживе и весьма неустойчивым в нравственном отношении. Опасность эта усугубляется существованием в крае такой приманки для евреев, как золотопромышленность, представляющая широкое поле для всевозможных злоупотреблений во вред казне и частным лицам... [ГАРФ, Ф. 102. Оп. 76а. Д. 1758. Л. 4 об.].

Это было сказано несмотря на то, что, согласно официальной статистике за 1902 г., на золотых приисках работали всего два еврея. Тем не менее Духовский рекомендовал запретить всем евреям селиться на Дальнем Востоке ввиду «трудности закрыть сухопутные и морские границы от проникновения контрабанды в область и склонности евреев к контрабандному промыслу» [ГАРФ, Ф. 102. Оп. 76а. Д. 1758. Л. 167 об.].

Духовский следовал логике своего предшественника: евреи на Дальнем Востоке – ассимилированные или нет – являются причиной для беспокойства из-за их экономического поведения, которое отличает их от остального населения²². Духовскому удалось выслать нескольких евреев с Дальнего Востока на основании закона, запрещающего евреям селиться вблизи границ, но дальше этого дело у него не пошло [ГАРФ, Ф. 102. Оп. 76а. Д. 1758.]. В 1902 г. он снова утверждал, что для решения еврейского вопроса в Приамурье необходимо позволить местным губернаторам высылать или переселять евреев, а всех еврейских ссыльных и преступников после окончания срока вывозить из Сибири под надзором полиции [ГАРФ, Ф. 102. Оп. 76а. Д. 1758. Л. 169].

В 1911 г. ученый и генерал-губернатор Николай Гондатти воплотил свои антиеврейские и антиазиатские взгляды в полномасштабную кампанию, прославившись изречением «Дальний Восток должен быть русским и только для русских» [Ремнев 2004, 26, 441; Романова 2001, 81]. Как подробно излагает Романова в своем исследовании 2001 г., Гондатти

²² Схожий аргумент приводит Виктория Герасимова относительно Западной Сибири [Герасимова 2018].

использовал всю мощь данной ему власти для того, чтобы евреям было как можно труднее селиться на Дальнем Востоке. Он также прилагал усилия для изгнания из региона максимального числа китайцев [Романова 2001; Glebov 2020, 11]. После военных столкновений на границе с Цинской империей в начале XX в. российские чиновники с еще большими опасениями смотрели на китайское население. Исследователи предполагают, что власти не хотели видеть евреев на Дальнем Востоке в основном потому, что не могли их адекватно контролировать, не имея для этого достаточного полицейского и административного ресурса [Кальмина 2003а, 78–80; Романова 2001]. На самом деле та же проблема была у империи и с контролем притока населения из соседних империй: между 1906 и 1910 гг. на российский Дальний Восток прибыли более полумиллиона китайцев и корейцев [Park 2019, 2]. Несмотря на то, что демографическая статистика в ежегодниках «Приамурский обзор» противоречива и не учитывает, в частности, сезонных китайских рабочих, она показывает стабильное уменьшение еврейского населения на фоне прироста населения русского, китайского и корейского. В 1899 г. «Обзор...» оценил количество «русских» в регионе в 60% от общего населения. К 1905 г. этот показатель вырос еще на 10%, а к 1913 г. в Приамурье насчитывалось уже около 450 000 «русских», то есть 73% населения. Численность корейцев (российских подданных и иностранцев суммарно) в те годы сохранялась на отметке 10%, а китайское население колебалось между 8% и 11%. Еврейское население тем временем последовательно уменьшалось примерно на 0,1% в год: от 0,6% в 1898 г. к 0,3% в 1900 г., к 0,2% в 1905 г. и до 0,1% в 1910 и 1913 гг.

Заключение

Присоединив Дальний Восток, власти Российской империи столкнулись с трудностями в управлении иностранцами и нерусскими народами, прибывавшими туда после 1860 г. и имевшими неопределенный правовой статус вплоть до 1884 г. После пересмотра административных границ в 1884 г. новый генерал-губернатор проанализировал экономическую пользу и потенциальную угрозу от пребывания в регионе китайцев, корейцев и евреев, чтобы определить, к кому из них властям следует проявлять терпимость. В этом анализе евреи оказались самым нежелательным элементом: как с точки зрения «русскости», так и из-за их экономической активности, которая воспринималась как эксплуататорская и непродуктивная. Общее представление было таково: корейское земледелие и китайский труд – в отличие от самих корейцев и китайцев – могли быть интегрированы в экономику региона, в то время как евреи ни в каком виде интеграции не подлежали из-за их воображаемого

экономического поведения. Подспудным принципом, определявшим решения первого генерал-губернатора, были терпимость к тем нерусским переселенцам, которые были необходимы для экономического развития региона, и изгнание всех тех, кто необходимым не был. Со временем риторика дальневосточных чиновников становилась все более антиазиатской, и дискурс об экономической эксплуатации не ограничивался только евреями. Однако когда этот дискурс применялся к корейцам и китайцам, евреи часто служили его «архетипом»: на корейцев и китайцев, обвиняемых в паразитической экономической деятельности, чиновниками и другими наблюдателями распространялись стереотипы об экономической активности, присущие представлениям о евреях.

Более поздние руководители региона оправдывали нетерпимость по отношению к евреям близостью российско-цинской границы: евреи столь же ненадежны у восточных рубежей, как у западных. Если евреи черты оседлости обвинялись в контрабанде товаров через европейские границы империи, на Дальнем Востоке их обвиняли в незаконной переправке за границу золота. Кроме того, кажется, евреев на Дальнем Востоке выделяли в отдельную категорию и подвергали высылке из региона (включая солдат, имевших законное право проживать там) потому, что это было технически возможно: воспринимая их как нежелательный элемент, администрация могла реально ограничивать еврейское присутствие, в отличие от присутствия китайцев и корейцев, приток которых было невозможно контролировать наличными полицейскими силами.

Отдельные еврейские купцы и еврейский капитал были крайне важны для экономики региона [Кальмина 2018, 58–59], однако само по себе малочисленное и частично нелегальное еврейское население не являлось значимой рабочей силой. Евреи Приамурья не возделывали землю, как корейцы, и не доминировали в торговле, как китайцы; при этом преобладание китайцев в торговле было следствием возможности относительно легко пересекать границу (подобно евреям в черте оседлости!). Кажется вероятным, что обычных евреев преследовали и изгоняли за воображаемую «еврейскую» экономическую деятельность, в то время как еврейские инвестиции продолжали оказывать влияние на развитие Дальнего Востока. Так, например, трое евреев, которых сумел изгнать Духовский, описаны как ремесленники: «Вследствие чего... принимаются меры к выселению из Приамурского края тех евреев, которые фактически водворились в оном и занимались здесь торговлею и ремеслами» [ГАРФ, Ф. 102. Оп. 76а. Д. 1758. Л. 4– 4 об.].

Антиеврейская политика на Дальнем Востоке стала проявлением концептуального разворота империи от курса российской монархии конца XVIII и начала XIX вв., когда на евреев смотрели как на потенциально полезный и продуктивный инструмент колонизации. В XVIII в. Екатерина II под влиянием идей камерализма приглашала евреев (наряду с прочими

иностранцами) в Новороссию, чтобы развивать тамошнюю экономику. В 1806 г. Александр I поддержал основание в Новороссии еврейских сельхозколоний (которые в итоге, впрочем, не оказались успешными). В 1836 г. Николай I разрешил евреям селиться в Западной Сибири, судя по всему, надеясь, что там они будут заниматься сельским хозяйством (вскоре он отменил свое решение, а его преемники больше не пытались переселить евреев на восток) [Stanislawski 1983, 39–40; Никитин 1887]. К моменту восшествия на престол Александра III отношение к евреям как к потенциально эффективным колонизаторам претерпело серьезные изменения.

В чем причина этого изменения? Евреи перестали восприниматься как эффективные колонизаторы в результате смены имперской идеологии по еврейскому вопросу в конце XIX в. Как отмечали многие историки, после 1881 г. имперское правительство отказалось от усилий по интеграции евреев и, наоборот, стало стремиться отделить их от прочих национальностей и конфессий [Rogger 1986, 27]. Отношение к евреям на Дальнем Востоке отразило это изменение, в особенности в аспекте восприятия евреев как эффективных колонизаторов и экономических акторов.

Помимо антиеврейского разворота российской политики в целом, необходимо учитывать и динамику местного, регионального контекста. Отношение властей к «иностранщине» на Дальнем Востоке было обусловлено целым рядом факторов и зависело от конкретного этапа имперской колонизации. Изначально дальневосточная администрация проявляла терпимость к восточноазиатам, но ситуация резко изменилась, когда властям удалось переселить в Приамурье значительное число русских крестьян, после чего корейцы и китайцы, ранее считавшиеся «полезными», начали подвергаться разнообразной дискриминации. Как и в случае с евреями в предыдущие десятилетия, империя была готова проявлять толерантность только к тем нерусским группам населения, которые виделись необходимыми для экономики региона. К началу XX в. китайцы и корейцы таковыми более не являлись.

Источники

- Белковский 1905 – *Белковский Г. А.* Русское законодательство о евреях в Сибири. СПб.: Б.и., 1905.
- Боголюбский 1886 – *Боголюбский Н.* Золотопромышленность в Амурской и Приморской областях. Благовещенск: Тип. П. Г. Артамонова и Ко, 1886. VI, 20, [4] с.
- Буссе 1896 – *Буссе Ф.* Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883–1893. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1896.

- Восход 1889 – *Мыш М.* О евреях в Сибири // Восход. 1889. № 8.
 ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- Из речи П. А. Столыпина 1908 – Из речи П. А. Столыпина 31 марта 1908 г. // Государственная дума. Третий созыв. Сессия первая. 1907–1908 гг. Стенографические отчеты. СПб., 1908. Ч. II. С. 1404–1416. URL: <http://doc20vek.ru/node/1416> (дата обращения 09.08.2021).
- Колбасенко 1899 – *Колбасенко И. С.* Населенные места Приморской области в 1896 г.: материалы по статистике Приморской области. Никольск-Уссурийский: Тип. Ф. В. Мисюры, 1899.
- Никитин 1887 – *Никитин В. Н.* Евреи-земледельцы. СПб.: Б.и., 1887.
- Обзор Приморской области – Обзор Приморской области за 1876–1917 годы. Владивосток, 1897–1917.
- Первая всеобщая перепись 1905 – Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. LXXVI, Приморская область. Б.и., 1905. Тетрадь 3.
- Першин 1905 – *Першин И.* Дальний Восток и его богатства. Одесса: Тип. Гладкова и Прищепова, 1905. 26 с.
- Песоцкий и др. 1911 – *Песоцкий В. Д., Гондатти Н. Л., Романов В.* Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции [Вып. 11а]: Корейский вопрос в Приамурье: отчет поручика I-го Сибирского стрелкового Его Величества полка В. Д. Песоцкого / [авт. предисл. Нач. экспедиции шталмейстер Н. Гондатти, упр. делами экспедиции В. Романов]. Хабаровск, 1913. XII, 188 с.
- Пржевальский 1870 – *Пржевальский Н. М.* Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869 гг. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, [1870] 1947.
- Приамурские ведомости 1894 – Село Благословенное, Амурской области // Приамурские ведомости. 1894. 27 ноября.
- Сибирский торгово-промышленный ежегодник: с приложением портрета Его Императорского Величества Государя Императора Николая Александровича, шести планов городов, портретов общественных деятелей, рисунков и проч. СПб.: Издание Д. Р. Юнг., 1913.
- Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. СПб., 1911–1913.
- Тюремный вестник 1898 – Могут ли содержаться в одной и той же камере арестанты разных исповеданий? // Тюремный вестник. 1898. Март.
- Унтербергер 1900 – *Унтербергер П. Ф.* Приморская область. 1856–1898 гг. Очерк. СПб., 1900.
- Унтербергер 1912 – *Унтербергер П. Ф.* Приамурский край. 1906–1910 гг. СПб., 1912.
- Шрейдер 1897 – *Шрейдер Д. И.* Наш Дальний Восток: три года в Уссурийском крае. СПб.: изд. А. Ф. Девриена, 1897. 469 с.
- Der Fraynd 1904 – *Y. D. Dos Yidishe lebn in Sibir* // Der Fraynd. 1904. 21 Februar.
- Kennan 1891 – *Kennan G.* Siberia and the Exile System, New York, 1891.

Wenyon 1909 – *Wenyon C.* Four Thousand Miles across Siberia on the Great Post-Road. London, 1909.

Yidishe Togblat 1909 – Di naye gzeyre in Sibir // Yidishe Togblat. 1909.

Литература

Аносов 1928 – *Аносов С.* Корейцы в Уссурийском крае. Хабаровск – Владивосток: Книжное дело, 1928. 86 с.

Герасимова 2018 – *Герасимова В. А.* Сибирь толерантная? К вопросу об отношении к евреям в Западной Сибири в дореволюционный период // Вестник Пермского государственного университета. 2018. № 3(42). С. 54–63.

Гольдин 2011 – *Гольдин С.* Еврей как понятие в истории имперской России // Понятие о России. К исторической семантике имперского периода. М.: НЛО, 2011. Т. II. С. 340–391.

Дятлов, Гузей, Сорокина 2020 – *Дятлов В. И., Гузей Я., Сорокина Т. Н.* Китайский погром: благовещенская «утопия» 1900 года: в оценке современников и потомков. СПб.: Нестор-История, 2020. 208 с.

Кабузан 1985 – *Кабузан В. М.* Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640–1917): ист.-демогр. очерк. М.: Наука, 1985. 260 с.

Кальмина 2003а – *Кальмина Л. В.* Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX века – февраль 1917 г.). Дисс. ... докт. ист. наук. Иркутск: Иркутский гос. университет, 2003. 583 с.

Кальмина 2003b – *Кальмина Л. В.* Запрет на пребывание евреев в пограничной полосе: Сибирский вариант // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность. Материалы IV регион. конф. Красноярск, Биробиджан. Вып. 4. Красноярск: Кларетианум, 2003. С. 30–33.

Кальмина 2005 – *Кальмина Л. В.* Еврейские ссыльные первой волны: социальный портрет // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность. Материалы VI регион. конф., Барнаул, 22–23 августа 2005 г. Красноярск, Барнаул, 2005. С. 3–8.

Кальмина 2018 – *Кальмина Л. В.* Еврейская община в Забайкалье: региональные нюансы самоуправления // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2018. Т. 23. С. 55–61.

Кальмина 2020 – *Кальмина Л. В.* «Еврейская» политика сибирских губернаторов: отклонение от «генеральной линии» // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 64. С. 12–17.

Натанс 2007 – *Натанс Б.* За чертой: Евреи встречаются с позднеимперской Россией. М.: РОССПЭН, 2007. 436 с.

Позняк 2010 – *Позняк Т. З.* Формальные и неформальные экономические практики иммигрантов на российском Дальнем Востоке (вторая

- половина XIX – начало XX в.) // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 203–217.
- Ремнев 2000 – *Ремнев А. В.* Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) // *Ab Imperio*. 2000. № 3–4. С. 343–358.
- Ремнев 2002 – *Ремнев А. В.* Географические, административные и ментальные границы Сибири (XIX – начало XX в.) // *Сибирская заимка: история Сибири в научных публикациях*. 30.12.2002. URL: <https://zaimka.ru/remnev-border/> (дата обращения 09.08.2021).
- Ремнев 2004 – *Ремнев А. В.* Россия Дальнего Востока: имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Омского университета, 2004. 552 с.
- Ремнев, Суворова 2010 – *Ремнев А. В., Суворова Н. Г.* Управляемая колонизация и стихийные миграционные процессы на азиатских окраинах Российской империи: оценки и прогнозы имперских экспертов // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 17–64.
- Романова 2001 – *Романова В.* Власть и евреи на Дальнем Востоке России: история взаимоотношений (вторая половина XIX в. – 20-е годы XX в.). Красноярск: Кларетианус, 2001. 295 с.
- Сагитова 2004 – *Сагитова И. О.* Диаспорные общины Приморского края: формирование, развитие, этнокультурный облик: вторая половина XIX–XX вв. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Владивосток, 2004. 22 с.
- Сорокина 2010 – *Сорокина Т. Н.* Изменения правил перехода границы для китайцев в Приамурском крае в 1911–1912 гг. и «Сахалинский инцидент» // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 184–202.
- Ascher 2002 – *Ascher A. P. A. Stolypin: The Search for Stability in Late Imperial Russia*. Palo Alto, CA: Stanford University Press, 2002. 468 p.
- Avrutin 2018 – *Avrutin E. M.* Jews and the Imperial State: Identification Politics in Tsarist Russia. 2018. 232 p.
- Bassin 1991 – *Bassin M.* Russia between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographical Space // *Slavic Review*. 1991. 50. № 1. P. 1–17.
- Bassin 1999 – *Bassin M.* Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865. University College London: Cambridge University Press, 1999. 331 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511493638>

- Chang 2016 – *Chang J. K.* *Burnt by the Sun: The Koreans of the Russian Far East.* University of Hawai'i Press, 2016. 286 p.
- Diment, Slezkin 1993 – *Diment G. and Slezkine Yu.*, ed. *Between Heaven and Hell: The Myth of Siberia in Russian Culture.* New York: Palgrave Macmillan, 1993. 288 p.
- Estraikh 2009 – *Estraikh G.* Changing Ideologies of Artisanal “Productivisation”: Ort in Late Imperial Russia // *East European Jewish Affairs.* 2009. 39, № 1. P. 3–18.
- Glebov 2013 – *Glebov S.* The Post-Imperial Meets the Post-Colonial: Russian Historical Experience and the Post-Colonial Moment // *Ab Imperio.* 2013. Vol. XIV. № 2. P. 97–135.
- Glebov 2017 – *Glebov S.* Between Foreigners and Subjects: Imperial Subjecthood, Governance, and the Chinese in the Russian Far East, 1860s–1880s. // *Ab Imperio.* 2017. № 1. P. 86–130.
- Glebov 2019 – *Glebov S.* Center, Periphery, and Diversity in the Late Imperial Far East // *Ab Imperio.* 2019. № 3. P. 265–278.
- Glebov 2020 – *Glebov S.* Exceptional Subjects: Koreans, Settler Colonialism, and Imperial Subjecthood in the Russian Far East, 1860s–1917 // *Nationalities Papers.* 2020. P. 1–17. DOI: <https://doi.org/10.1017/nps.2020.63>
- Goldin 2010 – *Goldin S.* Jews as Cosmopolitans, Foreigners, Revolutionaries. Three Images of the Jew in Polish and Russian Nationalist Ideology at the End of the Nineteenth and Early Twentieth Centuries // *European Review of History: Revue europeenne d'histoire.* 17(3). P. 431–444.
- Goryushkin 1991 – *Goryushkin L. M.* Migration, Settlement and the Rural Economy of Siberia, 1861–1914 // *The History of Siberia: From Russian Conquest to Revolution*, ed. by Alan Wood. London: Routledge, 1991. P. 140–157.
- Hsu 2006 – *Hsu Ch. Y.* A Tale of Two Railroads: ‘Yellow Labor,’ Agrarian Colonization, and the Making of Russianness at the Far Eastern Frontier, 1890s–1910s // *Ab Imperio.* 2006. № 3. P. 217–253.
- Imperial Subjecthood in the Russian Far East, 1860s–1917 // *Nationalities Papers.* 2020. P. 1–17.
- Kahan 1986 – *Kahan A.* *Essays in Jewish Social and Economic History*, ed. Roger Weiss, The University of Chicago Press, 1986. 208 p.
- Kal'mina 2011 – *Kalmina L. V.* The Possibility of the Impossible: Pogroms in Eastern Siberia // *Anti-Jewish Violence.* 2011. P. 131–143.
- Klier 1995 – *Klier J.* *Imperial Russia's Jewish Question, 1855–1881.* Cambridge and New York, Cambridge University Press, 1995. 560 p.
- Kotsonis 1999 – *Kotsonis Y.* *Making Peasants Backward.* Macmillan, 1999. 245 p.
- Lestchinsky 1922 – *Lestchinsky J.* *Dos Idishe Folk in Tsifern [The Jewish people in numbers].* Berlin: 1922.

- Levin 2017 – *Levin V.* The Legal History of Synagogues of Volhynia // Synagogues in Ukraine: Volhynia, ed. by Sergey Kravtsov and Vladimir Levin. Jerusalem: Zalman Shazar Center and the Center for Jewish Art, 2017. P. 21–57.
- Matsuzato 2012 – *Matsuzato K.* The Creation of the Priamur Governor-Generalship in 1884 and the Reconfiguration of Asiatic Russia // *The Russian Review*. 2012. № 71. P. 365–390.
- Morrison 2012a – *Morrison A.* The Pleasures and Pitfalls of Colonial Comparisons // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Fall 2012. № 13, 4. P. 919–936.
- Morrison 2012b – *Morrison A.*, Metropole, Colony, and Imperial Citizenship in the Russian Empire // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2012. Vol. 13. № 2. P. 327–364.
- Morrison 2020 – *Morrison A.* The Russian conquest of Central Asia: a study in imperial expansion, 1814–1914. Cambridge University Press, 2020.
- Nansen 1914 – *Nansen F.* Siberian Discovery. trans. Collins D. N. Richmond: Curzon, 2000 [1914].
- Park 2020 – *Park A. M.* Sovereignty Experiments: Korean Migrants and the Building of Borders in Northeast Asia, 1860–1945. Ithaca, 2020. 306 p.
- Rainbow 2013 – *Rainbow D.* Siberian Patriots: Participatory Autocracy and the Cohesion of the Russian Imperial State, 1858–1920. PhD Diss. New York, 2013.
- Rogger 1986 – *Rogger H.* Jewish Policies and Right-Wing Politics in Imperial Russia. Basingstoke: Macmillan, 1986. 283 p.
- Siegelbaum 1978 – *Siegelbaum L. H.* Another ‘Yellow Peril’: Chinese Migrants in the Russian Far East and the Russian Reaction before 1917 // *Modern Asian Studies*. 1978. Vol. 12. № 2. P. 307–330.
- Slocum 1998 – *Slocum J. W.* Who, and When, Were the Inorodtsy? The Evolution of the Category of “Aliens” in Imperial Russia // *The Russian Review*. 1998. Vol. 57. № 2. P. 173–190.
- Sokolsky 2014 – *Sokolsky M.* Between Predation and Protection: Forests and Forestry in Late Tsarist Primor’e // *Sibirica: the Journal of Siberian Studies*. Summer 2014. Vol. 13. № 2. P. 28–61.
- Treadgold 2016 – *Treadgold D.* The Great Siberian migration: Government and Peasant in Resettlement from Emancipation to the First World War. Princeton University Press. 1957, reprinted in 2016. 278 p.
- Wolff 1999 – *Wolff D.* To the Harbin Station: The Liberal Alternative in Russian Manchuria, 1898–1914, Stanford: 1999. 276 p.
- Wood 1991 – *Wood A.* Russia’s ‘Wild East’: Exile, Vagrancy, and Crime in Nineteenth Century Siberia // *The History of Siberia: From Russian Conquest to Siberia*. Ed. by Alan Wood. London: Routledge, 1991. P. 115–137.

The “Yellow” and “Jewish” Question in the Russian Far East: Managing Foreignness, Productivity, and Colonization, 1858-1914

Tova Benjamin

(New York, USA)

Skirball Department of Jewish Studies

New York University

PhD Candidate in History and Jewish Studies

ORCID: 0000-0001-7885-9534

E-mail: tpb254@nyu.edu

Abstract: This article compares the Russian empire’s “Yellow” and “Jewish” question in the Far East, contrasting imperial officials’ attitudes toward Chinese, Korean, and Jewish settlement and economic activities in the Priamurskii Krai. Considering these groups side by side reveals how the empire treated Jews as its own internal other, and how discourse about Jews in the Western borderlands could be broadened to include other groups the Russian empire viewed as a threat: in this case, Chinese and Korean migrants and settlers. The article details the legal limbo these three groups existed in between 1858–1884, and the development of anti-Asian and anti-Jewish attitudes after administrative boundaries were redrawn in 1884. Despite the small number of Jews in the region, local officials and the Ministries of Justice and Interior debated the “Jewish Question” in the Priamur, and Jews were considered the archetypical economic exploiter for those Russian officials and Russian settlers who wanted to underscore the perceived economic threat of Chinese and Korean settlers. While the empire formerly considered Jews as a potentially productive colonizing element, this article uses the regional example of the Far East to consider how imperial attitudes toward non-Russian elements of the population weighed the economic usefulness of undesirable groups against their perceived cultural threat.

Keywords: The Jewish Question, imperial borderlands, Jews in Siberia and the Far East, Koreans in the Priamur, colonization, Chinese migration

References

- Anosov, S., 1928, *Koreitsy v Ussuriiskom krae* [Koreans in the Ussuri Region] Khabarovsk – Vladivostok, Knizhnoie delo, 86.
- Gerasimova, V. A., 2018, *Sibir’ Tolerantnaia? K voprosu ob otnoshenii k evreiam v Zapadnoi Sibiri v dorevoliutsionnyi period* [Is Siberia Tolerant? On the

- Issue of Attitudes Towards Jews in Western Siberia in the Pre-Revolutionary Period]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3(42), 54–63.
- Gol'din, S., 2011, *Evrei kak poniatie v istorii imperskoi Rossii* [Jews as a Concept in the History of Russia]. *Poniatia o Rossii. K istoricheskoi semantike imperskogo perioda* [The Concepts of Russia. Towards the Historical Semantics of the Imperial Period], eds. A. Miller, D. Sdvizhkov, and I. Shirle, 340–391. Moscow, NLO, Vol. 2, 496.
- Diatlov, V. I., Ya. Guzei, and T. N. Sorokina, 2020, *Kitaiskii pogrom: blagoveshchenskaia "utopia" 1900 goda v otsenke sovremennikov i potomkov* [Chinese Pogrom: Blagoveshchensk "Utopia" of 1900 Assessed by Contemporaries and Descendants]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia, 208.
- Kabuzan, V. M., 1985, *Dal'nevostochnyi krai v 18 – nachale 20 vv. (1640–1917): ist.-demogr. ocherk* [Far East in the 18th and early 19th centuries]. Moscow, Nauka, 260.
- Kal'mina, L. V., 2003, *Evreiskie obshchiny Vostochnoi Sibiri (seredina 19 veka – fevral' 1917 g.)* [Jewish Communities in Eastern Siberia], Irkutsk, Irkutsk State University, 583.
- Kal'mina, L. V., 2003, *Zapret na prebyvanie evreev v pogranichnoi polose: Sibirskii variant* [The Banishment of Jews in the Border Strioe]. *Evrei v Sibiri i na Dal'nem Vostoke: istoriia i sovremennost'. Materialy 4 region. konf. Krasnoiarsk, Birobidzhan* [Jews in Siberia and Far East: History and Modernity. The Proceedings of the 4th Regional Conference. Krasnoiarsk, Birobidzhan], Vol. 4, 30–33, Krasnoiarsk, Klaretianum.
- Kal'mina, L. V., 2005, *Evreiskie ssyl'nye pervoi volny: sotsial'nyi portret* [First Wave Jewish Exiles: the Social Portrait]. *Evrei v Sibiri i na Dal'nem Vostoke. Materialy 6 region. konf. Krasnoiarsk, Barnaul*. [Jews in Siberia and Far East: History and Modernity. The Proceedings of the 6th Regional Conference. Krasnoiarsk, Barnaul], 3–8, Krasnoiarsk, Klaretianum, 248.
- Kal'mina, L. V., 2018, *Evreiskaia obshchina v Zabaikal'e: regional'nye niuansy samoupravleniia* [Jewish Community in Transbaikalia: Self-Government Regional Nuances]. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia "Istoriia"*, 23, 55–61.
- Kal'mina, L. V., 2020, "Evreiskaia" politika sibirskikh gubernatorov: otklonenie ot "general'noi linii" ["Jewish Policy of Siberian Governors"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*, 64, 12–17.
- Natans, B., 2007, *Za chertoi: Evrei vstrechaiutsia s pozdneimperskoi Rossiei* [Below the Pale: Jews Meet with Late Imperial Russia]. Moscow, ROSSPEN, 436.
- Pozniak, T. Z., 2010, *Formal'nye i neformal'nye ekonomicheskie praktiki immigrantov na rossiiskom Dal'nem Vostoke (vtoraia polovina 19 – nachalo 20 v.)* [Formal and Informal Immigrant's Economic Practices in the Russian Far East]. *Migratsii i diaspor v sotsiokul'turnom, politicheskom i ekonomicheskom prostranstve Sibiri. Rubezhi 19–20 i 20–21 vekov* [Migration and Diaspora in the Socio-Cultural, Political and Economic Space of Siberia.

- The Frontiers of the 19th–20th and 20th–21st centuries], 203–217, Irkutsk, Ottisk, 640.
- Remnev, A. V., 2000, Regional'nye parametry imperskoi "geografii vlasti" (Sibir' i Dal'nii Vostok) [Regional Parameters of the Imperial Geography of Power]. *Ab Imperio*, 3–4, 343–358.
- Remnev, A. V., 2002, Geograficheskie, administrativnye i mental'nye granitsy Sibiri (19 – nachalo 20 v.) [Geographic, Administrative and Mental Boundaries of Siberia (19 – early 20 centuries)]. *Sibirskaiia zaimka: istoriia Sibiri v nauchnykh publikatsiiakh*, 30.12.2002. URL: <https://zaimka.ru/remnev-border/>.
- Remnev, A. V., 2004, *Rossiiia Dal'nego Vostoka: imperskaia geografiia vlasti 19 – nachala 20 vekov* [Russia of the Far East: Imperial Geography of Power in the 19th and early 20 centuries]. Omsk, Izdatel'stvo Omskogo universiteta, 552.
- Remnev, A. V., and N. G. Suvorova, 2010, Upravliaemaia kolonizatsiia i stikhiinye migratsionnye protsessy na aziatskikh okrainakh Rossiiskoi imperii: otsenki i prognozy imperskikh ekspertov [Controlled Colonization and Spontaneous Migration Processes in the Asian Outskirts of the Russian Empire: Estimates and Forecasts of Imperial Experts]. *Migratsii i diasporv v sotsiokul'turnom, politicheskom i ekonomicheskom prostranstve Sibiri rubezhi 19–20 i 20–21 vekov* [Migration and Diaspora in the Socio-Cultural, Political and Economic Space of Siberia. The Frontiers of the 19th–20th and 20th–21st centuries], 17–64, Irkutsk, Ottisk, 640.
- Romanova, V., 2001, *Vlast' i evrei na Dal'nem Vostoke Rossii: istoriia vzaimootnoshenii: (vtoraia polovina 19 v. – 20-e gody 20 v.)* [Power and Jews in the Far East], Krasnoiarsk, Klaretianum, 295.
- Sagitova, I. O., 2004, Diaspornye obshchiny Primorskogo kraia: formirovanie, razvitie, etnokul'turnyi oblik: vtoraia polovina 19–20 vv. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Diaspora Communities of the Primorsky Krai: Formation, Development, Ethnocultural Appearance: the second half of the 19th and 20th centuries], Vladivostok, 22.
- Sorokina, T. N., 2010, Izmeneniia pravil perekhoda granitsy dlia kitaitsev v Priamurskom krae v 1911–1912 gg. i "Sakhalinskii intsident" [Change of Rules for Crossing the Border for Chinese in the Priamur in 1911–1912]. *Migratsii i diasporv v sotsiokul'turnom, politicheskom i ekonomicheskom prostranstve Sibiri. Rubezhi 19–20 i 20–21 vekov* [Migration and Diaspora in the Socio-Cultural, Political and Economic Space of Siberia. The Frontiers of the 19th–20th and 20th–21st centuries], 184–202, Irkutsk, Ottisk, 640.

Ирена Владимирски

(Аругот, Израиль)

Академический колледж Ахва

Профессор, доктор исторических наук

E-mail: irena@achva.ac.il

ORCID: 0000-0002-4766-5312

Мария Кротова

(Санкт-Петербург, Россия)

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, кафедра

международных отношений, медиалогии, политологии и истории

Профессор, доктор исторических наук

E-mail: mary_krot@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7948-0251

Знакомый незнакомец Яков Фризер: штрихи к портрету сибирского еврея¹

Аннотация: Яков Давидович Фризер (1869–1932) — внук еврея, сосланного в Сибирь за уголовные правонарушения, уроженец Баргузина, ставший одним из крупных золотопромышленников Восточной Сибири, купец первой гильдии, известный предприниматель и филантроп. В 1918 г. он был вынужден, подобно многим другим, эмигрировать в Харбин, где проживал до своей трагической гибели в 1932 г. С молодых лет Фризер вел подробный дневник, который был зачастую его единственным собеседником в длительных разъездах по Олеминско-Витимской тайге. Частично сохранившийся личный архив Фризера был вывезен его сыном Михаилом и находится у его потомков в Израиле. Личный архив, а также архивные документы, материалы региональной сибирской и харбинской прессы свидетельствуют о широте и масштабе личности и дарования Фризера. Трудно найти область и сферу общественной и экономической деятельности, которая не привлекла бы внимания Фризера: от создания первой народной библиотеки в его родном городе Баргузине до председательства в финансовой комиссии по учреждению университета в Иркутске, пожизненного активного членства в Восточно-Сибирском отделе Императорского Русского географического общества, председательства и финансирования деятельности местного отделения Общества для распространения просвещения между евреями России; он был также бессменным казначеем еврейской общины и активным членом торгово-промышленной палаты Иркутска. Круг связей и знакомств Фризера, который он старался по возможности поддерживать, был необычайно разнообразен и включал таких известных политических ссыльных как П. А. Кропоткин и Е. К. Брешко-Брешковская, семью барона Г. Е. Гинцбурга, ученых-регионалистов Н. М. Ядринцева и Г. Н. Потанина, горных инженеров и техников, предпринимателей и чиновников, в том числе всесильного министра финансов С. Ю. Витте. В представленной статье акцент

сделан на сибирском периоде жизни Фризера, его работе по освоению и изучению Восточной Сибири, благотворительной, публицистической и общественной деятельности в Петербурге, Баргузине и Иркутске, обустройству и управлению семейными золотыми приисками, благотворительности на ниве образования и науки.

Ключевые слова: Яков Давидович Фризер, евреи Сибири, Восточная Сибирь, Баргузин, Иркутск, купечество, благотворительность, золотопромышленность

DOI: 10.31168/2658-3364.2021.1.05

Интерес авторов настоящей статьи сосредоточен вокруг фигуры еврейского золотопромышленника, уроженца Баргузина Якова Давидовича Фризера (1869–1932). Нельзя сказать, что его имя было обойдено вниманием: работы Фризера по организации, статистическому учету и ведению золотопромышленного дела цитировались специалистами по горному делу и истории золотопромышленности [Бутырин 1926; Обручев 1937; Сапоговская 1998], Фризер упоминается широким кругом исследователей истории сибирского еврейства, развития промышленности и транспорта Восточной Сибири [Рабинович 1998; Гузенков 1998; Целищева 2002; Швец 2002; Кальмина 2003а, 2003б, 2016а, 2016б; Цыденова 2007; Арутюнов 2009; Маруев 2018]. Вместе с тем ни в одной из работ не рассматривалась прежде разносторонняя и многогранная деятельность Фризера, выходящая далеко за пределы золотопромышленности, транспорта и Сибири вообще. Настоящая статья является попыткой представить более полные сведения о Якове Фризере как о выдающемся представителе сибирского еврейства конца XIX — начала XX вв. с использованием опубликованных и неопубликованных источников, свидетельствующих о разных аспектах жизни и деятельности Фризера.

Статья основана на воспоминаниях Фризера, написанных в форме дневника в 1920–1931 гг. в Харбине, куда он эмигрировал из Иркутска после Октябрьской революции. Отъезд, а скорее бегство, в Харбин в конце 1918 г., был столь стремительным, что оригинальные дневники и документы остались в Иркутске. Начиная с 1920 г. Фризер пытался восстановить их, начав регулярные записи в тетрадях, которые сохранились у его потомков. Они написаны аккуратным почерком по-русски в трех коленкорových тетрадях, специально здесь выделены отдельные события начиная с 1879 г. и до момента его отъезда из Иркутска в 1919 г., записи о них сделаны по памяти с датировкой по годам. Личный архив Фризера хранится у его внуков в Израиле и включает в себя тетради воспоминаний, переписку с сыном, несколько авторских коротких рассказов, заметки и статьи в местной харбинской русскоязычной прессе, материалы деятельности Фризера как члена Правления и председателя Третьейсого суда еврейской общины Харбина и документы деятельности харбинского

отделения международной женской сионистской организации ВИЦО, членом правления которого состояла жена Фризера Надежда Фишелевна.

Тетради Фризера содержат массу имен, тонко подмеченных деталей и точных характеристик, которые, однако, требуют дополнительных уточнений, текстологического анализа, сведений о контексте, привлечения архивных документов, мемуаров, материалов местной периодической печати и исследовательской литературы для интерпретации имеющегося текста. Кроме того, воспоминания Фризера являются ценным эго-документом, в котором слышна неповторимая авторская интонация, это попытка подвести итоги насыщенной жизни, воссоздать прошлое как «личное пережитое ощущение, запечатленное в слове» [Chartier 2014, 123; Confino 2008, 77]. Несмотря на субъективный характер воспоминаний, при сопоставлении с другими источниками выяснилась необычайная точность мемуариста в деталях. Авторы статьи уже использовали воспоминания Фризера для анализа отдельных сторон его личности и реконструкции круга его связей [Владимирски, Кротова 2019а; 2019б; 2020а; 2020б]. Кроме того, сохранилось немало публикаций Фризера как в сибирской, так и в харбинской прессе, которые до настоящего времени не вовлеченных в научный оборот (включая не менее сорока выявленных статей); были обнаружены архивные материалы, содержащие переписку Фризера делового и личного характера. В процессе дальнейшей работы с личным архивом Фризера представляется необходимым издать его воспоминания отдельной книгой с подробными комментариями, что послужит ценным вкладом в изучение истории евреев Российской империи конца XIX — начала XX вв.

Ранние баргузинские воспоминания

Образ родного города и его характеристика были для Якова Фризера важной отправной точкой. В начале своих воспоминаний Фризер записал: «Родился в 1869 г. в маленьком городке Баргузин, в 48 в[ерстах] от озера (море) Байкала в зажиточной по тому далекому времени семье» [ЛА, Тетр. 1. Л. 1 об]. В Баргузине — маленьком городе Забайкальской области — проживало довольно много евреев: по данным переписи 1897 г., число лиц иудейского вероисповедания составляло здесь 454 человека, т. е. треть населения города [Населенные места 1905, 60]. Л. В. Кальмина назвала его «истинно еврейским городом по духу и образу жизни», это был своеобразный ««штетл» на сибирских просторах», где евреям «принадлежала практически вся экономика» [Кальмина 2011, 114]. Баргузин был основан казаками в 1648 г. как острог для сбора ясака с бурят и тунгусов, в 1772 г. он стал уездным городом в составе Ундинской провинции, в 1783 г. — Нерчинской области, едва не был упразднен по причине мало-

численности населения, восстановлен в статусе города в 1851 г., а в 1856 г. стал центром соответствующего округа. Баргузин был единственным городом Забайкалья, где первое место среди всех видов деятельности еврейского населения города занимала работа на золотоносных рудниках и приисках и прочая занятость, связанная с обеспечением добытчиков всем необходимым. Золотодобычей занималось 14,2% самостоятельного населения Баргузина, этим промыслом кормились до 22% его жителей [Первая Всеобщая перепись 1904, 120]. Большую часть взрослого населения города составляли ссыльнопоселенцы и их потомки, и семья Фризера не была исключением: его деда сослали в Сибирь за контрабанду в особо крупных размерах на западной границе [Кальмина 2003, 142].

Все важные и существенные события в жизни Баргузина происходили на единственной главной улице — Большой. Тут проводились городские праздники, торги, тут же прогоняли по этапу политических ссыльных и уголовников, смотреть на которых собирался весь город. Е. М. Брешко-Брешковская, отбывавшая ссылку в Баргузине с 1879 г., оставила о нем воспоминания:

Баргузин не имеет никакого значения как культурный центр, но представляет собой довольно важный деловой центр для рабочих и владельцев золотых приисков в южной части Олекминской системы. Весной и осенью рабочие, направлявшиеся на прииски или покидавшие их, останавливались в Баргузине, забирали свой заработок и растрачивали его в игорных домах, либо пропивали. Через поселение постоянно проезжали управляющие, персонал и шахтовладельцы, привнося в него оживление. Мы их всех знали. Они были рады знакомству с новыми интересными людьми [Брешко-Брешковская 2006, 205–206].

Она же, планируя побег, сообщала о труднодоступности города и отсутствии путей сообщения с ним:

За исключением двух государственных почтовых пароходов, навигации в Сибири не было, как и железных дорог. <...> Единственная дорога вела на юг вдоль озера к Верхнеудинску на главном сибирском пути. <...> Обширная область на тысячи верст к востоку и северу от Байкала представляет собой высокое плато, изрезанное высокими и низкими кряжами. <...> Настоящих долин в этих горах очень мало, <...> и известны они лишь туземцам, торговцам спиртом и золотоискателям. Тот, кто не знаком с тайгой в любое время года, наверняка в ней пропадет, каким бы храбрым и умным человеком он ни был [Брешко-Брешковская 2006, 206–207].

Двоюродный брат Фризера Моисей Новомейский так описывал город:

Население <...> было главным образом городское, торговое; среди жителей встречались евреи и китайцы. Было и некоторое число мастеровых, в большинстве — потомки ссыльных. <...> Жители жили в небольших срубках, окруженных огородами и хозяйственными строениями, и занимались в основном извозом и рыболовством; иные промышляли пушного зверя к северу от города. Торговцы обслуживали не столько сам город, сколько его окрестности, бурятские села да рабочие поселки вокруг копей и шахт. Охотникам они поставляли снасть и провиант в обмен на пушной товар. Китайские купцы, владельцы маленьких лавок и лабазов, ладили с местным населением и заслужили его доверие. Кроме казенной палаты, в Баргузине не было ни учреждений, ни банков, поэтому деловые люди в случае надобности занимали деньги друг у друга [Новомейский 1979, 13–14].

В таком городке как Баргузин, семейный круг имел определяющее влияние на формирование личности и пристрастий подрастающего поколения. Многие в воспоминаниях Фризера было связано с семьей, ее важными радостными и горестными событиями: «Несмотря на то, что мы жили в маленьком городке и далеко от центра — Иркутска — связь с большим миром в нашем доме всегда была. Отец и дядя были поставщики для золотых приисков, хозяева их главного управления жили в Петербурге или Иркутске и, приезжая на прииски, они, кажется, даже у нас квартировали и делились всеми мировыми новостями» [ЛА, Тетр. 1. Л. 18 об]. Об образе жизни семьи в Баргузине свидетельствует тот факт, что уже в конце 1870-х гг. у них был фонограф — редкость по тем временам (компания Т. Эдисона впервые продемонстрировала возможности фонографа в 1878 г. в Москве). Дом Фризеров был открыт не только для родственников и знакомых, но и для местного начальства. Так, баргузинский исправник Владимир Ефимович Языков был постоянным гостем в доме, где играл в вист с хозяевами [ЛА, Тетр. 1. Л. 4–5].

Семья Фризеров в Баргузине жила вместе с родственниками — семьей Новомейских (А. Х. Новомейский был братом матери Фризера). Взрослые вели совместные торговые дела, а дети вместе учились и играли. В семье соблюдались еврейские традиции, и мальчики умели читать и писать «по-еврейски», т. е. на библейском иврите. В тетрадях Фризера и в его письмах к сыну нередко встречаются слова, написанные на иврите. В качестве одного из красочных воспоминаний детства Фризер упоминал свой отъезд в хедер: «...ранним утром меня завернули в талес (если не ошибаюсь) и увезли. Моя покойная дорогая мать провожала меня со слезами и молитвенными напутствиями» [ЛА, Тетр. 1. Л. 2]. Семья Фризеров, подобно многим семьям сибирских евреев, стремилась дать мальчикам религиозное образование в немногочисленных в ту пору в Восточной Сибири еврейских хедерах. О своем образовании Фризер писал:

Еврейский хедер очень много описан и вероятно тот, в котором я начал учиться и до 13 лет перебивал <...>, ничем не отличался от других. Отличие могло быть только в том, что ко мне, как к сыну местного видного хозяина и единственному сыну[,] относились более внимательно. <...> Проявлял большую религиозность, ежедневно ходил в синагогу молиться и строго выполнял все обряды. <...> К 13 годам я прошел все священное писание и, по рассказам впоследствии некоторых учителей, помнил много наизусть. <...> Будучи уже взрослым, я находил на полях еврейских книг сделанные мною примечания, и некоторые, принимая во внимание 11–13 летний возраст, довольно серьезные [ЛА, Тетр. 1. Л. 2, 12 об, 14 об].

Знавшие Фризера утверждали, что он прекрасно владел еврейским языком и был очень начитан в еврейской литературе периода Гаскалы [Равикович 1933, 20].

Другим важным событием, запомнившимся Фризеру, было торжественное празднование его бар-мицвы:

День моего Бар-мицва, как во всех еврейских семьях и еще состоятельных праздновали торжественно. По обычаю, я должен был говорить *פֶּשַׁר* — речь на талмудическую тему. Мой еврейский учитель не без труда научил меня таковой, но помня много мелочей из того отдаленного периода моей начинавшейся жизни, не могу припомнить ни одного слова из моей «речи». Запомнил только, что для моего Бар-мицвы мой покойный отец наделил многих из б[ывших] моих учителей и почтенных евреев ... материалом для одежды. Также во время трапезы заявил, что ассигнует кажется 500 или 1 000 рублей на покупку земли в Палестине. Принимая во внимание далеко небольшие средства моего отца и то отдаленное время, то сумма была довольно порядочная, но у отца это выявилось от полноты чувства [ЛА, Тетр. 1. Л. 11 об, 12].

В 1879 г. умерла бабушка Фризера. По окончании траура большая семья Фризеров — Новомейских подала прошение об открытии в Баргузине синагоги:

Мой покойный отец и дядя А. Х. [Абрам Хейкелевич Новомейский — *прим. авторов статьи*], должно быть, закон чтити и в память о моей покойной бабушке построили в Баргузине синагогу, которая обошлась не менее в 7–8 тыс. руб., и для их тогдашнего состояния это была довольно крупная сумма. Эта синагога и еще теперь существует [ЛА, Тетр. 1. Л. 17].

Синагога открылась без официального разрешения властей, которое последовало только в 1905 г. [Кальмина 2011, 119–120].

Занятия золотопромышленным промыслом вынуждали предпринимателей вести кочевой образ жизни, постоянно разъезжать по приискам. Фризеры были крупными владельцами и арендаторами приисков и немало времени проводили в поездках, стараясь при этом не

нарушать еврейских обычаев, соблюдать религиозные предписания, отмечать праздники, причем все это сочеталось с уважением к традициям работников других религиозных конфессий. Отец и члены семьи старались приезжать на прииски весной, к празднованию еврейской и христианской Пасхи. Для рабочих в первый день праздника готовилось пасхальное угощение, потом устраивалось разговение с окороками, куличами и другими угощениями и атрибутами праздника. Как правило, в праздновании принимали участие все рабочие и служащие приисков, не исключая и евреев. Во время обязательного празднования еврейской пасхи — Песаха — также приглашали всех желающих. При этом предметом особой заботы матери Фризера было следить за тем, чтобы при подготовке трапезы случайно не смешали посуду, заготовленную заранее для молочных и мясных продуктов. Многие рабочие — православные, старообрядцы и католики — приходили поздравить хозяев с праздником, и каждому выдавали рюмку кошерной водки [ЛА, Тетр. 1. Л. 23–23 об.].

Первые общественные начинания

Я. Д. Фризер с юных лет отличался любопытством, стремлением к знаниям, по-видимому, у него был и незаурядный организаторский талант. По собственной инициативе с ранней юности он старался принимать участие во всех мало-мальски значимых начинаниях в родном Баргузине. Так, он принял участие в первом статистическом учете жителей Баргузина, который был проведен только в 1887 г. Для его проведения была организована специальная комиссия из выборных городских представителей. В состав комиссии входили исправник, городской староста, священник, несколько других уважаемых лиц и молодой Фризер. Фризер, как член комиссии, отвечал за организацию статистического учета и составление итогового отчета. По данным Фризера, на 1887 г. население Баргузина составляло 1 378 душ, половина из которых была моложе 19 лет [Фризер 1932, 11].

Другой инициативой Фризера, получившей освещение в местной прессе, было создание общественной библиотеки. Начиная с детских лет, он был страстно увлечен чтением, проводя немало времени в домашней библиотеке отца. Фризер, в силу семейных причин не получивший сколько-нибудь систематического образования, постоянно работал над собой, занимаясь самообразованием [Владимирски, Кротова 2019a]. М. Новомейский в своей книге сообщал о двоюродном брате: «Хотя он не окончил даже и начальной школы, но тем не менее обладал обширнейшими познаниями в различных областях. Своей образованностью он был обязан ссыльным и непрерывному чтению» [Новомейский 1979, 75]. В воспоминаниях Фризер писал, что «довольно много читал без разбора

всякие книги, среди которых попадали и хорошие», а с 13–14 лет начал сам выписывать и покупать книги по истории, экономике, философии, геологии, зоологии и другим наукам, составляя свою собственную библиотеку, причем «выбирал книги лично, без всяких указаний, и все-таки как-то выходило удачно» [ЛА, Тетр. 1. Л. 10 об, 15 об, 32 об]. В книге М. Новомейского есть упоминание о том, что «дома Фризер держал большую библиотеку с сочинениями философов разных школ и особенно ценил Шопенгауэра, которого часто цитировал на память» [Новомейский 1979, 75]. Интересно заметить, что в бумагах Фризера много выписок из сочинений А. Шопенгауэра, в том числе и эта: «Человек может видеть в другом лишь столько, скольким он сам обладает, и понять другого он может лишь соразмерно с собственным умом» [ЛА. Разные бумаги. Выписки из Шопенгауэра].

В автобиографической заметке, написанной Фризером для издания «Русский торгово-промышленный мир», ему было важно упомянуть об открытии в Баргузине в 1888 г. первой общественной библиотеки по его «инициативе и ближайшему участию» и в специально приобретенном им для этой цели доме. Фризер состоял секретарем библиотеки с 1888-го по 1898 г., заботясь о пополнении фонда и режиме работы ее [Русский торгово-промышленный мир 1914, 21]. В воспоминаниях он писал, что делал это «интуитивно» и при этом «даже не уяснял, что делаю серьезное культурное дело». Здесь же он отмечал: «Мною не руководило, как и впоследствии в более серьезные созданные мною культурно-образовательные организации, ни честолюбие, ни тщеславие» [ЛА, Тетр. 2. Л. 8]. К созданию библиотеки он отнесся с большой ответственностью, систематизировав все имеющиеся в наличии книги по областям знания. Через местную прессу он опубликовал объявление о приеме пожертвований книгами на нужды городской библиотеки и поиске квалифицированного библиотекаря (которому был обещан оклад). В 1925 г. в Харбине он писал, что библиотека «и теперь существует и помещается в пожертвованном лет 20 тому назад для нее доме», а приезжавшие из Баргузина рассказывали, что и новая власть не тронула висевший в зале библиотеки портрет Фризера [ЛА, Тетр. 2. Л. 8].

Помимо устройства библиотеки, дополнительным вкладом Фризера в создание городской структуры просвещения и образования была организация городского училища. Он пожертвовал значительные суммы на его постройку², оборудовал на свои средства мастерскую ручного труда. В училище имелся оркестр, для которого Фризер приобретал музыкальные инструменты. За свою деятельность на ниве народного просвеще-

² Я. Д. Фризер был награжден серебряной медалью за благотворительный взнос в размере 2 000 руб. на постройку Баргузинского городского училища [РГИА, Ф. 796. Оп. 438. Д. 4510. Л. 2].

ния Фризер был избран почетным попечителем Городского училища, но не был утвержден в этой должности Иркутским генерал-губернатором как еврей и как не достигший 21 года. Другой культурной инициативой Фризера была организация городского сквера, где немногочисленное население Баргузина могло полюбоваться на ухоженные клумбы с цветами и отдохнуть в тени специально высаженных деревьев. Неудивительно, что сквер был известен как сквер имени Фризера [Русский торгово-промышленный мир 1914, 22]. Л. В. Кальмина пишет, что Фризер «был, пожалуй, самым уважаемым человеком в Баргузине: именно его выбрали горожане своим представителем на открытие в Иркутске памятника Александру III». Она же отмечает вклад Фризера в сохранение в сибирских евреях «национального духа»: «Вместе с другим известным золотопромышленником А. Новомейским, он ежегодно перечислял Еврейско-русскому училищу в Баргузине по 300 руб., не говоря о разовых взносах. Уже после отъезда в Иркутск он продолжал помогать еврейской общине Баргузина и училищу: в 1913 г. подарил свой дом с участком стоимостью 3 000 руб. для еврейско-русского училища, а также библиотеку-читальню. Общая сумма пожертвований для просветительских целей, включая стоимость его бывшей усадьбы, составляла 7–8 тыс. руб. Собрание общины избрало обоих меценатов почетными членами училища и постановило вывесить там их портреты. В рапорте Баргузинскому уездному начальнику городской староста Баргузина характеризовал Фризера как «хорошего гражданина, отзывчивого на всякое доброе дело» [Кальмина 2003, 143].

Пестрое в этническом отношении население Восточной Сибири, с представителями которого постоянно сталкивался Фризер, сопровождая в деловых поездках своего отца, способствовало пробуждению интереса к археологии и этнографии. Дополнительным толчком к этому интересу послужило письмо политического ссыльного из Нерчинска Алексея Кирилловича Кузнецова (1845–1928) с предложением «вступить в число сотрудников Нерчинского музея, с кратким указанием научного и практического значения музея и организации местного кружка в целях содействия науке», разосланное в 1886 г. всем заинтересованным лицам [Фризер 1922, 20]. Известно, что экспозиция этого музея создавалась с помощью пожертвований и за счет безвозмездно присланных коллекций. В короткие сроки число экспонатов музея достигло внушительной цифры — 10 000 предметов [Жуков 1929, 27]. В числе многочисленных энтузиастов был и молодой Фризер, который принял деятельное участие в сборе экспонатов для Нерчинского музея в Западном Забайкалье — образцы горных пород, напоминавших шлаки доменных печей, археологические находки, предметы быта бурят и ороchon и разных прочих «диковин». На протяжении многих лет Фризер продолжал интересоваться прошлым Баргузинского округа, самостоятельно исследовал

курганы (возможно, баргутов) [Фризер 1901, 31]. Во время посещения Нерчинского музея в 1890 г. Фризер оценил всю важность этой работы, получив важные сведения о полезных и ценных ископаемых Забайкалья, а также облегчающую геологические поиски и разведку информацию [Фризер 1922, 20]. Находясь с отцом в Иркутске в 1885 г., Фризер посетил Иркутский музей, который произвел на молодого человека неизгладимое впечатление. Особенно его заинтересовали географический отдел и петрография, где он «инстинктивно» почувствовал связь распространения золота с горными породами [ЛА, Тетр. 2. Л. 1]. Через несколько лет эти предположения подтвердились. Опираясь на книги, документы и интуицию, Фризер смог обнаружить новые золотые прииски. После переезда в Иркутск в 1899 г. он пожертвовал ценную геологическую коллекцию в местный музей Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ВСО ИРГО) [Хороших 1926, 132].

Капиталист новой формации

Фризер с детства рос в особой атмосфере, все окружающая его среда была связана с золотыми приисками, он часто присутствовал на встречах отца с поставщиками, рабочими, арендаторами, представителями администрации. Вступив в семейное дело в четырнадцатилетнем возрасте, Фризер вскоре стал здесь вполне самостоятелен, поскольку отец его в 1887 г. заболел. С 1888 г. Фризер стал хозяином всех семейных приисков и именно с этого момента начинается отсчет его самостоятельной деятельности как золотопромышленника. В 1898 г. в Олекминско-Витимской тайге им были открыты Королонские прииски, которые прославили Фризера не только на всю Восточную Сибирь, но и на всю страну. История открытия и освоения приисков занимает большое место в его воспоминаниях [Владимирски, Кротова 20196]. Юрист и этнограф М. А. Кроль, который был близко знаком с Фризером (поскольку в течение некоторого времени защищал его интересы как адвокат), отмечал его «удивительное упорство» в поисках месторождений:

Месяцами он разъезжал в сопровождении служащих и проводников по дремучей тайге, карабкался по крутым утесам, переплывал бурные горные потоки с опасностью для жизни. Его не останавливали никакие трудности. Где верхом, где пешком, он забирался в такие таежные дебри, куда, казалось, никогда не заглядывал человеческий глаз и, наконец, он нашел то, что он искал, — золотоносную площадь, где самородки золота то и дело можно было найти на поверхности земли и где процент золота в песке был сказочно богат. Этот клад он нашел на берегу реки Королоны. И в короткий срок Фризер там организовал добычу золота в широком масштабе. Он выстроил там

целый поселок: прекрасные бараки для рабочих и служащих, образцовую школу для детей рабочих, прекрасно оборудованную больницу. Сколько усилий, труда и энергии это все потребовало, легко себе представить. Королонские золотые прииски прославились на всю Сибирь. И Фризер, ставший богатым человеком, занял весьма почетное место среди пионеров сибирской золотопромышленности [Кроль 2008, 252].

Весть об открытии нового Эльдорадо в Витимской тайге быстро привлекла огромное количество искателей счастья, но далеко не все они находили работу на новом прииске. Фризер писал в своих воспоминаниях:

В то время хороших помещений еще не успели выстроить, и я устроился в одном из временно воздвигнутых на скорую руку домиков. Вход ко мне был свободный, и паломничества продолжались без перерыва. Почти с каждым беседовал и старался так или иначе облегчить возможность выбраться обратно до ближайшего жилого пункта Бодайбо, на что требовалось 5–6 пешеходных дней пути. Всех снабжал на это время бесплатно провизией и многим давал по несколько рублей и даже отпускал одежные вещи, как рукавицы и другие теплые вещи. Прошло несколько дней, [рабочие] постепенно начали расхотиться и число посетителей сокращаться. Никаких инцидентов, волнений не произошло. Напротив, некоторые группы выражали мне письменную и словесную благодарность за гуманное отношение к ним, проявленный интерес к их тяжелому положению и только просили со временем, когда все устроится, будет достаточно продуктов и разработан большой план работ, принять их, если кто-либо из них опять появится в нашем районе [ЛА, Тетр. 3. Л. 2–3].

Фризер также приводит здесь важный эпизод: бывший рабочий за увольнение пытался его застрелить из револьвера. К счастью, пули не задели Фризера, а сам он, проявив великодушие, при разбирательстве дал показания, будто стрелявший имел целью не убийство, а только желание «выстрелами обратить на него внимание». Суд оправдал рабочего, через несколько лет он явился на прииски «с раскаянием», и Фризер взял его на работу [ЛА, Тетр. 3. Л. 3 об].

После открытия золотоносных приисков в Баргузинской тайге Фризер предложил построить в Муйском поселке, где проживали приисковые рабочие и их семьи, церковь, больницу, школу, пункт врачебной помощи, аптеку и т. п., а также обустроить метеорологическую станцию. Он считал, что необходимо создать в новом поселке библиотеку и помещение, где «жители данной приисковой местности могли бы собираться и устраивать любительские спектакли, чтения, концерты и т. п.», поскольку это «одно из лучших средств борьбы против пьянства, карт, грубости, опошления и проч. язв таежной среды». Фризер писал: «...пора хозяевам-золотопромышленникам понять, что целесообразно направленная

борьба с этими язвами — не только их нравственный долг, но и вполне соответствует их собственным личным интересам» [Фризер 1901, 131]. На Королонских приисках Фризер построил православную церковь, клуб на 300 мест, начальную школу, оборудованную необходимыми инструментами и медикаментами больницу на 26 коек, которой заведовал постоянно живущий на приисках врач. Приисковая реальность оказалась далека от мечтаний Фризера. В воспоминаниях он писал о том, что на приисках были построены образцовые казармы для рабочих: помещения с просторным коридором, отдельными комнатами для семейных рабочих и пр. Однако «все загрязнялось и спутывалось». Открытая школа «не привлекла достаточно учеников». В специально построенном помещении для клуба-театра ставились изредка любительские спектакли, но «мечты о культурном воздействии через театр, библиотеку на служащих и рабочих повисли в воздухе» [ЛА, Тетр. 3. Л. 9–10]. Не только простые приисковые рабочие, но и горные служащие в подавляющем большинстве были людьми малообразованными, не были знакомы (да и не стремились к этому) с элементарными знаниями, необходимыми для их профессии. Фризер, который постоянно пытался модернизировать производство и стремился повысить профессиональный уровень приисковых служащих, решил устроить курсы начальных горных наук, «применительно к казенным горным школам»:

Я до того был уверен в целесообразности таких курсов, что, не узнав многих будущих учеников и слушателей, повел переговоры с горным инженером о приглашении его организовать занятия. Была затрачена приличная сумма для покупки необходимых инструментов, лабораторий, книг и т. п. Все аккуратно получилось на прииске, а когда приступили к занятиям, то не оказалось несколько человек [ЛА, Тетр. 3. Л. 10 об].

Вопросы профессионального образования рабочих золотых приисков занимали Фризера и в дальнейшем. На IX съезде золотопромышленников Витимского и Олекминского горных округов 15–22 февраля 1907 г. рассматривалась возможность учреждения средних учебных заведений в г. Бодайбо. Фризер предложил открыть здесь горнотехническую школу по типу городского училища с преподаванием низших горных наук, рассчитав предполагаемый годовой бюджет школы — 12 тыс. руб. при субсидии от казны в 1 600 руб. Согласно его проекту, в школу можно было пригласить «для бесплатного преподавания специальных наук» местную интеллигенцию — инженеров, мировых судей, служащих банков, врача, начальника местной воинской команды и др. Тогда же Фризер предлагал открыть в Бодайбо женское учебное заведение с бюджетом в 9 тыс. руб. при пособии от казны размером в 1 000 руб. Однако съезд отклонил эти предложения «за отсутствием средств» с резолюцией: «Дело открытия горнотехнических школ предоставить инициативе отдельных предпри-

нимателей, могущих располагать на то средствами». При этом было указано, что «большинство публики относится к этому делу равнодушно» [РГИА, Ф. 49. Оп. 1. Д. 91. Л. 21 об–22].

Иркутский период

В 1899 г. Фризер переселился в Иркутск, ставший для него «второй родиной» [ЛА, Тетр. 3. Л. 1]. Иркутск на рубеже XIX и XX веков представлял крупный, динамично развивающийся город с довольно высоким уровнем благосостояния населения. Здесь, как и по всей Сибири, формировалось гражданское общество, сосредоточенное в основном вокруг местных газет и организаций, создавались добровольные организации самого разнообразного характера — от рыболовов и охотников до любителей классической музыки. Инициаторами и членами правлений этих организаций были местные интеллигенты, политические ссыльные и купечество, которое играло в сибирском обществе пореформенного периода важную роль. В этой среде возник особый сибирский патриотизм, который подразумевал деятельный социальный активизм, общественную работу, создание музеев, библиотек, образовательных заведений, научных учреждений. Благотворительная деятельность была приметой пореформенной России, она стала важной частью личной репутации и социального статуса. Среди местных купцов и предпринимателей было немало богатых людей, которые охотно жертвовали на культурные и научные нужды, и капиталы, нажитые на золотодобыче, торговле чаем и проч., шли на благотворительные цели для развития культуры, просвещения и образования.

Иркутские евреи занимали важные позиции в местной экономической жизни: их доля в городском населении в 1900 г. составляла 7,3%, но при этом более трети всех купцов города были евреями (35%) [Кальмина 2016, 29]. Евреи составляли большинство среди владельцев промышленных и крупных торговых предприятий. В городе находилось 73 предприятия с годовым оборотом свыше 100 тыс. руб., 22 из них принадлежали евреям. Общий оборот торговли и промышленности в Иркутске в 1913 г. составлял 31 млн. руб., еврейские предприятия давали более 7 млн. руб. (около 23%) [Гиммельштейн, Караваева 2018, 104]. В исследовании В. Войтинского и А. Горнштейна «Евреи в Иркутске» отмечалось отсутствие антисемитизма, «ассимиляторские» настроения, желание евреев слиться «с образованным иркутским обществом того времени» [Войтинский, Горнштейн 1915, 227, 233].

Фризер несомненно был частью этого общества. Обладая собственным видением места Сибири в Российской империи, он предлагал различные проекты, направленные на улучшение местных условий, промышленно-

сти и торговли. Так, Фризер как уполномоченный съезда золотопромышленников Баргузинского округа обратился с предложением учредить в Иркутске постоянное бюро золотопромышленников с библиотекой, содержащей профессиональную литературу и справочники, собранием моделей золотопромышленной техники, агентством по найму служащих [Фризер 1901, 145], но начинание это не получило поддержки.

Как видный представитель иркутского купечества Фризер был участником многих совещаний, созываемых местной высшей администрацией: о путях сообщения в Сибири при Иркутском генерал-губернаторе в декабре 1906 г.; о нуждах рыбопромышленности в 1908 г.; о противочумном съезде в 1911 г. В 1909 г. им была подана Иркутскому генерал-губернатору докладная записка об урегулировании передвижения войск во время мобилизации в Баргузинской и Олекминской тайге. В 1912 г. Фризер представил в Иркутскую городскую думу тщательно аргументированную записку о необходимости скорейшего устройства трамвайного передвижения. Он также был активным участником комиссии Иркутской городской думы по вопросу о проведении железной дороги на Лену, сделав целый ряд публичных докладов, которые были собраны в брошюре «Железнодорожные варианты от Сибирской магистрали в Ленский бассейн. Лена — Амурская железная дорога. Грунтовые дороги» [Фризер 1911]. Им была образована группа из местных деятелей для организации акционерного общества постройки узкоколейной железной дороги из Иркутска в с. Жигалово и составлены подробные проекты этой дороги [Владимирски, Кротова 2020а].

В 1910 г. при участии Фризера в Иркутске был создан Восточно-Сибирский отдел общества содействия русской торговли и промышленности. Одной из задач общества была разработка и финансирование проектов, способствующих экономическому развитию Сибири, включая исследование ее недр, развитие речного и сухопутного транспорта, строительство портов. Фризер, владевший несколькими пароходами на Лене, выступил на заседании общества с докладом «Экономическое и торгово-промышленное положение Ленско-Витимского края», в котором содержались предложения по улучшению фарватера р. Лены для прохождения судов [Фризер 1911, 33–36]. Кроме того, Фризер был одним из инициаторов открытия биржи в Иркутске, состоял старшиною Иркутского биржевого комитета, входил в число организаторов «Сибирско-Монгольского акционерного общества», которое построило в Иркутске в 1915 г. кожевенный завод, выпускавший продукцию для действующей армии [РГИА, Ф. 23. Оп. 12. Д. 1871. Л. 1, 16]. Фризер принимал непосредственное участие в делах Иркутского общества взаимного кредита в качестве члена совета, составил проект изменения устава; был также членом учетных комитетов Государственного, Волжско-Камского и Русско-Азиатского банков. В 1916 г. для открытия Иркутского торгово-промышленного банка организовал в Иркутске новое акционерное общество.

Список общественных, культурных и экономических интересов Фризера был внушительен, в Иркутске трудно было найти учреждение или организацию, в деятельности которой он не принимал бы участие. Фризер участвовал также в жизни Иркутской еврейской общины и был председателем хозяйственного правления синагоги [Календарь 1911, 361]. По его инициативе в Иркутске в 1914 г. было открыто отделение Общества распространения просвещения между евреями в России, в котором он председательствовал много лет, на его средства в 1915 г. был издан капитальный труд «Евреи в Иркутске» [Войтинский, Горнштейн 1915]. Он был действительным (пожизненным) членом Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. В этой организации активно работали многие ссыльные евреи — этнографы В. И. Иохельсон, Л. Я. Штернберг, М. А. Кроль, Н. Л. Геккер, активными жертвователями общества были представители еврейского купечества и интеллигенции [Гиммельштейн, Караваева 2018, 72–74, 95–96]. Фризер состоял также почетным членом губернского попечительства детских приютов и членом-казначеем Иркутского сельскохозяйственного общества. Уже после революции Фризер принял самое активное участие в создании Иркутского университета, являясь председателем его финансовой комиссии.

Санкт-Петербург: контора золото- и платинопромышленников

Не ограничиваясь общественной деятельностью на местном уровне, Фризер принимал активное участие в профессиональных организациях на общероссийском уровне. Звание купца 1-й гильдии давало право перемещения по стране и проживания (до шести месяцев) в Москве и Санкт-Петербурге, чем Фризер активно пользовался, бывая часто в столицах по коммерческим делам. С 1903 по 1917 гг. Фризер был членом Постоянной совещательной конторы золото- и платинопромышленников в Петербурге, представляя интересы сибирской золотопромышленности, он сделал здесь целый ряд предложений об улучшении разных сторон золотого дела, устройства путей сообщения в Сибири, поднимал вопросы о положении евреев в Сибири. В одном из писем, отправленных в Петроград из Иркутска 29 декабря 1914 г., перед предстоящим II Всероссийским съездом золото- и платинопромышленников он просил обратить внимание на «усиленное стеснение евреев во всех отраслях промышленно-торговой деятельности», имея в виду ограничение для сибирских евреев всех категорий, даже для лиц с высшим образованием, права свободного передвижения:

Для сибирских евреев установлена черта оседлости в пределах только одного уезда, в котором он [еврей — *прим. авторов статьи*] приписан или слу-

чайно находился в 1909 г. Благодаря такому стеснению и начавшемуся строгому применению ст. 7 закона от 8 июня 1903 г.³, за последние годы окружные инженеры зачислили в казну все заявки⁴, сделанные евреями в округах, где они не приписаны, т. е. не имеют[,] согласно указанной статье[,] постоянно-го места жительства. Вследствие запрещения евреям проживать в Чикойской системе и заниматься золотопромышленностью — золотое дело там теперь совершенно замерло, и такая же участь ждет другие округа [РГИА, Ф. 49. Оп. 1. Д. 30. Л. 88–88об].

Фризер в письме предлагал конторе обратиться с ходатайством «куда следует» о «временном разрешении впредь до общего пересмотра закона о праве жительства евреев, заниматься евреям золотопромышленностью во всех округах Сибири», а там, где им не разрешено проживать, приглашать для управления делом лица, имеющие право жительства. В конце письма он заметил:

Скорее всего, ходатайство совещательной конторы не будет удовлетворено, но наша организация, на обязанности которой лежит заботиться о развитии золотого промысла, не может умалчивать об этом. Совет съезда торговли и промышленности много раз возбуждал ходатайства, связанные с злополучным еврейским вопросом, и иногда ему удавалось кое-что сделать [РГИА, Ф. 49. Оп. 1. Д. 30. Л. 88–88об].

Фризер был участником I Всероссийского съезда золотопромышленников в 1907 г. в Петербурге, а также участвовал во всех важных заседаниях Постоянной совещательной конторы золото- и платинопромышленников, в том числе по вопросу о выборе направления железнодорожного пути для соединения Приленского края с Сибирской железной дорогой [РГИА, Ф. 49. Оп. 1. Д. 108. Л. 18–48]. Он поднял важный вопрос о кредите для золотопромышленности: в журнале «Золото и платина» (№ 19/20 за 1915 г.) Фризер опубликовал записку о кредитном обществе (товариществе) золотопромышленников и основные положения устава проектируемого общества, предлагая возвращать ссуды золотом в сыром или сплавленном виде, что могло бы «способствовать сосредоточению золота в руках государства» [РГИА, Ф. 49. Оп. 1. Д. 129. Л. 176–184]. К концу 1915 г. Фризер подготовил прошение о создании Кредитного общества золотопромышленников на имя министра финансов, затем в феврале 1916 г. разослал письма региональным съездам золотопромышленников с просьбой подписать это прошение, чтобы ускорить разрешение вопро-

³ О законе см.: Роговин 1910, 122.

⁴ Каждый золотопромышленник до начала разработки прииска должен был подать заявку, чтобы зарегистрировать прииск на свое имя.

са о кредите [РГИА, Ф. 49. Оп. 1. Д. 129. Л. 173–175]. Параллельно Постоянной совещательной конторой золото- и платинопромышленников был подготовлен проект устава Золотопромышленного банка, и все бумаги вместе с запиской Фризера и основными положениями устава Кредитного общества золотопромышленников были переданы 19 марта 1916 г. на рассмотрение правительства. Учредители Золотопромышленного банка (Л. Ф. Грауман, В. И. Карпов, Н. Б. Щербаков, И. Н. Чумаков, С. С. Антонов и др.) использовали не только идеи Фризера, но и его авторитет и влияние в местных золотопромышленных кругах, чтобы заинтересовать как можно больше золотопромышленников в том, чтобы стать акционерами банка, который был открыт в конце 1916 г. [РГИА, Ф. 620. Оп. 1. Д. 4. Л. 17, 41, 43–44]. Круг общения Фризера был чрезвычайно широк: от рабочих на приисках, политических ссыльных, горных инженеров до высших чиновников в Петербурге (Фризер даже добился аудиенции у министра финансов С. Ю. Витте) [Владимирски, Кротова 2020б].

Фризер – публицист

Дополнительным штрихом к портрету Фризера является его публицистическая деятельность, до настоящего времени не освещенная ни в одном из исследований. В воспоминаниях он отметил, что первую свою статью написал под влиянием и по совету политических ссыльных в 1889 г., когда ему было двадцать лет; эта статья была опубликована в газете «Восточное обозрение» [ЛА, Тетр. 2. Л. 12]. Надо сказать, что «Восточное обозрение» была одной из самых влиятельных и крупных газет дореволюционной Сибири. Ее основателем и первым редактором был известный сибирский деятель Н. М. Ядринцев, позже редактором стал политический ссыльный И. И. Попов. Анализ круга авторов газеты показывает, что купцов и промышленников в их числе было немного: из 611 выявленных авторов и корреспондентов «Восточного обозрения» только девять были предпринимателями [Петряев 1987]. Публицистическая деятельность была, видимо, очень важна и значима для Фризера, недаром в конце жизни он подвел итог этой работы, опубликовав список своих статей [Фризер 1932, 85–88].

В воспоминаниях Фризер заметил:

Одно могу с гордостью записать, что в каждом деле, как общественном, так и чисто практическом, где я принимал участие, там не оставался простым статистом, а заставлял себя говорить, читать и т. п. Как известно, всегда ненависть является прямым последствием зависти. Мне лично приходилось с этим всегда сталкиваться. Выдвигаясь почти всегда в первые ряды благодаря освещению каждого вопроса в печати за своей подписью, и в большинстве

случаев, обстоятельно, с цифровыми данными и ссылками на литературу, мне этого не могли простить [ЛА, Тетр. 3. Л. 20–20об].

Действительно, Фризер внимательно следил за местной и столичной прессой, посылал свои статьи в газеты «Восточное обозрение», «Иркутские губернские ведомости», «Сибирская мысль», «Восточная заря», «Сибирь», журналы «Вестник золотопромышленности», «Золото и платина», отвечая на критику в свой адрес и поднимая важные проблемы.

Открытие богатых золотом Королонских приисков в 1898 г. вызвало нападки на Фризера в местной прессе, обвинения в захвате приисков и незаконных действиях [Белецкий 1899]. Фризер незамедлительно ответил на это:

Не считаю возможным оставить без возражений позорящих меня нареканий, <...> что побудило меня приняться за составление очерка хода золотопромышленных предприятий на Среднем Витиме и на получившем такую громкую известность Орловском ключе, в частности. Очерк этот вместе с тем будет служить и отчетом моих в этом деле действий» [Восточное обозрение 1899, 3].

Книга Фризера «Золотопромышленность в Баргузинском округе и ее нужды» вышла вскоре в Москве. В ней он подробно описал момент открытия и освоения приисков на р. Королон, заметив, что

...жалобы и корреспонденции на эту тему во огромном большинстве случаев пишутся людьми, не знающими действительного положения дел или нежелающими надлежащим образом разобраться в нем. Основой подобных сообщений обыкновенно служат легенды и рассказы, сложенные рассчитанными за негодностью или провинности приисковыми служащими [Фризер 1901, 23].

Двигало Фризером не столько честолубие, сколько возможность поделиться своим опытом и улучшить положение в золотопромышленном деле. В предисловии к «Статистико-экономическому очерку Королонских золотых приисков» он указал: «Я был бы счастлив, если бы допущенные мною ошибки и промахи послужили уроком для других, предостерегли их от повторения таких ошибок» [Фризер 1906б, 1]. Деньги от продажи своих изданий он передавал Постоянной совещательной конторе золото- и платинопромышленников в Санкт-Петербурге для издания необходимых материалов. Во всех его работах виден всесторонний профессиональный анализ и государственный подход. Так, озабоченный вопросами «стеснения золотопромышленности в крае», он представил в газету «Иркутские губернские ведомости» в 1903 г. статью о необходимости распространения промыслового налога на добываемое золото в Забайкальской области «взамен обременительной и неравномерной

подати, взимаемой до 15% с валовой добычи» [РГИА, Ф. 49. Оп. 1. Д. 46. Л. 14]. В этой статье, как и в последующих работах, он доказывал, что отчисление средств с добычи золота в таком размере лишает сибирских золотопромышленников прибыли и разрушает этот бизнес.

Другим предметом его трудов и размышлений было развитие путей сообщения в Сибири. Эта сфера вообще была слабо развита, кое-где дороги и вовсе отсутствовали. Разработка приисков в известной среде золотопромышленников труднодоступностью Баргузинской тайге была особенно осложнена доставкой туда материалов и продовольствия. Товары из Иркутска доставлялись до Баргузина, дальше следовала гужевая перевозка в тайгу, а ведь Королонские прииски находились в 600–700 верстах от Баргузина. Еще в 1900 г. в статье «О Среднем Витиме» Фризер высказал практические соображения относительно Ангарского пути⁵ [Фризер 1900, 266], затем он был активным участником иркутского совещания 1906 г. о путях сообщения в Сибири при Иркутском генерал-губернаторе, предлагал варианты соединения Сибирской железной дороги с Ленной для доставки товаров и рабочих на прииски [Фризер 1906а]. В своей записке для совещания он обратил внимание на улучшение водных путей не только по Лене и Витиму, но и по р. Селенге для вывоза сырья из Монголии, указал на перспективы рейсов по р. Алдан до села Нелькана, что ускорило бы развитие золотопромышленности по побережью Охотского моря, предложил устроить Алгинский курорт на Алгинском озере. До сих пор эти вопросы актуальны, хотя с того момента, как Фризер обратил на эту проблему внимание, прошло более ста лет.

Книги и статьи Фризера отличаются точностью, профессионализмом, замечательными подробностями и могут являться источниками по изучению сибирской золотопромышленности и сегодня. О качестве его работ говорит тот факт, что известный геолог, будущий академик В. А. Обручев при подготовке своего труда «Геологический обзор золотоносных районов Сибири» в 1908–1916 гг. обращался к трудам Фризера. Сохранились его письма с просьбой выслать из Петербурга в Москву книги Фризера, так как, по словам Обручева, в «Статистических сборниках Горного Департамента невозможно разобрать прииски по естественным группам и узнать точное положение их благодаря отсутствию указаний мелких речек» [РГИА, Ф. 49. Оп. 1. Д. 173. Л. 59].

Война, революция, эмиграция

В отличие от многих членов еврейской общины, увлеченных идеями сионизма, Фризер очень осторожно высказывался о своих политиче-

⁵ Ангарский путь — водный путь доставки грузов на прииски Олекминско-Витимской системы.

ских пристрастиях. В воспоминаниях он с трепетом и благоговением описывает свое отношение к П. Кропоткину, Е. Брешко-Брешковской, политическим ссыльным, с которыми свела его судьба, что позволяет предположить, что он испытывал симпатии к левым движениям. Так, в «Иркутской летописи» упоминался спектакль в Общественном собрании Иркутска 11 ноября 1904 г., сбор от которого поступил в пользу ссыльно-поселенцев и на увеличение средств партии эсеров, причем активное участие в сборе средств принимал Фризер [Иркутская летопись 2003, 164]. В этой же летописи за 1916 г. Фризер указан как член комитета партии кадетов [Иркутская летопись 2003, 300]. Как видно, Фризер не идентифицировал себя с какой-либо политической партией.

Революция и последовавшая за ней Гражданской война заставили Фризера, как и многих других сибирских предпринимателей, покинуть страну и переселиться в Харбин. Собранная Фризером значительная библиотека — свыше 4 тыс. томов — осталась в Иркутске. Иркутский библиотекарь Н. С. Романов в своих воспоминаниях в конце 1920-х гг. упоминал о судьбе книг Фризера:

Оставшееся после него имущество как бесхозяйственное было конфисковано, в том числе и библиотека (гордость его жизненной деятельности). Кроме новой литературы, классиков и истории, был большой отдел книг по золотопромышленному делу и справочников. Кто взял библиотеку, я не знаю, но два шкафа я видел в отделе народного образования... Они в то время продавались на базаре по 500–700 руб. [Увидев] их на барахолке, я одну купил... Вот судьба библиотеки! Человек собирал ее всю жизнь, тратил деньги, хранил в шкафах, все было в идеальном порядке, и, в конце концов, все книги распылились и пошли по разным рукам, и никакого следа от них не осталось [Летопись Иркутской библиотеки 2008, 161–162].

Незначительная часть книг с личными экслибрисами Фризера до сих пор хранится в научной библиотеке имени И. И. Молчанова-Сибирского.

Оказавшись в эмиграции в Харбине, Фризер не оставлял общественной деятельности. С первых же дней своего пребывания в городе он вошел в состав еврейской общины Харбина и стал председателем правления и совета общины. По инициативе Фризера при еврейской общине были созданы арбитражный суд и архивная комиссия, в которой хранились исторические документы. После его трагической смерти⁶ в декабре 1932 г. было решено создать книжный фонд при Еврейской общественной библиотеке, который носил бы имя Я. Д. Фризера, а правление

⁶ По официальной версии Я. Д. Фризер покончил жизнь самоубийством 29 декабря 1932 г., но обстоятельства самоубийства не были расследованы японскими оккупационными властями.

Главной синагоги Харбина постановило учредить стипендию его имени в Талмуд-Торе [Еврейская жизнь 1933, 21–22]. В некрологе на смерть Фризера известный харбинский журналист и писатель Вс. Н. Иванов отметил особую, деятельную, творческую природу его личности: «Яков Давидович не умел говорить, зато он умел работать и создавать» [ЛА].

Яков Фризер с характерной для него широтой интересов был типичным представителем сибирского еврейства, в котором сочетались уважение к общечеловеческим ценностям, чувство свободы и собственного достоинства и предпринимательская активность. Сибирское общество изначально отличалось отсутствием традиционной социальной иерархии и, будучи обществом, состоящим из граждан, пораженных в правах по политическим или иным причинам, составило свою шкалу ценностей и норм поведения в социальной, политической и экономической жизни. В этом обществе сформировались иные понятия о ценности человеческой жизни, чести и достоинстве, честном купеческом слове как основе многомиллионных сделок, взаимопомощи, на которую можно рассчитывать вне зависимости от конфессиональной принадлежности и политических пристрастий. Для сибирских евреев, так же, как и для евреев европейской России, были характерны такие черты, как предприимчивость, высокая социальная активность и мобильность, отсутствие раболепия перед властью, чинами и чиновниками, приверженность к либеральным политическим течениям, яркий индивидуализм, сочетавшийся с корпоративностью и коллективизмом [Рабинович 2003, 116]. Все это было присуще и Якову Фризеру. Как сибирский еврей, он естественным образом сочетал в себе приверженность еврейским традициям и вовлеченность в общественные дела, затрагивающие интересы всего сибирского общества. Фризер, будучи самоучкой, отличался широким кругозором, огромной работоспособностью, отсутствием страха перед неизведанным, не чужд ему был и некоторый авантюризм. Он прекрасно понимал нужды своего края, участвуя в его освоении и развитии, пытаясь найти общий язык с государством посредством записок и ходатайств (правда, не совсем успешно), не считаясь с личной экономической выгодой. Круг его общения, в отличие от поколения его отца, строившего предпринимательскую деятельность на семейных связях, показывает стремление Фризера выйти за пределы еврейского круга родственников и знакомых, развиваться как самостоятельная личность вне связи с конфессиональной принадлежностью — явление, в общем характерное для того времени. Не отрекаясь от своего еврейского происхождения, он прежде всего ассоциировал себя с Сибирью и ее будущим. Фризер был таким представителем сибирского еврейства, которого отличали пренебрежение условностями, социальными, этническими и конфессиональными различиями, активная жизненная позиция, внимание к

вопросам профессиональной репутации. Ему были чужды политическая конъюнктура и использование политики в личных целях. Свое мнение о важности сохранения своего «я» он выразил следующей фразой: «Я всегда стою за меньшинство, потому что ум никогда не имеет большинства» [ЛА. Разные бумаги].

Источники

ЛА – Личный архив Тамар Александер-Фризер и Дана Фризер.

Воспоминания Я. Д. Фризера. Тетради 1, 2, 3. Разные бумаги.

РГИА – Российский государственный исторический архив

Ф. 23. Оп. 12. Д. 1871. «Об учреждении Сибирско-Монгольского торгово-промышленного акционерного общества». 1912–1917 гг. 102 л.

Ф. 49. Оп. 1. Д. 30. «Переписка Постоянной совещательной конторы золота и платинопромышленников с советами местных съездов золотопромышленников». 1907–1915 гг. 303 л.

Ф. 49. Оп. 1. Д. 46. «Переписка Постоянной совещательной конторы золота и платинопромышленников». 1902–1904 гг. 192 л.

Ф. 49. Оп. 1. Д. 91. Протоколы и постановления съездов золотопромышленников Витимского и Олекминского горных округов. 1907–1910. 233 л.

Ф. 49. Оп. 1. Д. 108. «Протоколы заседания Конторы и другие материалы по вопросу о выборе направления железнодорожного пути для соединения Приленского края с Сибирской железной дорогой». 1911–1916 гг. 192 л.

Ф. 49. Оп. 1. Д. 129. «Доклады, письма, справки и другие материалы». 1914–1917. 328 л.

Ф. 49. Оп. 1. Д. 173. «Переписка редакции журнала “Золото и платина” с профессором В. А. Обручевым об опубликовании его труда “Геологический обзор золотоносных районов Сибири”». 1908–1917 гг. 258 л.

Ф. 620. Оп. 1. Д. 4. Золотопромышленный банк. Письма учредителей. 1916–1917 гг. 48 л.

Ф. 796. Оп. 438. Д. 4510. «Формулярный список о службе чина духовного ведомства Фризера Якова Давидовича, баргузинского купца». Б. г. 2 л.

Белецкий 1899 – *Белецкий П.* История двух приисков // Восточное обозрение. 1899. № 209. 29 сентября. С. 2; 1899. № 211. 1 октября. С. 2.

Брешко-Брешковская 2006 – *Брешко-Брешковская Е.* Скрытые корни русской революции. Отречение великой революционерки. 1873–1920. М.: Центрполиграф, 2006. 334 с.

Бутырин 1926 – *Бутырин П. Н.* Золотопромышленность Баргузинского края и ее перспективы. Верхнеудинск: Госуд. Плановая комиссия Бурят-Монгольской АССР, 1926.

- Восточное обозрение 1899 – Восточное обозрение. 1899. № 228. 24 октября.
- Еврейская жизнь 1933 – Еврейская жизнь. Харбин, 1933. 6 января. С. 21–22.
- Календарь 1911 – Календарь-справочник по Восточной Сибири на 1911 год. Иркутск: Казанцев, 1911. 600 с.
- Кроль 2008 – *Кроль М. А.* Страницы моей жизни / подгот. к изд., предисл. и примеч. Н. Л. Жуковской. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2008. 734 с.
- Летопись Иркутской губернской библиотеки – Летопись Иркутской губернской библиотеки. Из воспоминаний Н. С. Романова: 1861–1931 гг. / Авт.-сост. Ф. М. Полищук. Иркутск: Иркутская областная государственная научная библиотека, 2008. 259 с.
- Населенные места 1905 – Населенные места Российской империи в 500 и более жителей с указанием всего наличного в них населения и числа жителей преобладающих вероисповеданий, по данным первой всеобщей переписи населения 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб.: типография «Общественная польза», 1905. 120 с.
- Новомейский 1979 – *Новомейский М.* От Байкала до Мертвого моря. [Иерусалим], 1979. 382 с. (Библ.-Алия).
- Первая Всеобщая перепись 1904 – Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел под. ред. М. А. Тройницкого. LXXXIV. СПб., 1904.
- Петри 1886 – *Петри Э.* Сибирь как колония (пер. с нем. Н. Ядринцева) // Сибирский сборник. 1886. Кн. 2. С. 83–98.
- Роговин 1910 – *Роговин Л. М.* Устав о паспортах: (Св. зак. т. 15, изд. 1903 г. по прод. 1906 и 1908 гг.): С изм. в соответствии с Высоч. указом 5 окт. 1906 г., доп. узаконениями и разъясн. Прав. сената и адм. учреждений, обнародов. по 1 марта 1910 г., и с приб. извлеч. из др. частей Свода законов, относящихся до паспорт. постановлений и прав жительства евреев и алф. предм. Указ. СПб.: кн. маг. «Законоведение», 1910.
- Русский торгово-промышленный мир 1914 – Русский торгово-промышленный мир. Вып. III. М., 1914.
- Фризер 1900 – *Фризер Я. Д.* О Среднем Витиме // Вестник золотопромышленности и горного дела вообще. Томск, 1900. № 14. С. 265–267.
- Фризер 1901 – *Фризер Я. Д.* Золотопромышленность в Баргузинском округе и ее нужды. М., 1901.
- Фризер 1906а – *Фризер Я. Д.* Записка о путях сообщения в Сибири по затронутому вопросу в циркулярном письме Его Высокопревосходительства г. Иркутского генерал-губернатора от 20 октября 1906 г. Иркутск, 1906.
- Фризер 1906б – *Фризер Я. Д.* Статистико-экономический очерк Королонских золотых приисков (Баргузинского округа Забайкальской области). СПб., 1906.

- Фризер 1911 – *Фризер Я. Д.* Железнодорожные варианты от сибирской магистрали в Ленский бассейн. Лено-Амурская железная дорога. Грунтовые дороги. Иркутск, 1911.
- Фризер 1922 – *Фризер Я. [Д.]* Нерчинск и Харбин (личные воспоминания). 1919–1922 г. // Известия Общества изучения Маньчжурского края. Харбин, 1922. № 1. Ноябрь. С. 20–21.
- Фризер 1932 – *Фризер Я. Д.* Где и как искать и добывать золото. Золотопромышленные перспективы Маньчжурии. Харбин, 1932.

Литература

- Арутюнов 2009 – *Арутюнов Г. Б.* История развития водного транспорта Верхне-Ленского бассейна: 1860–1985 гг.: диссертация кандидата исторических наук. Ростов-на-Дону, 2009.
- Владимирски, Кротова 2019а – *Владимирски И., Кротова М. В.* Книги и встречи: Формирование духовного мира еврейского купца в Сибири на рубеже XIX и XX вв. // Уральский исторический вестник. 2019. № 1(62). С. 79–86. DOI: 10.30759/1728-9718-2019-1(62)-79-86.
- Владимирски, Кротова 2019б – *Владимирски И., Кротова М. В.* Сибирская золотопромышленность через призму дневников Якова Фризера (1869–1932) // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 3. С. 609–624. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2019.304.
- Владимирски, Кротова 2020а – *Владимирски И., Кротова М. В.* Два взгляда на строительство железных дорог в Восточной Сибири (по материалам работ сибирского золотопромышленника Якова Фризера) // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2020. Т. 32. С. 91–100. DOI: 10.26516/2222-9124.2020.32.91.
- Владимирски, Кротова 2020б – *Владимирски И., Кротова М. В.* К вопросу изучения сибирского купечества: круг социальных контактов золотопромышленника Якова Фризера // Омский научный вестник. Серия «Общество. История, Современность». 2020. Т. 5. № 2. С. 9–15. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-2-9-15.
- Войтинский, Горнштейн 1915 – *Войтинский В. С., Горнштейн А. Я.* Евреи в Иркутске. Иркутск: Хозяйств. правл. Иркут. еврейского молитв. дома и Иркут. Отд. Общества распространения просвещения между евреями в России, 1915.
- Гиммельштейн, Караваева 2018 – Иркутск еврейский: двести сюжетов из жизни 200-летней общины / Отв. ред. А. Гиммельштейн; ред.-сост. Ю. Караваева. Иркутск: , 2018.
- Гузенков 1998 – *Гузенков С. В.* История транспортного освоения Лено-Витимского района, 60-е гг. XIX в. — 1917 г.: диссертация кандидата исторических наук. Иркутск, 1998.

- Жуков 1929 – Жуков Н. Н. Жизнь и деятельность Алексея Кирилловича Кузнецова // Памяти Алексея Кирилловича Кузнецова. Чита: Печатное дело, 1929. С. 5–56.
- Иркутская летопись 2003 – Иркутская летопись 1661–1940 гг. Сост. Ю. П. Колмаков. Иркутск, 2003.
- Кальмина 2003а – Кальмина Л. В. Сибирский золотопромышленник и меценат Яков Фризер // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 142–144.
- Кальмина 2003б – Кальмина Л. В. Еврейские общины Восточной Сибири: Середина XIX века — февраль 1917 года: диссертация доктора исторических наук. Иркутск, 2003.
- Кальмина 2011 – Кальмина Л. В. Баргузин — еврейский анклав в Сибири // Научные труды по иудаике: материалы XVIII Международной ежегодной конференции по иудаике. М., 2011. С. 114–121.
- Кальмина 2016а – Кальмина Л. В. Баргузинский «след» в Иркутске: Моисей Новомейский и Яков Фризер // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2016. Т. 16. С. 91–100.
- Кальмина 2016б – Кальмина Л. В. Еврейское купечество Забайкалья в конце XIX — начале XX в.: элита сословия // Сибирские исторические исследования. 2016. № 2. С. 21–40.
- Маруев 2018 – Маруев В. А. История золотодобывающей промышленности в Забайкалье в XIX — начале XX века: диссертация... кандидата исторических наук. Иркутск, 2018.
- Обручев 1937 – Обручев В. А. История геологического исследования Сибири. Период четвертый (1889–1917). М.–Л., 1937.
- Петряев 1987 – Петряев Е. Д. Сотрудники «Восточного обозрения» и «Сибирских сборников» (1862–1906). Библиографические материалы. Киров, 1987.
- Рабинович 1998 – Рабинович В. Ю. Евреи дореволюционного Иркутска как предпринимательское меньшинство: диссертация кандидата исторических наук. Иркутск, 1998.
- Рабинович 2003 – Рабинович В. Еврей или сибиряк? // Ab imperio. 2003. № 4. С. 115–142.
- Равикович 1933 – Равикович С. И. Смерть Я. Д. Фризера // Гадегель. 1933. №1. С. 20.
- Сапоговская 1998 – Сапоговская Л. В. Частная золотопромышленность России на рубеже XIX–XX вв. Урал и Сибирь — модели развития. Екатеринбург, 1998.
- Хороших 1926 – Хороших П. П. Исторический очерк музея ВСОРГО (1854–1920 гг.) // Известия Восточно-Сибирского отдела Государственного Русского географического общества. Т. 50. Обзор деятельности Восточно-Сибирского отдела за 75 лет (1851–1926). Юбилейный сборник. Иркутск, 1926. С. 125–136.

- Цыденова 2007 – *Цыденова Н. В.* Развитие предпринимательства в Восточной Сибири в кон. XIX – нач. XX вв.: диссертация кандидата исторических наук. Санкт-Петербург, 2007.
- Целищева 2002 – *Целищева В. Н.* Частное предпринимательство в золотодобывающей промышленности Забайкальской области во II половине XIX – начале XX вв.: диссертация кандидата исторических наук. Иркутск, 2002.
- Швец 2002 – *Швец Е. Г.* Забайкальское купечество во второй половине XIX века: дисс. ... кандидата исторических наук. Иркутск, 2002.
- Энциклопедия Забайкалья 2006 – Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. В 4-х тт. Новосибирск, 2006.
- Chartier 2014 – *Chartier R.* The Author's Hand and the Printer's Mind. New York: Polity Press, 2014.
- Confinio 2008 – *Confinio A.* Memory and the History of Mentalities // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook / Eds. Erll Astrid, Nünning Angsar. Berlin: Walter de Gruyter, 2008.

A Familiar Stranger Yakov Frizer: A Portrait of a Siberian Jew

Irena Vladimirsky

(Arugot, Israel)

Achva Academic College, History of the Ideas Department

Dr. of Philosophy, Professor

E-mail: irena@achva.ac.il

ORCID: 0000-0002-4766-5312,

Maria Krotova

(St. Petersburg, Russia)

St. Petersburg State University of Economics, Department of International Relations, Medialogy,

Political Science and History

Dr. of Historical Science, Professor,

E-mail: mary_krot@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7948-0251

Abstract: Yakov Frizer (1869–1932) was a grandson of a Jewish criminal from the Western provinces of the Russian Empire, who was exiled to Siberia for smuggling for Polish rebels during the Polish Revolt of 1830. He was born in Barguzin and in a course of time turned into one of the biggest gold miners of the East Siberia, a first guild merchant, an

outstanding entrepreneur and philanthropist. In 1918, similarly to many others, he immigrated to Harbin, Manchuria, where he lived until his tragic death in 1932. Since young age, Frizer used to keep a diary that usually became his only companion in his long journeys in Olekminsk-Vitim taiga. Main part of Yakov Frizer personal archive found its way to Israel in 1948 and is kept by his family. Frizer's personal archive, as well as documents from Russian archives, articles from local Siberian and Harbin press provide additional evidence to the breadth and diversity of his talents. It is difficult to find a sphere of social or economic activity that missed his attention. Frizer established one of the first public libraries in his native Barguzin and was a chairperson of a Finance commission on establishment of the Irkutsk university. He was a lifelong active member of the East Siberian branch of the Russian Imperial Geographic Society, the chairperson and the sponsor of the local branch of the Society for Spreading of Education among the Jews of Russia, a permanent treasurer of the Jewish community of Irkutsk and an active member of Irkutsk Chamber of Commerce and Industry. Circles of Frizer's various connections and acquaintances included famous political exiles such as P.A. Kropotkin and E. K. Breshko-Breshkovskaya, baron G. E. Gunzbourg and members of his family, Siberian regionalists N. M. Yadrintsev and G. N. Potanin, mining engineers and technicians, businessmen and officials, including the all-powerful Minister of Finance S. Yu. Witte. The present article is devoted mainly to the Siberian period in Yakov Frizer life, his economic and social activity in Saint Petersburg, Barguzin and Irkutsk, arrangement and management of his family gold mines, support of different educational and research beginnings.

Keywords: Yakov Frizer, Jews, East Siberia, Barguzin, Irkutsk, merchants, charity, gold mining

References

- Vladimirsky I., and M.V. Krotova, 2019a, *Knigi i vstrechi: Formirovanie dukhovnogo mira evreiskogo kuptsa v Sibiri na rubezhe XIX I XX vv.* [Books and meetings: the Formation of the spiritual world of a Jewish merchant in Siberia at the turn of the 19th and 20th centuries]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 1(62), 79–86. DOI: 10.30759/1728-9718-2019-1(62)-79-86.
- Vladimirsky, I., and M.V. Krotova, 2019b, *Sibirskaya zolotopromyshlennost' cherez prizmu dnevnikov Iakova Frizera (1869–1932)* [Siberian gold industry through the prism of the diaries of Yakov Frizer (1869–1932)]. *Noveishaya istoriya Rossii*, Vol. 9, 3, 609–624. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2019.304.
- Vladimirsky, I., and M.V. Krotova, 2020a, *Dva vzgliada na stroitel'stvo zheleznykh dorog v Vostochnoi Sibiri (po materialam rabot sibirskogo zolotopromyshlennika Iakova Frizera)* [Two views on the construction of Railways in Eastern Siberia (based on the works of the Siberian gold miner

- Yakov Frizer)]. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta, Serii Istorii*, Vol. 32, 91–100. DOI: 10.26516/2222-9124.2020.32.91.
- Vladimirsky, I., and M.V. Krotova, 2020b, K voprosu izucheniya sibirskogo kupechestva: krug sotsial'nykh kontaktov zolotopromyshlennika Iakova Frizera [On the issue of studying the Siberian merchant class: the circle of social contacts of the gold industrialist Yakov Frizer]. *Omskii nauchnyi vestnik*, Vol. 5, 2, 9–15. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-2-9-15.
- Guzenkov, S.V., 1998, Istoriya transportnogo osvoeniya Leno-Vitimskogo raiona, 60-e gg. XIX v. – 1917: dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk [History of transport development of the Leno-Vitim district, 60s of the 19th century – 1917: dissertation of the candidate of historical Sciences], Irkutsk.
- Zhukov, N.N., 1929, Zhizn' i deiatel'nost' Alekseia Kirillovicha Kuznetsova [Life and work of Alexey Kirillovich Kuznetsov]. *Pamiati Alekseia Kirillovicha Kuznetsova* [In Memory of Alexey Kuznetsov], 5–56, Chita, Pechatnoe delo, 1929, 72.
- Gimel'shtein, A., ed., 2018, *Irkutsk evreiskii: dvesti siuzhetov iz zhizni 200-letnei obshchiny* [Irkutsk Jewish: two hundred stories from the life of a 200-year-old community]. Irkutsk, Vostsibkniga.
- Kal'mina, L.V., 2003a, Sibirskii zolotopromyshlennik i metsenat Iakov Frizer [Yakov Frizer, Siberian gold miner and philanthropist]. *Voprosy istorii*, 3, 142–144.
- Kal'mina, L.V., 2003b, *Evreiskie obshchiny Vostochnoi Sibiri: seredina XIX veka – fevral' 1917 goda: dissertatsiya doktora istoricheskikh nauk* [Jewish communities in Eastern Siberia: Mid-19th century – February 1917: dissertation of the doctor of historical sciences], Irkutsk.
- Kal'mina, L.V., 2011, Barguzin – evreiskii anklav v Sibiri [Barguzin – a Jewish enclave in Siberia]. *Nauchnye trudy po iudaike: materialy XVIII Mezhdunarodnoi ezhegodnoi konferentsii po iudaike* [Scientific works on Judaica: proceedings of the XVIII International annual conference on Judaica], 114–121, Moscow.
- Kal'mina, L.V., 2016a, Barguzinskii “sled” v Irkutske: Moisei Novomeiskii i Iakov Frizer [Barguzinsky “footprint” in Irkutsk: Moses Novomeysky and Jacob Freezer], *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta, Serii Istorii*, Vol. 16, 91–100.
- Kal'mina, L.V., 2016b, Evreiskoe kupechestvo Zabaikal'ia v kontse 19 – nachale 20 v.: elita sosloviia [Jewish merchants of Transbaikalia in the late 19th – early 20th centuries: the elite of the estate]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2, 1–40.
- Maruev, V.A., 2018, *Istoriya zolotodobyvayushchei promyshlennosti v Zabaikal'e v XIX – nachale XX veka: dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk* [History of the gold mining industry in Transbaikalia in the 19th – early 20th century: dissertation of the candidate of historical Sciences], Irkutsk.

- Novomeiskii, M., 1979, *Ot Baikala do Mertvogo moria* [From Baikal to the Dead sea]. Jerusalem, Biblioteka Aliia.
- Obruchev, V.A., 1937, *Istoriia geologicheskogo issledovaniia Sibiri. Period chetvertyi (1889–1917)* [History of geological research in Siberia. The fourth period (1889–1917)]. Moscow – Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk.
- Rabinovich, V.Yu., 1998, *Evrei dorevolutsionnogo Irkutsk kak predprinimatel'skoe men'shinstvo: dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk* [Jews of pre-revolutionary Irkutsk as an entrepreneurial minority: dissertation of the candidate of historical sciences], Irkutsk.
- Rabinovich V., 2003, *Evrei ili sibir'ia?* [Jew or Siberian?]. *Ab imperio*, 4, 115–142.
- Sapogovskaia, L.V., 1998 *Chastnaia zolotopromyshlennost' Rossii na rubezhe XIX–XX vv. Ural i Sibir' – modeli razvitiia* [Private gold industry of Russia at the turn of 19th – 20th centuries. Ural and Siberia-models of development]. Ekaterinburg, Institute of History and Archaeology Ural branch of the Russian Academy of Sciences.
- Tsydenova, N.V., 2007, *Razvitie predprinimatel'stva v Vostochnoi Sibiri v kontse XIX – nachale XX vv.: dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk* [The development of entrepreneurship in Eastern Siberia in the late 19th – beginning of the 20th centuries: dissertation of the candidate of historical sciences], St. Petersburg.
- Tselishcheva, V.N., 2002, *Chastnoe predprinimatel'stvo v zolotodobyvayushchei promyshlennosti Zabaikal'skoi oblasti vo II polovine XIX – nachale XX vv.: dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk* [Private entrepreneurship in the gold mining industry of the Trans-Baikal region in the second half of the 19th – early 20th centuries: dissertation of the candidate of historical Sciences], Irkutsk.
- Shvets, E.G., 2002, *Zabaikal'skoe kupechestvo vo vtoroi polovine XIX veka: dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk* [Trans-Baikal merchants in the second half of the 19th century: dissertation of the candidate of historical Sciences], Irkutsk.
- Chartier, R., 2014, *The Author's Hand and the Printer's Mind*. New York, 224.
- Confino, A., 2008, *Memory and the History of Mentalities. Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*, eds. Erll Astrid, Nunnung Angsar. Berlin.

Юлия Пинигина

(Иркутск, Россия)

Иркутский государственный университет

E-mail: piniginay@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1950-9312

Евреи и власть в позднеимперском Иркутске: нелегальные практики взаимодействия

Аннотация: В последние десятилетия существования Российской империи неуклонно увеличивался разрыв между официальным правовым статусом еврейского населения и его фактическим положением в обществе. Особенно ярко этот разрыв проявился в Сибири. Автор рассматривает эту проблему с точки зрения теории практик с помощью case-study – анализируя «попытку покушения на генерал-губернатора» летом 1905 г. в Иркутске и расследование этого случая, проведенное Иркутским губернским жандармским управлением. В статье описывается инсценировка покушения, авторами которой стали начальник городской полиции и человек, пользовавшийся огромным влиянием в среде местного еврейства. Жандармами в ходе расследования дела была обнаружена целая система «торговли покровительством», связывающая еврейское население и городскую полицию. За взятки и «пожертвования» евреи имели возможность получать различные бюрократические разрешения, необходимые для предпринимательской деятельности, а также улаживать конфликты с полицией. Этот нелегальный бизнес делали возможным как дискриминирующее положение ограниченного в правах еврейского меньшинства, так и коррумпированность полицейских чинов. Политика государства в отношении этноконфессионального меньшинства формировала поле для использования и легальных, и не вполне легальных, и откровенно нелегальных практик взаимодействия с властью. Несмотря на серьезность издержек, связанных с нелегальностью и экстралегальностью, расширяющийся спектр практик создавал пространство для альтернативных форм взаимодействия власти и еврейского меньшинства, что в свою очередь давало возможности для успешного существования сообщества в условиях позднеимперского транзитивного общества.

Ключевые слова: еврейская община, Иркутск, жандармское управление, политическое преступление, полиция, нелегальные практики, торговля покровительством.

DOI: 10.31168/2658-3364.2021.1.06

Правовое положение евреев в Российской империи, а также особый статус евреев в Сибири представляется вопросом достаточно изученным. Между тем изменение их правового статуса (ослабление или ужесточение правовых ограничений, налагаемых на евреев) – это «видимая часть» изменений, происходивших в обществе в целом. Интерес вызывают изменения в социальных процессах и практиках взаимодействия между еврейской общиной и принимающим сообществом. Очевидно, что правовая эмансипация евреев в 1917 г. была результатом революции и слома старого строя. Однако эмансипация в условиях революции – это финальный аккорд, одномоментная ситуация, завершившая те процессы трансформации правового статуса (и, шире, места еврейского меньшинства в обществе), которые протекали более или менее латентно на протяжении последних десятилетий существования империи. Деградация политического строя выражалась в том числе в нарастающем несоответствии формального, узаконенного статуса евреев их реальному положению в обществе. Свидетельств этого расхождения достаточно много: присутствие евреев на тех территориях империи, где по общему правилу быть их не должно; заметная роль в хозяйственной жизни региона; случаи, когда евреи имели высокий статус в провинциальном обществе [Рабинович 2010]. Показательно, что имперские власти вполне осознавали разрыв между правовым статусом и фактическим положением евреев и понимали, какого рода практики взаимодействия местной власти и еврейских общин возникают вследствие этого. «При существовавших в России порядках и при абсолютном своем бесправии евреи, по словам Ю. Гессена, “покупали в прямом и полном смысле этого слова право на жизнь”. Высшие власти прекрасно об этом знали» [Романова 2001, 85].

Анализируемое в данной статье архивное дело является прекрасным материалом для case-study, сосредоточенного на изучении взаимоотношений местных властей (в частности, полиции и жандармерии) и еврейского населения, причем не только различных аспектов правового положения, но и практик взаимодействия. Я рассматриваю этот отдельный случай с методологических позиций социально-исторической антропологии, в частности – социологической теории практик [Волков, Хархордин 2008]. Эти практики по отношению к действовавшему законодательству можно разделить на легальные, экстралегальные и нелегальные.

О легальных практиках взаимодействия еврейских общин и власти в сибирских городах на рубеже XIX–XX вв. известно достаточно хорошо, особенно когда речь идет об истории важных элементов общинной жизни, таких как создание и развитие религиозных, образовательных, благотворительных учреждений. О некоторых экстралегальных практиках мне случалось писать ранее [Пинигина 2000], когда речь шла об «играх статусами»; доступных для евреев способах легитимизировать свое пре-

бывание в Иркутске, записавшись, например, «ученицей повивальной бабки» (и будучи при этом актрисой городского театра) или затеявая бюрократические игры с подачей просьб о дозволении пребывания в городе.

Нелегальные практики взаимодействия, о которых идет речь, могут быть описаны в логике мафии, то есть альтернативной формы социальной интеграции [Алексеевкова 2009, 23]. Однако наш случай существенно отличается от классической (сицилийской) мафии или силового предпринимательства конца XX в. в России, так как тут и речи нет о попытке сформировать альтернативу слабому государству или о перехвате силовыми предпринимателями функции насилия у государства, находящегося в состоянии глубокой трансформации [Волков 2012]. В ситуации позднеимперского транзитивного общества, когда устоявшиеся и легитимные иерархии и статусы не только не отражали фактического состояния общества, но и не позволяли осуществлять эффективное взаимодействие между государством и локальным сообществом, возникали альтернативные формы посредничества, которые можно описать не с позиции правовых статусов, а с позиции практик. В рассматриваемом случае уместно говорить не об индустрии насилия или частной защиты, а об индустрии посредничества [Волков 2004, 24]. В этой статье я рассматриваю яркий пример, в котором нелегальные практики взаимодействия между еврейским сообществом Иркутска и государственным бюрократическим аппаратом в начале XX в. занимают ключевое место.

«Протоколы дознаний и переписка о готовящемся покушении...».

Дело о покушении на иркутского генерал-губернатора

Событие, о котором идет речь, с известной условностью называют «покушением на иркутского генерал-губернатора», произошло оно в разгар первой русской революции 1905 г. Оно уже попадало в поле зрения исследователей, но рассматривалось совершенно с иных позиций. Леонид Меньщиков¹ упоминает этот сюжет, опираясь на документы штаба корпуса жандармов, куда попала отредактированная, «вычищенная» версия событий, представленная начальником губернского жандармского управления столичному начальству [Меньщиков 1932, 16]. В 1920–1930-е гг. «покушение на иркутского генерал-губернатора» рассматривалось исследователями в русле изучения революционного движения, противостояния революционеров и жандармов. Иркутский

¹ Меньщиков Леонид Петрович (1869–1932) начинал карьеру в Охранном отделении, после отставки (1907) и эмиграции в 1909 г. во Францию занялся разоблачением «провокаторов» – агентов полиции в различных политических партиях. Позднее сотрудничал с советской властью, был автором крупного исследования по истории борьбы царской полиции против нелегальных политических партий.

случай рассматривался как пример «провокации» и укладывался в тот же ряд, что и дела Евно Азефа и Георгия Гапона.

Источники из Государственного архива Иркутской области (ГАИО) позволяют рассматривать этот сюжет в ином контексте. В фондах ГАИО удалось обнаружить следы впечатляющего примера функционирования нелегальных практик во взаимодействии между полицией и евреями города. Архивное дело [ГАИО, Ф. 600. Оп. 1. Д. 80] содержит «черновики» и рабочие бумаги полиции и объяснения, собственноручно написанные участниками событий. Документы дела в совокупности создают удивительную полифонию, сводят в единый корпус тексты, совершенно разные по стилю и терминологии, по степени эмоциональности и формализованности: полицейские околоточные надзиратели составляют таблицы, в которые занесены сведения о городских извозчиках; горные инженеры представляют заключения экспертиз; балаганский мещанин собственноручно пишет косноязычные и безграмотные объяснения; офицер жандармского корпуса сочиняет насыщенный эмоциональными оценками и художественными приемами отчет своему руководству. Разные языки описания создают единую и при этом многомерную картину.

«Они обсуждали на том же еврейском языке что-то недоброе».

Версия преступления, изложенная иркутским полицмейстером

В ночь с 10 на 11 июля 1905 г. в Иркутске произошло покушение на генерал-губернатора Восточной Сибири графа Павла Ипполитовича Кутайсова. Громкое политическое преступление не получило огласки в прессе, да и в историю революционного движения не вошло по единственной, но важной причине – оно оказалось ненастоящим. История этого преступления могла бы стать основой плутовского романа, политического детектива или комедии нравов. Архивное дело [ГАИО, Ф. 600. Оп. 1. Д. 80], в которое вошли документы, подготовленные и собранные начальником Иркутского губернского жандармского управления (ИГЖУ) подполковником Леонидом Николаевичем Кременецким, несет в себе черты всех этих литературных жанров, и это тот случай, когда реальность дает фору литературному вымыслу.

Покушение на генерал-губернатора – серьезное государственное преступление, так что расследовать его должно было губернское жандармское управление, а не городская полиция (Иркутское городское полицейское управление). Потому за расследование дела взялся лично начальник ИГЖУ, подполковник отдельного корпуса жандармов Л. Н. Кременецкий. Жандармами была проделана серьезная и трудоемкая работа. Все следственные действия по сути строились на одной версии, которую при первой же личной беседе изложил офицер полиции офицеру жандармского

корпуса. В центре этой версии находились две фигуры – исправляющий дела иркутского полицмейстера подполковник Никольский и человек, которого полицмейстер именует «известный мне Балаганский мещанин Иценов».

Вот что, по версии полицмейстера, произошло поздним вечером 10 июля 1905 г. в Иркутске. Несколькими днями ранее проживающий в Иркутске балаганский мещанин (то есть приписанный к мещанскому обществу уездного города Иркутской губернии Балаганска) Леонтий Иценов прогуливался по Интендантскому саду² и в боковой дорожке увидел двух ранее не известных ему господ, говоривших между собою «на еврейском языке»³. Двое молодых мужчин обсуждали некое дело, приведшее их в Иркутск, которое они намерены были исполнить так, чтобы их товарищи остались довольны. Иценов, по его словам, не придал услышанному разговору особого значения, но в последующие четыре дня он вновь гулял по саду и снова встретил незнакомцев, к которым на этот раз присоединилась дама, «по виду тоже еврейка». Они обсуждали на том же еврейском языке «что-то не доброе», что и подвигло Иценова проследить за ними. Для реализации этого замысла он привлек своего хорошего знакомого Иннокентия Артемьева Петрова, бывшего полицейского урядника, уволенного из полиции за взяточничество и тоже совершенно случайно оказавшегося в этот вечер в Интендантском саду.

Злоумышленники (те самые незнакомцы, говорившие на еврейском языке) разделились, Иценов и Петров – тоже. Петров проследовал за двумя молодыми мужчинами и видел, как те перекинули через забор в сад генерал-губернаторского дома⁴ подозрительный белый сверток. Был, по словам Петрова, в руках злоумышленников еще некий черный сверток, но его почему-то не бросили в сад, и больше в деле он не упоминался. Иценов же попытался преследовать даму, «по виду еврейку», которая внезапно выстрелила в него из револьвера, но промахнулась и умчалась в неизвестном направлении на извозчике; лошадь у извозчика была серой масти.

² Интендантский сад – главное место отдыха и развлечений иркутян в конце XIX – начале XX вв.

³ «Еврейский язык» здесь – устоявшееся в обиходе жандармерии понятие, использовавшееся, главным образом, когда шла речь о переписке ссыльных. Очевидно, имеется в виду идиш. Из массива документов, связанных с жандармским делопроизводством (например, ГАИО, Ф. 600 Оп. 1 Д. 39 Л. 290–291), складывается впечатление, что идиш вызывал раздражение в жандармской среде: сталкиваться с ним приходилось достаточно часто, а сотрудников, владеющих этим языком, не было.

⁴ Так называемый Белый дом – официальная резиденция генерал-губернатора Восточной Сибири (затем Иркутского генерал-губернатора), памятник истории федерального значения, строительство его завершено в 1821 г.

Чудом спасшийся от пули Иценов понял, что дело важное, и, несмотря на поздний час, отправился к своему знакомому – городскому полицмейстеру Никольскому – сообщить о произошедшем. Полицмейстер отнесся к рассказу со всей серьезностью. Поздним вечером полицмейстер прибыл в дом иркутского генерал-губернатора. Он призвал на помощь дежурного унтер-офицера жандармского управления и денщика генерал-губернатора, решительно направился в сад и недалеко от стены кухни обнаружил подозрительный белый сверток, очевидно, подброшенный туда злоумышленниками.

В свертке оказалась бомба. Полицмейстер приказал вылить через окно кухни на бомбу пару ведер воды, а затем велел городскому взять лопатой опасную находку, отнести ее на берег реки Ангары и выкинуть в воду. Однако подумав, он решил, что это важная улика в деле о покушении на высокопоставленного государственного чиновника, и выловил сверток из воды. Вот такую, вполне подробную, версию произошедшего изложил подполковник Никольский.

«Принять меры к выяснению виновных...». Ход жандармского расследования и первый подозреваемый-еврей

Жандармский подполковник Кременецкий начал расследование, лично получив объяснения от человека, оказавшегося в центре события, – исполняющего дела иркутского полицмейстера подполковника Никольского. Затем он опросил унтер-офицера дополнительного штата ИГЖУ Левандовского, состоявшего ординарцем при генерал-губернаторе. Позже были опрошены городской Григорий Ранга, стоявший на посту вблизи дома генерал-губернатора, денщик генерал-губернатора Моисей Малышкин и бывший полицейский урядник Иннокентий Петров. В деле появлялись все новые и новые подробности, росло число опрашиваемых, появился первый подозреваемый, затем еще пара, однако после проверки обстоятельств все они были признаны непричастными. Были опрошены и проверены все городские извозчики, проведены обыски в слесарной мастерской Островича. Офицеры жандармского управления выезжали для допросов в село Лиственничное и на станцию Иннокентьевская, связывались с коллегами из Забайкалья и Кишинева.

Нашлись все части бомбы, которой злоумышленники предположительно собирались взорвать дом генерал-губернатора, была проведена ее экспертиза. Бомба представляла собой сверток, состоящий из пяти газет, коленкорового мешочка с порохом, сахарной бумаги, куска бикфордова шнура и некой бумажной трубочки, в которую этот шнур был вставлен. Она серьезно пострадала от поливания водой в саду генерал-губернатора и во время пребывания в реке, а бумажная трубочка, упомянутая

в рапорте полицмейстера, пропала. Проведенная в Иркутском горном управлении экспертиза пришла к однозначному заключению, что эта бомба не представляла серьезной опасности и в худшем случае могла лишь несильно испортить стену кухни. Меньщиков прямо назвал «бомбу» мусором [Меньщиков 1932].

Полицмейстер вначале отнесся к бумажной трубочке без должного внимания: «Бумажная трубка с прогоревшими двумя листками мною неизвестно где утеряна и по самым тщательным розыском до сих пор не найдена, почему и не приложена к свертку» [ГАИО, Ф. 600. Оп. 1. Д. 80. Л. 20.], но по требованию жандарма все же вынужден был найти столь важную улику. Трубочка оказалась свернутой из двух экземпляров нелегальной прокламации «Самодержавие на скамью подсудимых». Была ли к тому особая причина, или у преступников не оказалось под рукой другой бумаги, помимо революционных прокламаций, или прокламация должна была увеличить мощность бомбы, или в этом скрывался некий особый революционный символизм – жандармское управление не выяснило.

Жандармы не смогли бы продвинуться в расследовании, если бы не активная помощь тех людей, с которых все началось, – полицмейстера Никольского и мещанина Иценова. Они случайно обнаружили подозреваемого, который якобы походил на злоумышленника-еврея, одного из тех, кого видел в Интендантском саду Иценов накануне покушения. Личность подозрительного человека достаточно быстро удалось установить, им оказался Мартын Иванов Кромберг. Но, во-первых, на день покушения у него было алиби, которое могли подтвердить несколько десятков работников верфи в поселке Лиственничном, во-вторых, он был не политическим, а уголовным ссыльным, и, в-третьих, он был католиком и не знал еврейского языка. Иценов, вероятно, обознался.

«...другие неизвестные лица – по типу тоже евреи».

Новые подозреваемые – еврейские торговцы

Но Иценову повезло еще раз: он снова увидел людей, теперь уже двоих, исключительно похожих на злоумышленников (и на этот раз действительно евреев), о чем спешно сообщил своему знакомому-полицмейстеру, а уж тот – начальнику жандармов. Но в этом случае Иценов предварительно лично навел справки и о личностях, и о месте жительства, и о роде занятий подозрительных лиц: обширные знакомства в среде полицейских служащих этому способствовали.

В отношении этих двух лиц, Фишмана и Брехмана, ротмистрами ИГЖУ Гавриловым и Булгаковым была проведена проверка, доказавшая их непричастность к покушению. Запросы об этих людях были посланы в жандармское управление Бессарабии и ротмистру Балабанову в Читу.

Эта проверка открыла увлекательные подробности деятельности Иценова, его нравственные качества и ту роль, которую играл этот человек в жизни Иркутска.

Два торговца, кишиневский мещанин Янкель-Герш Эминов Фишман и кишиневский купец Арон Нахманов Брехман, прибыли в Иркутск из Одессы в июне 1905 г. по торговым делам: они намеревались выгодно продать крупную партию готового платья. Для подобной деятельности необходимо было иметь вид на жительство в Иркутске (так называемое дозволение господина генерал-губернатора на проживание) и разрешение на торговлю в городе. Едва компаньоны прибыли в город, как к ним явился Иценов и предложил свои услуги – посредничество в деле получения этих двух необходимых документов. Однако сумма, запрошенная Иценовым за услуги, оказалась, по мнению приезжих, чересчур большой, и компаньоны отказались от этой, как стало вскоре понятно, крайне навязчивой услуги. Они сами обратились к влиятельному человеку, купцу первой гильдии Д. М. Кузнецу, с просьбой о помощи и посредничестве (по другой версии – к Д. Кузнецу и И. Шепшелевичу, также купцу первой гильдии). Разрешение на проживание в течение двух месяцев было выдано канцелярией генерал-губернатора 22 июня 1905 г. Эта услуга может рассматриваться как проявление этноконфессиональной солидарности и еще одной формы экстралегального взаимодействия евреев и власти; статус и состояние Давида Кузнеца и Иуды Шепшелевича не дают оснований подозревать их в мелкой «торговле покровительством». Однако разрешение на торговлю так и не было получено, и компаньоны решили торговать нелегально, но тут же столкнулись с полицией. Как следует из рапорта Никольского, сообщил в полицию о незаконной торговле не кто иной, как Иценов. Тогда торговцы решили переместиться из Иркутска на близлежащую станцию Иннокентьевская (случилось это, по версии Иценова, 11 июля, сразу после «покушения», а по версии станционного полицейского надзирателя Гурьева – 14 или 15 июля), надеясь таким образом избавиться от навязчивого внимания как иркутской полиции, так и Иценова. Но безуспешно: Иценов нашел их и там – как оказалось, он водил дружбу с полицейским надзирателем станции Иннокентьевская В. Я. Гурьевым. Иценов снова сдал их полиции, не только за незаконную торговлю, но и за незаконное проживание – у Фишмана и Брехмана было дозволение проживать лишь в городе Иркутске, но не на станции Иннокентьевской. Вероятно, торговцы и в этот раз не захотели договариваться с Иценовым, и тогда он заявил на них как на преступников, готовивших тяжкое преступление – покушение на убийство генерал-губернатора. Впрочем, и тут есть некоторая путаница: Иценов обвинял торговцев в том «покушении», которое состояло в подбрасывании 11 июля «бомбы» к резиденции генерал-губернатора, а также в готовящемся покушении на станции Иннокентьевская, во время проезда там генерал-губернатора

17 июля. И если покушение 11 июля имело хоть какую-то «материальность» в виде подброшенной в сад генерал-губернаторского дома «бомбы», то покушение на Иннокентьевской было совсем уж призрачным: полицмейстер Никольский явился к генерал-губернатору, сообщил, что, по имеющимся у него сведениям, готовится покушение, и лично сопровождал графа до станции Иннокентьевская, чего ранее не случалось. В этом случае никаких подробностей о готовящемся покушении жандармы не получили.

К сожалению, мне не удалось обнаружить архивных данных, сообщающих, чем закончилась история с «покушением» для ее участников. О том, что все это происшествие было инсценировкой, подполковник Кременецкий сообщил своему столичному начальству спустя два месяца после событий. Он воздержался от того, чтобы возложить ответственность за произошедшее на полицмейстера, и не назвал его инициатором и бенефициаром «разоблачения», но намекнул на это, указав, какие обстоятельства и сведения полицмейстер Никольский скрыл от жандармского начальника: полицмейстер знал от Иценова о Фишмане и Брехмане в тот момент, когда 14 июля писал рапорт начальнику ИГЖУ, но умолчал об этом, так же как и о «покушении на Иннокентьевской», и сообщил эти сведения лишь в рапорте от 1 августа. В результате Никольский лишился должности исправляющего дела полицмейстера Иркутска.

«...занился политическим шантажом». Расширение сферы нелегальной деятельности Иценова

Главным виновником и несостоявшимся выгодоприобретателем в жандармском отчете выставлен Иценов, хотя тема его сотрудничества с полицией не раскрыта. Меньщиков назвал Иценова полицейским агентом «Ицено», а всю историю – полицейской провокацией [Меньщиков 1932], но из дела складывается впечатление, что Иценов был не столько агентом полиции, сколько компаньоном. «Не довольствуясь сферой уголовных розысков, Иценов с начала июля сего года сблизился с уволенным за взятки и превышение власти бывшим урядником Петровым, искавшим покровительства для получения места в городской полиции, и приобретя таким образом преданного и на все готового союзника, занялся политическим шантажом» [ГАИО, Ф. 600. Оп. 1. Д. 80. Л. 73.]. К сожалению, не удалось выяснить, как эта история сказалась на его дальнейшей судьбе. Что касается собственно провокации, она выглядит не только наивной, но и просто не укладывающейся в логику полицейской провокации: она не была направлена против революционного подполья, не была создана жандармами, как другие известные провокации, и не соответствовала сфере деятельности городской полиции. Зато она явно

эксплуатировала широко распространенную во властных и провластных кругах уверенность, что основную ответственность за революцию 1905 г. несут евреи и что они являются главной движущей силой революции. Несколько примитивная версия, объясняющая всю эту историю желанием Иценова и Никольского получить орден и выслужиться перед генерал-губернатором, представляется наиболее правдоподобной.

Между этими людьми, жуликом Леонтием Иценовым и жандармским подполковником Леонидом Кременецким, случилось еще одно пикантное пересечение. После «июльского покушения» Никольский и Иценов не остановились и предприняли еще одну попытку выслужиться. «Вслед за обнаружением 11 июля упомянутого свертка с порохом, 18 прошлого августа Иценовым было лично доложено полицмейстеру и письменно генерал-губернатору об обнаружении им места нахождения тайной типографии. Приехавший по этому поводу ночью полицмейстер просил моего распоряжения о немедленном обыске, но я отказал в производстве такого без предварительной проверки сообщенных сведений. Ввиду же заявления полицмейстера, что получены также сведения, что указанная типография может быть перенесена в эту ночь, я предложил ему провести лично этот обыск под благовидным полицейским предлогом. При обыске выяснилось, что в указанном Иценовым месте помещается фотография мещанина Иннокентия Шнее, в которой, несмотря на самый тщательный розыск, не обнаружено никаких следов типографии» [ГАИО, Ф. 600. Оп. 1. Д. 80. Л. 76.].

Подпольные типографии – особый сюжет в карьере подполковника Кременецкого. Потомственный дворянин, в будущем – генерал, он отнюдь не был безупречным стражем закона и порядка. Из различных источников [Скращук 2017] известно, что, устраивая свою карьеру, Леонид Николаевич не брезговал весьма сомнительными методами. Провокации, махинации, откровенное жульничество водились за ним и до назначения в Иркутск, случалось подобное и после. Коллеги по жандармскому корпусу задолго до описываемых событий подозревали тогда еще ротмистра екатеринославского управления Кременецкого в устройстве нелегальных типографий с целью последующего «открытия» их и получения наград. Карьера жандарма закончилась скверно: в 1916 г. он был уволен со службы за «постановку» социал-революционной типографии в Пензе, а в 1918 г. его расстреляли в Пензе по приговору ЧК.

«...настало время расширить дело». Торговля посредничеством в еврейской среде Иркутска

Жандармский полковник быстро выяснил печальные обстоятельства незадачливых торговцев готовым платьем и всерьез заинтересовался

фигурой Иценова, который не только волей случая спас генерал-губернатора, сам счастливо избежал смерти от пули соучастницы террористов, но и удивительным образом оказывался в нужное время в нужном месте (гулял по боковой аллее Интендантского сада, причем четыре дня подряд, и случайно видел тех самых подозрительных господ перед покушением, дважды случайно узнавал их на улице, да еще так кстати был знаком с полицейскими чинами города и пригорода).

Леонтий Иосифович Иценов (до крещения Лейба Вениаминов Иценов) – православный, мещанин, проживал в Иркутске в собственном доме на Жандармской улице. Ранее дважды судимый, 30 апреля 1885 г. Иркутским губернским судом он за кражу со взломом был лишен всех «особенных лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ». Далее сведения о судьбе Иценова разнятся, хотя и имеют один источник [Меньщиков 1932; ГАИО, Ф. 600. Оп. 1. Д. 80.]. По версии Меньщикова, он отбыл четыре года в тюрьме и затем был сослан в Иркутскую область (полагаю, Меньщиков ошибся, цитируя рапорт Кременецкого, поскольку обозначения «Иркутская область» на тот момент не существовало). По другой версии, после четырех лет, проведенных в тюрьме, он был выслан в Якутскую область, что соответствует существовавшей практике наказаний для евреев, совершивших уголовные преступления на территории Сибири [Курчатова, Андреев 2016]. В 1899 г. он принял православие, после чего просил местную казенную палату приписать его к мещанскому обществу города Балаганска, что и было сделано, при этом прошлые компрометирующие сведения в новый статейный список не были внесены. Позже Иценов перебрался в Иркутск, где занялся «темными делами» и вместе с тем предложил полиции свои услуги в качестве информатора. Заведя нужные связи в полиции, он «начал за приличное вознаграждение принимать близкое участие в судьбе евреев, имевших дело с полицией, что создало ему большую популярность и авторитет в еврейской среде» [ГАИО, Ф. 600. Оп. 1. Д. 80. Л. 76.]. Хочется отметить, что начальник ИГЖУ распространил свои представления о евреях, имевших дело с полицией, на еврейское население Иркутска в целом. Точнее, он связал «евреев, имевших дело с полицией», не с криминальной средой (она была развита и держала город в страхе), а с этническим еврейским сообществом. Полагаю, это связано с высокой долей «нелегальных лиц» (не имеющих законных оснований для проживания в городе) в еврейской среде и с многочисленными проверками законности пребывания и политической благонадежности. Вероятно, для жандарма сомнительна легальность «еврейской среды» в целом⁵. При этом то обстоятельство, что Иценов – выкрест, нисколько не нарушало этой картины, по крайней

⁵ Об отношении имперских чиновников к евреям на Востоке России подробно пишет В. Романова [Романова 2001].

мере с точки зрения жандарма. Возможно, начальник ИГЖУ воспринимал «еврейскую среду» не столько в качестве религиозной общины, сколько в качестве местного этнического сообщества.

«Этот авторитет усилился еще более, когда, благодаря иркутскому полицмейстеру, давшему благоприятный отзыв об его о нравственных качествах, не восстановленному в правах Иценову был пожалован в 1894 г. за сделанное пожертвование мундир Человеколюбивого общества императрицы Марии» [ГАИО, Ф. 600. Оп. 1. Д. 80. Л. 74.]⁶. Вот что пишет Кременецкий в своем рапорте начальству: «Время появления Иценова на местном горизонте точно мне не известно, но стал он приобретать авторитет в местном еврейском обществе года четыре тому назад. В последние два года авторитет этот перешел уже во влияние и усилился настолько, что всякий еврей, так или иначе попавший в руки полиции, будь то вор или нелегальное лицо, с полным доверием обращались и обращаются к содействию Иценова. И не без успеха. “Успех” этот, с одной стороны, объясняется предоставлением евреями в полное распоряжение Иценова “денежных пожертвований”, а с другой – приобретением им мундира, треуголки и шпаги. Стоит заговорить с любым евреем об Иценове, как он непременно назовет его “умным человеком”, сумевшим “приобрести мундир”. Появление Иценова в мундире публично и даже в Соборе, близость его к некоторым власть имущим лицам, рекламирование себя в местных газетах “членом многих благотворительных обществ, получившим благодарности Высочайших особ” имели своим последствием открытую эксплуатацию местных евреев. На этой почве вокруг Иценова организовалась целая шайка гешефтмахеров. Эта К-о открыто действует во всех слоях местного еврейства» [ГАИО, Ф. 600. Оп. 1. Д. 80. Л. 76.].

Бизнес на посредничестве рос и процветал. «Придя очевидно к заключению, что настало время расширить дело, Иценов организовал в конце прошлого года целую сеть агентов, которые рекламировали его в еврейской среде в качестве всемогущего человека, подыскивая ему вместе с тем нуждающихся в его помощи евреев». И далее: «Для характеристики деятельности Иценова привожу следующий пример: двум лицам нужно было получить разрешение на производство торговли вином и спиртом при сплаве по р. Лена. Ходатайство было признано не подлежащим удовлетворению, и просители с этим примирились. К ним неожиданно является Иценов и предлагает свои услуги провести это дело за 500 рублей. По уверению Иценова, деньги эти должны были будто бы быть переданы лицу, облеченному Высочайшей властью. Лишь случайное объяснение

⁶ Отметим, что дата получения мундира – 1894 г. – явно ошибочна. Полагаю, мундир Леонтий Иценов приобрел в 1905 г., когда дал объявление об этом в газете «Иркутские губернские ведомости» (1905, № 4146).

со мною предотвратило эту наглость. Также, например, говорят, что тот же Иценов за ходатайство по освобождению одного еврея заставил жену его заложить последние тряпки, лишь бы дать ему, Иценову, 50 рублей. Таких слухов, с указанием фактов, много» [там же].

Разумеется, основой процветания бизнеса была тесная интеграция с городской полицией. Даже если Иценов и был полицейским осведомителем в различных уголовных делах, полиция постаралась скрыть это обстоятельство от жандармов. Вот как описывает начальник ИГЖУ возможности Иценова: «Осведомленные и заслуживающие доверия лица безусловно утверждают, что названный Иценов пользуется громадным весом и влиянием у местного Полицмейстера, что подтверждается случаем, имевшим место на днях. Из Харбина было получено телеграфное требование от полицмейстера об аресте за какую-то мошенническую проделку Ялуторовского мещанина еврея Иосифа Леонтьева Тиш, вследствие чего местным полицмейстером было дано письменное предписание об аресте этого еврея, но указанное предписание не было исполнено, так как явившийся на квартиру к Тишу Иценов увез его с собой к полицмейстеру, а прибывшие для ареста чины полиции, хорошо осведомленные о значении и влиянии Иценова, не посмели его послушаться»⁷ [ГАИО, Ф. 600. Оп. 1. Д. 80. Л. 73.].

«Короче, Иценов с неизвестным прошлым и темным настоящим». Особенности нелегального бизнеса «торговца покровительством»

Хотелось бы отметить ряд важных моментов в организации бизнеса Иценова. Во-первых, его целевая аудитория состояла из представителей этноконфессионального меньшинства, имеющего особый правовой статус и серьезно ущемленного в правах [Кальмина 2003]. Это дискриминируемое положение ставило евреев в Иркутске перед необходимостью формировать легальные, экстралегальные и нелегальные пути обхода ограничений. Формировался спрос на посреднические услуги, и даже если оценивать по одному частному случаю Иценова – спрос стабильный и платежеспособный. Этот бизнес может быть описан в качестве классической «торговли покровительством».

Во-вторых, этот бизнес построен не на насилии (как было в случае классических мафий), а на посредничестве. Монополистом насилия по-прежнему оставалось государство, которое установило дискримина-

⁷ За несколько дней до составления рапорта начальником ИГЖУ Иосиф Тиш подал объявление в «Иркутские губернские ведомости» о своем желании приобрести дело или войти в таковое компаньоном, очевидно, совершенно не пытаясь скрываться от полиции.

ционные правила и содержало правоохранительные органы, вменяя им в обязанность эти правила охранять и принуждать население (в том числе и этноконфессиональные меньшинства) к их соблюдению. Леонтий Иценов выступал посредником на рынке: он предлагал купить решение проблемы с законом за деньги, а если клиент не хотел покупать такую услугу, то, опять-таки при посредничестве Иценова, он оказывался принужден уже силами полиции либо совершить сделку и заплатить, либо соблюдать действующее законодательство и нести ответственность за его нарушение. Масштабы этого рынка оценить невозможно, но Иценов на своих посреднических услугах сколотил приличное состояние: «Исключительно на почве таких нелегальных действий Иценов за какие-нибудь 4–5 лет приобрел недвижимости в 15–20 тысяч рублей» [ГАИО, Ф. 600. Оп. 1. Д. 80. Л. 76.].

В-третьих, следует помнить, что не только государственное насилие, выражавшееся в правовой дискриминации, приводило на этот посреднический рынок клиентов. Клиенты сами иногда совершали деяния, которые являлись уголовными правонарушениями, и потому оказывались на этом рынке посреднических услуг в качестве покупателя.

В-четвертых, если посмотреть на связи Иценова в полиции, то очевидно, что они распространялись на уровни от околоточного надзирателя (возможно, и ниже, на уровне рядовых служащих – городских стражников) до самого полицмейстера – начальника городского полицейского управления. Опосредованно, через полицию, его связи тянулись и выше – на уровень управления губернией. Этот посреднический бизнес не определялся исключительно «дурными нравственными качествами» и коррумпированностью конкретных служащих полиции. Свою деятельность Иценов начал в 1899 г., а разоблачен был лишь в 1905 г., да и то по причине того, что не смог вовремя остановиться и перешел границы разумного. Он подался в сферу политического сыска, попытался обмануть жандармского подполковника и открыто заявлял, что «получит за это дело орден». Его погубила не столько жадность, сколько честолюбие. Но важнее другое: за это время сменилось несколько полицмейстеров (Никольский был назначен исправляющим дела иркутского полицмейстера лишь в марте 1905 г., за четыре месяца до «покушения»), но бизнес Иценова продолжал процветать, поскольку не был привязан к конкретному «коррупционеру», а был встроен в полицейскую систему как таковую.

Описанный случай представляет собой яркое проявление нелегальных практик взаимодействия этнического меньшинства и государственной бюрократии. Такие практики могли появиться лишь в более ши-

роком контексте, на фоне рутинизированных практик (таких, как, например, внесение евреев в полицейские списки по месту пребывания⁸). Сами полицейские переписи тоже существовали на грани законности и произвола со стороны полиции [Пинигина 2000]. Если по действующему законодательству евреев в Сибири быть не должно, а те, что уже есть, не должны перемещаться вне мест приписки [Пинигина 2000, Кальмина 2003], но активно перемещаются⁹, то есть основания полагать, что такое положение возможно только на фоне активных экстралегальных и нелегальных практик.

Источники

- ГАИО – Государственный архив Иркутской области. Ф. 600. Оп. 1. Д. 80.
«Протоколы дознаний и переписка о готовящемся покушении на Иркутского губернатора (12.07.1905–29.09.1905)».
- ГАИО – Государственный архив Иркутской области. Ф. 600. Оп. 1. Д. 39.
«Переписка о просмотре корреспонденции политических ссыльных (31.12.1904–05.12.1905)».
- ГАИО – Государственный архив Иркутской области. Ф. 91. Оп. 2. Д. 466.
«О составлении списка евреев, проживающих в г. Иркутске и о проверке их прав на проживание в г. Иркутске (13.09.1887–23.03.1888)».
- ГАИО – Государственный архив Иркутской области. Ф. 91. Оп. 2. Д. 1769.
«Списки евреев, проживающих в Иркутске и переписка о разрешении проживания (12.03.1907–25.01.1908)».

Литература

- Алексеевкова 2009 – Алексеевкова Е. С. Государство и альтернативные формы социальной интеграции: структурное насилие против «omerta» // Полития. 2009. № 1. С. 22–43.
- Волков 2004 – Волков В. В. Мафия в зеркале социологии // Экономическая социология. 2004. Т. 5. № 3. С. 16–34.

⁸ Полиция регулярно составляла списки евреев, проживающих в Иркутске, и проверяла их право на жительство. См., например, ГАИО, Ф. 91. Оп. 2. Д. 466; ГАИО, Ф. 91. Оп. 2. Д. 1769.

⁹ Согласно Указу Правительствующего Сената от 8 февраля 1904 г. за № 1328, Леонтий Иценов должен был жить безвыездно в Балаганске, однако не менее шести лет жил и процветал в Иркутске. Копию этого указа с категорическими разъяснениями губернатора направили для сведения в марте 1905 г. и. д. иркутского полицмейстера Никольскому.

- Волков 2012 – *Волков В. В.* Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. 351с.
- Волков, Хархордин 2008 – *Волков В. В., Хархордин О. В.* Теория практик. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. 297 с.
- Кальмина 2003 – *Кальмина Л. В.* Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. – февраль 1917 г.). Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2003. 422 с.
- Курчатова, Андреев 2016 – *Курчатова Т. Т., Андреев А. П.* Евреи Якутии в конце XIX в. (по материалам первой всеобщей переписи населения 1897 г. // Общество: философия, история, культура. 2016. № 4. С. 72–74.
- Меньщиков 1932 – *Меньщиков Л. П.* Охрана и революция: к истории тайных политических организаций, существовавших во времена самодержавия. Ч. III. М.: Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1932. 283 с.
- Пинигина 2000 – *Пинигина Ю. Н.* Меньшинство и власть: стремление к сосуществованию? (Опыт еврейской общины дореволюционного Иркутска) // Вестник Евразии. 2000. № 4. С. 5–20.
- Рабинович 2010 – *Рабинович В. Ю.* Евреи и поляки в дореволюционном Иркутске: «переселенцы» в переселенческом обществе // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4(1). С. 201–206.
- Романова 2001 – *Романова В. В.* Власть и евреи на Дальнем Востоке России: история взаимоотношений (вторая половина XIX в. – 20-е годы XX в.). Красноярск: Кларетианум, 2001. 292 с.
- Скращук 2017 – *Скращук В.* Карьера полковника Кременецкого // Краевед Приангарья. 2017. № 1. С. 87–102.

Jews and Power in Late Imperial Irkutsk: Illegal Practices of Interaction

Yulia Pinigina

(Irkutsk, Russia)

Irkutsk State University

E-mail: piniginay@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1950-9312

Abstract: In the Late Russian Empire the gap between the official legal status of the Jewish population and its real position in the society increased steadily. As a result, legal as well as extra-legal and illegal practices of interaction between the authorities and the ethno-confessional minority were formed. In the course of investigation of the “assassination attempt upon the Governor-General” in Irkutsk in 1905, conducted by the Gendarme Directorate, the system of “patronage trade” was revealed, linking the Jewish population and the city police. This plot is analyzed from the social practice perspective. The author argues that the expanding range of practices of interaction between the authorities and the Jewish population created opportunities for the preservation and development of the community in the conditions of the late imperial transitional society.

Keywords: Jewish community, Irkutsk, gendarme directorate, political crime, police, illegal practices, patronage trade

References

- Alekseenkova 2009 – Alekseenkova E.S., 2009, Gosudarstvo i al'ternativnye formy sozial'noi integratsii: strukturnoe nasilie protiv “omerta” [The State and Alternative Forms of Social Integration: Structural Violence Against “Omerta”]. *Politiya*, 1, 22–43. DOI: 10.30570/2078-5089-2009-52-1-22-43.
- Volkov 2004 – Volkov V.V., 2004, Mafii v zerkale sotsiologii [The Mafia in the Mirror of Sociology]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 5, 3, 16–34.
- Volkov 2012 – Volkov V.V., 2012, *Silovoe predprinimatel'stvo, 21 vek: ekonomiko-sotsiologicheskii analiz*. [Power Entrepreneurship: the 21st Century: Economic and Sociological Analysis]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 352.
- Volkov, Kharkhordin 2008 – Volkov V.V. Kharkhordin O.V., 2008, *Teoriya praktik*. [The Theory of the Practice Study] Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 297.
- Kal'mina 2003 – Kal'mina L.V., 2003, Evreiskie obshchiny Vostochnoy Sibiri (seredina 19 v. – fevral' 1917 goda) [Jewish Communities of Eastern Siberia (Middle of the 19th Century – February 1917)]. Ulan-Ude: Izd.-poligr. kompleks VSGAKI, 422.
- Kurchatova, Andreev 2016 – Kurchatova T.T., Andreev A.P., 2016, Evrei Yakutii v kontse 19 v (po materialam pervoy vseobshchey perepisi naseleniya 1897g. [The Jews of Yakutia at the Late 19th century (according to the First National Census, 1897)]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, 4, 72–74.
- Menshchikov 1932 – Menshchikov L.P., 1932, *Okhrana i revolyutsiya : k istorii tainykh politicheskikh organizatsii, sushchestvovavshikh vo vremena samoderzhaviya*. [Security Controls and Revolution: on the History of Secret Political Organizations during the Caesarism era], vol. III, Moscow : Vsesoyuznoe obshchestvo politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev.

- Pinigina 2000 – Pinigina Y.N. 2000, Men'shinstvo i vlast': stremlenie k sosushchestvovaniyu? (Opyt evreiskoy obshchiny dorevoliutsionnogo Irkutska) [Minority and Power: Striving for Coexistence? (The Case of the Jewish Community of Pre-Revolutionary Irkutsk)]. *Vestnik Evrazii*, 4, 5–20.
- Rabinovich 2010 – Rabinovich V.Y., 2010, Evrei i poliaki v dorevoliutsionnom Irkutske: “pereselentsy” v pereselencheskom obshchestve [Jews and Poles in the Pre-Revolutionary Irkutsk: “Re-Settlers” in the Resettlement Community]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4-1, 201–206.
- Romanova 2001 – Romanova V.V., 2001, *Vlast' i evrei na Dal'nem Vostoke Rossii: istoriya vzaimotnosheniy (vtoraya polovina 19 – 20-e gody 20 vv.)* [The Power and Jews in the Russian Far East: the History of Relationships (the Second Half of the 19th Century – 1920s)]. Krasnoyarsk: “Klaretianum”, 292.
- Skrashchuk 2017 – Skrashchuk V., 2017, Kar'era polkovnika Kremenetskogo [Colonel Kremenetsky's Career]. *Kraeved Priangar'ia*, 1, 87–102.

Полли Завадивкер

(Ньюарк, Делавэр)

Кандидат исторических наук, доцент

Исторический факультет Университета штата Делавэр

E-mail: pollyz@udel.edu

ORCID: 0000-0002-8470-216X

Сибирь как «новый еврейский центр»: план переселения беженцев в годы Первой мировой войны

Аннотация: Во время Первой мировой войны за весну и лето 1915 г. около полумиллиона (а по некоторым оценкам, до миллиона) еврейских гражданских лиц бежали или были изгнаны русской армией из прифронтовых зон на литовских и польских территориях. В представленной статье рассматриваются вопросы, связанные с идеей переселения еврейских беженцев в Сибирь. Это предложение было высказано лидерами еврейских благотворительных организаций в Петрограде, в частности, экономистом Б.Д. Бруцкусом. Так называемый план Бруцкуса и реакция на него демонстрируют важные особенности. Во-первых, это показывает, что российские еврейские интеллектуалы мыслили в имперской системе координат. Во-вторых, вызванная этим планом негативная реакция сибирских евреев свидетельствует о поразительной гетерогенности еврейского населения России. Наконец, благодаря оппонентам плана обнажились разногласия внутри еврейского национального движения (в основном между сионистами и антисионистами) в отношении вопросов миграции и переселения.

Ключевые слова: миграция, беженцы, переселение, сионизм, гуманитарная помощь, русские евреи, Первая мировая война, Сибирь.

DOI: 10.31168/2658-3364.2021.1.07

Начинался второй год Великой войны. 20–23 августа 1915 г. по инициативе Еврейского комитета помощи жертвам войны (ЕКОПО) в Петрограде собрались 117 лидеров еврейских общин и представителей гуманитарных организаций. Один из наблюдателей, известный нам под инициалами Л. Л., писал, что это мероприятие – «и не съезд, и не совещание в обычном смысле слова» [Л. Л. 1915, 16]. За четыре дня делегатам предстояло найти ответ на один-единственный вопрос: как помочь сотням тысяч российских евреев, оказавшихся в первый же год войны беженцами [Съезд 1915а, 17]¹. Только за весну и лето 1915 г. около полумиллиона

¹ О ЕКОПО см. [Sverdlova 1987; 1989; Бейзер 1999, 236–244; Певзнер 2010].

(а по некоторым оценкам, до миллиона) еврейских гражданских лиц бежали или были изгнаны русской армией из прифронтовых зон на литовских и польских территориях. В поисках приюта эти люди, в одночасье ставшие бездомными, метались по всей Российской империи. «Теперь же мы явимся на Волге, на Каме, на Урале», – писал Л. Л. – «Все еврейское население превратилось в сплошную массу беженцев» [Л. Л. 1915, 16].

Группа, собравшаяся в большом зале еврейской богадельни, построенной на деньги М. А. Гинзбурга и носящей его имя, выглядела достаточно пестро: женщины и мужчины, общинные лидеры и работники благотворительных организаций, депутаты Думы, раввины, юристы, врачи, студенты – выходцы из самых разных социальных слоев, исповедующие самые разные политические взгляды. Сам факт, что на съезде присутствовали делегаты из 58 губерний (включая Архангельскую, Томскую и Иркутскую), свидетельствовал о том, что во всей империи уже не осталось уголка, где не появились бы еврейские беженцы из черты оседлости [Л. Л. 1915, 17].

Горстка делегатов щеголяла в элегантных фраках, которые, впрочем, казались «печальными и неуместными». Большинство же участников «прибыли сюда прямо из очагов и приютов выселенцев или беженцев». Выглядели они измученными и одеты были кое-как. «В их глазах вы читаете весь ужас пережитого и переживаемого». На пути каждый из них встречал тысячи и десятки тысяч таких же потерянных людей. И теперь они, «вырванные из почвы своей... на остатках своего “добра”... обсуждают вопрос – Куда?!» [Л. Л. 1915, 16].

Один из наиболее провокативных ответов на этот вопрос дал известный экономист Б. Д. Бруцкус. На третий день съезда он выступил от имени Комиссии по расселению беженцев ЕКОПО с докладом, в котором предлагал организовать добровольное массовое переселение еврейских беженцев в Сибирь, которая «обладает всеми необходимыми предпосылками нового еврейского экономического и национального центра». По словам Бруцкуса, у Сибири блестящие экономические перспективы: благодаря своим природным ресурсам она уже сегодня готова «играть первенствующую роль на мировом рынке»; население региона в последние десятилетия стремительно растет. Упомянул докладчик и об обстоятельстве, особенно значимом для еврейского меньшинства: в тех местах отсутствует «коренная буржуазия», а значит, не стоит опасаться «антисемитизма на экономической почве» [Съезд 1915б, 32]. Бруцкус напомнил аудитории, что страны Северной Америки за последние тридцать лет приняли миллионы эмигрантов из Восточной Европы, в то время как приграничные российские земли, простирающиеся от Урала до Тихого океана, куда более обширны и гораздо менее населены. Миллионы русских крестьян в поисках земли уже обрели там желаемое. Еврейское население, по мнению Бруцкуса, могло бы последовать их примеру и

расширить свои экономические горизонты, направившись на сей раз не на запад, а на восток, на территорию, которая «может принять <...> не тысячи, а сотни тысяч». «Мне представляется, – напишет Бруцкус вскоре после съезда, – что на обширной территории Российской империи есть район, который как бы ждет евреев» [Бруцкус 1915б, 13].

Бруцкус предлагал нечто большее, нежели абстрактную идею: в его выступлениях на съезде ЕКОПО и текстах, позднее опубликованных в еврейской прессе, содержалось целостное, систематическое видение инфраструктуры, подкрепленное экономической теорией. Иными словами, он предлагал план. «Сибирский план» Бруцкуса и реакция на него еврейских современников и есть предмет настоящей статьи.

Непосредственным контекстом «Сибирского плана» стал гуманитарный кризис миллионов беженцев – как еврейских, так и нееврейских. Выступая на открытии съезда, петроградский делегат М. Н. Крейнин употребил распространенное тогда еврейское выражение «блуждающие поезда» для описания отчаянного положения беженцев, депортируемых отовсюду в «поездах, следующих без определенного направления, перебрасываемых с места на место и попадающих в какой-нибудь пункт совершенно случайно и неожиданно» [Съезд 1915а, 20]. Большую часть еврейских и нееврейских беженцев из Литвы и Латвии отправляли в южные губернии черты оседлости, в основном в Полтавскую и Екатеринославскую, но когда они оказались переполнены, местные власти стали отсылать пришельцев поездами вглубь страны, начиная с Пензенской, Тамбовской и Воронежской губерний. В прессе появлялись душераздирающие рассказы о людях, которых неделями держали в товарных вагонах, где царили голод, холод и болезни. Во внутренние провинции эти несчастные прибывали фактически в статусе нелегальных мигрантов, не имея права на жительство и неся на себе клеймо депортированных [Gatrell 1999, 54].

Вопрос о расселении беженцев осложнился еще больше, когда 13 августа – всего за неделю до съезда ЕКОПО – министр внутренних дел Н. Б. Щербатов издал циркуляр, дававший евреям временное право селиться вне черты оседлости, но на деле сохранявший ряд ограничений: так, евреям было запрещено селиться в столицах, деревнях, казачьих станицах, а также областях, подведомственных Императорскому двору и Военному министерству [Законы 1916, 1:103]. В еврейских кругах циркуляр был встречен с большим разочарованием и даже негодованием. Лексикон русского еврейства обогатился термином «новая черта»².

Делегаты съезда ЕКОПО, в свою очередь, также выразили возмущение циркуляром Щербатова, который «оставляет нетронутыми основы еврейского бесправия» [Съезд 1915а, 23]. О. О. Грузенберг назвал документ

² См., например: [Алейников 1915, 3; Чернович 1915, 21–23; Прусаков 1916, 1].

«шатким актом» и оскорблением «еврейской совести и чести». «Имеем ли мы [русские евреи] право радоваться распоряжению, за которое так дорого заплачено?» – задавался вопросом защитник Бейлиса [Херути 1915, 16].

Все знали, что авторы циркуляра руководствовались отнюдь не интересами самих евреев. 4 августа состоялось заседание Кабинета министров, протоколы которого были опубликованы в прессе. Из стенограммы явствовало, что к решению «приоткрыть» черту оседлости министров подстегнули конспирологические опасения, связанные с беспорядками, которые могут устроить еврейские беженцы, если допустить их бесконтрольное скопление на той или иной территории: они могут навлечь на Россию эпидемии, революционные волнения, погромы и даже гнев западных союзников, чреватый отказом в военных кредитах [Gatrell 1999, 147]³.

В то же время значительная часть еврейских лидеров, не заостряя внимания на сомнительных мотивах законотворцев, восприняла циркуляр 13 августа как поворотный пункт в истории и законодательную победу, за которую десятилетиями боролись как юристы, так и неофициальные лоббисты (*штадланим*). Стена, воздвигнутая российскими властями в конце XVIII в. для того, чтобы предотвратить наплыв евреев во внутренние провинции империи, наконец рухнула. Крейнин, понимая, что перемены нельзя назвать полноценной эмансипацией, все же признавал: «бреешь в твердыне нашего бесправия» пробита [Съезд 1915а, 19]. Некоторые участники съезда пошли еще дальше: в циркуляре они увидели возможность не только справиться с проблемой беженцев, но и повысить коллективный статус евреев как народа. Примерно в таком духе рассуждал Бруцкус, предлагая Сибирь на роль «нового еврейского центра».

Полностью реализовать «Сибирский план» Бруцкуса не удалось: по имеющимся данным, в период с июля 1915-го по январь 1917-го к востоку от Урала поселились 13 000 еврейских беженцев (примерно 6% от общего числа зарегистрированных ЕКОПО в течение Первой мировой войны – 238 000) [Прусаков 1917, 13–14; Голдберг 1918, 156]. На первый взгляд, план действительно может показаться чуть ли не пустой фантазией, но во многом он был продуктом своей эпохи. Сам план и реакция на него позволяют сделать несколько наблюдений о том, что представляла собой жизнь российских евреев не только непосредственно в годы войны, но и на более долгом отрезке времени, когда империя близилась к закату.

В настоящей статье рассматриваются три проблемы, связанные с планом Бруцкуса: во-первых, план переселения евреев в Сибирь показывает, что российские еврейские интеллектуалы, вроде самого Бруцкуса, мыслили исключительно в имперской системе координат; во-вторых,

³ См. также [Гольдин 2018, 347–361].

реакция сибирских евреев свидетельствует о поразительной гетерогенности еврейского населения России; наконец, в-третьих, благодаря оппонентам плана обнажились разногласия внутри еврейского национального движения (в основном между сионистами и антисионистами) в отношении вопросов миграции и переселения.

Ранние исторические работы, посвященные российскому еврейству времен Первой мировой войны, рассматривали еврейский опыт, концентрируясь либо на динамике гонений, либо, наоборот, на борьбе евреев с преследованиями, будь то усилия, направленные на обретение некой формальной автономии или попытки открыть обществу глаза на творящуюся несправедливость и необходимость помощи нуждающимся⁴.

Подобный дуализм, однако, не отражает всей сложности взаимоотношений евреев и государства в годы войны. Например, более половины средств на помощь беженцам (около 55%) еврейские организации получали от правительства. Сам ЕКОПО фактически функционировал под эгидой Министерства иностранных дел [Отчет ЕКОПО, 13]. Таким образом, учитывая контекст, можно утверждать, что для Бруцкуса «Сибирский план» был проектом имперским и колониальным. Бруцкус характеризует Сибирь как «край, усиленно колонизируемый», а целевую аудиторию своего проекта описывает не как беженцев, а как «энергичных представителей молодой крепнущей буржуазии» – агентов колониализма, которые «направятся пионерами на Восток, в далекую Сибирь» [Съезд 1915б, 32]. Автором безусловно двигало желание решить актуальную проблему российского еврейства – кризис беженцев, – но не только оно. Речь шла о послевоенном будущем, и план мог позволить заново обустроить еврейскую жизнь в Российской империи. Он предлагал схему организованной массовой миграции, которая отвечала бы как еврейским интересам, так и экономическим и геополитическим интересам державы, на протяжении веков стремившейся заселить и освоить громадные восточные территории – процесс, значительно ускорившийся в начале XX века благодаря развитию железных дорог и Первой мировой войне [Месяцев 1926, 12; Кальмина 2014].

В силу вышеизложенного «Сибирский план» является частью более масштабного академического дискурса – так называемого еврейского имперского поворота. Современные исследователи отмечают, что, отстаивая свои национальные интересы, даже в годы Первой мировой войны, то есть *в то самое время, когда евреи подвергались преследованиям со стороны и государства, и военных*, российское еврейство не противостояло империи, а действует в унисон с ее системой ценностей [Katz 2017, 5]⁵.

⁴ О преследованиях см. [Гольдин 2018]; об автономии см. [Рабинович 2021].

⁵ О других примерах «имперского поворота» в историографии о российском еврействе, см. [Horowitz 2009].

На съезде ЕКОПО «Сибирский план» вызвал нешуточные дебаты, которые дают представление о том, насколько неоднородным было российское еврейство тех лет. Среди тех, кто воспринял план в штыки, были и еврейские лидеры из Сибири. Бруцкус утверждал, что в Сибири отсутствует «коренная буржуазия» и что ее экономике не хватает еврейских ремесленников и купцов. И хотя по сравнению с европейской частью России промышленность и торговля в Сибири действительно были развиты довольно слабо, местные еврейские общины вряд ли считали свои города целиной, которая только и ждет, когда на ней начнут создавать «новые» центры. Городские центры уже существовали, и представители Томска, Иркутска и других городов напомнили Бруцкусу, что они не только живут там уже многие десятилетия, но и могут похвастаться вполне самобытным укладом и добрыми отношениями с окружающим славянским большинством. Сибирские евреи, несомненно, сочувствовали своим единоверцам, которых согнала с мест война, но не могли не понимать, чем массовый приток людей может грозить их собственным общинам.

Реакция на «Сибирский план» обнажила радикальные разногласия внутри еврейского национального движения тех лет, раскол между сионистским и несионистским подходами к вопросам миграции, территориальности, ассимиляции и еврейской культуры. Миграция стала больной темой в еврейской национальной политике еще лет за тридцать до начала войны. Переселение евреев из черты оседлости (в Палестину или в Новый Свет) виделось как решение всевозможных «еврейских вопросов», а направление было обусловлено идеологией конкретной партии. Всегда находились еврейские активисты, видевшие за очередным планом организованной миграции скрытые цели – стремление «продуктивизировать» евреев, поселив их на фермах Аргентины или Нью-Джерси, воспитать «халуцим», которые в будущем займутся строительством еврейского государства в Эрец-Исраэль (или в Восточной Африке, Австралии и т. д.). Так произошло и в августе 1915 г.: логика Бруцкуса, предложившего проект переселения евреев в Сибирь, была понятна, но возникал резонный вопрос – каковы его истинные цели?

«Более счастливое и светлое будущее»

После съезда ЕКОПО Бруцкус в течение нескольких недель подробно излагал свой план в прессе. 20 и 27 сентября 1915 г. в антиссионистской газете «Еврейская неделя» появилось его эссе «Где устроить наших беженцев?» [Бруцкус 1915а, 10–14; Бруцкус 1915б, 12–15]. Автор обсуждает ряд пунктов. Во-первых, массовая миграция должна происходить на сугубо добровольных началах. Замысел не в том, чтобы устроить «окончательный исход» из черты оседлости: «...та тактика, которой мы строго

держались по отношению к нашей заокеанской эмиграции, должна применяться и в данном случае: никого не следует побуждать бросить свой очаг» [Бруцкус 1915а, 22]. Путь на восток будет открыт только тем, кто решился «окончательно порвать со своей старой родиной» [Бруцкус 1915б, 15].

Во-вторых, Бруцкус предлагал рассматривать циркуляр 13 августа как возможность для российских евреев отстаивать собственные национальные и экономические интересы: «Мы обязаны ее использовать..., чтобы закрепить за собою вновь приобретенную позицию». Пусть падение стены вокруг черты оседлости стало следствием событий трагических, нельзя пренебрегать открывшимися горизонтами: «В постигшем нас несчастье мы должны искать путей к более счастливому и светлому будущему» [Бруцкус 1915б, 12–13]. Да, Сибирь – это далеко от дома, но разве Новый Свет ближе? «Ее отдаленность не должна их смущать, как не смутились наши эмигранты 80-х годов перед океаном, отделяющим Америку от Европы» [Бруцкус 1915б, 15].

В-третьих, Бруцкус разъяснял экономическую и политическую основу своего плана. Он приводил факты, свидетельствующие о демографическом и экономическом потенциале региона, живописуя, в частности, перспективы экспорта, ведь Сибирь, помимо скота и масла, обильна зерном настолько, что «может прокормить своим хлебом всю Европу». Блестящее будущее ждало и горнодобывающую промышленность, но для максимальной реализации ее потенциала необходимы и производители специализированных орудий труда, и искусные коммерсанты – а кто, как не еврейские ремесленники и купцы, идеально подходили на эти роли? Неизбежен был, по мнению Бруцкуса, и рост населения региона. За предыдущее десятилетие Сибирь уже приняла почти три миллиона русских крестьян. Население юго-западной Сибири в таких городах, как Омск, Томск и Ново-Николаевск (сегодня Новосибирск), выросло вдвое или почти вдвое. Сами цифры говорили о том, что перечисленные города «могут сразу принять многотысячное еврейское население». Один только Ново-Николаевск, по оценкам Бруцкуса, «может легко удвоить свое население» – с 70 000 до 140 000 – «за счет евреев» [Съезд 1915б, 32].

В-четвертых, заселение Дальнего Востока евреями было бы особенно важно «с государственной точки зрения». Здесь Бруцкус подчеркивал значение своего плана как колониального проекта, который усилил бы позиции евреев в политической экономике Российской империи. Правительство хотело заселить приграничные районы и укрепить границу с Китаем, чтобы «скорее превратить эту окраину в мощно развивающуюся страну», и для этой цели «евреи могут быть весьма полезны». Циркуляр 13 августа гарантировал, что евреям «не помешают проявить свои творческие способности на этой далекой окраине» и что, переселившись в

Сибирь, они только «укрепят свои связи с Россией и, надо полагать, свое влияние в ней» [Бруцкус 1915б, 14]⁶.

Далее Бруцкус утверждал, что переселение в Сибирь способно освободить евреев от целого сонма преследовавших в черте оседлости проблем – таких как экономическая конкуренция, бедность и социальная напряженность. «В Сибири же все одинаково являются пришельцами, и потому там должна создаться приблизительно такая же чуждая антисемитизма общественная атмосфера, как в Америке». Благодаря предполагаемому отсутствию экономической конкуренции «там открывается широчайшее поле для применения еврейского труда и еврейской предприимчивости» [Съезд 1915б, 32]. Конечно, чтобы план удался, мигранты должны включиться в местные рынки труда, как «для морального здоровья», так и потому, что «неизвестно, как долго будет длиться война, и будет ли возможность по ее окончании вернуться на старое место» [Бруцкус 1915а, 11].

Наконец, Бруцкус излагал инфраструктуру своего плана. Он призывал еврейские общественные организации в ближайшие годы поддерживать процесс массовой миграции, для чего предлагал учредить некую центральную организацию и ее трудовые бюро на местах: там предполагалось регистрировать беженцев, оценивать их квалификацию и находить для них подходящие рабочие места. Бруцкус не включил в свой план Еврейское колонизационное общество (ЕКО), действовавшее в России с 1892 г. и в числе прочего организовывавшее эмиграцию евреев в Северную и Южную Америку. ЕКО исполняло в основном роль информационного центра, в то время как организация, задуманная Бруцкусом, должна была активно координировать весь процесс, помогая потенциальным переселенцам определиться с пунктом назначения, исходя из их навыков и ситуации на рынке труда. Ведь если раньше эмигрант «прежде чем отправиться в путь-дорогу, мог спокойно обдумать, зачем и куда он едет», то беженцы военного времени оказались внезапно вырваны из своих гнезд в силу событий «катастрофального характера» [Бруцкус 1915а, 14]. Недостаточно просто поделиться с ними информацией и ожидать от них самостоятельного решения. «Что ответить вагонам с беженцами? – вопрошал Бруцкус. – Нельзя им сказать: “вот сведения... решайте сами!” Они лишены возможности решить этот вопрос» [Съезд 1915б, 23]. Необходимо было незамедлительное вмешательство тех, кто обладал соответствующими знаниями и авторитетом.

Авторитет самого Бруцкуса, равно как и его компетентность в вопросах экономики и миграции, под сомнение никто не ставил. Всю свою

⁶ Подробнее о планах российских властей по привлечению евреев, китайцев и корейцев к освоению Дальнего Востока см. в статье Товы Бенжамин в настоящем издании.

почти двадцатилетнюю карьеру он изучал взаимосвязь между внутренней миграцией евреев в черте оседлости и родом их занятий. С 1898 по 1907 г. он возглавлял Отдел сельского хозяйства ЕКО, помогал евреям приобрести практические профессии и найти работу в сельском хозяйстве внутри России. Он также участвовал в подготовке объемного двухтомного исследования экономической жизни российского еврейства, которое было издано ЕКО в 1904 г., а несколькими годами позже выпустил собственное исследование на ту же тему [Троцкий 1960, 490–495; Сборник 1904; Бруцкус 1913]. В 1907 г. Бруцкус перешел в ОРТ, где вскоре стал главным экспертом по экономике. После начала войны он был избран в Центральный комитет ЕКОПО, но продолжал сотрудничать и с ОРТ, организуя в Вильне и других городах курсы, призванные решить проблему безработицы среди еврейских беженцев и других гражданских лиц [Estraikh 2009, 9]. В годы войны авторитет Бруцкуса был велик как никогда. Беспрецедентного политического влияния достигли также ОРТ и ЕКОПО: немалую часть финансовых ресурсов они получали непосредственно от государства – положение, которое Владимир Левин обозначил термином «квазиавтономия» [Левин 2015, 150].

Учитывая внушительный послужной список Бруцкуса и повышение статуса еврейских общественных организаций в годы войны, от «Сибирского плана», предложенного на съезде ЕКОПО, невозможно было просто отмахнуться. Станные идеи о Сибири появлялись в еврейской прессе и прежде. В 1871 г. один автор описывал Сибирь как «благодатный край» и «изобилующую богатствами» новую страну, куда евреям, «скученным в грязных бедных местечках», следует немедленно начать Исход [Гончаров 2007, 210]. В 1889 г. петербургский юрист М. И. Мыш полупуштя писал в «Восходе», что для «честных евреев», желающих сбежать из черты, существует только один выход: совершить преступление и быть переселенным – за счет милостивого государства – наравне с «привилегированными категориями евреев», коим дозволено «дышать сибирским воздухом» [Мыш 1889а, 1–18; Мыш 1889б, 1–21, цит. по: Войтинский и Горнштейн 1915, 25]⁷. Как не раз отмечалось в академической литературе, в русском воображении Сибирь была тропом, объединяющим две взаимоисключающие крайности, – и проклятая земля, куда отправляются умирать преступники и революционеры, и место чудесного духовного обновления и искупления, нетронутый резервуар имперского богатства и власти, русское Эльдorado, влекущее предприимчивых охотников за удачей⁸.

Риторика Бруцкуса опиралась как раз на второе представление, и если в 1889 г. Мыш мог забавляться праздными фантазиями о свежем

⁷ Сам Мыш переехал в Омск, а его сын уже в советское время стал известным хирургом в Новосибирске.

⁸ См. [Slezkine 1994; Bassin 1999].

сибирском воздухе, в августе 1915-го бездомные массы еврейских беженцев были вполне реальной проблемой, которая требовала срочного решения. «Сибирский план» опирался, разумеется, не на одни лишь мифологемы: выкладки Бруцкуса, касавшиеся экономического роста и колониальных интересов государства, подтверждались фактами и аналитикой. Более того, инфраструктура ЕКОПО военного времени – ее солидный бюджет и разветвленная сеть общественных организаций и «антикризисного» персонала – была способна воплотить проект Бруцкуса в жизнь. Его план был реалистичным, но был ли он хорош? Многие коллеги Бруцкуса ответили отрицательно.

«Экономически полезные люди»

На съезде ЕКОПО в августе 1915 г. делегаты из Томска, Иркутска и других городов от имени всех евреев Сибири выразили безусловную поддержку своим «братьям», как они называли беженцев. Вышеупомянутый Л. Л. так описывал свои чувства после первого дня конференции:

Я никогда не забуду делегатов-сибиряков, которые один за другим выступали на трибуне. Торговцы, ремесленники[,] они, далекие, заброшенные по берегам Иртыша и Байкала. Но они откликнулись на зов своего народа, истекающего кровью, и явились помогать и советовать. «К нам, в Сибирь!» предлагают они застрявшим в пути братьям. «Там приготовим для вас уют и устроим вашу судьбу!» [Л. Л. 1915, 17].

Прозвучали слова поддержки и от других сибирских делегатов. Некоторые, как иркутянин Я. Д. Фризер, были особенно эмоциональны:

Когда пришла весть о возможности для евреев селиться в городах Сибири, то местные евреи были готовы принять беженцев с открытыми объятьями. Мы желаем иметь побольше беженцев, готовы... уступить им свои квартиры... Далекое от войны, мы хотели сами почувствовать хоть частицу того, что переживают евреи в районе военных действий [Съезд 1915в, 17–18].

За выражениями солидарности, однако, скрывались серьезные противоречия и опасения. Тот же Фризер оговорился, что *в ближайшем будущем* нельзя посылать в Сибирь большое число беженцев. Другие представители Сибирского региона также предостерегали от подобного шага. Они вторили друг другу, опровергая утверждения Бруцкуса о том, что города Сибири способны принять еще много тысяч переселенцев и что экономической конкуренции там не существует.

Д. Я. Самородницкий, глава подразделения ЕКОПО и руководитель еврейской общины Томска, говорил о перенаселенности и дефиците жилья в городе. Он подчеркивал, что томские евреи ни в коем случае не безразличны к страданиям беженцев. Напротив, уже в самом начале войны они оказывали помощь пострадавшим евреям: к концу 1914 г. только в ЕКОПО Петрограда ими было направлено 4 700 рублей. Но когда в июле 1915-го в Томск начали прибывать первые поезда с беженцами, общине оказалось очень непросто найти для них жилье. Осенью 1915 г. в Томске было 420 беженцев, следующей весной их стало 650. Как и во многих других городах, подвергшихся наплыву переселенцев, томский Комитет помощи евреям сразу принялся обустройства для прибывших места в бараках, частных домах и общинных зданиях, таких как Талмуд-Тора и Солдатская синагога [Съезд 1915в, 17; Тишкина 2020, 468]. Другие еврейские общины Сибири столкнулись со схожими проблемами: в Омск приехали 600 беженцев, в Иркутскую область – 685 [Прусаков 1917, 13–14]. Если такие трудности возникли с размещением нескольких сотен беженцев в крупных городах, то, безусловно, «рано еще говорить о широкой постановке поселения в Сибири», – резюмировал Самородницкий. Он, впрочем, тут же предлагал альтернативу: почему не направлять еврейских беженцев на поселение в сибирские деревни и сельские районы, где «действительно для еврейской торговли и ремесла открыто широкое поле деятельности»? [Тишкина 2020, 468]. Однако циркуляр 13 августа, как известно, по-прежнему запрещал евреям селиться в деревнях. «Сибирский план» в текущий момент невозможно было осуществить.

Другой делегат, М. А. Кроль, до переезда в Петроград проживший большую часть жизни в Иркутске, заявил, что Бруцкус «слишком оптимистически смотрит на наши возможности в Сибири» [Съезд 1915в, 17]. Он отметил, что даже те граждане, что имели право на жительство в Сибири, были ограничены в передвижениях теми или иными правилами, в частности, не могли свободно передвигаться или работать вне территории уезда, к которому приписаны. В то же время Кроль, вслед за Самородницким, указал на то, что в удаленных уголках Сибири, в сельской местности, существовал немалый спрос на обувь, кожу и мебель: все это приходилось привозить издалека, в том числе и из черты, что было сопряжено с серьезными расходами. Это открывало перспективы переселения в те районы, где ощущалась нехватка ремесленных товаров. Там была бы гарантирована работа, отсутствие конкурентов, а «емкость Сибири для еврейского населения была бы действительно велика». Еще один оратор, А. С. Вольфсон, также выразил свое согласие с тем, что на проблему переселения в Сибирь «должно быть обращено самое серьезное внимание» и что обязательным условием должно быть направление беженцев напрямую в сельские области, где есть спрос на «готовое платье, обувь, [и] шапки из городов “черты”» [Съезд 1915в, 17].

Противники переселения исходили не только из экономических условий. В их выступлениях сквозили опасения, что массовая еврейская миграция может нанести ущерб имиджу и статусу сибирского еврейства в глазах окружающего нееврейского большинства. Вот как обосновывал свою позицию Кроль: «Нам очень важно, чтобы первое впечатление местного населения от встречи с евреями было благоприятно для последних, чтобы *оно видело в евреях людей экономически полезных* [курсив мой – П. З.]. Было бы очень грустно, если бы евреи явились впервые с рукой, протянутой к помощи» [Съезд 1915в, 17–18]. Фризер, в свою очередь, тоже осторожно указывал на то, что *в данный момент* соседи воспринимают евреев позитивно и антисемитизм в регионе практически отсутствует: «Отношения с окружающим населением хорошие – даже Союз русского народа в Иркутске безобидный». Появление большого количества беженцев в городах может нарушить эту идиллию, особенно если переселенцы будут нуждаться в благотворительной поддержке. Тем не менее, подчеркнул он, «мы должны заботиться о наших братьях», *даже если* придется чем-то пожертвовать – «пусть будут даже нарушены хорошие отношения с окружающим населением» [Съезд 1915в, 18]. Это утверждение выражало понимание того, что наплыв бедных и безработных евреев может подорвать сложившиеся отношения между местными евреями и их славянскими соседями. В выступлениях сибирских делегатов отчетливо проявлялся коллективный нарратив, самовосприятие сибирского еврейства как местного меньшинства и как диаспоры, ассоциирующейся с евреями черты оседлости. Вероятность того, что массовая миграция изменит эту ассоциацию к худшему, провоцировала страхи и опасения.

В плане Бруцкуса ни один из факторов, беспокоивших евреев Сибири, не был взят в расчет. Он исходил из того, что экономика и население региона в последние десятилетия интенсивно росли, и теперь города готовы принять сотни тысяч мигрантов. С середины 1890-х по 1914 г. за Урал действительно переселились около 3,7 миллиона российских подданных, и развитие экономики за ростом населения не поспевало. Так, население Читы, например, выросло с 4 000 до 70 000 человек. В таких городах, как Томск, Омск, Иркутск и Владивосток цифры также увеличились в несколько раз: к началу войны в каждом из них проживало сто и более тысяч человек [Бруцкус 1915а, 13; Большаков 1926, 4].

В той волне добровольной миграции евреи, впрочем, не участвовали. Еврейское население, проживавшее в Сибири на момент начала войны, попало туда другими путями. Первыми еврейскими поселенцами Сибири стали ссыльные и «никлаевские солдаты», как тогда называли кантонистов. Купцов и земледельцев, приехавших туда по своей воле, было крайне мало. В их число входили и 1 360 еврейских колонистов, переехавших в Сибирь после ноября 1836 г., когда царь Николай I пред-

ложил им землю в Омской области и Тобольской губернии. Еще одна, количественно совсем уже незначительная, категория – купцы первой гильдии и лица с высшим образованием, уехавшие в Сибирь в период между реформами Александра II и 1907 г. (когда Сенат лишил их права селиться в Сибири) [КЕЭ 1994, 791–799].

Несмотря на то, что большинство евреев попадали в регион не по собственной воле, на протяжении XIX–XX вв. еврейское население Сибири – и городское, и сельское – продолжало достаточно быстро расти, и к началу Первой мировой войны насчитывало около 59 000, что составляло 0,6% от общего населения. Евреи проживали примерно в 30 областях, распределяясь приблизительно поровну между Западной и Восточной Сибирью и примерно в равных долях по городам и деревням [Гольдберг 1918, 16]. Еврейское население Омска с 1860-го до 1913 г. увеличилось в десять раз – с 318 человек в 1860 г. (1,6% от 19 772) до 3 746 (2,7% от 137 245). Значительный прирост населения пришелся на новые города, основанные вдоль железнодорожных трасс после 1905 г. Так, например, в Ново-Николаевске с 1909-го до 1913 г. еврейское население выросло почти вдвое, с 642 (1,2% от 53 500) до 1 177 (1,4% от 84 071), обогнав даже головокружительные темпы роста общего населения в Сибири. Еще более впечатляющий рост продемонстрировало еврейское население городов Восточной Сибири, особенно Иркутска, где с 1863-го до 1909 г. число евреев выросло с 283 (1% от 27 989) до 6 170 (5,6% от 108 000). К началу войны евреи являлись самым многочисленным религиозным меньшинством Иркутска; за ними следовали пятитысячные общины мусульман и католиков [Войтинский и Горнштейн 1915, 42, 51–52; Гончаров 2013, 34, 37, 41–43].

Как отмечалось выше, рост еврейского населения Сибири в XIX в. невозможно объяснить миграцией из черты оседлости: причина скорее в естественном кумулятивном росте при смене поколений. Сыграла свою роль и урбанизация. Несмотря на то, что для большинства евреев переезд в Сибирь не был добровольным, история сибирского еврейства неожиданно оказалась историей успеха, особенно в том, что касалось экономики. К началу XX в. у еврейской общины каждого крупного города были свои меценаты, которые финансировали постройку синагог и учреждение современных институций, как, например, отделения Общества для распространения просвещения между евреями в России в Томске и Иркутске [Гончарова 2007, 74]. Это были успешные купцы и промышленники, дети и внуки тех евреев, что прибыли туда в качестве ссыльных, каторжан или царских солдат. Авторы широко известного исследования еврейской общины Иркутска, опубликованного в 1915 г., с воодушевлением говорили об этой триумфальной эволюции: потомки «людей, пришедших в Сибирь без гроша в кармане, с голыми руками и цепями на ногах», нынче «играют роль носителей капиталистического

духа» и представляют собой «аванпост европейской колонизации» [Войтинский и Горнштейн 1915, 85, 87, 123].

Таких трансформаций «из грязи в князи» действительно случалось немало. В 1870-е виноторговец Э. Мильштейн оплатил постройку городской синагоги в Красноярске. Сам же он попал в Сибирь еще мальчишкой в 1831 г., когда его семья переехала туда из Волыни: отца приговорили к девятнадцати годам каторги за воровство. Н. Капельман, сын николаевского солдата, служившего в Сибири, стал одним из богатейших коммерсантов Забайкалья, и его предприятия перерабатывали 10% всех лесоматериалов тогдашнего Верхнеудинского уезда. Я. С. Домбровский родился в 1791 г. в Ковенской губернии. В юности он был арестован во время попытки нелегального пересечения границы и сослан в деревню на реке Лена. Будучи в ссылке, женился на местной еврейке и открыл лавку, а по окончании срока переехал с семьей в Иркутск. К 1871 г., когда ему исполнилось восемьдесят, он был купцом первой гильдии и одним из самых щедрых и уважаемых благодетелей еврейской общины города [Кальмина 2013, 13; Сыркин 1915, 88].

Истории, пусть единичные, этих людей, их путь к богатству и признанию, отражают тенденции экономической мобильности среди сибирских евреев. К 1913 г. евреи играли ведущую роль почти в каждой значимой отрасли Забайкалья, включая приграничную торговлю с Китаем и Монголией. Они стали заметными игроками в паромовом и железнодорожных перевозках, в лесопромышленности и производстве кожи, меха, вина, минеральной воды и мыла. В Чите евреи составляли всего 12,6% от общего населения, но целую треть среди купцов всех гильдий. В Верхнеудинске соответственно 15,5% и две трети [Гончаров 2013, 41–43]. Евреи Иркутска также весьма преуспели: в 1912 г. их было только 6% от общего числа горожан, но среди купцов первой гильдии – 77%, а их налоговым выплатам город был обязан 20% прибыли. Евреям также принадлежали 35% всех предприятий химической промышленности, 75% ювелирных магазинов, 72% магазинов оптики и 62% мукомольных и зернообрабатывающих предприятий [КЕЭ 1994, 793–795; Кальмина 2013, 14; Войтинский и Горнштейн 1915, 94, 102, 107–108].

Таким образом, когда Бруцкус рекламировал экономику Сибири как «широкое поле», готовое принять еврейских предпринимателей и ремесленников, все крупные города региона уже имели свои довольно значительные еврейские общины, и члены этих общин уже несколько десятилетий выстраивали собственные социально-экономические связи в регионе. Их положение во многом перекликалось с историей первых поколений еврейских эмигрантов из германских земель, прибывших в Соединенные Штаты в первой половине XIX в. Евреям Сибири удалось создать самобытный, гибридный формат русифицированной еврейской идентичности, способствовавший процессам местной аккультурации,

интеграции и социального роста. Эта идентичность обрела четкие и узнаваемые контуры еще за полвека до войны, если не раньше. Петербургский еврей И. Сыркин, вернувшийся из путешествия по Дальнему Востоку в 1871 г., написал, что «сибирские евреи, по большей части потомки ссыльных, плохо знали еврейскую грамоту, но были по-своему набожны» [Сыркин 1915, 86]. Спустя сорок лет, в 1911 г., Ю. Островский пришел к выводу, что «под влиянием местных условий образовалась в Сибири своеобразная группа евреев, с совершенно иным укладом жизни, чем у их братьев в Европейской России» [Островский 1911, 7]. Они были не так благочестивы в исполнении заповедей (у них, например, практически нет ритуальных резников и раввинов), но ощущали себя евреями и очень гордились тем, что хранят традиции отцов, выстраивая величественные синагоги, поддерживая погребальные братства и проявляя солидарность со своими единоверцами по всей стране (перечисляя, например, средства для помощи жертвам погромов на юге России в 1903 и 1905 гг.).

Когда началась война, еврейские общины Сибири продолжили поддерживать своих собратьев в европейской части России. К концу 1914 г. петроградское ЕКОПО получило из Владивостока, Омска и других сибирских городов несколько тысяч рублей пожертвований в пользу пострадавших от войны. Тем не менее реакция представителей Томска и Иркутска на план Бруцкуса, то есть на перспективу *физического перемещения* жертв войны в их общины, выдавала коллективный страх сибирского еврейства, а точнее – стремление уберечь свои относительно недавно обретенные статус и идентичность национального меньшинства. К тому же сибирские евреи находились в Сибири уже несколько десятилетий, и им не могли понравиться слова Бруцкуса о *будущих* еврейских мигрантах как о «пионерах на Востоке». Как заметил Фризер, «евреи в сибирской промышленности являются пионерами» [Съезд 1915в, 17]. Составляя менее 1% от населения громадного региона, сибирские евреи не без оснований претендовали на отдельность и уникальность – как культурную, так и экономическую. Желание сибирских еврейских лидеров защитить свой статус от изменений обусловило их неприятие «Сибирского плана». Они охотно поддерживали своих братьев на западе страны морально и финансово, но, вероятно, были не готовы жить рядом с ними.

«Наши маленькие Шифы»

«Сибирский план» породил бурные обсуждения более широкого круга вопросов, касавшихся массового переселения и роли в нем еврейских организаций. Все понимали, что предложение Бруцкуса подразумевало именно организованную миграцию евреев, подобную той, что они уже видели не раз. ЕКО курировало эмиграцию в Новый Свет на протяжении

более двадцати лет; существовала также Еврейская территориальная организация (известная по идишскому акрониму ИТО), основанная Израилем Зангвиллом в 1905 г. в Лондоне, и, конечно же, Всемирная сионистская организация, которая спонсировала и организовывала еврейские колонии в Палестине [Norman 1985, 42–53; Alroey 2016].

Концептуально ключевой вопрос состоял в том, какой принцип оптимален для организации массовой миграции – «концентрации» или «расселения»: рациональнее селить еврейских беженцев крупными кластерами в избранных городах или же направлять небольшие группы мигрантов в большее количество населенных пунктов? [Съезд 1915в, 20]. Вопрос был отнюдь не умуозрительным: он отражал серьезные идеологические различия. Сторонники «концентрации» ратовали за воссоздание модели сплоченных еврейских общин, которая позволит сохранить национально-культурную атмосферу, и выступали против «расселения», подразумевавшего погружение евреев в такую среду, где наиболее вероятны плотные контакты с неевреями, что неизбежно приведет к ассимиляции.

Вскоре после выступления Бруцкуса на съезде москвич Г. Соколовский с резкой критикой обрушился на его план, употребив термин «расселение» и припомнив Гальвестонский проект 1907–1914 гг., когда прибывавших в Америку русских евреев пытались расселять на Юге и Среднем Западе вместо уже переполненных эмигрантами городов северо-восточного побережья. За Гальвестонским проектом стоял влиятельный еврейский банкир и филантроп Джейкоб Шифф, доверивший осуществление плана Управлению по перемещению промышленных предприятий (Industrial Removal Office; IRO) – еврейской организации, работавшей в Нью-Йорке с 1901 г. и уже переселившей десятки тысяч еврейских эмигрантов в разных концах США [Marinbach 1983; Glazier 1999]. В течение почти восьми лет IRO работало из штаба в Нью-Йорке и местного офиса в Гальвестоне, штат Техас, курируя около десяти тысяч еврейских переселенцев в двадцати пяти штатах к западу от реки Миссисипи. Наиболее крупные группы были распределены в города Техаса, Небраски, Айовы, Миссури и Миннесоты [Waldman 1928, 198]. Партнерами программы стали ИТО и ЕКО: они занимались рекрутированием потенциальных эмигрантов в России, фиксировали их профессиональную квалификацию и «вели» их вплоть до отбытия из порта в сторону Нового Света. IRO, в свою очередь, сопровождало прибывших на всех этапах поселения в США, помогая им с трудоустройством. Рынок труда оно исследовало заранее, таким образом гарантируя, что эмигранты не станут сидеть на шее у благотворителей до распределения по разным местам – «резника в Канзас Сити, кузнеца в Омахе, а сапожника в Шривпорт» [Evans 2005, 97]. Методика IRO – находить работу для эмигранта еще до

его прибытия из-за океана в Гальвестон – могла стать вдохновляющим образцом и для «Сибирского плана» Бруцкуса.

Однако если Гальвестонский проект для Бруцкуса был положительной моделью, то для других он был примером неудачи. Так, Соколовский не преминул напомнить делегатам ЕКОПО, что в 1914-м «Гальвестонское предприятие потерпело крушение». Проект закончился тем, что портовые иммиграционные власти начали отказывать еврейским пассажирам во въезде без достаточных на то оснований (и, как мы знаем, в намного большем масштабе, чем это происходило в портах Бостона, Нью-Йорка и Филадельфии) [Съезд 1915в, 20; Marinbach 1983, 59–60, 166–172]. Соколовский упомянул Гальвестонский проект как поучительную историю-предупреждение – и не только потому, что он закончился крахом, но и потому, что предполагаемые мотивы Шиффа, побудившие его финансировать расселение эмигрантов, были удобным аргументом для дискредитации «Сибирского плана» как еще одного проекта по «расселению», а значит – по ассимиляции:

Шиф [так!] имел в виду не только отклонить поток еврейской эмиграции от переполненных центров Нью-Йорка..., но и распылить, рассеять еврейскую эмиграцию, чтобы создать из еврейских эмигрантов раньше всего хороших американцев. Нужно остерегаться наших маленьких Шифов и их ассимилянтских вопросов о расселении [Съезд 1915в, 20].

Для Соколовского отсылка к Шиффу служила скорее риторическим приемом, чем фактическим аргументом: его единственной целью было выстроить аналогию между Шиффом и Бруцкусом. Шифф – представитель элиты, аккультурированный американский еврей немецкого происхождения – неоднозначно относился к миллиону русско-еврейских эмигрантов, наводнивших нью-йоркский Ист-Сайд, и это ни для кого не было секретом. В то же время он оставался последовательным защитником еврейских интересов, выступая против принятия антииммигрантских законов в Конгрессе и сражаясь за то, чтобы порты Америки оставались открыты для еврейских переселенцев из России. Пока критики в нью-йоркской идишской прессе оплакивали «удаление» евреев в маленькие городки и сельские поселения Америки как ассимиляционистский план, другие, как, например, уважаемый общественный деятель Борис Боген, восхваляли деятельность IRO как попытку спасти евреев от чудовищного рабства нью-йоркских потогонных мастерских и дать им возможность лучшей жизни – идея, которая должна была быть близка Бруцкусу [Glazier 1999, 116–120].

Соколовский попытался скомпрометировать «Сибирский план», представив его как русскую версию Гальвестонского проекта, за которым стояло желание убрать «проблематичных» бездомных евреев из перена-

селенной черты и рассеять их по восточным рубежам империи, где они станут «хорошими» русскими. Говоря о целях, которыми якобы руководствовался Бруцкус, Соколовский прибегал к предельному упрощению, как и в своей оценке Шиффа. Он попросту проигнорировал те аспекты «Сибирского плана», в которых речь шла о долгосрочных экономических и социальных перспективах еврейских переселенцев.

Такое же идеологически обоснованное противостояние «Сибирскому плану» прозвучало и из сионистского лагеря. Это было вполне предсказуемо, принимая во внимание, что сионисты всегда критиковали любую группу, которая продвигала массовую еврейскую эмиграцию куда бы то ни было, кроме Палестины. Комментарии М. С. Алейникова, ведущего деятеля Российской сионистской организации и члена ЕКОПО, иллюстрируют этот подход. Свой ответ Бруцкусу он начал с вопроса об ассимиляции:

Так же[,] как и в Америке, и у нас возникает теперь идеология рассеивания и ассимиляции, и в разработке принципов работы мы не должны ее обойти молчанием. Кроме того, наша деятельность должна быть направлена к оздоровлению еврейской общественности. Переселение происходит под влиянием исторического инстинкта концентрации, и наша задача ему только содействовать и не мешать тенденциям свободной эмиграции [Херути 1915, 29].

Алейников восставал не только против «расселения» как синонима «ассимиляции», но и против колониального характера «Сибирского плана». Сибирь, говорил он, возможно, не лишена достоинств в качестве территории для еврейской миграции, и добавлял: «Мы, однако, предупреждаем от “Сибиризма” как национально-политического увлечения, и в самом указании на Сибирь усматриваем... стремление к колонизации. Отрадным является для нас во всем этом то обстоятельство, что еврейство идет физически облегченное дальше, по пути исторических скитаний, а этот путь ведет его в лоно старой родины, в Сион» [Херути 1915, 29].

Фактически Алейников представил «Сибирский план» как прямую конкуренцию сионистскому проекту. Для сионистов колонизация была средством для достижения цели – построения еврейского государства; план же Бруцкуса эксплуатировал идею колонизации во имя имперского строительства России, и, что еще тревожнее, для ассимиляции евреев. Иными словами, по мнению Алейникова, сионизм предлагал евреям будущее на их исторической родине, в то время как «сибиризм» стал бы концом еврейской жизни в России. Бруцкус отверг новоиспеченный термин: «Тут говорили о “сибиризме”, но этот жупел не изменяет экономических положений доклада», – ответил он Алейникову [Съезд 1915г,

24]. Бруцкус подчеркивал прагматический аспект своего плана, пытаясь очистить его от любых идеологических обертонов. Если уж противопоставлять Сибирь чему-то, так это не Сиону, а Америке. Бруцкусу Сибирь виделась новым еврейским центром, «аналогичны[м] нашему центру в Новом Свете» [Бруцкус 1915а, 13].

Заключение

Во время Первой мировой войны Сибирь привлекла лишь немногих беженцев-евреев. В XX в. у нее не было шансов сравняться по притягательности с Америкой или Палестиной. Как сказано выше, в годы войны только около 6% еврейских беженцев переселились в Сибирь, в то время как в одной только Пензенской губернии осело около 10 300 евреев, в Саратовской – 9 050, в Харьковской – 6 375, а в Тамбовской – 6 000 [Прусаков 1916, 3–4; Прусаков 1917, 13–14; Гольдберг 1918, 156]. Из тех, кого поезда все же доставили за Урал, большинство были уроженцами Гродненской, Волынской и Хелмской губерний. Они не собирались ехать в Сибирь, но попали туда по воле «блуждающих поездов», отвозивших их все дальше и дальше на восток, потому что города были переполнены и местные власти отказывали им во въезде.

«Сибирский план» возник как моментальный ответ на острый кризис и гуманитарную катастрофу, но в его идеях отразились те вызовы, амбиции и внутренние конфликты, которые были определяющими для российского еврейства в период политических потрясений и трансформаций. Представляя переселение беженцев как проект внутренней миграции, Бруцкус вписал насущные потребности перемещенных евреев в куда более объемное видение экономического развития. Однако его план, как оказалось, крайне слабо соотносился с реалиями еврейской жизни в Сибири, и реакция на него обнажила не только географический, но и культурный разлом, образовавшийся среди евреев Российской империи за без малого сто лет. К началу XX в. сибирские евреи стали отдельной, самобытной диаспорой: они не ассоциировали себя с «западным» русским еврейством и стояли на страже своих, местных, интересов даже тогда, когда помогали беженцам. Критические оценки «Сибирского плана», высказанные представителями разных сегментов еврейского политического спектра, также демонстрировали неоднородность национального движения в том, что касалось вопросов миграции, ассимиляции и колонизации. Никто не ставил под сомнение древний принцип «коль израэль аревим зе ба-зе» («все евреи в ответе друг за друга»), но когда нужно было решить, как и куда именно переселять беженцев, консенсус разбивался вдребезги и различные идеологии и политические соображения влияли на то, какие решения будут предложены.

Сегодня, оглядываясь назад, можно утверждать, что «Сибирский план» был не просто порождением своего времени, он это время опережал. Сибирь оставалась «страной будущего», – писал А. Д. Киржниц, бундист, сосланный в Иркутск в годы войны и проживший там много лет уже по окончании ссылки [Киржниц 1916, 71]. После того, как Февральская революция сняла все законодательные ограничения, а Октябрьская запустила процессы внутренней миграции, быстрой урбанизации и индустриализации, десятки тысяч евреев из западной России, ставших советскими гражданами, устремились в сибирские города: к 1926 г. еврейское население Иркутска, Омска и Красноярска выросло почти втрое. В одном Бруцкус оказался прав: все эти люди порвали со своим прошлым, со своей исторической еврейской родиной, с бывшей чертой, чтобы отправиться в страну возможностей. Наряду с Москвой, Киевом и Ленинградом такие города, как Томск, Новосибирск, Иркутск и др. открывали широкие экономические и культурные горизонты.

«Новый еврейский центр», рожденный воображением Бруцкуса как имперский форпост и конкурентный вызов Америке, так и не стал реальностью, но продолжил существовать в мире идей и идеалов. Спустя всего десять лет после окончания Первой мировой войны, в 1928 г., Сталин воплотил его уже в совершенно ином экономическом и политическом контексте, и за три коротких года ему удалось запустить план переселения еврейских колонистов на Дальний Восток, создав Еврейскую автономную область в Биробиджане. То, что Алейников в 1915 г. саркастически называл «сибиризмом», в 1931-м стало настоящей советской альтернативой сионизму. Но это уже совсем другая история.

Источники

- Алейников 1915 – *Алейников М.* Черта расширяется // Еврейская жизнь. 1915. № 8 (23 августа). С. 3–4.
- Большаков 1926 – *Большаков М.* Перспективы и задачи переселения // К вопросу о колонизации Сибири: сборник статей / Ред. В. Лаврова. Новосибирск: Изд. Сибирского Краевого Исполнительного комитета советов, 1926. С. 3–11.
- Бруцкус 1913 – *Бруцкус Б. Д.* Очерки по вопросам экономической деятельности евреев в России. Выпуск 1-й. СПб.: Типография А. Я. Гинзбурга, 1913. 230 с.
- Бруцкус 1915а – *Бруцкус Б. Д.* Где устроить наших беженцев? // Еврейская неделя. 1915. № 18 (20 сентября). С. 10–14.
- Бруцкус 1915б – *Бруцкус Б. Д.* Где устроить наших беженцев? // Еврейская неделя. 1915. № 19 (27 сентября). С. 12–15.

- Войтинский и Горнштейн 1915 – *Войтинский В. С., Горнштейн А. Я.* Евреи в Иркутске. Иркутск: Хозяйственного Правления Иркутского Еврейского Молитвенного Дома и Иркутского Отдела Общ. Распростран. Просвещ. Между евреями в России, 1915. 392 с.
- Гольдберг 1918 – *Гольдберг Б.* Еврейский ежегодник «Кадима» на 1918–1919 гг. Пгг.: Изд. Кадима, 1918. 218 с.
- Законы 1916 – Законы и распоряжения о беженцах. М: Изд. ВСГ, 1916. Т. 1. 103 с.
- Киржниц 1916 – *Киржниц А. Д.* Еврей в хозяйственной жизни Восточной Сибири // Вестник трудовой помощи среди евреев. 1916. № 3–4 (Февраль-март). С. 68–71.
- Л. Л. 1915 – *Л. Л.* Впечатления // Еврейская неделя. 1915. № 15 (30 августа). С. 16–18.
- Месяцев 1926 – *Месяцев П.* Интересы Сибкрая в вопросах колонизации // К вопросу о колонизации Сибири: сборник статей / ред. В. Лаврова. Новосибирск: Изд. Сибирского Краевого Исполнительного комитета советов, 1926. С. 12–16.
- Мыш 1889а – *Мыш М. И.* О евреях в Сибири // Восход. 1889. Т. 9. № 7. С. 1–18.
- Мыш 1889б – *Мыш М. И.* О евреях в Сибири // Восход. 1889. Т. 9. № 8. С. 1–20.
- Островский 1911 – *Островский Ю.* Сибирские евреи // СПб.: типогр. И. Лурье и Ко. 62 С.
- Отчет ЕКОПО 1918 – Отчет Центрального Еврейского Комитета Помощи Жертвам Войны с начала деятельности по 30 июня 1917 г. Пгд: Типография М. Волковича, 1918. 54 с.
- Прусаков 1916 – *Прусаков Г.* Состав и расселение беженцев и выселенцев-евреев // Дело помощи. № 1 (1 июня). С. 1–7.
- Прусаков 1917 – *Прусаков Г.* Состав и расселение беженцев и выселенцев-евреев // Дело помощи. № 1–2 (20 января). С. 1–17.
- Сборник 1904 – Сборник материалов об экономическом положении евреев в России // СПб.: Изд. Еврейского Колонизационного общества, 1904. Т. 1. 410 с.
- Съезд 1915а – Съезд представителей комитетов помощи: Отчет о съезде // Еврейская неделя. 1915. № 15 (30 августа). С. 13–23.
- Съезд 1915б – Съезд представителей комитетов помощи: Отчет о съезде // Еврейская неделя. 1915. № 16 (6 сентября). С. 24–37.
- Съезд 1915в – Съезд представителей комитетов помощи: Отчет о съезде // Еврейская неделя. 1915. № 17 (13 сентября). С. 16–21.
- Съезд 1915г – Съезд представителей комитетов помощи: Отчет о съезде // Еврейская неделя. 1915. № 18 (20 сентября). С. 17–24.
- Сыркин 1915 – *Сыркин И.* Из впечатлений минувшего века. Еврейская старина. 1915. TVIII С. 85–99.
- Чернович 1915 – *Чернович С.* В новой черте // Еврейская жизнь. 1915. № 10–11 (6 сентября). С. 21–23.

Херути 1915 – *Херути III*. Совещание представителей еврейских комитетов помощи // Еврейская жизнь. № 9 (30 августа). С. 11–17.

Литература

- Бейзер 1999 – *Бейзер М.* Евреи Ленинграда, 1917–1939. Национальная жизнь и советизация. М., Иерусалим: Гешарим – Мосты культуры, 1999. 447 с.
- Гольдин 2018 – *Гольдин С.* Русская армия и евреи, 1914–1917. М.; Иерусалим: Гешарим, 2018. 448 с.
- Гончаров 2007 – *Гончаров Ю. М.* К проблеме изучения региональной идентичности евреев дореволюционной Сибири // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность. Т. 3. Красноярск: Кларетианум, 2007. С. 209–216.
- Гончаров 2013 – *Гончаров Ю. М.* Еврейские общины Западной Сибири (XIX – нач. XX вв.). Барнаул: Азбука, 2013. 174 с.
- Гончарова 2007 – *Гончарова Е. З.* Деятельность «Общества для распространения просвещения между евреями в России» в Томске на рубеже XIX–XX вв. по материалам периодической печати // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность. Т. 3. Красноярск: Кларетаниум, 2007. С. 67–82.
- Кальмина 2001 – *Кальмина Л. В.* Генезис еврейского купечества в Восточной Сибири // Еврейские общины Сибири и Дальнего Востока. Т. 6. Красноярск; Иркутск: Кларетианум, 2001. С. 10–15.
- Кальмина 2014 – *Кальмина Л. В.* Война начала XX в. как катализатор экономического развития Забайкалья // Сибирь и войны XIX–XX веков: сборник материалов Всероссийской научной конференции, ред. М. В. Шиловский. Новосибирск: Параллель, 2014. С. 58–60.
- КЕЭ 1994 – Краткая еврейская энциклопедия. Т. 7. Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, 1994. 545 с.
- Левин 2015 – *Левин В.* Еврейская национальная квазиавтономия в Российской империи: парламентская политика, гражданское общество и вопрос беженцев в период Первой мировой войны // Первая мировая война и Государственная Дума. Материалы Международной научной конференции, ред. Р. А. Циунчук. М.: Изд. Гос. Дума, 2015. С. 150–157.
- Певзнер 2010 – *Певзнер Е.* Еврейский комитет помощи жертвам войны (1914–1921) // Тирош – труды по иудаике. Вып. 10. М.: Сэфер, Институт славяноведения РАН, 2010. С. 141–154.
- Рабинович 2021 – *Рабинович С.* Права нации: Автономизм в еврейском национальном движении в позднеимперской и революционной России. М.: НЛО, 2021. 400 с.

- Тишкина 2020 – *Тишкина К. А.* Еврейские организации Западной Сибири в годы Первой мировой и Гражданской войн и проблема еврейских беженцев // Научный диалог. 2020. № 5. С. 465–481.
- Троцкий 1960 – *Троцкий И.* Самодеятельность и самопомощь русского еврейства // Книга о русском еврействе от 1860-х годов до Революции 1917 г. Нью-Йорк: Союз Русских Евреев, 1960. С. 471–497.
- Alroey 2016 – *Alroey G.* Zionism without Zion: The Jewish Territorial Organization and Its Conflict with the Zionist Organization. Detroit: Wayne State University Press, 2016. 359 p.
- Bassin 1999 – *Bassin M.* Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 329 p.
- Estraikh 2009 – *Estraikh G.* Changing Ideologies of Artisanal ‘Productivisation’: ORT in Late Imperial Russia // East European Jewish Affairs. 2009. № 39(1). P. 3–18.
- Evans 2005 – *Evans E.* The Provincials: A Personal History of Jews in the South. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2005. 440 p.
- Gatrell 1999 – *Gatrell P.* A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I. Bloomington: Indiana University Press, 1999. 317 p.
- Glazier 1999 – *Glazier J.* Dispersing the Ghetto: The Relocation of Jewish Immigrants Across America. Ithaca; London: Cornell University Press, 1999. 256 p.
- Horowitz 2009 – *Horowitz B.* Empire Jews: Jewish Nationalism and Acculturation in 19th- and Early 20th-Century Russia. Bloomington: Slavica Publishers, 2009. 305 p.
- Katz 2017 – Jews and Colonialism / Eds. E. Katz, L. M. Leff, M. S. Mandel. Bloomington: Indiana University Press, 2017. 370 p.
- Marinbach 1983 – *Marinbach B.* Galveston: Ellis Island of the West. Albany: State University of New York Press, 1983. 240 p.
- Norman 1985 – *Norman T.* An Outstretched Arm: A History of the Jewish Colonization Association. Boston; London: Routledge and Kegan Paul, 1985. 326 p.
- Slezkine 1994 – *Slezkine Yu.* Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. Ithaca: Cornell University Press, 1994. 476 p.
- Sverdlova 1987 – *Sverdlova M.* Ha-vaad ha-yehudi le-ezrat nifgeei ha-milhamah (YEKOPO) berusyah, 1914–1916 [иврит] // Yahadut zmanenu. 1987. № 4. P. 269–288.
- Sverdlova 1989 – *Sverdlova M.* YEKOPO voha-siyua le-nifgeei ha-milhamah bemerts-oktober 1917 [иврит] // Shvut. 1989. № 13. P. 19–30.
- Waldman 1928 – *Waldman M.* The Galveston Movement: Another Chapter from the Book Which May Never Be Written // The Jewish Social Service Quarterly. 1928. № IV(3). P. 197–205.

Siberia as a “New Jewish Center”: A Plan to Resettle Refugees in Russia during the First World War

Polly Zavadviker

(Newark, Delaware)

PhD in History, Assistant Professor

University of Delaware, Department of History

ORCID: 0000-0002-8470-216X

E-mail: pollyz@udel.edu

Abstract: In the spring and summer of 1915, during World War I, nearly half a million (and by some estimates, up to one million) Jewish civilians fled or were expelled by the Russian Army from front zones in Polish and Lithuanian territories. This article examines questions connected with the idea, proposed by the leaders of Jewish relief organizations in Petrograd, and by the economist B. D. Brutskus in particular, to resettle Jewish refugees in Siberia. The so-called “Brutskus Plan” and reactions to it shows that, first, Russian Jewish intellectuals thought within an explicitly imperial framework; second, negative reactions to the plan on the part of Siberian Jews themselves shed light on the tremendous geographic diversity and heterogeneity of the empire’s Jewish population; and third, opponents to the Siberian plan exposed internal conflicts within the Jewish national movement (chiefly between Zionists and non-Zionists) in regard to migration and settlement.

Keywords: Migration, refugees, resettlement, Zionism, humanitarian aid, Russian Jews, World War I, Siberia

References

- Estraikh, G., 2009, Changing Ideologies of Artisanal ‘Productivisation’: ORT in Late Imperial Russia. *East European Jewish Affairs*, 39, 1, 3–18.
- Gatrell, P., 1999, *A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I*. Bloomington, Indiana University Press.
- Glazier, J., 1999, *Dispersing the Ghetto: The Relocation of Jewish Immigrants Across America*. Ithaca; London, Cornell University Press.
- Gol’din, S., 2018, *Russkaia armiia i evrei, 1914–1917* [The Russian Army and the Jews, 1914–1917]. Moscow; Jerusalem, Mosty kul’tury, Gesharim.
- Goncharov, Iu., 2013, *Evreiskie obshchiny Zapadnoi Sibiri (XIX – nach. XX vv.)* [Jewish Communities of Western Siberia (19th – early 20th centuries)]. Barnaul, Azbuka.

- Horowitz, B., 2009, *Empire Jews: Jewish Nationalism and Acculturation in 19th- and Early 20th-Century Russia*. Bloomington, Slavica Publishers.
- Kal'mina, L., 2001, Genezis evreiskogo kupechestva v Vostochnoi Sibiri [The Origins of the Jewish Merchant Class in Eastern Siberia]. *Evreiskie obshchiny Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Jewish Communities of Siberia and the Far East], 7. Krasnoiarsk; Irkutsk, 2001, 10–15.
- Katz, E., Leff, L. M., and Mandel, M. S., 2017, *Jews and Colonialism*. Bloomington, Indiana University Press.
- Levin, V., 2015, Evreiskaia natsional'naia kvaziavtonomiia v Rossiiskoi imperii: parlamentskaia politika, grazhdanskoe obshchestvo i vopros bezhentsv v period Pervoi Mirovoi voyny [Jewish National Quasi-Autonomy in the Russian Empire: Parliamentary Politics, Civil Society and the Issue of Refugees during the First World War]. *Pervaia Mirovaia voina i Gosudarstvennaia Duma. Materialy Mezhdunaroidnoi nauchnoi konferentsii* [The First World War and the State Duma. Proceedings from an International Academic Conference], ed. R. Tsiunchuk, 150–157. Moscow, Izd. Gos. Duma.
- Rabinovitch, S., 2014, *Prava natsii: Avtonomizm v evreiskom natsional'nom dvizhenii v pozdneimperskoi i revoliutsionnoi Rossii*. [Jewish Rights, National Rites: Nationalism and Autonomy in Late Imperial Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Slezkine, Y. 1994, *Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North*. Ithaca: Cornell University Press.
- Tishkina, K., 2020, Evreiskie organizatsii Zapadnoi Sibiri v gody Pervoi Mirovoi i Grazhdanskoi voyn i problema evreiskikh bezhentsv [Jewish Organizations of Western Siberia during the First World War and Civil War and the Problem of Jewish Refugees]. *Nauchnyi dialog*, 5, 465–481.

Бер Котлерман

(Рамат-Ган, Израиль)

Профессор, Заведующий кафедрой культуры идиш и хасидизма

Отделение литературы народа Израиля, Бар-Иланский университет

E-mail: Ber.Kotlerman@biu.ac.il

ORCID: 0000-0001-7007-9330

***Вечная жизнь* р. Натана-Неты Олевского (Вильна, Усть-Уда, Черемхово, Иркутск, Москва)**

Аннотация: Статья посвящена философско-религиозному наследию р. Натана-Неты Олевского, иркутского раввина в 1919–1930 гг., ставшего впоследствии одной из самых заметных фигур еврейской религиозной жизни в СССР. Его единственный вышедший при жизни труд — сборник респонсов *Хаей олам ната* («Насадивший вечную жизнь», 1930–1931) можно считать наиболее значимым галахическим трудом за всю историю Сибири. Этот сборник актуален и по сегодняшний день для ортодоксального иудаизма: в 1992–2012 гг. его трижды переиздали в США и Израиле. Настоящая статья сфокусирована на содержащейся в респонсах р. Олевского уникальной информации о «внутренней жизни» различных еврейских общин Сибири в период Первой мировой и Гражданской войн и в первое десятилетие советской власти.

Ключевые слова: раввинские респонсы в СССР, ортодоксальный иудаизм, раввинский суд, евреи в СССР, Иркутская религиозная еврейская община, синагога в Марьиной Роще, Совет по делам религиозных культов, агунот, военнопленные-евреи.

DOI: 10.31168/2658-3364.2021.1.08

Городу моего рождения Иркутску посвящается

ועתה הנה הבאתי את ראשית פריי אשר נתת לי ה'!
בגני "חיי עולם נסע" שהוא ביכורי מחשבות לבי, אשר זכיתני

«И вот принес я начаток плода моего, который в саду моем Ты, Г-споди, взрастил — Первенец дум, которыми меня удостоил Тот, что *вечную жизнь средь нас насадил*». Так завершил свою рукопись респонсов «Хаей олам ната» («Насадивший вечную жизнь»)¹ в конце 1920-х гг. иркутский

¹ Название этого труда, как и другие названия, приведено в более привычной сегодняшнему читателю сефардской традиции. Перевод с иврита здесь и далее —

раввин Натан-Нета Олевский, оставивший один из самых значительных следов в истории иудаизма в Сибири. Р. Олевский — авторитетный и глубокий исследователь и толкователь еврейских религиозных законов — явно питал слабость к литературным экзерсисам². Рифмованные строки, выглядящие несколько неуклюже в переводе, в оригинале построены на библейском стихе: «И ныне, вот я доставил начаток плода земли, которую Ты дал мне, Г-споди» (Второзаконие 26:10). Продолжая этот стих, автор не только упоминает название своего труда (буквальный перевод которого «Вечную жизнь Он насадил [среди нас]» — это прямая цитата из благословения, которое произносят после ритуального чтения отрывка Торы в синагоге), но и дважды обыгрывает свое собственное имя: Натан — *натата бе-гани* (посеял в моем саду) и Нета — *ната* (насадил).

«Первенца дум» р. Олевского — сборник респонсов *Хаей олам ната*, увидевший свет в 1931 г. (или в конце 1930 г.) в виленском издательстве Шраги Файвиша Гарбера, — можно считать наиболее значимым галахическим трудом, когда-либо написанным в Сибири. Более того, он актуален по сегодняшний день для ортодоксального иудаизма: в 1992 г. его фотокопия была опубликована в США [Olevski 1992], а позже его дважды переиздал в Израиле в аннотированном виде «Махон Иерушалаим» (Иерусалимский институт) [Olevski 1995 и Olevski 2011]³ — издательский проект, поставивший своей целью донести до читателя важнейшие из забытых, неизданных или исчезнувших с книжного рынка текстов иудаизма. Этому сборнику, представляющему в уникальной перспективе некоторые реалии еврейской жизни в Сибири 1910–1920-х гг., и посвящена данная статья.

мой (Б. К.). См. рукопись в Национальной библиотеке Израиля в Иерусалиме: [NLI 6775=38].

² О склонности р. Олевского к рифмованным посвящениям (что в разной степени свойственно многим раввинским респонсам) свидетельствует и его оригинальная, отсылающая к *Псалмам* и *Притчам* эпитафия скончавшейся в 1927 г. матери Хинде-Рейзл (похоронена в местечке Новоропск недалеко от Новозыбкова): «Ах! Склонившись над могильными камнями,/ Изойдет душа моя горячими слезами/ В тоске по милой наставнице и маме./ Где ты, драгоценная, дорогая моя?/ Сокрушила, сломила меня смерть твоя!» См. [Olevski 1930–1931, XVI]. Посвящение покойной матери автор сопроводил заголовком «Алон бахут» — этим выражением из библейского стиха «И умерла Двора, кормилица Ривки, и погребена была ниже Бейт-Эля, под Алоном, и нарек он [Яков] имя ему *Алон бахут*, Равнина Плача» (Бытие 35:8) было тогда принято на иврите (в основном в религиозной среде) называть некрологи.

³ Второе издание 2011 г., посвященное памяти скончавшегося в 2006 г. сына р. Олевского Моисея, объединено с более поздними респонсами «Нета ревай» («Четвертая посадка»; см. далее).

Р. Натан-Нета Олевский: штрихи к биографии

Натан-Нета (Носн-Ноте) Олевский родился в 1873 г.⁴ в полесском местечке Словечно (сегодня село Словечне Житомирской области, Украина) в семье шохета Израиля Олевского. Получив начальное религиозное образование в доме отца и деда р. Боруха Олевского, раввина Словечно и соседнего Овруча, он был отправлен на учебу в старинную иешиву «Рамайлес» в Вильно. По окончании иешивы р. Олевский прослужил некоторое время в одной из виленских синагог. Женившись на Хае-Саре Веледницкой из Радомышля (старшей сестре идишского поэта, литературоведа и переводчика Аврома Веледницкого) и овладев ремеслом шохета и моэля, он принял приглашение из Сибири — по некоторым источникам, в 1906 г. [Grinboym 1994, 8], но, возможно, и позже. Р. Олевский намеревался проработать в Сибири несколько лет, а затем вернуться в Вильну, однако задержался там более чем на два десятилетия. Приглашение из Сибири, видимо, было организовано при посредничестве родственников жены, дед которой, Моше Аринович, долгое время проживал в Томске, где и был похоронен в 1907 г., о чем сам р. Олевский сообщает в *Хаей олам ната* в посвящении жене [Olevski 1930/31, XV].

Свою карьеру в Сибири р. Олевский начал в качестве шохета в небольшой, но зажиточной еврейской общине села Усть-Уда, куда нужно было добираться почти 300 км водным путем по реке Ангара из Иркутска (в начале 1960-х гг. это село попало в зону затопления Братского водохранилища) и где в 1911 г. родился его старший сын Моисей. Не исключено, что р. Олевский был изначально приглашен в Сибирь на позицию раввина, однако бюрократические препоны со стороны властей не позволили ему официально занять эту должность. В 1914 г., накануне Первой мировой войны⁵, он перебрался поближе к Иркутску — в шахтерский город Черемхово (но не прервал связи с общиной Усть-Уды), а с 1919 по 1930 г. был раввином и шохетом в Иркутске.

После закрытия в Иркутске кошерной скотобойни в 1930 г. р. Олевский как «служитель религиозного культа» в бесправном статусе «ли-

⁴ Согласно эпитафии на памятнике на могиле р. Олевского в Малаховке. Эту дату подтверждает и празднество в честь его 90-летия в Москве в конце 1963 г. с участием советских раввинов и сотрудников израильского посольства [Rozin 1964]. В этом свете очевидна ошибочность информации Йосефа Боксбойма о 1881 г. [Boksboym 2011, 7] и Авраама Гринбаума о 1871 г. [Grinboym 1994, 8].

⁵ По предположению Даниэля Шварца, он мог вернуться в Вильну во время Первой мировой войны [Shvarts 1993, 1084, прим. 28], однако в таком случае ему пришлось бы остаться в городе по крайней мере до вывода оттуда немецких войск в 1918 г.. Как бы то ни было, во время войны р. Олевский действительно выезжал на запад, видимо, к родственникам, откуда, согласно одному из респонсов (#14), вернулся в Сибирь осенью 1916 г..

шенца» оказался без средств к существованию. Некоторое время спустя он вместе с семьей выехал к родственникам жены в Москву и поселился там без прописки. Несколько лет он провел за изучением Торы в обществе главы раввинского суда Москвы р. Абы-Давида Гольдфайна (скончался в 1936 г.)⁶. В конце 1941 г., с приближением гитлеровской армии к Москве, Олевский эвакуировался в казахский город Кызыл-Орда вместе с институтом сына-математика Моисея; другой его сын, Борух, погиб в блокадном Ленинграде в 1942 г. Вернувшись в Москву в 1944 г., он принял приглашение группы любавичских хасидов, хотя сам к движению «Хабад» не принадлежал, и более двадцати лет прослужил раввином синагоги в Марьиной Роще.

Судя по всему, представители властей относились к р. Олевскому достаточно терпимо, по крайней мере, в послевоенный период. Так, в мае 1952 г. он, наряду с раввином Московской хоральной синагоги Соломоном Шлифером и киевским раввином Исааком Шехтманом, принял участие в официозной Конференции всех церквей и религиозных объединений в СССР в защиту мира в Загорске [Altshuler 2007, 101], правда, в отличие от двух его коллег, в программу выступлений его не включили, и под финальным обращением к верующим всех религий и приветственным письмом Сталину его подписи не оказалось [Конференция 1952]. Архивные материалы подтверждают его авторство двух молитв, одобренных советскими кураторами религиозной деятельности: «Молитва за мир» и «Молитва за здоровье правительства [СССР]» [Sidur hashalom 1956, 230–231]⁷. В 1957 г., после смерти р. Шлифера, р. Олевскому было предложено занять его место, однако, сославшись на преклонный возраст и состояние здоровья, он согласился выполнять функции главного раввина Москвы лишь временно, и месяц спустя его сменил более молодой р. Йегуда-Лейб Левин из Днепропетровска [Altshuler 2007, 192]. Осенью 1963 г. по инициативе Совета по делам религиозных культов при Совете министров СССР [Чарный 2007, 111] в синагоге в Марьиной Роще широко, в присутствии представителей израильского посольства и западных журналистов, отмечалось 90-летие р. Олевского, а заодно и 35-летие самой синагоги. Сообщения в прессе об этом событии, включавшие портрет виновника торжества в талите и тфилине крупным планом, использовались советской пропагандой за рубежом [Rozin 1964, 58]⁸. Советское новостное агентство ТАСС неоднократно цитировало высказывания р. Олевского в попытке опровергнуть обвинения в государственном антисемитизме, выдвигавшиеся против СССР [Jewish Post 1965]. Вместе с тем, когда в 1964 г. правление синагоги в Марьиной Роще обратилось в Совет по

⁶ Гольдфайн и Олевский познакомились в 1926 г., когда последний проездом был в Москве.

⁷ См. [Чарный 2008, 47–48]; ГАРФ, ф. 6991. Оп. 4. Д. 169. Л. 137–138.

⁸ О реакции американских евреев на эту пропаганду см. [Javits 1964].

делам религиозных культов с просьбой разрешить издание подборки из трудов р. Олевского на тему *агунот* (соломенных вдов), ему было в этом отказано [Чарный 2008, 179].

Р. Олевский скончался в декабре 1966 г. и был похоронен на еврейском кладбище в московском пригородном поселке Малаховка. Впоследствии, согласно его завещанию, над могилой был возведен традиционный склеп (огель).

Респонсы «Хает олам ната» — единственное сочинение из обширного религиозно-философского наследия р. Олевского, изданное при его жизни⁹. В середине 1960-х годов, незадолго до смерти, он составил завещание, в котором перечислил все свои труды — восемь манускриптов, — выразив надежду на то, что евреи Москвы и, в частности, община Марьиной Рощи найдут средства на их издание. Однако, как упомянуто выше, в Москве не удалось издать даже малую часть трудов р. Олевского¹⁰, и в 1991 г. эти манускрипты были перевезены в Израиль его сыном Моисеем и переданы в распоряжение издательского проекта «Махон Иерушалаим» [Интервью 2020], который и издал большинство из них в течение двадцати лет. Перечислим их в том виде и порядке, в котором они фигурируют в завещании¹¹:

1. «Меир эйней Исраэль» («Просветляющий взоры Израиля») — комментарии на Тору [Olevski 1999]¹².

2. «Нета ревай» («Четвертая посадка»), часть I — комментарии на Талмуд [Olevski 2011].

3-4. «Меорот натан» («Установивший светила») и «Берах Моше» («Благословение Моисея») — комментарии на талмудические сказания [Olevski 1998]¹³.

⁹ Помимо этого, в 1913–1914 гг. он опубликовал ряд статей по галахическим вопросам, в основном по проблемам шхиты, в солидном иерусалимском журнале ортодоксального направления «Га-Меасеф». См. например: [Olevski 1913], за подписью: «Нета Олевский, шохет и бодек еврейской общины Усть-Уды».

¹⁰ Вдобавок ко всему богатая библиотека р. Олевского, содержавшая множество его маргиналий, сгорела вместе со старой деревянной синагогой в Марьиной Роще в пожаре, разразившемся там в последний день 1993 г.

¹¹ См. завещание здесь: [Olevski 2011, 10–12].

¹² Название сборника «Меир эйней Исраэль», составленного в московский период жизни автора, посвящено его тестю Меиру Веледницкому и отцу Израилу Олевскому.

¹³ Название первого сборника «Меорот натан» (букв. «Светила [Он] установил») снова обыгрывает имя автора Натан. Его основная часть была составлена в Иркутске в 1930 г. (см. фотокопию обложки рукописи [Olevski 1998, 11]), а позже были добавлены еще три памфлета эвлогического характера: «Агра деаспида» («Воздаяние за оплакивание»), «Алон бахут» («Равнина плача») и «Еш эм ламикра» («О примате верного прочтения»). В названии второго сборника «Берах Моше» обыграны имена обоих сыновей р. Олевского, Боруха и Моисея.

5. Респонсы «Хаей олам ната» («Насадивший вечную жизнь»), изданные в Вильне (собственно, под этим названием он видел все труды, написанные им в течение жизни).

6. «Нета ревай» («Четвертая посадка»), часть II — респонсы [Olevski 2011]¹⁴.

7–8. «Драшот ха-Ран» («Проповеди р. Натана»), часть I (180 проповедей на праздники и другие случаи) и часть II (40 эвлогий на смерть выдающихся раввинов-современников).

Все обширное наследие р. Олевского, не считая неопубликованных проповедей и элогий, достигло читателя десятилетия спустя после его смерти.

Насадивший вечную жизнь

Р. Олевский начал готовить свои респонсы «Хаей олам ната» к изданию в середине 1920-х гг. и закончил их первоначальную редакцию, судя по раввинским одобрениям (*аскамот*), в 1928 г. Сама книга, как упомянуто выше, вышла в свет за пределами СССР, в польской Вильне. Техническая база для издания на иврите была в свое время и в Иркутске. Так, меньше чем за десять лет до этого местное сионистское бюро выпустило два тома карманного словаря «Иврит-немецкий-русский» [Милон 1919], а также «Полный русско-еврейско-немецкий словарь» Элизера Бен-Иегуды [Словарь 1919], а год спустя Национальный совет евреев Сибири и Урала издал там молитвенник [Sidur 1919/20], но все это было до прихода советской власти в Восточную Сибирь¹⁵.

Теперь же большого выбора не осталось: в 1920-х гг. лишь два еврейских религиозных сочинения в стране получили официальное разрешение властей на издание — это комментарий на Талмуд «Меаян мей нефтоах» («Источник Мей-Нефтоах») старейшего раввина СССР Давида-Тевеля Каценеленбогена из Ленинграда [Katsenelenbogen 1923] и комментарий на Рамбама «Сэфер твуна» («Книга разума») полтавского раввина Ицхака-Айзика Красильщикова [Krasilshchikov 1926]. Оба сочинения были изданы в обычных советских типографиях, по всей видимости, унаследовавших еврейскую полиграфическую базу: «Красный

¹⁴ Обе части «Нета ревай» (здесь обыграно имя автора Нета/Нотэ) были опубликованы как добавление к переизданию «Хаей олам ната» при поддержке канадского Совета общественно-гуманитарных исследований (SSHRC). Вторая часть содержит среди прочего респонсы, относящиеся к периоду среднеазиатской эвакуации автора.

¹⁵ Несколько ранее тот же Национальный совет переиздал в Иркутске широко известный учебник иврита Бергмана и Беркуза «Сфат йеладим» («Язык детей»), пропагандировавший преподавание иврита на иврите и выходивший с начала XX в. от Одессы до Нью-Йорка, а также «Сипурей микра ле-йеладим» («Библейские сказания для детей») Бялика, Равницкого и Бен-Циона.

агитатор» в Петрограде и «Типография имени Петровского» в Полтаве. В 1927 г. слущкий раввин Йехезкель Абрамский начал выпускать в бобринской типографии «Коммунтреста» религиозный журнал «Ягдиль Тора» («Возвеличивающий Тору»), однако уже его второй номер за 1928 г., на этот раз под редакцией новозыбковского раввина Шломо-Йосефа Зевина, стал последним, а редакторов (будущих лауреатов Государственной премии Израиля) подвергли репрессиям¹⁶. Судя по всему, последним разрешенным еврейским религиозным трудом в СССР стала книга того же р. Каценеленбогена «Гам эле диврей Давид» («И это речения Давида»), местом издания которой обозначен Ленинград, но напечатана она была в 1928 г. в Берлине [Katsenelenbogen 1928].

Все другие труды советских раввинов или остались в рукописях, или были опубликованы за пределами СССР, как, например, респонсы мелитопольского раввина и будущего члена главного раввината Тель-Авива Цви Маковского «Яхаве даат» («Открывающий знание») [Makovski 1935]¹⁷, труды раввина Себежа и Хиславичей и будущего главного раввина квартала Зихрон-Моше в Иерусалиме Меира Сталевича «Мибеит Меир» («От дома Меира») [Stalevits 1937]¹⁸ или философские послания коллегам бобринского раввина Шмуэля Александрова «*Михтавей мехкар у-бикорет* (Критические письма)» [Aleksandrov 1932]¹⁹. Другую свою книгу — «Мей даат» («Воды знания») о законах миквы — р. Маковский, еще до отъезда в подмандатную Палестину весной 1933 г., переправил в польский город Петрокув, где она вышла в 1930 г. на идише [Makovski 1930]²⁰.

В частном архиве вышеупомянутого р. Шломо-Йосефа Зевина в Израиле не так давно была обнаружена рукопись московского раввина Абы-Давида Гольдфайна: «Петах бейт Давид» («Вход в дом Давида») — два тома комментариев на Рамбама [Voksboym 2011, 9]. Третий том того же манускрипта находится сегодня в библиотеке Любавичского Ребе в Нью-Йорке. Судя по всему, р. Гольдфайн на всякий случай разделил свою рукопись, передав одну ее часть р. Зевину перед отъездом последнего в Палестину в 1934 г., а другую часть — видимо, кому-то из любавичских хасидов. Р. Олевский также не решился переслать свою рукопись доверенным лицам в Вильне целиком. По рассказам его сына Моисея, он пересылал ее по частям по почте в двух сотнях писем. В семье сохранился

¹⁶ О еврейских религиозных изданиях в СССР в 1920-е гг. см. [Kotlerman 2014, 80].

¹⁷ Согласно предисловию автора, эта книга была закончена в Мелитополе в 1928 г.

¹⁸ Согласно сообщению газеты *Доар ха-йом* о прибытии р. Сталевича на пароходе «Чичерин», он «привез с собой рукописный материал на пять-шесть больших книг» [Doar hayom 1932].

¹⁹ Автор этой книги благодарит своих проживавших в Иерусалиме братьев за помощь в издании книги.

²⁰ О существовании ивритской версии этого издания автор упоминает в предисловии к [Makovski 1935].

экземпляр «Хаей олам ната», который р. Олевский получил из Вильны по выходе книги в свет — без обложки и выходных данных, чтобы не подвергнуть опасности автора.

Работа над сборником респонсов продолжалась около трех лет. Помимо многочисленных добавлений и исправлений, которые можно увидеть на страницах оригинального манускрипта в Национальной библиотеке Израиля, р. Олевский заручился одобрением своей книги авторитетнейшими раввинами своего времени: Йосефа Розина из Двинска, известного под именем Рогачевского гаона; Хаима-Озера Гродзенского из Вильны, духовного лидера литовского ортодоксального еврейства; крупных виленских раввинов Ханоха-Генеха Эйгеса, Менахема Кракувского и Менахема-Мендла Зельмановича. В общепринятом стиле все они очень высоко отзывались как о респонсах р. Олевского, так и о его выдающихся способностях в целом. Р. Зельманович, например, назвал его «гением (илуй) из пустыни», имея в виду Восточную Сибирь, описанную как «дикое степное место, далекое от черты обитания евреев и центров изучения Торы». Однако р. Гродзенский, отметив, что «не овдовел Израиль даже на краю рассеяния в стране мучений и страданий Сибири», почти в приказном тоне предложил исключить из книги ряд разделов, касающихся проблематики перехода в иудаизм, в частности, возможности освобождения от ритуала обрезания по медицинским соображениям. Автор счел необходимым упомянуть этот «выговор» в сноске, в которой выразил свое уважение по отношению ко мнению большого законоучителя, но указанные разделы из своего сочинения не убрал [Olevski 1930/31, IV]. Объяснение этому странному инциденту израильский историк Даниэль Шварц видит в бескомпромиссной позиции р. Гродзенского по вопросам гиюра [Shvarts 1993]²¹.

«Хаей олам ната» включает в себя 90 респонсов, третья часть из которых — ответы респондентов р. Олевского из Сибири и других регионов СССР, а также из Латвии, Польши и Чехословакии. Обширная переписка р. Олевского с восточноевропейскими раввинами, несмотря на технические проблемы (см. далее дело о разводе в раввинском суде Кракова, затянувшееся на пять лет из-за недоставленных писем), служит ярким примером того, что в 1920-е гг. советские раввины все еще оставались активной частью общей раввинской сети корреспонденции и общений. Среди его респондентов существенно выделяется Рогачевский гаон р. Йосеф Розин из Двинска — один из крупнейших галахических авторитетов, которого р. Олевский выбрал в качестве своего постоянного *машгиаха* (контролера) для особенно проблематичных вопросов (что, однако, не

²¹ Шварц также детально разбирает конфликт между р. Олевским и харбинским раввином Аароном-Моше Кисилевым по вопросу обрезания, который в данной статье не затрагивается.

мешало Олевскому вступать с ним в дискуссию). Несколько ответов, представляющих сегодня особую ценность, принадлежат зятю р. Розина, главе раввинского суда Москвы р. Абе-Давиду Гольдфайну — ученику р. Хаима Соловейчика из Воложина, известному в свое время как «илуй из Утяны» и так же, как и его тесть, близкому к Хабаду. Как уже упоминалось, его наследие до сих пор находится в рукописном виде, и лишь в чужих респонсах можно встретить его мнение по различным вопросам. Среди других важных респондентов — главы раввинских судов Меир Сталевич из Себежа, Шломо-Залман Аксельрод из Полоцка и Барух Бен-Цион Рапопорт из Чеповичей. Помимо этого, в сборнике приведена переписка с представителями раввинских судов Тарнова и Кракова в Польше и Мункача и Унгвара в тогдашней Чехословакии (до 1920 г. — Венгрия; сегодня Мукачево и Ужгород на территории Украины), с Аароном-Моше Кисилевым из маньчжурского Харбина, с сибирскими раввинами Шмуэлем-Шаулем Левиным из Читы и Яковом Якобсоном из Омска, с шохетом Израилем-Шимшоном Натаповым из Канска, а также с другими представителями еврейских общин Сибири (один из которых перебрался в Иерусалим и написал уже оттуда).

Круг вопросов, затрагиваемых в респонсах р. Олевского, весьма широк. По традиции, книга разбита на четыре тематических раздела, по модели галахического кодекса «Шулхан арух»: «Орах Хаим» — законы повседневной жизни и синагога; «Йоре Деа» — шхита и кашрут; «Эвен ха-Эзер» — законы семьи и брака; «Хошен ха-Мишпат» — еврейское гражданское право и имущественные тяжбы. Абсолютное большинство респонсов относится ко второй и третьей категории (34 и 40 соответственно). Методология р. Олевского при принятии галахических решений заслуживает отдельного обсуждения, в историографической же перспективе особый интерес представляет содержащаяся между строк его талмудических изысканий уникальная информация о «внутренней жизни» еврейских религиозных общин в Сибири в период с лета 1914 г. и по конец 1928 г.

Еврейская религиозная жизнь в Сибири 1910-1920-х гг. в респонсах р. Олевского

В отличие от некоторых сибирских коллег, например, своего предшественника, иркутского казенного раввина и собирателя фольклора Соломона (Шолома) Бейлина [Берман и Кержнер 2019], р. Олевский никоим образом не намеревался заниматься историей и этнографией сибирского еврейства. И все же между строк его респонсов проглядывает любопытная информация о еврейской жизни в Сибири в период Первой мировой и Гражданской войн и в первое десятилетие советской власти,

подтверждая очевидную важность подобного материала для изучения еврейских общин, особенно в отдаленных от традиционных центров еврейского расселения местах²². Информация эта носит разноплановый характер. Так, из разделов 14–16 мы узнаем, что в конце 1916 г. в Томске, где проживали сотни еврейских семей, не было ни одной миквы для ритуального омовения, и что в 1922 г. микву в Иркутске «разрушили до основания» (в этой цитате р. Олевского из «Псалмов» [137:7] проглядывает намек на «Интернационал»). Раздел 47 сообщает среди прочего, что летом 1919 г., в разгар колчаковщины, читинский раввин Шмуэль-Шауль Левин отдыхал и лечился в забайкальском туберкулезном санатории «Олентуй», служившем с начала XX в. популярным курортом для сибиряков и жителей «полосы отчуждения» КВЖД в соседней Маньчжурии. Несколько респонсов, приведенных ниже, иллюстрируют, каким образом р. Олевский приоткрывает завесу над внутренними процессами в еврейской религиозной жизни Сибири 1910–1920-х гг.

О еврейском кладбище в Кяхте

Весной 1919 г. еврейские жители приграничной с Монголией Кяхты Троицкосавского уезда Забайкальского края (сегодня Республика Бурятия) обратились к р. Олевскому в Черемхово с просьбой разрешить им открыть еще одно еврейское кладбище (раздел 45). Из обращения кяхтинцев следует, что еврейское кладбище было основано еще за тридцать лет до этого непосредственно в уездном центре Троицкосавске, в черту которого административно входила расположенная в нескольких километрах от города торговая слобода Кяхта. С тех пор и до последних двух лет, в течение которых там было захоронено еще три человека, кладбище страдало от нередкого в тех местах природного явления: в результате сильных ветров могилы постоянно заносило песком. В связи с этим, несмотря на незаполненность старого кладбища в Троицкосавске, было принято решение основать новое в Кяхте — естественно, с одобрения религиозного авторитета (каковым кяхтинцы посчитали именно р. Олевского).

Открытие нового кладбища в населенном пункте, где уже существует хотя бы одно еврейское захоронение (которое, по единодушному толкованию еврейских источников, распространяет на данное место «святость кладбища»), довольно проблематично. Не слишком углубляясь в нюансы, стоит отметить, что, согласно «Шулхан арух», не переносят усопшего из города, где уже есть захоронения, в другой город («Йоре деа» 363б). Иными словами, даже если посчитать Кяхту отдельным поселением, открытие нового кладбища там не стало бы выходом для жителей Тро-

²² Одним из прецедентов для подобного подхода к религиозным источникам может служить статья Дова-Израиля Фогеля, посвященная уже упомянутому харбинскому раввину Аарону-Моше Кисилеву [Fogel 2011].

ицкосавска. «Шах» (р. Шабтай га-Коэн, XVII в.), один из важнейших комментаторов, объясняет это уважением к мертвым, уже похороненным в данном месте. Напоминая об этом правиле, р. Олевский, однако, готов взять в расчет желание местной общины предотвратить заметание надгробий песком и, соответственно, неуважение к будущим усопшим как Кяхты, так и Троицкосавска. На основании общепринятого комментария «Питхей тшува» (р. Авраам-Цви-Гирш Айзенштат, XIX век) к вышеупомянутому правилу о том, что исключением может стать волеизъявление усопшего все же быть похороненным в другом городе, вместе с предками или еще по какой-то причине, р. Олевский предлагает воспользоваться «двойным» статусом Кяхты — как части Троицкосавска и как самостоятельного поселения. Исходя из этого, новое кладбище в самой Кяхте сможет служить жителям обеих частей и не станет оскорблением для похороненных в Троицкосавске, вокруг могил которых нужно возвести каменную ограду с воротами и засовом и таким образом превратить старое кладбище в закрытый мемориал. Кроме этого, р. Олевский предложил членам кяхтинской общины выбрать любое новомесячье и объявить в этот день общественный пост, в течение которого специальный миньян прочитает особую молитву для таких постов («Вайехаль»), а члены погребального братства «Хевра кадиша» отправятся на старое кладбище и попросят прощения у усопших.

Помимо любопытной экзотичности последнего предложения р. Олевского (основанного на галахическом принципе уважения к умершему — *квод ха-мет*), в его ответе содержится ряд важных исторических деталей. Согласно переписи населения 1897 г., из двадцатитысячного населения Троицкосавского уезда лишь восемь человек числились евреями и татарами (данные о иудеях и мусульманах почему-то объединены) [Троицкосавск 1901]. Более поздняя статистика 1910 г. также сообщает всего о десяти еврейских жителях среди десяти тысячного населения Троицкосавска (вместе с Кяхтой и другими пригородами)²³. Однако обращение кяхтинских евреев к р. Олевскому свидетельствует о существовании там постоянного еврейского кладбища примерно с 1889 г. Столь малое число упомянутых в переписях евреев в Кяхте-Троицкосавске связано с начавшимся в конце 1880-х гг. выселением евреев из ставерстной приграничной полосы и не отражает действительного положения вещей: нелегально проживавшие в приграничной зоне Забайкалья евреи не стремились попасть в официальную статистику²⁴. После же дарования евреям равноправия в результате падения царского режима тамошнее еврейское

²³ См. таблицу 4.6 «Расселение евреев в Забайкальской области» [Кальмина 2003, 555].

²⁴ См. сведения о торговцах мясом братьях Зазовских, о еврейских медиках Троицкосавска и о сотне еврейских купцов, наезжавших ежегодно в соседний с Кяхтой китайский Маймачен в начале 1890-х гг. [Кальмина 2003, 209–210, 288].

население быстро стало «значительным» [Верхотуров 2015], что делает возникновение вопроса о втором кладбище совершенно естественным.

Бывшие военнопленные-евреи и проблема соломенных вдов

В 1924 г. к р. Олевскому письменно обратилась жительница Мункача по имени Рейзи с просьбой разыскать ее мужа Шолема, бывшего военнослужащего Австро-Венгерской армии, попавшего в Сибирь в качестве военнопленного во время Первой мировой войны. Она попросила «сжалиться над ней и ее молодостью, чтоб не остаться ей *агуной* (соломенной вдовой) до конца ее дней» (см. добавление к разделу 63) и оформить *гет* (разводное письмо). Судя по всему, речь идет о семье надворненских хасидов, поскольку помочь этой женщине лично попросил и представитель надворненской хасидской династии р. Хаим-Мордехай-Арье Лайфер из соседнего Унгвара.

По оценкам «Джойнта», осуществлявшего финансовую помощь еврейским военнопленным, на конец 1920 г. в сибирских лагерях все еще содержалось восемь-девять тысяч солдат-евреев из Австро-Венгрии и Германии [IDC-237045]. Большинство из них со временем репатриировались на родину, однако кто-то осел в Сибири, как муж этой несчастной женщины из Мункача. Как выяснилось, этот человек, покинувший дом за десять лет до этого и семь лет не подававший о себе никаких вестей, к тому времени успел жениться на сибирячке-нееврейке, при этом не собираясь разводиться с прежней женой. По его словам, он все еще «надеется сойти с несправедного пути, вернуться на родину и там уже решить, а жена пусть подождет».

По совету р. Олевского женщина описала ситуацию в письме к городскому коменданту Иркутска, который «сжалился над ней», вызвал к себе ее мужа и заставил его дать ей развод. Р. Олевский немедленно оформил разводное письмо и отправил его посреднику для передачи в раввинский суд Мункача. Несколько месяцев спустя оттуда пришло письмо за подписью нескольких раввинов, сообщившее о неточности в имени отца женщины (записанного со слов мужа): Мендель вместо Менахем-Зеев, известный также как Мендель-Вольф. Между тем вышеуказанный Шолем уехал из Иркутска. На просьбу раввинов из Мункача заново оформить гет р. Олевский заявил, опираясь на мнение одного из центральных ашкеназских законоучителей р. Моше Иссерлеса (XVI в.), что в его глазах существующий гет является полностью действительным, даже если предположить, что использовано не основное имя отца. Свой ответ р. Олевский переслал Рогачевскому гаону р. Йосефу Розину, который выразил согласие с подходом своего младшего коллеги. Со своей стороны, раввинский суд Мункача обратился в словацкий город Кошице к проживавшему там авторитетному в хасидской среде Радомышленскому гаону р. Шмуэлю Энгелю (ученику основателя Цанзского хасидского дво-

ра р. Хаима Хальберштама), который много занимался освобождением соломенных вдов, попавших в подобную ситуацию в результате Первой мировой войны. Р. Энгель предложил, что в случае невозможности другого гета тот же *соффер* (писарь), что оформил первый гет, может его переписать заново с полным именем отца. В конце концов ради заповеди освобождения агуны раввины Мункача приняли это предложение, согласившись принять и позицию р. Олевского в случае проблемы с соффером.

Дело Рейзи и Шолема довольно показательно для Сибири 1920-х гг., включая географический разброс участников диспута и путаницу с именами. Так, за несколько лет до этого к р. Олевскому обратился по собственной инициативе другой бывший австро-венгерский солдат, родом из Галиции, и попросил оформить гет оставшейся в Кракове жене, к которой, как он честно заявил, он не собирался возвращаться (разделы 68–69). Попутно выяснилось, что он сменил свое имя Израиль сначала на Изидор, затем на Иосиф, а под конец на Осип, а также поменял отчество с Абрамовича на Михайловича, что и было детально описано. Гет был отослан в Краков через Берлин, и лишь четыре года спустя пришел ответ от раввинского суда Кракова, члены которого заявили, что у вышеназванного Израйля не было никакого права менять имя отца. В своем ответе р. Олевский напомнил о мнении Раши по поводу имен в разводных письмах («Шулхан арух», «Эвен ха-эзер» 229:10): если сын Шимона записался сыном Шмуэля и прошло тридцать дней, то можно это принять. Помимо этого, в Иркутске, где был написан гет, этот человек известен как Изидор Михайлович, так что назвать его только лишь сыном Авраама совершенно невозможно. Эту позицию снова подтвердил р. Розин из Двинска, признавший гет вполне действительным.

В письме краковским раввинам (добавление к разделу 70) р. Олевский выразил удивление и возмущение тем, что они «создали преграду» несчастной женщине, протянув ее дело четыре года якобы из-за того, что потеряли его адрес, тогда как достаточно было указать город и имя раввина. Однако из ответа главы раввинского суда Кракова р. Иегуды-Меира Левина выяснилось, что было послано несколько писем в Сибирь, но все они вернулись. Более того, р. Левин обратился по этому делу к авторитетному галицийскому раввину Меиру Арику из Тарнова, чей ответ насчет «гета из страны Сибирь» уже даже был опубликован в 1925 г. в его респонсах «Имрей йошер» («Справедливые слова»). Несмотря на проблему с именем отца, а также, что более важно, на путаницу в имени боевого товарища мужа, с которым тот был в сибирском плену и которого он назначил своим представителем в суде (Шмуэль сын Авраама вместо Авраам сын Шмуэля), р. Арик призвал не устрожать и признать гет действительным, заручившись согласием двух известных раввинов [Arik 1925, #79]. В конце концов, после еще ряда писем и уточнений гет Изидора-Осипа был признан в июле 1927 г. — после пяти лет дискуссий

в переписке между советским Иркутском, латышским Двинском (Даугавпилсом) и польскими Краковом, Тарновом и Цанзом (Новы-Сонч).

К вопросу о правах женщин в общинных делах

Ряд респонсов, раскрывающих любопытные подробности внутренней жизни еврейской религиозной общины Иркутска, посвящен вопросам и предложениям габая Иркутской синагоги Ицхака-Цви Бродоцкого, с которым р. Олевский непосредственно сотрудничал на протяжении многих лет. Речь идет об одной из ключевых фигур общины [Гимельштейн и Караваева 2018, 123–127], уважительное отношение к которому со стороны р. Олевского подчеркивает особое предисловие от имени габая, помещенное в сборнике респонсов непосредственно после раввинских одобрений. По выдержанным в традиционном патетическом стиле словам Бродоцкого (на иврите), книга р. Олевского «откроет нам жизнь сибирского раввина с совершенно новой, доселе невиданной перспективы». Далее он пишет:

Много мудрецов стояли в святом дозоре на окраинах России — на Урале, в Сибири и Маньчжурии, от Челябинска до Харбина, в землях, превышающих в размерах Германию, Бельгию, Голландию и Швейцарию вместе взятые, — но в течение более ста лет и до сего дня не нашелся хотя бы один из священнослужителей уважаемых общин Свердловска, Омска, Томска, Иркутска, Читы, Харбина, чей голос прозвучал бы в раввинском мире, кто вступил бы в галахические диспуты с раввинами других стран и выпустил бы в свет присланные сюда ответы мудрецов на различные вопросы²⁵. Будто бы выходили эти места! Неужели в чем-то провинились эти земли по сравнению с другими? Неужели не было тут духовной жизни? И вот прибыл наш уважаемый учитель и заполнил пустоту, напитав многих со своего стола. Поэтому эта книга — новое явление в жизни ортодоксального еврейства Сибири, явление историческое, благодаря которому множество людей узнают и поймут жизненные реалии, пробудившие поднятые в ней вопросы, и понимающие смогут судить на ее основании об общем и о частном, и помнить будут ее автора и его сочинение [Brodotski 1925, VIII].

Что касается непосредственно инициатив Бродоцкого, носивших в основном финансовый характер, — они далеко не всегда получали поддержку Олевского. Так, предложение вызывать к чтению Торы первым, как этого требует традиция, не *коэна* (потомок первосвященников, который в этой ситуации не обязан жертвовать на нужды общины), а рядового члена общины было встречено с определенным пониманием (разделы

²⁵ Предисловие Бродоцкого датировано началом 1925 г., и он, конечно же, не мог предугадать скорый выход в свет в Харбине респонсов р. Аарона-Моше Кисилева. См. [Kisilyov 1926].

1–2), тогда как призыв ставить в шабат и праздники на синагогальную *биму* (возвышение) два-три стола для параллельного чтения Торы и, соответственно, увеличения числа вызванных к свиткам потенциальных жертвователей, вызвал однозначный запрет (разделы 3–4). На запрос же Бродоцкого о возможности захоронения евреев не в саване, а в одежде, как это принято у неевреев, р. Олевский ответил разрешением хоронить на еврейском кладбище в одежде, даже если нет возможности сделать это в стороне от других могил, ибо «не должно нам силой отдалять от себя этих людей и допускать, чтобы их похоронили на чужом кладбище, и через это их потомки отдалятся от еврейства» (раздел 32).

На этом фоне особый интерес представляет заданный в конце 1925 г. вопрос Бродоцкого о том, могут ли женщины участвовать в общинных выборах (о чем идет речь в письме р. Олевского главе раввинского суда в белорусском Полоцке р. Шломо-Залману Аксельроду) (раздел 88). Как оказалось, согласно протоколам еврейской общины Иркутска, ее лидеры еще в 1913 г. приняли решение о предоставлении женщинам права участвовать в голосованиях по общинным делам. Выражая сожаление о невозможности противостоять духу времени, р. Олевский в целом полагает, что, когда речь идет об интересах общины, нет проблемы в том, чтобы «мудрые и скромные» женщины пришли и проголосовали отдельно. И даже тот факт, что реальное положение вещей в том, что касается «скромности поведения», далеко от того, какое хотелось бы видеть, не является достаточной причиной раздувать ненужные склоки. По совету самого р. Олевского Бродоцкий переслал этот ответ в Двинск р. Розину, который однозначно заявил, что мнение женщин в делах управления общиной нерелевантно в любом случае и что нет на них обязанности «назначать над собой судей».

Последний раздел «Хаей олам ната» (#90) посвящен реакции р. Олевского на вышеприведенное мнение р. Розина — «не в рамках галахи, а в качестве предложения и материала для обсуждения», по его собственному тактичному выражению. Р. Олевский упоминает *херем* (бойкот), который ряд авторитетных раввинов, включая р. Розина, объявили сионистским лидерам от имени ортодоксального лагеря в 1925 г. в связи с избранием женщин полноправными членами *Ваад Леуми*, Национального комитета евреев в подмандатной Палестине (о чем он, по его словам, прочитал в дошедшем до Иркутска иерусалимском ортодоксальном еженедельнике *Kol Yisrael* от 10 ноября 1925 г.)²⁶. По мнению р. Олевского, «если в этом деле нет других препон и речь идет только о запрете [на участие женщин], то не стоит из-за этого так сотрясать основы мироздания, т. к. вполне можно найти компромисс: женщины могут голосовать отдельно» и т. п. Р. Олевский позволил себе усомниться в позиции признанных религиоз-

²⁶ О позиции ортодоксального лагеря в вопросе о правах женщин в подмандатной Палестине, см. [Boaz 2002, 120–121].

ных авторитетов: «Из трактата “Сангедрин” (576) мы учим, что женщина не обязана назначать судей, но где сказано, что ей это запрещено?».

Посредством обращения к авторитетным раввинам Розину и Аксельроду р. Олевский открыто призвал глав ортодоксального лагеря в Стране Израиля и за ее пределами не раздувать огонь ненависти и склок из-за спора о правах женщин:

Пришло время пробудить спящих ото сна, разъяснить народу разницу между главным и второстепенным, чтоб не дай Б-г не забылась Тора в Израиле. Неужели это путь благочестия, чтобы в час, когда Тора оделась в рубище и пылает огненным факелом, вы, кедр ливанский, гиганты Торы, рулевые нации, хотите потушить ее раздорами, ненужными бойкотами и запретами? Положите этому конец, очнитесь! Не этим спасете вы Израиль, ибо лишь в спокойствии услышаны будут слова мудрых...

По своему обыкновению, р. Олевский пространно рассуждает по каждому пункту, затронутому р. Розиным, и его аргументы, несомненно, заслуживают самого пристального внимания. При этом суть своей «революционной» позиции он излагает как бы между прочим в примечании на стр. 331:

В условиях Восточной Сибири и моей должности я был вынужден часто общаться с людьми, которые на первый взгляд далеки от нас, как далек Восток от Запада... Однако факты требуют признать, что «здесь встретились небо и земля», т. е., и тот человек, в котором взгляд со стороны не заметит почти ничего общего с ортодоксальным иудаизмом, глубоко-глубоко внутри еврей в полном смысле слова, и его тонкая душа разрывается на части при виде разлада в еврейском стане. А сколько таких отдавали и отдают все силы на благо еврейства, от всего сердца и с огромным энтузиазмом? Я восхищаюсь этими людьми, и поэтому я говорю своим далеким коллегам, что иногда излишняя ревность приводит не к улучшению, а к поражению. Сердце подсказывает мне, что если мои уважаемые учителя будут чаще разговаривать с «врагами во вратах» [Псалмы 127:5], то они поймут, что нет здесь врагов, а только сердечные друзья... Те, что выглядят разрушителями и преследователями из наших братьев, на самом деле в большинстве своем всей душой с народом Израиля, во главе которого стоите вы, мои наставники...

Голос из далекой Сибири вряд ли мог существенно повлиять на лидеров ортодоксального еврейства (кризис на выборах в еврейское самоуправление в 1925–1926 гг. можно рассматривать как часть постепенного процесса их отдаления от совместного с сионистскими партиями участия в еврейской политической жизни в подмандатной Палестине). Однако сам факт того, что он прозвучал в разгоревшейся дискуссии об-

щенационального масштаба, вкупе с отразившейся в респонсах «Хаей олам ната» деятельностью, дает основание по-новому взглянуть как на личность р. Натана-Неты Олевского, так и на сибирскую составляющую его религиозно-философского наследия.

Источники

- Aleksandrov 1932 – *Aleksandrov Sh.* Mikhtavey mehkar ubikoret ‘al dvar hayahadut veharabanut bazman haaharon. Yerushalaim: Dfus Lifshits, 1932.
- Arik 1925 – *Arik M.* Sefer sheelot u-teshuvot imrey yosher. Vol. 2. Krakow: M. Lenkowicz, 1925.
- Brodotski 1925 – *Brodotski I. Ts.* Petah hasha’ar // *Olevski, N. N.* Sheelot u-teshuvot haey ‘olam nat’a. Vilna: Dfus Garber, 1930/31. P. VII–IX.
- IDC-237045 – War Prisoners in Siberia // Item 237045. The American Jewish Joint Distribution Committee Archives.
- Интервью 2020 – Интервью с внуком р. Олевского проф. Александром Олевским, 12 июля 2020.
- Katsenelenbogen 1923 – *Katsenelenbogen D. T.* Sefer meayan mey neftoah. Петербург (sic!): Красный агитатор, 1923.
- Katsenelenbogen 1928 – *Katsenelenbogen D. T.* Sefer gam ele divrey david. Ленинград: Dfus H. Itzkowski, Berlin, 1928.
- Kisilyov 1926 – *Kisilyov A. M.* Sefer mishberey yam. Харбин: Типография М. Л. Левитина, 1926.
- Конференция 1952 – Конференция всех церквей и религиозных объединений в СССР в защиту мира (Хроника) // Журнал Московской Патриархии. 1952. Т. 6. С. 5–9.
- Krasilshchikov 1926 – *Krasilshchikov I. A.* Sefer tvuna be-Mishne tora la-Rambam. Полтава: Типография имени Петровского, 1926.
- Makovski 1930 – *Makovski Ts.* A noytik brivele: ‘al mitsvat hatvila bemey mikve. Piotrkow-Trybunalski: Dfus B. Libeskind, 1930.
- Makovski 1935 – *Makovski Ts.* Sefer sheelot utshuvot yahave da’at. Yerushalaim: Dfus H. Tsukerman, 1935.
- Милон 1919 – Милон шел кис (Карманный словарь). Сост. И. Гразовский при соучастии И. Клаузнера. Иркутск: Центральное сионистское бюро, 1919.
- NLI 6775=38 – *Olevski N. N.* Haey ‘olam nat’a. Иркутск, конец 1920-х гг. Ms. Heb. 6775=38 (рукопись), Национальная библиотека Израиля в Иерусалиме.
- Olevski 1913 – *Olevski N.* [Siman] 25 // *Ha-Measef*. Vol. 2/3 (1913). P. 33a–34b [6–9].
- Olevski 1930/31 – *Olevski N. N.* Sheelot u-teshuvot haey ‘olam nat’a. Vilna: Dfus Garber, 1930/31.
- Olevski 1992 – *Olevski N. N.* Sheelot u-teshuvot haey ‘olam nat’a. Monroe NY: Dfus Brokh, 1992.

- Olevski 1995 – *Olevski N. N. Sheelot u-teshuvot haey 'olam nat'a*. Yerushalaim: Makhon Yerushalaim, 1995.
- Olevski 1998 – *Olevski N. N. Meorot Natan / Berakh Moshe*. Yerushalaim: Makhon Yerushalaim, 1998.
- Olevski 1999 – *Olevski N. N. Meir eyney yisrael*. Yerushalaim: Makhon Yerushalaim, 1999.
- Olevski 2011 – *Olevski N. N. Shu"t haey 'olam nat'a / Neta revay*. Yerushalaim: Makhon Yerushalaim, 2011.
- Sidur 1919/20 – *Sidur safa brura*. Иркутск: Национальный совет евреев Сибири и Урала, 1919/20.
- Sidur hashalom 1956 – *Sidur hashalom: tfilot lekol hashana* (Молитвенник Мир: Молитвы на весь год) / Ed. by Sh. Shlifer. Москва: Издание Московской еврейской религиозной общины, 1956.
- Словарь 1919 – *Полный русско-еврейско-немецкий словарь*. Сост. А. Бен-Иегуда при участии И. Гразовского. Иркутск: Центральное сионистское бюро, 1919.
- Stalevits 1937 – *Stalevits M. Sefer shu"t mibeyt meir, sefer sheni*. Yerushalaim: Dfus "Tsion", 1937.

Литература

- Altshuler 2007 – *Altshuler M. Yahadut bamakhbesh hasovyeti: beyn dat lezehut yehudit be-Vrit hamo'atsot, 1941–1964*. Yerushalaim: Merkaz Zalman Shazar, 2007.
- Берман и Кержнер 2019 – *Берман Е., Кержнер А. Историческое и культурное наследие казенного раввина Иркутска Соломона Бейлина // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15(4). С. 131–140.*
- Boaz 2002 – *Bo'az H. Parashat hama'avak 'al zkhut habhira lenashim betkufat hayishuv: hastatus kvo veyetsirat kategoriot hevratiot // Teoria ve-bikoret. 2002. Vol. 21. P. 107–132.*
- Boksboym 2011 – *Boksboym Y. Mavo // Olevski N. N. Shu"t haey 'olam nat'a / Neta revay*. Yerushalaim: Makhon Yerushalaim, 2011. P. 7–16.
- Верхотуров 2015 – *Верхотуров Д. Сталин и евреи*. Москва: Яуза-пресс, 2015. 256 с.
- Гимельштейн и Караваева 2018 – *Иркутск еврейский: двести сюжетов из жизни 200-летней общины*. Ред. А. Гимельштейн и Ю. Караваева. Иркутск: Востсибкнига, 2018. 304 с.
- Grinboym 1994 – *Grinboym A. Rabaney brit hamo'atsot beyn milhamot ha'olam: homer leleksikon bio-bibliografi*. Yerushalaim: The Hebrew University in Jerusalem, 1994.
- Doar hayom 1932 – *Rav gadol ba'ir // Doar hayom. 1932. Sept. 1. P. 4.*
- Javits... 1964 – *Javits Denounces Moscow on Jews; Sees 'Hypocrisy' in Article Depicting Religious Life // The New York Times. 1964. March 14. P. 4.*

- Jewish Post 1965 – USSR Seen Trying to Sway Criticism of Policy on Jews // Jewish Post. 1965. Jan. 8. P. 6.
- Fogel 2011 – *Fogel D. I.* ‘Letaken ma sheefshar letaken bedvarim nohim, bilshon ahava vehiba’: derekh psikato shel raba haroshi shel Harbin r’ Aharon Moshe Kisilev ‘al pi hiburo Mishberey yam // *Mizrek: Jewish Studies in the Far East*. Ed. by B. Kotlerman. Vol. II. Frankfurt-am-Main: Peter Lang, 2011. P. 260–274.
- Кальмина 2003 – *Кальмина Л.* Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. — февраль 1917 г.): дис. ... канд. ист. наук. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2003. 583 с.
- Kotlerman 2014 – *Kotlerman B.* Ha’olam hatarbuti shel yehudey Brit hamo’atsot, 1919–1949 // *Yehudey Rusia bamea ha’esrim*, Vol. 2. Unit 4. Raanana: The Open University of Israel, 2014. P. 9–205.
- Rozin 1964 – *Rozin S.* Rabbi Honored in Moscow // *USSR Illustrated Monthly*. 1964. Vol. 3(90). P. 58–59.
- Shvarts 1993 – *Shvarts D.* Beyn Berlin, Lita vemaMizrah harahok: ‘al kama shu”t ve’tikun behashmata’ // *Kiryat-sefer*. Vol. 64/3. 1993. P. 1077–1087.
- Троицкосавск 1901 – Троицкосавск // *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. Т. XXXIIIа. Санкт-Петербург: Типография Акц. Общ. “Изд. дело”, 1901. С. 883.
- Чарный 2007 – *Чарный С. А.* Советская контрпропаганда по «еврейскому вопросу» во время антирелигиозной кампании 1958–1964 гг. // *Новый исторический вестник*. 2007. Т. 15. С. 108–116.
- Чарный 2008 – *Чарный С.* Государственная политика в отношении еврейских религиозных общин в период «оттепели» (1953–1964): дис. ... канд. ист. наук. Москва: Научно-информационный и просветительский центр «Мемориал», 2008. 214 с.

R. Nathan-Neta Olevski’s *Eternal Life* (Vilna, Ust-Uda, Cheremkhovo, Irkutsk, Moscow)

Ber Kotlerman

(Ramat Gan, Israel)

Professor, Head, The Sznajderman Chair in Yiddish Culture and Hasidism;

Department of Literature of the Jewish People, Bar Ilan University

E-mail: Ber.Kotlerman@biu.ac.il

ORCID: 0000-0001-7007-9330

Abstract: The article reviews the philosophic-religious heritage of R. Nathan-Neta Olevski, Irkutsk chief rabbi in 1919–30, who became later one of the most prominent Jewish

religious figures in the USSR. His collection of responsa, *Haye Olam Nata (Who Has Implanted Eternal Life, 1930/1)*, his only book published in his lifetime, can be considered as the most substantial Halachic work ever written in Siberia that preserved its value for the Orthodox Judaism until today (it was republished three times from 1992–2012, in the United States and Israel). The article is focused on unique information mentioned within R. Olevski's responsa about "internal life" of various Jewish communities in Siberia during WW1, The Russian Civil War, and the first decade of the Soviet regime.

Keywords: Soviet rabbinic writing, Orthodox Judaism, rabbinic court, Jews in the USSR, Irkutsk Jewish religious community, Maryina Roshcha synagogue, USSR Council for the Affairs of Religious Cults, agunot, Jewish POWs

References

- Altshuler, M., 2007, *Yahadut bamakhbesh hasovyeti: beyn dat lezehut yehudit bevrit hamo'atsot, 1941–1964* [Judaism in the Soviet Vise: Between Religion and Jewish Identity in the Soviet Union, 1941–1964]. Jerusalem, Zalman Shazar Center, 554.
- Berman, E.A., and A.G. Kerzhner, 2019, Istoricheskoe i kul'turnoe nasledie kazennogo ravvina Irkutska Solomona Beilina [Historical and Cultural Heritage of the Official Rabbi of Irkutsk Solomon Beilin]. *Izvestia Laboratorii drevnikh tekhnologii*, 15 (4), 131–140.
- Boas, H., 2002, Parashat hamaavak 'al zkhut habhira lenashim betkufat hayishuv: hastatus kvo veyetsirat kategoriot hevratiot [The Case of the Struggle for Women Suffrage in the Twenties: The Status Quo and the Fabrication of Social Categories]. *Teoria ve-bikoret*, 21, 107–132.
- Fogel, D. I., 2011, "Letaken ma sheefshar letaken bedvarim nohim, bilshon ahava vehiba": derekh psikato shel raba haroshi shel harbin r' aharon moshe kisilev 'al pi hiburo mishberey yam [Some Adjudication Principles of the Chief Rabbi of Harbin Aaron Moshe Kisilev according to His Responsa Mishberey Yam]. *Mizrek: Jewish Studies in the Far East*, ed. B. Kotlerman, 260–274. Frankfurt-am-Main: Peter Lang, 286.
- Kotlerman, B., 2014, Ha'olam hatarbuti shel yehudey brit hamo'atsot, 1919–1949 [The Cultural World of Soviet Jewry, 1919–1949], *Yehudey Rusia bamea ha'esrim* [The Jews of Russia in the 20th Century], 2, 9–205. Raanana: The Open University of Israel, 394.
- Schwartz, D., 1993, Beyn berlin, lita vehamizrah harahok: 'al kama shu't ve"tikun behashmata" [Between Berlin, Lithuania and the Far East]. *Kiryat-sefer*, 64/3, 1077–1087.
- Charnyi, S.A., 2007, Sovetskaya kontrpropaganda po "evreyskomu voprosu" vo vremya antireligioznoy kampanii 1958–1964 gg [Soviet Counter-propaganda Regarding the "Jewish question" during the 1958–1964 Anti-religious Campaign]. *Novyi istoricheskii vesnik*, 15, 108–116.

Геннадий Эстрайх

(Нью-Йорк, США)

Профессор,

Отделение гебраистики и иудаики

Нью-Йоркский университет

E-mail: ge293@nyu.edu

ORCID: 0000-0002-7885-7851

Иосиф Бренер

(Биробиджан, Россия)

Кандидат культурологии, старший научный сотрудник

Институт комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН,

Научно-просветительский центр изучения и сохранения исторического

и культурного наследия Еврейской автономной области

E-mail: brener_iosif@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3322-5188

«Биробиджанское поколение»: строительство местечка на Дальнем Востоке

Аннотация: В статье предпринята попытка осмыслить проект строительства еврейской автономии на Дальнем Востоке. С самого начала, то есть с 1928 г., Биробиджан строился без четкого плана, а наличие какого-то плана вообще обычно сочеталось с его неисполнением. Репрессии дважды – в 1930-е и в 1940-е – ослабляли Еврейскую автономную область (ЕАО), которая по составу населения в этот период было мало развита в профессиональном отношении. Превращение Биробиджана в значительный научный и культурный центр осталось мечтой энтузиастов строительства ЕАО. Даже инфраструктура города и его коммуникации стали развиваться только в 1960-е г. (появилось более или менее современное жилье, была создана городская инфраструктура). Биробиджан оставался провинциальным городом с еврейским меньшинством, уровень образования которого был во много раз ниже среднего уровня образования советских евреев. Вместо нового города, образца современного градостроительства, как это предусматривали архитектурные чертежи начала 1930-х годов, на берегу Биры выросло, по сути дела, местечко, просуществовавшее до 1990-х, когда подавляющее большинство евреев покинуло ЕАО.

Ключевые слова: Биробиджан, национальная политика, евреи СССР, градостроительство, человеческий капитал.

DOI: 10.31168/2658-3364.2021.1.09

Для того, чтобы построить замечательный город, создайте сначала замечательный университет и обождите 200 лет.

*Дэниэл Патрик Мойнихэн,
американский государственный деятель и социолог*

Столица Еврейской автономной области – Биробиджан того времени [1980-е] – небольшой (около 80 тыс. жителей) городок с ярко выраженным налетом местечковости.

*Виктор Евтушенко,
генерал-лейтенант, бывший начальник
Управления КГБ по Еврейской автономной области*

В первые годы после Великой Отечественной войны появилась надежда, что Еврейская автономная область (ЕАО), часто именуемая Биробиджаном по названию ее административного центра и по тому, как вся территория области вначале называлась (по двум рекам: Бира и Биджан), получила возможность значительно увеличить свое население и повысить статус до уровня автономной республики. В это время в советской еврейской прессе и литературе создавался образ нового «биробиджанского поколения». В 1947 г. этот термин появился в названии одного из рассказов Самуила Гордона, а в 1948 г. – в названии поэтического сборника «Биробиджанское поколение» Арона Вергелиса. Гордон познакомился с жизнью в ЕАО в качестве литературного гостя, а Вергелис прожил здесь несколько лет в детстве и ранней юности. В 1940 г. он получил членский билет Союза писателей как биробиджанский поэт. По этой категории в тот же день членами Союза писателей стали Эммануил Казакевич и Бузи Миллер [Эстрайх 2015, 215].

Гордон был рад найти в Биробиджане «поколение, которое уже не знает другого дома. Для этих молодых людей все здесь кажется естественным – тайга, сопки, большая и трудная работа, которую они делают. Рассказы о бывшей жизни в местечках кажутся им неестественными». И тем не менее «в покое накануне выходного дня (воскресенья)» Гордон неожиданно узнал приметы традиционной местечковой жизни. Он увидел «нарядно одетых женщин, сидящих около своих домов, щелкая орехи в ожидании того момента, когда их мужья и дети вернутся из бани». В самую жару – солнце только начинало садиться – эти женщины закутались в шелковые шали, сохранившиеся у них с тех времен, когда они ходили в гости по субботам или еврейским праздникам. Из раскрытых дверей и окон доносился аромат фаршированной рыбы и морковного цимеса. Местечковые аллюзии московского писателя разозлили партийное руководство ЕАО. В марте 1948 г. в ЦК доложили, что Гордон симпатизирует старым национальным и религиозным традициям [Эстрайх 2006, 39–40].

Попытаемся разобраться, стал ли Биробиджан местечком. Для этого надо договориться о том, что мы понимаем под местечком. Можно дать много определений, учитывающих различные исторические, культурные, экономические, социальные и даже одорологические (запах фаршированной рыбы и цимеса) аспекты этого феномена центрально- и восточноевропейской жизни, но для дальнейшего анализа нам важно следующее: местечко – это небольшой провинциальный город со значительным еврейским населением, отличающийся ограниченным рынком труда, особенно для квалифицированных специалистов, а также ограниченным доступом к образовательным, научным и культурным сферам жизни.

Биробиджанский район

Если летоисчисление строительства еврейской автономии на Дальнем Востоке СССР вести с 1928 г., то уже можно приступить к подготовке празднования столетнего юбилея Биробиджана. Правда, все еще неясно при этом, как именно представляли себе руководители страны развитие биробиджанского проекта? История принятия кремлевскими небожителями каких-либо решений вообще загадочна. Биробиджан – одна из таких загадок. Остается только *предполагать* и ждать, когда в недооткрытом или недоисследованном архиве будет обнаружен документ, объясняющий ход мыслей тех людей, чьи декреты и постановления стали судьбоносными для многих десятков тысяч советских и зарубежных переселенцев, навсегда или на какой-то срок связавших свою жизнь с еврейской автономией на Дальнем Востоке. Правда, может оказаться, что никакого *конкретного* плана вовсе и не было.

Судя по всему, активную или даже центральную роль в возникновении дальневосточной еврейской автономии сыграл Михаил Калинин, оставшийся в исторической памяти добродушным «всесоюзным старостой» советского государства. В советских и зарубежных еврейских кругах он стал популярной фигурой – борцом с антисемитизмом в СССР и сторонником создания еврейских автономных территорий [Miller 1974, 61–65]. Не случайно первый еврейский национальный район, официально появившийся в 1927 г. в Украине, получил название Калининдорфского, а в Биробиджане имя Калинина получила одна из первых улиц города и средняя школа № 1. По заданию Калинина Комитет по земельному устройству еврейских трудящихся (КОМЗЕТ) искал во второй половине 1920-х дополнительное место для еврейской автономии – более просторное и менее населенное, чем в Украине (где тем не менее будут созданы еще два еврейских района) и в Крыму (где тоже будут образованы два подобных района).

Обратим внимание на то, что Биробиджанский район в составе Дальневосточного края не имел в своем названии слова «еврейский», словно власть предержащие еще не были уверены в успехе этого начинания. Характерно, что районная газета «Биробиджанер штерн» («Биробиджанская звезда»), идея издания которой была предложена в Москве (при этом решение райкома о начале ее издания принято в октябре 1930 г.), выходила на двух языках – идише и русском [ГА ЕАО, Ф. 6-П. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.], тогда как в еврейских национальных районах Украины и Крыма предпочтение отдавалось газетам на идише. Макс (Мотл) Кипер, председатель Центрального бюро еврейских секций компартии Украины, писал в 1929 г.:

В прошлом году было положено начало еврейскому переселению в Биро-Биджан [поначалу было принято такое написание – *прим. авторов статьи*]. Между тем основная работа ведется на Украине, в Крыму и Белоруссии. Но свободные земельные площади в тех краях исчерпываются, и в ближайшем будущем Биро-Биджан займет важное центральное место в еврейской колонизации [Кипер 1930, 5].

Иными словами, ничего особенного с точки зрения общей стратегии вроде бы не произошло. Судя по всему, Биробиджан поначалу многими рассматривался в качестве дополнительного, но отнюдь не главного объекта еврейской колонизации [Романова 2008, 13]. К концу 1920-х ожидалось увеличение числа переселенцев вследствие сворачивания НЭПа и почти полной ликвидации частной торговли в местах бывшей черты оседлости, а также безработицы у значительной части кустарей из-за нехватки сырья [Волошинова 2013, 285]. Оставшихся без средств существования людей надо было как-то занять и куда-то девать.

Биробиджан привлекал не только малой заселенностью, но и отсутствием предыстории. Еврейские колонии Украины, на основе которых сформировались национальные районы, были созданы еще царской администрацией, а первые крымские колонии служили зачастую временным пристанищем молодых сионистов. Хотелось чего-то нового («мы наш, мы новый мир построим»), полностью своего, созданного с чистого листа и не по инициативе снизу (этого в СССР не любили), а сверху, прямо из Кремля, если не от Сталина, то хоть от Калинина. Неслучайно роман «Красные поля», который американский еврейский писатель Перец Гиришбейн написал после многомесячного созерцания жизни крымских колонистов в 1928 и 1929 г., завершается тем, что главные герои принимают решение перебраться в Биробиджан, чтобы там создать еврейскую социалистическую нацию с самого начала «на правильной основе», а не «с середины», как в Крыму, куда евреи перенесли свой прежний жизненный уклад [EstraiKh 2006a, 72, 79].

Важно было также, чтобы дальневосточное местное население не очень возмущалось появлению там евреев. Абрам Мережин, функционер и один из руководителей еврейских секций компартии, усматривал в еврейской колонизации преграду для китайского и корейского заселения этой территории и утверждал после поездки в апреле 1928 г. в Биробиджанский район, что местные русские, в основном казаки, и корейцы не были склонны к антисемитизму. Более того, он верил, что они даже обрадуются приезду евреев (тут напрашивается сравнение с верой сионистов в то, что арабы должны радоваться приезду в Палестину евреев как носителей цивилизации).

Казака Мережин характеризовал так: «...примитив, но честный, не знающий задних мыслей, прямой. За словом следует дело. Почти нет там воровства». Бóльшую тревогу у него вызывали евреи: «...у некоторой части еврейских переселенцев – другое прошлое, другое воспитание, а потому и характер другой, отношения другие. <...> вы еще теперь услышите от нашего переселенца иногда, как он без конкретного повода называет нееврея “дер хазер” [свинья]» [Мережин 1928, 8–18]. В 1929 г. в одном из своих выступлений Мережин отмечал, что «между амурскими казаками и переселенцами-евреями происходит сближение настолько большое, что и еврейским переселенцам хочется также называться казаками: мол, они казаки, и мы казаки. Подобного рода настроения могут явиться отнюдь не в атмосфере антисемитизма» [Проблемы Биробиджана 1929, 14].

Действительно, антисемитские настроения не найдут широкого распространения среди местных жителей, хотя и останутся проблемой в последующие годы [Романова, Королев 2008, 1–8]. Представленную Мережиным картину скорректирует Менахем Кадышевич, из журналиста переквалифицировавшийся в историка дальневосточного проекта. Кадышевич полагает, что бóльшая часть местного населения «гораздо менее, чем в других местах Советского Союза отравлена ядом старых предрассудков», но все-таки...

Чудес не бывает на свете, нет их и в Биробиджане. <...> В Биробиджане, однако, кроме казаков, живут и крестьяне, переселившиеся туда из Украины и других мест. У них сохранились определенные представления о евреях, завезенные ими еще с родины [Кадышевич 1931, 9–10]¹.

Согласно правительственной инструкции от 7 сентября 1928 г. «Об организации переселения трудящихся евреев на Дальний Восток»,

¹ Из примерно 15 000 казаков, живших в тех краях в 1900-е гг., к началу 1920-х оставалось не более 600, см.: [Ryansky 1992, 19].

При отборе семей для переселения и при разрешении вопроса о первоочередности необходимо исключительно исходить из основной цели земельного устройства трудящихся евреев – привлечения к производительному труду тех элементов еврейского населения, которые не имеют возможности к переселению на землю, главным образом, лиц без определенных занятий, мелких торговцев, представителей наиболее отсталых, не находящих себе применения ремесла в местах их постоянного жительства, длительно безработных служащих и рабочих и т. д. [Кутовая 2016, 159].

Мережина беспокоило, что на самом деле многие переселенцы были людьми с профессией, прежде всего ремесленники. По его мнению, это означало, что «мы ударяемся в какое-то народничество, и земледелие становится каким-то священным занятием, самоцелью» [Мережин 1928, 51]. Действительно, проект еврейской колонизации стал своеобразным продолжением программы «продуктивизации», проводившейся царской администрацией в XIX в., когда немало усилий и средств было вложено, в частности, в создание еврейских колоний на юге империи, в нынешней Украине [см., например: Погромский 2014, 23–27]. Новый советский еврей тоже виделся пахарем, сеятелем и животноводом. Работой «Агро-Джойнта», главного зарубежного спонсора сельскохозяйственной колонизации евреев в европейской части СССР, руководил агроном Джозеф (Иосиф) Розен. Рожь выведенного им сорта (Rosen rye) широко культивировалась и все еще не забыта в США. При желании Розена можно также считать создателем советских машинно-тракторных станций [Такао 2002]. При этом той экспедицией, отчет которой подтолкнул к началу биробиджанского проекта, руководил главный агроном КОМЗЕТА Борис Брук [Бренер 2005, 206–207]. Трактористы стали, по словам Мережина, «биробиджанской аристократией» [Мережин 1929, 76].

В результате продуктивной работы на земле должен был измениться облик еврея. Нарком здравоохранения Николай Семашко писал, что сельскохозяйственный труд оставит в прошлом тип еврейского ремесленника и мелкого торговца, который «ходил, быстро-быстро перебирая ногами, сутулясь, точно вечно стараясь прошмыгнуть незамеченным, чтобы избежать оскорблений антисемитов». Совсем другого еврея он был рад увидеть в сельскохозяйственных колониях:

Вместо юркой и нервной походки сейчас они шагали крепкими широкими шагами уверенных в себе земледельцев.

Совершенно изменилась также их манера говорить: вместо быстрой, нервной, пулеметной речи, свойственной евреям царской России, сейчас они говорили со мной уверенным, медлительным, ясным голосом земледельцев-колхозников, находящихся на прочной почве, людей, принимающих участие

в разрешении всех деталей сложного коллективного хозяйства [Семашко 1934, 8. См. также *Dekel-Chen* 2007].

Вокруг сельскохозяйственной «продуктивизации» создавались научные теории о благотворной биологической трансформации евреев [Weinberg 2007]. Одним из образцов для подражания должен был стать казак. Неслучайно в фильме «Искатели счастья» еврейская красавица Роза влюбляется в казака Корнея и выходит за него замуж. Важно было показать, что евреи стали даже сильнее казаков или, по крайней мере, не уступали им [Эстрайх 2014, 314–327].

Мечты о городе Солнца

В отличие от пяти еврейских национальных районов в европейской части СССР, биробиджанский проект включил в себя строительство города. При всей романтике сельской жизни переселенцы все-таки обычно предпочитали городскую среду обитания. В 1931 г. селение Тихонькая (и расположенная рядом железнодорожная станция с таким же названием) было причислено к категории рабочих поселков и получило наименование «Биробиджан», а в 1937 г. Биробиджан приобрел статус города [ГА ЕАО, Ф. Р-75. Оп. 1. Д. 49. Л. 51.]. С приездом переселенцев там стали появляться артели на манер местечковых: смолокурная, кирпичная, сапожная, чулочная, столярная, артель по изготовлению чемоданов. Флагманами биробиджанской промышленности стали обозная артель «Колесо революции», а также артель гнутой мебели, переехавшая вместе с каким-то оборудованием из украинского местечка Малин (сейчас город Житомирской области) и успешно использовавшая местную древесину для изготовления так называемых венских стульев [Ванеев 1931, 82; Кадьшевский 1931, 9–10, 30].

Строительство города давало возможность помечтать о создании чего-то большего, чем поселок местечкового типа. Еврейские функционеры и литераторы хотели увидеть здесь культурный или даже научный центр, город с фабриками и заводами, тем более что и правительство все больше интересовало укрепление этого пограничного района. Из Москвы прибыла группа архитекторов во главе с профессором Ханнесом Майером, переехавшим в СССР из Германии, где в течение двух лет он возглавлял «Баухаус» – Высшую школу строительства и художественного конструирования, создавшую новое направление в архитектуре и дизайне [Бренер 2009]. У многих, в том числе у еврейских писателей, захватило дух от нарисованной им картины будущей жизни на берегу Биры.

Давид Бергельсон, заметная фигура в еврейских литературных кругах, впервые посетил Биробиджан в 1932 г. в качестве зарубежного гостя

и стал энтузиастом этого проекта. Вскоре из-под его пера вышла книга «Биробиджанцы». Московское издательство еврейской литературы «Дер эмес» подписало книгу в печать 11 апреля 1934 г., незадолго до окончательного возвращения Бергельсона из эмиграции [Литературная газета 1934а]. В уста героев повествования Бергельсон вложил и свое толкование майеровского видения будущего города:

...на правом берегу Биры, вокруг сопки. Бира с ее каналами прорежет будущий город, как Шпрее прорезает Берлин, а Сена – Париж. Сопка останется в самом центре города. Туда, как в швейцарских горах, поведет фуникулер. Представьте себе большой, оживленный город с множеством фабрик на окраинах, полностью социалистический город в бесклассовом обществе, а в его центре – большущая зеленая сопка. На вершине сопки <...> было бы хорошо разместить большой санаторий для рабочих. <...>

А еще выше санатория на высоченном пьедестале будет стоять памятник: Ленин с вытянутой рукой. По ночам он будет так ярко освещен, что его можно будет увидеть и на той стороне границы [Bergelson 1934, 147–148].

Гирш Блоштейн, изгнанный из Аргентины за редактирование просоветского еврейского журнала, поселился в СССР и, как и Бергельсон, навестил Биробиджан. В его зарисовках будущее города сталкивается с настоящим. К концу второй пятилетки, то есть к 1937 г., город «протянет свои прямые, красивые улицы по левому берегу Биры у подножья сопки. Молодой, красивый, кипучий социалистический город. Над его планом работает группа архитекторов и инженеров-специалистов». Но пока всего этого нет, и город «строится как попало». «Иду и оглядываюсь, – пишет Блоштейн далее. – Мне кажется, что я нахожусь в большом лагере временных жилищ» [Блоштейн 1934, 11]². Но ни вид города, ни погода не остудили энтузиазм писателя: «Дождь... Как видно, дождь зарядил на целый день, но я думаю: светит солнце. Над Биробиджаном восходит солнце, наше большое социалистическое солнце, солнце трудовой и свободной жизни» [Там же].

Солнце не давало покоя воображению еврейских писателей. Бергельсон и его молодой брат по перу Эммануил Казакевич будут утверждать, что в Биробиджане солнце светит в три раза ярче, чем где-нибудь в Бердичеве, Минске или Киеве, и что «это солнце, вместе с солнцем социалистической родины, придает людям здоровье и силу» [Bergelson, Kazakevich 1939, 13–14]³. Таким образом, чтобы стать физически крепким

² Хаотичность застройки отмечал и посетивший Биробиджан издатель еженедельника «The American Hebrew» [Brown 1933].

³ Судя по орфографии, эта брошюра была напечатана исключительно для распространения за рубежом (в СССР практиковалась своя система написания).

новым человеком, необязательно заниматься сельскохозяйственным трудом. Биробиджанское солнце несло здоровье не только крестьянам, но и жителям города, которому, несмотря на многие надежды, не суждено было стать воплощением проекта Майера, пытавшегося реализовать марксистскую идею о преодолении различия между городом и окружающей его средой. Отношение к зарубежному архитектору быстро менялось, против замыслов Майера выступали советские коллеги, да и город застраивался по большей части хаотично [Richardson 1989, 161; Райш 2016, 53].

Вмешались и другие обстоятельства. Из письма Наркомхоза РСФСР – с резолюцией «не подлежит оглашению» – мы узнаем, что в мае 1934 г. «часть территории, предположенная по проекту для строительства первой очереди, изъята Наркоматом обороны из ведения города» и «уже освоена в основном под строительство военного городка». При этом было понятно, что «изыскание новых территорий, взамен изъятых НКО и необходимых для расселения дополнительного расчетного населения, представляет значительные трудности, так как близлежащие к городу земли расположены в пойме реки и подвержены заливанию и заболачиванию» (Бренер 2009, 133–134).

Но утопия города Солнца на Дальнем Востоке продолжала жить. В конце 1940-х гг. Соломон Дэвидман, американский коммунист-педагог, рассказал своим ученикам, как издалека ему виделась жизнь в счастливой еврейской автономии:

...евреи вспахали землю, построили дома, открыли школы для молодых и старых, а также организовали театры и клубы для развлечений. Все мужчины и женщины работают три часа в первой половине дня, потом они возвращаются домой, обедают и отдыхают. Во второй половине дня они снова работают. Вечерами они идут в театр или на концерт [Davidman 1948, 14–17].

Создание области

1934 г. стал переломным в истории Биробиджана. 7 мая решением правительства на карте страны появилась Еврейская автономная область, хотя к тому времени восемь тысяч поселившихся там евреев составляли всего 16% местного населения [Иванов 2020, 205]. 28 мая Калинин встретился с группой московских рабочих и работников еврейской печати (приглашен был и Бергельсон, к тому времени уже прибывший в Москву и успевший стать членом только что созданного Союза писателей [Литературная газета 1934б]), чтобы разъяснить, как надо понимать суть происходящего:

Основная причина [создания области], что у нас евреев очень много, а государственного образования у них нет. Это единственная в Союзе ССР национальность, насчитывающая до 3 млн населения и не имеющая государственного образования. <...> Я думаю, что лет через десять Биробиджан будет важнейшим, если не единственным, хранителем еврейской социалистической национальной культуры. <...> Я считаю, что образование этой области, оно как бы поставило на ноги национальность или, вернее, подвело советский фундамент под еврейскую национальность в СССР. <...> Я считаю, что биробиджанская еврейская национальность не будет национальностью с чертами местечковых евреев Польши, Литвы, Белоруссии, даже Украины... <...> Биробиджан нам интересен с точки зрения развития еврейской государственной единицы, чтобы через 5–6 лет каждый еврей чувствовал себя так, как, предположим, немец в нашем Союзе, который знает, что есть республика Немцев Поволжья, или татарин, который знает, что есть Татарская республика [Калинин 1935, 6–7, 10–11, 13–14].

Можно только догадываться, что имел в виду Калинин, когда произнес, а потом не вычеркнул из подготовленного к печати текста слово «даже» при упоминании Украины. Означало ли это, что украинское местечко и его обитатели считались более продвинутыми, чем белорусское? Подходы к работе с местечком действительно несколько отличались в Украине и в Белоруссии. При этом местечко как таковое уже исчезло с карты СССР, бюрократически превратилось в город, поселок или село. Однако проблема осталась: казалось бы, власти «повернулись лицом» к местечку, но все еще тем не менее считали его инородным, «паразитирующим» образованием на здоровом теле государства рабочих и крестьян [См.: Estraikh 2004; Замойский 2017].

Каких переселенцев предпочитали видеть в Еврейской области? Ответ на этот вопрос попытался дать Бергельсон:

...ехали в Биробиджан просто, без каких-либо размышлений о новой эпохе в еврейской истории и о ее «всемирности». Тянулись на восток с большой тягой к сытости, но без какого-либо «соблазна» стать идеологизированными евреями. Более того, они даже не знали, что это такое, и относились с осторожным недоверием к тем, кто этого хотел [Bergelson 1934, 5–6].

Иными словами, энтузиастам национального строительства ехать в Биробиджан вроде бы не стоило. Не перебрался туда ни один из ведущих еврейских авторов. Бергельсон грозился переехать, ему даже начали там строить дом, но в конце концов он предпочел осесть в Москве [Kotlerman 2007, 222–235; Бренер, Заремба 2013, 214–215].

Разговоры о «продуктивизации» еврейских переселенцев к тому времени затихли. Чрезвычайно внимательным должен был стать и под-

бор иммигрантов. В соответствии с инструкцией, к переселению из-за границы в ЕАО допускались «только трудящиеся – рабочие, служащие и кустари..., а также земледельцы, не пользующиеся наемным трудом, физически здоровые» [Троуановскы 1936; Локшин 2015, 7]. На все это обратил внимание еврейский демограф и экономист Яков Лещинский. Он жил в то время в Варшаве, но внимательно следил за ситуацией в СССР и делился своими размышлениями с читателями нью-йоркской еврейской газеты «Форвертс».

Лещинский так и не смог понять, какую собственно цель преследовал план строительства ЕАО. Сам он не видел в нем ни экономического, ни социального смысла. К середине 1930-х гг. каждый третий советский еврей жил в одном из пяти крупных городов – Москве, Ленинграде, Киеве, Одессе или Харькове. У еврейских горожан была работа, часто они были заняты в престижных сферах. В пяти еврейских национальных районах жили 225–230 (по другим источникам – 150) тысяч евреев. Эти районы могли принять больше людей, особенно с учетом того, что многие колонисты перебирались оттуда в города. Благодаря полному равноправию евреев в советском обществе и успешному привлечению их к занятию в экономике число деклассированных элементов, так называемых *луфтваменчн* («людей, парящих в воздухе»), сократилось с одного миллиона в начале 1920-х гг. до 150–200 тысяч. Это были в основном люди такого возраста или свойства, которых, по мнению Лещинского, просто не составляло никакого смысла везти куда-либо с целью «продуктивизации». Такая цель уже и не ставилась – к переселению все больше пытались привлечь строителей, кузнецов, плотников, учителей. В любом случае относительно небольшое число переселенцев в ЕАО не могло изменить общую структуру всего еврейского населения, которое явно превращалось в «нацию белых воротничков и врачей» [Lestschinsky 1935a, 1935b, 1935c]⁴.

Биробиджан все еще мог привлечь «лишенцев», то есть считавшихся, перефразируя Оруэлла, «менее равными» из всех советских граждан; число их сокращалось, но такая категория еще официально продолжала существовать до конца 1936 г. Шифра Лифшиц⁵, эмигрировавшая в СССР из Польши и получившая распределение в Биробиджан после окончания еврейского пединститута в Одессе в 1934 г., ехала в поезде с переселенцами из Украины и Белоруссии:

⁴ Лещинский мог быть знаком с книгой Виктора Финка «Евреи в тайге» (М., 1930), писавшего: «Из Рогачева была прислана целая партия <...> инвалидов – хромые, слепые, глухие, эпилептики. Из Умани – тоже целая группа нетрудоспособных стариков. Из Смоленска прислали душевнобольного, которого пришлось здесь поместить в больницу. Из Минска и Одессы – зарегистрированных воров-рецидивистов. Из Бобруйска – веселых женщин! Биробиджан хотят обратить в какое-то свалочное место!» [Финк 1930, 270].

⁵ В некоторых источниках Липшиц.

Большая часть переселенцев принадлежала к так называемым луфтменчн, которые искали заработок, крутились на «черной бирже» и боялись быть пойманными и осужденными за спекуляцию. Были среди переселенцев ку-стари, хорошо мне знакомые труженики, которые не могли больше выдерживать давление со стороны фининспекторов, а также голодные колхозники из Херсонской области и Крыма [Lifshitz 1979, 61].

Считалось, что переселенцы не везли с собой на восток религиозные предрассудки. В том же 1934 г. заглянувший в Биробиджан польский еврейский активист увидел там лишь несколько переселенцев, соблюдавших субботу и не употреблявших в пищу свинину, но все они оказались не этническими евреями, а субботниками [Pegelman 1934, 184]. Если верить зарисовке писателя Давида Хаита, молодых биробиджанцев забавляло упорство субботников, приехавших поселиться среди «истинных» евреев. Еврейские шутники даже предложили им свои услуги в качестве *шабес-гоим*, то есть помощников для исполнения различных дел, запрещенных по субботам и праздникам [Хаит 1936, 8–9].

Ленинградские этнографы, приехавшие в 1937 г. в ЕАО в поисках нового советского еврея, столкнулись с трудностями в поисках артефактов, отражающих «национальную самобытность» населения области. Вместо материалов об обычаях, быте, жилище, одежде, утвари и фольклоре участники научной экспедиции привезли в основном идеологизированные суррогаты: описания и фотоснимки новых ритуалов (например, коллективного обсуждения сталинской конституции), образцы политически грамотного фольклора (еврейские народные песни о Ленине и Сталине, колхозные частушки) [Иванов 2020, 236–237].

В 1958 г. житель Биробиджана напишет:

Вот уже около тридцати пяти лет, как я не видел пасхального седера. Те местные евреи, что пекут или получают из других городов мацу, в большинстве своем люди неотесанные и невежественные: весь год они выращивают свиней, нарушают субботу и т. п., и только на Песах они, так сказать, «кошеруются» и едят мацу, а есть и такие, что мацу и хамец вместе [Котлерман 2020, 368, 393–394].

Между тем первое десятилетие биробиджанского проекта было наполнено планами, которые иначе как еврейское национальное строительство назвать сложно. Правда, в 1930-е гг. бывший бундовец Мережин (его расстреляют в феврале 1937 г.) уже был лишен возможности открыто призывать (как он делал это в 1929 г.) не бояться лозунга «В еврейскую страну!». В официальном дискурсе уже не было места этому призыву – «оживляющему и революционизирующему, апеллирующему к молодому и смелому, а не к отсталому и консервативному, апеллирующему не к

национальным предрассудкам, не к древним предкам и гробницам, а прочь от них – к новому социалистическому будущему» [Бляхер, Пегин 2011, 129]. Фактически за претворение в жизнь этого лозунга в 1934–1936 гг. взялся председатель облисполкома ЕАО Иосиф Либерберг, ранее возглавлявший Киевский институт пролетарской еврейской культуры⁶.

Харизма исходила от этого человека. Шифра Лифшиц вспоминала о первом выступлении Либерберга в Биробиджане: «Либерберг произвел впечатление всем своим видом. Он был импозантный, высокий, красивый, крепко сложенный мужчина. Своей речью он всех вдохновил, зажег, так что каждый из нас был готов преодолеть все трудности, которые были связаны со строительством» [Lifshitz 1979, 74]. В мае 1936 г. в Биробиджане провели несколько дней супруги Хелды. Адольф Хелд, один из лидеров американского еврейского социалистического движения, возглавлял «Амалгемейтед бэнк», самый крупный (и еще существующий) «социалистический» банк, созданный американскими профсоюзами. Его жена Лилиан, тоже активный деятель социалистического движения, после разговора с Либербергом сказала мужу: «Когда говоришь с Либербергом, даже грязь на улицах Биробиджана кажется не такой грязной» [Held 1936a]. Важным было и то, что такой человек мог легко найти общий язык с интеллигенцией, в том числе столичной, которую было очень непросто привлечь в Биробиджан. Об этом говорил Калинин в мае 1934-го:

... Москва много кадров не даст, может быть, поедут пока человек 40, обедни этим не сделать. Основные кадры поедут не из Москвы, основные кадры поедут из еврейских городов и местечек и, может быть, также из-за границы. <...> Только командировка, назначение по партийной или комсомольской линии, временная работа могут оторвать от Москвы [Калинин 1935, 5–6].

Подводя итоги первого года существования ЕАО, Матвей Хавкин, первый секретарь обкома и, во всех отношениях – как человек и руководитель, – антипод Либерберга, писал: «...самый острый недостаток мы чувствуем сейчас в интеллигенции, культурных работниках, писателях, журналистах, художниках, театральных и научных работниках» [Хавкин 1935, 19–20]. Назначение по той или иной «линии», распределение по окончании вуза или энтузиазм все-таки привели в Биробиджан группу специалистов. Кадровый голод в ЕАО, как и предполагал Калинин, частично преодолевался за счет иностранных переселенцев [Смирнова 2020]. Либерберг предпринимал усилия по организации в городе научно-исследовательского института. Эстер Шнайдерман (позже

⁶ Институт закроют в 1936 г., см. [Меламед 2020].

Розенталь-Шнайдерман), работавшая с Либербергом в Киеве, а затем в Биробиджане, полвека спустя вспоминала:

Это было в столице ЕАО Биробиджане, в начале весны 1936 года, когда он, председатель ЕАО, по горло был занят тяжелыми заботами и главной из них было – что сделать, чтобы переселенцы не разбежались из Биробиджана? Как добиться для них крыши над головой и буханку хлеба для детей? Именно тогда он ведет нас в одну из редких свободных минут на прогулку к заснеженной сопке, в которую он прямо-таки влюбился: «Вы видите? Здесь мы скоро начнем строить здание для библиотеки иудаики и она будет самой большой в мире» ... [Rosenthal-Shnaiderman 1983, 82].

Планировалось проведение конференции о состоянии и развитии языка идиш со стратегической целью объявить Биробиджан главным центром еврейской науки и культуры в СССР. Велись даже разговоры об особом биробиджанском каноне языка идиш, хотя широкое использование языка было проблематично прежде всего из-за того, что евреи всегда составляли меньшую часть населения города и, особенно, области [Estraikh 1995; Королев 2009; Бренер 2015; Заремба 2015; Ковальчук, Гапоненко 2016]. Хелд обратил внимание на то, что основным языком, звучавшим на улицах города, был русский [Held 1936b]. Неслучайно местному еврейскому театру предложили создать труппу, ориентированную на спектакли для русскоязычного населения [Гамалей 2019, 83].

По нисходящей

В августе 1936 г. постановление Президиума Центрального исполнительного комитета одобрило результаты строительства ЕАО. Характерно, что в центре внимания оставалось развитие сельского хозяйства и промысловой кооперации, а промышленность упоминалась вскользь и разговор о ней шел лишь в будущем времени. Основным было то, что, «имея свою государственность, землю, колхозники-евреи <...> на деле опровергают вековую буржуазно-обывательскую ложь о невозможности для еврейского населения освоения труда в сельском хозяйстве» [Биробиджанская звезда 1936]. Еврейская автономия явно виделась руководством преимущественно местечковой (промкооперативной) и сельской. Неслучайно в фильме «Искатели счастья», выпущенном в год выхода постановления, «постоянно показывают людей с вилами на фоне стогов сена, впряженных лошадей, рыбаков и пастухов». При этом «фильм переполняют пасторальная образность и “сельская” эстетика» [Лурье 2019, 139].

На совещании, созванном председателем КОМЗЕТА Сергеем Чуцкаевым в ноябре 1936 г. Николай Патрикеев, председатель Далькрайплана, озвучил возражения руководства Дальневосточного края (в октябре 1938-го он будет разделен на Хабаровский и Приморский) об открытии в Биробиджане педагогического института, «считая вообще ненормальным строительство института на завозном студенчестве». Он не поддержал также строительство нового театра и выделение средств на организацию системы канализации в городе. Биробиджанцы в то время пользовались водой из примитивных срубовых колодцев, а нечистоты вывозились в бочках [Кузина 2014, 83–91].

Чуцкаев «указал Патрикееву, что вся область, а не только педагогический институт, строится на переселении, – поэтому высказанный им мотив политически не продуман». Чуцкаев поддержал Александр Хацкевич, секретарь Совета Национальностей ЦИК СССР (для КОМЗЕТА Совет Национальностей был вышестоящей инстанцией). По мнению Хацкевича, капиталовложения в область должны были быть увеличены до первоначальной заявки. Дискуссию о том, нужен ли пединститут в области, он посчитал совершенно неуместной, поскольку «этот вопрос был выдвинут т. Кагановичем, решен Правительством, причем редакция этого постановления [о создании пединститута – *прим. ред.*] долго обсуждалась у т. Калинина». Остальные выступившие на совещании поддержали предложения области по капитальному строительству на 1937 г. [ГА ЕАО, ф. 75. Оп. 1. Д. 77. Л. 73–73 об., 74].

В итоге многое из планов так и осталось на бумаге. Пединститут откроют в Биробиджане только в 1989 г. До этого времени в ЕАО существовали лишь средние специальные учебные заведения – техникумы и училища. Лифшиц писала: «...не имея никаких перспектив относительно продолжения образования [на еврейском языке], приходится прийти к выводу, что учеба в еврейских биробиджанских школах означает ограничение самого себя. Это означает, что после средней школы дальнейшее образование трудно продолжать» [Lifshitz 1979, 79].

Чуцкаев, Патрикеев, Хацкевич и другие участники совещания вскоре потеряют работу, свободу или будут расстреляны. Если в 1935 г. Хавкин только предупреждал, что в потоке переселенцев в ЕАО «пролезали отдельные классово чуждые элементы» [Хавкин 1935, 9], то через год-другой оказалось, что Хавкин и Либерберг тоже представляют серьезную угрозу советскому строю. Жену Хавкина обвинят в попытке отравления фаршированной рыбой заглянувшего в Биробиджан Лазаря Кагановича. Либерберга расстреляют, а Хавкину посчастливится выжить в ГУЛАГе [Weinberg 1993, 27; Либинзон 2007, 26; Сирота 2008, 37; Бренер 2010].

В сентябре 1936 г. Либерберга, арестованного в августе по обвинению в участии в троцкистском заговоре, вывели из состава облисполкома ЕАО [ГА ЕАО, ф. Р-101. Оп. 1, Д. 135. Л. 107]. Одновременно Давид Бергельсон

(он все еще обещал осесть в Биробиджане) стал членом этого комитета. В начале 1937 г. Бергельсон, которому было отпущено чуть больше пятнадцати лет жизни до расстрела, писал в телеграмме из Биробиджана, что «весь великий советский народ, все лучшие люди нашей страны облегченно вздохнули, узнав, что карающий меч правосудия обрушился на головы предателей родины, социализма, трудового человечества» [Бергельсон 1937]. Место в облисполкоме получил также Иосиф Рабин, присланный из Москвы руководить местной писательской организацией. Однако вскоре его отправили в ГУЛАГ. Арестуют и приехавшего из Минска филолога Хайма Голмшток, мечтавшего о биробиджанском стандарте идиша.

Был арестован и не вернулся из заключения литературный критик Самуил Клитеник, направленный из Москвы редактировать биробиджанский журнал «Форпост». Еще раньше в Биробиджан прибыл подававший большие надежды писатель Бузи (Борис) Олевский, но он избежал ареста, возможно, потому что был «своим», не иммигрантом. (Олевского призывают в армию в 1939 г., он погибнет в 1941-м в первых боях на западной границе.) Иначе выглядела биография многих других, составивших круг интеллигенции города и области: Голмшток жил в Америке, у Рабина было виленское прошлое, а Клитеник приехал из Польши строить социализм в СССР. В охватившей страну паранойе шпиономании у приехавших из-за границы, особенно из «панской» Польши, было мало шансов остаться на свободе. Под каток репрессий попала и Шифра Лифшиц.

Из Биробиджана уезжали и без участия НКВД. Среди убиравших были журналисты «Биробиджанер штерн» Тевье Ген и Герш Вайнройх (Григорий Винокур). Гирша Добина, арестованного в 1938 г., освободили в 1940-м, но в Биробиджан он уже не вернулся. После окончания пединститута в Москве не вернулся в Биробиджан Арон Вергелис. Переезд Эммануила Казакевича в Москву больше напоминал бегство. 1 ноября 1937 г. биробиджанский горком отменил решение о приеме Казакевича в кандидаты в члены партии, так как все три коммуниста, давшие ему рекомендацию, оказались «врагами народа», угроза ареста нависла и над самим Казакевичем [Эстрайх 2015, 215–217, 241].

Несмотря на репрессии, поглотившие руководителей, директоров предприятий и организаций, специалистов и работников культуры ЕАО, власти не отменили празднование 10-й годовщины начала еврейского переселения в область. Весной 1938 г. торжества проходили с участием гостей из городов Дальнего Востока и центральных регионов, с церемониями открытия новых сооружений, включая типографию и больницу в Биробиджане [ГА ЕАО, Ф. 75. Оп. 1. Д. 133. Л. 2.]. Общество землеустройства еврейских трудящихся (ОЗЕТ), игравшее центральную роль в строительстве ЕАО, 7 апреля 1938 г. рассмотрело на заседании вопрос о разоблачении классовых врагов, в числе которых были названы бывшие руко-

водители организации. На этом же заседании было решено направить в область для участия в праздновании круглой даты представителей организаций ОЗЕТ Москвы, Украины, Белоруссии, Ленинграда, Крыма, Ростова-на-Дону, Воронежа, Смоленска, Иванова и Грузии, а также выделить средства для издания сборника научной комиссии при облисполкоме ЕАО [ГА ЕАО, Ф. 75. Оп. 1 Д. 133. Л. 50–53.]⁷. Как оказалось, это стало заключительным аккордом в деятельности ОЗЕТ, ликвидированного, как и КОМЗЕТ, в 1938 г.. Но еще до ликвидации этих организаций их функции были урезаны. 19 сентября 1936 г. правительственным постановлением вопросы переселения в ЕАО перешли в ведомство НКВД [ГА ЕАО, Ф. 75. Оп. 1. Д. 71а. Л. 6.].

В 1940 г. вновь появилась идея о застройке правого берега Биры. 13 августа обком и облисполком ЕАО приняли совместное решение «О проекте планировки Биробиджана», в котором среди прочего говорилось: «Просить Совнарком РСФСР утвердить генеральную схему планировки г. Биробиджана <...> 1. Расчетную численность населения города принять 200 тыс. жителей. 2. <...> предусмотреть территориальное развитие города на обоих берегах реки Биры» [ГА ЕАО, Ф. Р-75. Оп. 1. Д. 183. Л. 13.]. Скорее всего, увеличение плановой численности жителей было связано с подготовкой к переселению евреев из новоприсоединенных к СССР осенью 1939 г. польских территорий. В середине 1940 г. в Биробиджане работала правительственная комиссия, изучавшая возможность приезда в область к концу 1942 г. не менее 45 тысяч евреев из новых западных районов страны [Kotlerman 2002, 109–114; Бренер, Заремба 2013, 250]. Однако война с нацистской Германией свела на нет планы развития города и области.

В 1941–1945 гг. на фронт было призвано более 12 тысяч жителей ЕАО, 7 тысяч из них погибли или пропали без вести [Гуревич, Куликова, Парамонова 2015, 5]. Население ЕАО в 1945 г., по сравнению с 1941 годом, уменьшилось более чем на 40 тысяч человек [Ткачева 2007, 63]. В то время как во многих восточных районах СССР численность еврейского населения в годы войны увеличилась, в ЕАО, куда не был направлен поток эвакуации из европейской части страны, этого не произошло. Последний всплеск еврейской переселенческой активности в ЕАО пришелся на конец 1940-х годов. 26 января 1946 г. вышло постановление Совета народных комиссаров РСФСР «О мероприятиях по укреплению и дальнейшему развитию хозяйства Еврейской автономной области», которое среди прочих мер предусматривало отправку в область «50 учителей и 20 врачей, причем главным условием является их обязательное еврейское проис-

⁷ На самом деле ОЗЕТ в 1938 г. выпустил напечатанную почему-то в Астрахани брошюру «Биробиджан – еврейская автономная область (1928–1938): итоги социалистического строительства».

хождение» [Вайсерман 1999, 150]. В постановлении Совета Министров СССР, принятом 16 ноября 1947 г., речь шла «о переселении 250 семей из Крымской области и 704 семей из Херсонской и Николаевской областей в Еврейскую автономную область». К тому времени еврейские национальные районы уже не существовали на картах Украины и Крыма. По подсчетам Давида Вайсермана, всего за 1947–1949 г. в область приехало 6 500 человек в двенадцати специализированных поездах из Винницы, Херсона, Николаева, Днепропетровска, Одессы и Самарканда [Там же, 222]. Одновременно ЕАО заполнялась нееврейскими переселенцами. В 1946 г. туда направили 8 126 демобилизованных офицеров и солдат [Там же, 158].

В первой послелагерной и послевоенной книге Иосифа Рабина «Мы живем» (1948) герою рассказа «Эшелоны прибывают» удается убежать из гетто где-то в Белоруссии, он воюет затем в рядах Красной армии. К концу войны он решает не возвращаться в Белоруссию, а вместе с группой демобилизованных солдат отправляется в Биробиджан, где чувствует себя счастливым *среди своих*. Рабин в Биробиджан не вернулся, но несколько писателей туда все-таки перебрались в 1940-е годы. Практически все они, а также несколько писателей и журналистов, поселившихся в ЕАО еще в 1930-е, вскоре оказались за решеткой. И вернувшиеся из лагерей, и напрямую не затронутые репрессиями обычно несли в себе страх проявить недовольство в адрес власти. Этот страх тяготил их всю жизнь и зачастую передавался их детям. В ноябре 1987 г., незадолго до своей смерти, Бузи Миллер, прежде подчеркнуто лояльный коммунист, опубликовал в газете «Биробиджанер штерн» поэму под названием «Перестройка сердец». Писатель явно ощущал острую потребность рассказать о самых тяжелых для него годах, оставшихся в его памяти «как кошмарный сон, / не жизнь – одни доносы и наветы» [Бренер 2007, 188]⁸.

Со второй половины 1940-х ЕАО больше не притягивала к себе еврейских переселенцев. Наоборот, еврейское население сокращалось за счет того, что демографы называют естественной убылью, а также из-за оттока активного населения, прежде всего молодежи.

«Утечка мозгов»

В 1950-е гг. западные наблюдатели теряли Биробиджан из вида, писали о его ликвидации, но при этом пару раз прошел слух, что туда выселят всех или почти всех евреев [см.: Эстрайх 2018]. Город мало напоминал

⁸ Подстрочный перевод Е. Сарашевской и Р. Шмайн. Литературная обработка В. Соломатова.

Берлин или Париж, о чем мечтал в 1930-е гг. Бергельсон. Леонид Лещинский, родившийся в Биробиджане в 1945 г., вспоминал:

В конце сороковых и в начале пятидесятих годов это был небольшой городишко, состоящий в основном из двухэтажных деревянных бараков. Центр пересекали три основные улицы: Калинина, Ленина и Шолом-Алейхема. В городе не было водопровода, газа, центрального отопления, канализации, за исключением кирпичного дома, где жило руководство города. <...>

Бира заливала весь город. В городе было два завода: обозный и металло-изделий.

Люди жили бедно, в основном за счет подсобных хозяйств и скота. Все держали коров, свиней, кур [Лещинский б.г.].

Перепись 1959 г. выявила численность еврейского населения ЕАО: 14 269 человек, что составило 8,8% населения области и 0,7% всего еврейского населения СССР. Большинство евреев области жили в Биробиджане, где они в год переписи составляли примерно четверть населения. В 1961 г. имя и фамилия каждого третьего депутата горсовета говорили о (вероятном) еврейском происхождении, а в областном совете доля депутатов с такими «этническими» именами была в два раза ниже [Skoczylas 1965, 12]. По сравнению с 1939 г. еврейское население области в 1959 г. сократилось на 19%, и вскоре евреи стали третьей – после русских и украинцев – этнической группой в ЕАО [Константинов 2007, 20]. В путевых заметках о посещении Биробиджана в 1958 г. польский журналист Доминик Городынский отметил затухание еврейской идентичности, проявлявшей себя только в каких-то отдельных особенностях поведения. Например, в отрицательном отношении к охоте. Но и это отличие постепенно исчезало [Horodyński 1959, 71]⁹.

В 1963 г., четверть века спустя после отъезда из Биробиджана, город посетил писатель Тевье Ген, специализировавшийся на темах современной еврейской жизни. Ему явно хотелось найти что-то привлекательное в столице ЕАО, но, несмотря на все усилия, результат получился бледным и только поверхностно еврейским: улица Шолом-Алейхема, еврейские имена встретившихся ему местных жителей, а также воспоминания о прежних годах в Биробиджане [Gen 1977, 363–404].

В 1959 г. 5 597 евреев ЕАО указали «еврейский» в качестве родного языка [Костырченко 2012, 180]. Довольно высокий для того времени показатель знания идиша можно объяснить частично тем, что школьное преподавание языка сохранялось в области до 1949 г. В то же время этот показатель отражал старение еврейского населения, происходящего за

⁹ Об отрицательном отношении к охоте в еврейской традиции см., например, [Hoenig 1970].

счет сокращения доли молодежи, для которой идиш уже не был родным языком. Выбор большей части послевоенного биробиджанского поколения был примерно таким же, как и у молодых людей, родившихся в бывших местечках, – учеба в больших городах. Обычно это был билет в одну сторону. К концу 1960-х годов среди евреев-биробиджанцев доля людей с высшим образованием была почти в восемь раз ниже среднего по стране показателя для еврейского населения [Andrews 1978, 455].

Показательна история биробиджанской школы № 1. По воспоминаниям Полины Хануковой [Интервью с ПГХ 2020], учителя математики, а с 1966 г. директора школы (позже заведующей облоно), там сложился коллектив талантливых педагогов. Особой популярностью пользовался физик Соломон Абрамович Глускин. Обсуждалась идея создания специализированной математической школы, но дальше разговоров дело не пошло. Между тем школы такого типа создавались в других городах, зачастую с высоким процентом еврейских учеников [Герович 2020, 103–108]. В 1963 г. физико-математическая школа-интернат (ФМШ) появилась в Новосибирске, там стали регулярно проводить олимпиады для школьников. По их итогам несколько учеников биробиджанской школы № 1 получили приглашение в летнюю ФМШ, открывавшую дорогу для поступления в Новосибирский государственный университет (НГУ). В 1967 г. по числу поступивших в НГУ евреи (71 чел.) заняли второе место после русских (597 чел.) [Шиловский 2007, 105].

Из воспоминаний Александра Корчминского, выпускника 1964 г.:

Наш выпуск был вторым и предпоследним, который учился 11 лет. Мы сдали выпускные экзамены, поступали в институты. 13 из нас поехали в Томск – и все поступили: 7 в Томский институт радиоэлектроники и электронной техники [ТИРиЭТ], а 6 – в Томский политехнический институт. А всего, как говорили наши учителя, из 53 выпускников двух одиннадцатых классов 48 человек в тот год поступили в различные вузы Дальнего Востока и Сибири. Практически такие же результаты были у выпускников 1962 и 1963 годов [Интервью с АНК 2020].

В 1967 г. учащиеся школы № 1 Наум Шифон, Феликс Кердман и Борис Звенигородский стали победителями краевого тура Всесибирской олимпиады по математике и были зачислены в ФМШ при НГУ. Бывшие ученики школы защитили кандидатские (Ефим Глускин и Феликс Кердман) и докторские (Григорий Годияк и Михаил Браверман) диссертации, а Олег Загар в 1981 г. получил Государственную премию [Железногорск 2000]. Иосиф Гольдберг, лауреат Государственной премии 2002 г., приехал в Томск в составе большой группы выпускников биробиджанской школы в 1964 г. При проходном балле 21 они набрали по 24–25 баллов, что считалось высшей оценкой при зачислении. На следующий год приехавшие

в Биробиджан преподаватели ТИРиЭТ провели математическую олимпиаду, победители которой получили приглашения для поступления в вуз [Интервью с ИИГ 2020]. Популярный актер театра и кино Семен Стругачев и художник Александр Шуриц тоже учились в школе № 1.

Кто-то после института возвращался в Биробиджан. Но большая часть молодежи, получившей высшее образование, уезжала навсегда, хотя в городе появились новые промышленные предприятия и благоустроенное жилье. ЕАО оставалась не просто одной из удаленных советских провинций, но и, по сути дела, неликвидностью в территориально-административной мозаике страны. В пропагандистских материалах, распространяемых ТАСС и АПН, она продолжала фигурировать в качестве доказательства – в большей степени для просоветских зарубежных СМИ – успешного решения «еврейского вопроса». При этом практически ничего не делалось для того, чтобы область привлекала к себе еврейских переселенцев или пыталась удержать получившую образование молодежь. Скорее, что-то делалось напоказ. Печаталась газета «Биробиджанер штерн», у которой почти не было читателей. Биробиджанскую «прописку» дали Камерному еврейскому музыкальному театру, базировавшемуся на самом деле в Москве. Биробиджанская «родословная» украшала биографии Арона Вергелиса, редактора московского еврейского журнала «Советиш геймланд» («Советская родина»), и раввина Московской хоральной синагоги Адольфа Шаевича.

Заштатный статус ЕАО – область в составе Хабаровского края – отражался на статусе еврейского образования и еврейской культуры в СССР. Как народ «областного уровня», евреи фактически приравнивались к малочисленным этническим группам, наделенным территориями такой же ранговой категории, например, Хакасской или Карачаево-Черкесской автономных областей [Krupnik 1995, 75–76; Файзуллин 2012, 139–144]. Но ЕАО уступала даже аналогичным автономным образованиям. Например, в Хакасской или Карачаево-Черкесской областях с 1930-х гг. можно было получить высшее педагогическое образование и найти работу в местных научно-исследовательских институтах, занимавшихся историей, литературой и языкознанием.

Зарубежные гости допускались в Биробиджан редко и неохотно. Скандалом закончилась в 1971 г. попытка делегации просоветски настроенной афроамериканской организации NEGRO (National Economic Growth and Reconstruction Group) посетить ЕАО. В знак протеста Томас Мэтью, ее руководитель, прервал поездку по Советскому Союзу [Jacobs 2019, 214–215]. Журналист Альберт Эксбэнк описал свое посещение Биробиджана в 1976 г. Он пришел к выводу, что биробиджанцы заметно отличались от евреев Москвы, Ленинграда и Одессы. Они с гордостью ощущали себя пионерами этого края, были советскими патриотами и не проявляли желания эмигрировать в Израиль или еще куда-нибудь [Ahebank 1976].

Виктор Евтушенко, начальник местного управления КГБ, вспоминает, что для молодежи области «проявления сионистского характера были не свойственны». Как исключительный случай он описывает историю биробиджанца 1960 года рождения, студента Хабаровского мединститута. Летом 1982 г. он в Москве и Ленинграде познакомился с отказниками и загорелся идеей эмиграции в Израиль. КГБ следило за его попытками организовать какую-то активность в Биробиджане и вовремя «пресекло» его деятельность. Тому, что молодой человек «одумался» и все честно рассказал сотрудникам органов безопасности, способствовало вмешательство его матери, возглавлявшей спецчасть на одном из предприятий города [Евтушенко 2020, 229–333].

Не вызывает сомнений, что руководитель спецчасти была членом партии. В СССР среди евреев процент коммунистов вообще был самым высоким. У посла Израиля в СССР Йосефа Авидара, получившего возможность посетить ЕАО в июне 1956 г., сложилось впечатление, что в Биробиджане доля коммунистов среди евреев была еще выше, чем в таких городах, как Киев и Гомель, где он побывал раньше [Patek 2019, 116]¹⁰. В среднем по стране в конце 1980-х каждый пятый взрослый еврей состоял в партии [Константинов 2007, 248]. В Биробиджане, где евреи составляли немногим больше 10 % населения города, евреи-коммунисты составляли больше четверти всей парторганизации города. С 1970 г. еврей Лев Шапиро занимал должность первого секретаря обкома партии. Показательна также статистика по так называемым ответственным работникам [Стародубская 1980] ЕАО: из 54 таких работников обкома партии 16 (29,6%) были евреями, а в облисполкоме евреи занимали 33 (34,7%) из 96 должностей такого уровня. Евреями были также 40 (19,2%) из 208 хозяйственных руководителей области [ГА ЕАО, Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 3100. Л. 1–24]¹¹.

Тем не менее, начиная с 1990 г., когда появилась возможность выехать за границу, большинство партийных и беспартийных евреев-биробиджанцев, включая руководителей советских и партийных организаций и других «ответственных работников», начали покидать страну¹². Израильский демограф Марк Тольц пришел к заключению, что, по сравнению с другими российскими регионами, в 1990-х гг. ЕАО отличилась особенно высоким процентом еврейских эмигрантов в Израиль [Tolts 2002, 7–8]. Еврейская автономная область с уникальной историей построенного ex nihilo своеобразного местечка оказалась покинутой почти всем титульным «биробиджанским поколением».

¹⁰ О визите Авидара см. также: [The Visit to Khabarovsk... 2009].

¹¹ Национальный состав областной/городской партийной организации см. [ГА ЕАО, Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 3100. Л. 3].

¹² Разочарование происходившим в то время в области и стране подтолкнуло к переезду в Израиль и бывшего второго секретаря обкома ЕАО Радика Сандика. См. Сандик 2019.

Источники

- Бергельсон 1937 – *Бергельсон Д.* Карающий меч народа // Литературная газета. 1937. 1 февраля. С. 5.
- Биробиджанская звезда 1936 – О советском, хозяйственном и культурном строительстве Еврейской автономной области. Постановление Президиума Центрального комитета Союза ССР // Биробиджанская звезда. 1936. 15 сентября. С. 1.
- Блоштейн 1934 – *Блоштейн Г. Д.* Биробиджанские зарисовки. М.: Эмес, 1934.
- Ванеев 1931 – *Ванеев Е. И.* Биро-Биджан: историческая справка, география, природные богатства, пути сообщения, население, хозяйство, колонизация. Хабаровск: ОГИЗ, 1931.
- ГА ЕАО – Государственный архив Еврейской автономной области
- Железногорск 2000 – Железногорск (Красноярск-26): статьи, очерки, отрывки из монографий. Красноярск: Офсет, 2000.
- Интервью с АНК 2020 – Интервью с Александром Наумовичем Корчминским, 07.10.2020.
- Интервью с ИИГ 2020 – Интервью с Иосифом Исааковичем Гольдбергом, 17.09.2020.
- Интервью с ПГХ 2020 – Интервью с Полиной Григорьевной Хануковой, 14.04.2020.
- Кадышевич 1931 – *Кадышевич М.* Биробиджан – страна больших возможностей. М.: ЦС ОЗЕТ, 1931.
- Калинин 1935 – *Калинин М. И.* Об образовании Еврейской автономной области: из записи беседы председателя ЦИК СССР т. М. И. Калинина с делегацией московских рабочих предприятий и работниками еврейской печати 28 мая 1934 г. М.: Эмес, 1935.
- Кипер 1930 – *Кипер М.* «Передмова» // Альбертон М. Біро-Біджан: подорожні вражіння. Харьков: Книгоспілка, 1930. С. 3–5.
- Литературная газета 1934а – Последнее фото // Литературная газета. 1934. 20 мая. С. 1.
- Литературная газета 1934б – Прием в Союз советских писателей // Литературная газета. 1934. 18 мая. С. 1.
- Мережин 1928 – *Мережин А.* О заселении Биро-Биджанского района трудящимися евреями. М.: Эмес, 1928.
- Мережин 1929 – *Мережин А.* Что такое Биро-Биджан. М.: ЦП ОЗЕТ, 1929.
- Семашко 1934 – *Семашко М. [Н. А.]*. Рождается новый человек // Трибуна. 1934. № 6. С. 8.
- Сирота 2008 – *Сирота М.* Воспоминания: записки актера // Лехаим. 2008. № 7. С. 33–37.
- Стародубская 1980 – *Стародубская Е. Н.* Понятие ответственных работников в советском трудовом праве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1980. № 3. С. 49–54.

- Трибуна 1929 – Проблемы Биробиджана и лозунг: «В еврейскую страну!» // Трибуна. 1929. № 3. С. 14.
- Финк 1930 – *Финк В.* Евреи в тайге. М.: Федерация, 1930.
- Хавкин 1935 – *Хавкин М. П.* Еврейская автономная область к своей первой годовщине. М.: Эмес, 1935.
- Хаит 1936 – *Хаит Д.* Сторона Биробиджанская // Безбожник. 1936. № 6. С. 8–9.
- Andrews 1978 – *Andrews A.* Spatial Patterns of Higher Education in the Soviet Union // *Soviet Geography*. 1978. № 7. P. 443–457.
- Axebank 1976 – *Axebank A.* Inside Stalin's "National Home for Jews" // *The Observer*. 1976. June 27.
- Bergelson 1934 – *Bergelson D.* Birebidzhaner. М.: Emes, 1934.
- Bergelson 1939 – *Bergelson D., Kazakevich E.* Birobidzhan: an algemeyne iberzikh fun der yidisher avtonomer gegnt. М.: Emes, 1939.
- Brown 1933 – *Brown D. A.* Brown Beholds Biro Bidjan // *The American Hebrew*. 1933. January 20.
- Davidman 1948 – *Davidman S.* Jewish Children in Biro-Bidjan. New York: Davidman, 1948.
- Gen 1977 – *Gen T.* A veg in der vayt. М.: Sovetskii pisatel, 1977.
- Held 1936a – *Held A.* A geshprekh mit dem hoypt-firer fun Biro-Bidzhan // *Forverts*, 1936. 10 september.
- Held 1936b – *Held A.* Mayn ershter tog in Biro-Bidzhan // *Forverts*. 1936. 8 september. Z. 4.
- Hoenig 1970 – *Hoenig S. B.* The Sport of Hunting: A Humane Game? // *Tradition: A Journal of Orthodox Jewish Thought*. 1970. Vol. 11. № 3. P. 13–21.
- Horodyński 1959 – *Horodyński D.* Syberia inaczej. Warsaw: Wydawnictwo Ministerwa Obrony Narodowej, 1959.
- Lestschinsky 1935a – *Lestschinsky J.* Ken Biro-Bidzhan farbesern di lage fun di yidn in sovet-Rusland? // *Forverts*. 1935. 23 februar. Z. 9.
- Lestschinsky 1935b – *Lestschinsky J.* Velkhe rusishe yidn vil men shikn in Biro-Bidzhan? // *Forverts*. 1935. 26 februar. Z. 3.
- Lestschinsky 1935c – *Lestschinsky J.* Tsu vos darf di sovet-regirung, az yidn zoln forn keyn Biro-Bidzhan? // *Forverts*. 1935. 28 februar. Z. 6.
- Perelman 1934 – *Perelman O.* Birobidzhan: shilderungen fun a rayze in yulioy-gust 1934. Varshe: Groshn-bibliotek, 1934.
- Rosenthal-Shnaiderman 1983 – *Rosenthal-Shnaiderman E.* Oyf vegn un umvegn: zikhroynes, gesheinishn, perzenlekhkaytn. Tel Aviv: I. L. Peretz farlag, 1983.
- The Visit to Khabarovsk... 2009 – The Visit to Khabarovsk and Birobidzhan of Israeli Ambassador to Moscow Yosef Avidar and His wife, Yemima Tchernovitz (1956): Excerpt from Yemima's diary, introduced and annotated by Yaacov Ro'i // *Mizrekh: Jewish Studies in the Far East*, ed. Ber Boris Kotlerman, Frankfurt am Main, 2009. P. 141–170.

- Tobenkin 1937 – *Tobenkin E.* Biro-Bidjan Heads Held as Plotters // The New York Times. 1937. 6 March.
- Trojanovsky 1936 – *Trojanovsky A. A.* Why Anti-Semitism? // The Sentinel. 1936. 26 March. P. 8.

Литература

- Бляхер, Пегин 2011 – *Бляхер Л. Е., Пегин Н. А.* Биробиджан: между «потемкинской деревней» и nation-building // Полития. 2011. № 1. С. 117–134.
- Бренер 2007а – *Бренер И. С.* Неизвестный профессор Б. Л. Брук // Региональные проблемы. 2005. № 6–7. С. 206–207.
- Бренер 2007б – *Бренер И. С.* Лехаим, Биробиджан! Красноярск: Красноярский писатель, 2007.
- Бренер 2009 – *Бренер И. С.* Город, который не был построен: швейцарский архитектор Ханнес Майер и его проект «еврейского соцгорода у подножия Малого Хингана» // Mizreh: Jewish Studies in the Far East. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2009. S. 117–139.
- Бренер 2010 – *Бренер И. С. И. И. Либерберг:* первые шаги Биробиджанского проекта // III Раддевские чтения: время, события, люди. Биробиджан, 2010. С. 24–31.
- Бренер 2015 – *Бренер И. С.* Хронология истории несостоявшейся биробиджанской конференции по языку идиш // Judaica Petropolitana. 2015. № 4(1). С. 65–112.
- Бренер, Заремба 2013 – *Бренер И. С., Заремба А. В.* Биробиджанский проект в научных исследованиях: ценности и интересы в истории Еврейской автономной области. Киев: Золотые ворота, 2013.
- Вайсерман 1999 – *Вайсерман Д.* Биробиджан: мечты и трагедия. Хабаровск: РИОТИП, 1999.
- Волошинова 2013 – *Волошинова И.* Динамика еврейского населения в СССР в 1920–1930 гг. // Научные труды по иудаике. 2013. Т. 46. № 2. С. 277–288.
- Гамалей 2019 – *Гамалей С. Ю.* Кадровый состав национальных театров Дальнего Востока в 1930-е годы (на примере еврейского театра г. Биробиджана) // Вопросы развития творческой среды Дальнего Востока России и Азиатско-Тихоокеанского региона / Под ред. С. Н. Скоринова. Хабаровск: Хабаровский государственный институт культуры, 2018. С. 79–84.
- Герович 2020 – *Герович В.* «Математический рай»: параллельная социальная инфраструктура послевоенной советской математики // Логос. 2020. Т. 30. № 2. С. 95–128.
- Гуревич, Куликова, Парамонова 2015 – *Гуревич В. С., Куликова С. И., Парамонова Л. С.* Часовые далекой войны. Биробиджан: Б.И., 2015.

- Евтушенко 2020 – *Евтушенко В. В.* Есть такая профессия...: записки контрразведчика. Книга 1: Дальневосточный марафон. Самара: ИПК «Право», 2020.
- Замойский 2017 – *Замойский А.* «Лицом к местечку!»: Изучение местечек Советской Беларуси в 1920–1930-е годы // Советская иудаика: история, проблематика, персоналии / Под ред. М. Куповецкий. Москва – Иерусалим: Гешарим – Мосты культуры, 2017. С. 82–95.
- Заремба 2015 – *Заремба О. В.* Захід – Схід: Єврейські спільноти і політичний процес у Центральноевропейському та пострадянському просторі (XX – поч. XXI ст.). Киев: Золоті ворота, 2015. С. 321–332.
- Иванов 2020 – *Иванов А.* В поисках нового человека на берегах рек Биры и Биджана: Еврейская секция Государственного музея этнографии в Ленинграде (1937–1941) // Советская гениза: Новые архивные разыскания по истории евреев в СССР. Т. 1 / Под ред. Г. Эстрайха и А. Френкеля. Бостон-СПб.: Academic Studies Press, 2020. С. 171–292.
- Ковальчук, Гапоненко 2016 – *Ковальчук М. А., Гапоненко Ю. М.* «Биробиджанский проект» и судьба Биробиджанского железнодорожного техникума // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 1. С. 91–95.
- Константинов 2007 – *Константинов В.* Еврейское население бывшего СССР в XX веке. Иерусалим: Лира, 2007.
- Королев 2009 – *Королев Д. В.* Идиш в политике руководства ЕАО в 1934–1936 гг. // Власть и управление на Востоке России. 2009. № 3. С. 235–240.
- Костырченко 2012 – *Костырченко Г.* Тайная политика Хрущева: власть, интеллигенция, еврейский вопрос. М.: Международные отношения, 2012.
- Котлерман 2020 – *Котлерман Б.* «Останови руку твою!»: Письма на иврите из Биробиджана, год 1958-й // Советская гениза: Новые архивные разыскания по истории евреев в СССР. Т. 1 / Под ред. Г. Эстрайха и А. Френкеля. Бостон-СПб.: Academic Studies Press, 2020. С. 351–433.
- Кузина 2014 – *Кузина И. Л.* Проблемы развития коммунального хозяйства в городах Дальнего Востока в 1930-е гг. // Дальний Восток России: историко-культурное наследие и социально-культурное развитие. Комсомольск-на-Амуре: КНАГТУ, 2014. С. 83–91.
- Кутовая 2016 – *Кутовая С. В.* Маргинальные факторы формирования социального пространства Дальневосточного района (на примере ЕАО) // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 158–162.
- Лещинский – *Лещинский Л.* Миг жизни (мемуары). Б.г., б.и. <http://booksonline.com.ua/view.php?book=184138> (дата обращения: 08.08.2021).
- Либинзон 2007 – *Либинзон Е.* Биробиджан: моя любовь и моя боль // Корни. 2007. № 34. http://www.shorashim.narod.ru/case_libinzon.htm (дата обращения: 08.08.2021).

- Локшин 2015 – *Локшин А. Е.* О порядке въезда из-за границы в СССР трудящихся евреев на постоянное место жительства в Еврейскую автономную область // Восточный архив. 2015. № 1. С. 72–75.
- Лурье 2019 – *Лурье Я. М.* Через тернии Крыма к звездам Биробиджана: две переселенческие утопии в советском агиткино // Кино и капитал. Альманах Центра исследований экономической культуры. Под редакцией А. А. Погребняка, Н. М. Савченковой. М., СПб.: Изд-во Института Гайдара, Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2019. С. 130–141.
- Меламед 2020 – *Меламед Е.* Как был уничтожен венец еврейской культуры: еврейские ученые Киева накануне и во время Большого террора // Советская гениза: Новые архивные разыскания по истории евреев в СССР. Т. 1 / Под ред. Г. Эстрайха и А. Френкеля. Бостон-СПб.: Academic Studies Press, 2020. С. 109–170.
- Погромський 2014 – *Погромський В. О.* Діяльність «Джойнта» і «Агро-Джойнта» на Півдні України та у Криму у міжвоєнний період // Наукові праці Чорноморського державного університету імені Петра Могили. Історія. 2014. Т. 227. № 215. С. 23–27.
- Райш 2016 – *Райш Г.* Как архитектор из Германии проектировал Биробиджан – дальневосточный Иерусалим // Строительные материалы, оборудование, технологии XXI века. 2016. № 7–8. С. 50–53.
- Романова 2008 – *Романова В. В.* «Биробиджанский проект» // Гуревич В. С. и др. (ред.). Биробиджанский проект: опыт межнационального взаимодействия. Биробиджан: Правительство ЕАО, 2008. С. 8–14.
- Романова, Королев 2008 – *Романова В. В., Королев Д. В.* Из истории борьбы с антисемитизмом в ЕАО в 1935 г. // Власть и управление на Востоке России. 2008. № 1. С. 1–8.
- Сандик 2019 – *Сандик Р.* В неоплатном долгу: воспоминания. Иерусалим: Филобиблион, 2019.
- Смирнова 2020 – *Смирнова Т. М.* Еврейская автономная область: взгляд из-за океана // Евреи в мировой истории, культуре и политике. Серия «Труды по иудаике». СПб.: Петербургский институт иудаики, 2020. С. 211–228.
- Ткачева 2007 – *Ткачева Г. А.* Динамика численности и состава населения Дальнего Востока в 1941–1945 гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2007. № 1. С. 60–74.
- Файзуллин Ф. – *Файзуллин Ф. С.* Статус этноса и этнические интересы как факторы национальной политики / Социологические исследования. 2012. № 12. С. 139–144.
- Шиловский 2007 – *Шиловский М. Б.* Общественно-политическая ситуация в Новосибирском государственном университете в 1960–1967 гг. // Вестник НГУ. История, филология. 2007. Т. 6. № 1. С. 105–107.

- Эстрайх 2006 – *Эстрайх Г.* Самуил Гордон: еврейский писатель в океане русской литературы. // Русско-еврейская культура / ред. О. В. Будницкий. М.: РОССПЭН, 2006. С. 32–53.
- Эстрайх 2014 – *Эстрайх Г.* Советская казацко-еврейская доблесть в жизни и литературе // СССР во Второй мировой войне: Оккупация. Холокост. Сталинизм / ред. и сост. О. В. Будницкий и Л. Г. Новикова. М.: РОССПЭН, 2014. С. 314–327.
- Эстрайх 2015 – *Эстрайх Г.* Еврейская литературная жизнь Москвы, 1917–1991. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.
- Эстрайх 2018 – *Эстрайх Г.* Слухи о выселении в Биробиджан, Анастас Микоян и американский еврейский истеблишмент // *Judaic-Slavic Journal*. 2018. № 1. С. 103–117.
- Dekel-Chen 2007 – *Dekel-Chen J.* “New” Jews of the Agricultural Kind: A Case of Soviet Interwar Propaganda // *The Russian Review*. 2007. Vol. 66. № 3. P. 424–450.
- Estraikh 1995 – *Estraikh G.* Yiddish Language Conference Aborted // *East European Jewish Affairs*. 1995. Vol. 25. № 2. P. 91–96.
- Estraikh 2004 – *Estraikh G.* The Soviet Shtetl in the 1920s // *Polin: Studies in Polish Jewry*. 2004. Vol. 17. P. 197–212.
- Estraikh 2006a – *Estraikh G.* From “Green Fields” to “Red Fields”: Peretz Hirschbein’s Soviet Sojourn, 1928–1929 // *Jews in Russia and Eastern Europe*. 2006. № 1. P. 60–81.
- Jacobs 2019 – *Jacobs A.* Contact and Control: Americans Visit the Soviet Union, 1956–1985. PhD dissertation, Bloomington: Indiana University, 2019.
- Kotlerman 2007 – *Kotlerman B.* “Why I am in Favour of Birobidzhan?": Bergelson’s Fateful Decision // *David Bergelson: From Modernism to Socialist Realism*, ed. J. Sherman and G. Estraikh. Oxford: Legenda, 2007. P. 222–235.
- Kotlerman 2002 – *Kotlerman B.* Yiddish Schools in Birobidzhan, 1939–1941 // *Jews in Eastern Europe*. 2002. № 3(49). P. 109–120.
- Krupnik 1995 – *Krupnik I.* Soviet Cultural and Ethnic Policies towards Jews: A Legacy Reassessed / *Jews and Jewish Life in Russia and the Soviet Union*, edited by Yaakov Ro'i. Ilford, Essex, and Portland, OR: Frank Cass, 1995. P. 67–86.
- Lifshitz 1979 – *Lifshitz Sh.* Khaloymes un virklekhkayt: Biro-Bidzhan un arbetslagern. Tel Aviv: Eygns, 1979.
- Miller 1974 – *Miller J.* Kalinin and the Jews: A Possible Explanation // *Soviet Jewish Affairs*. 1974. Vol. 4. № 1. P. 61–65.
- Patek 2019 – *Patek A.* The Jewish Autonomous Oblast in the USSR in the Documents of the British Foreign Office (1952–1958) // *Scripta Judaica Cracoviensia*. 2019. № 17. P. 105–120.

- Richardson 1989 – *Richardson W.* Architecture, Urban Planning and Housing During the First Five Year Plans: Hannes Meyer in the USSR, 1930–1936 // *Urban Studies*. 1989. Vol. 26. № 1. P. 155–163.
- Ryansky 1992 – *Ryansky F.* Jews and Cossacks in the Jewish Autonomous Region // *Refuge*. 1992. Vol. 12. № 4. P. 19–21.
- Skoczylas 1965 – *Skoczylas E.* The Realities of Soviet Anti-Semitism. Philadelphia: University of Pennsylvania Foreign Policy Research Institute, 1965.
- Takao 2002 – *Takao C.* The origin of the Machine Tractor Station in the USSR: A New Perspective // *Acta Slavica Iaponica*. 2002. № 19. P. 117–136.
- Tolts 2002 – *Tolts M.* Aliya from the Russian Federation: An Analysis of Recent Data // *Jews in Eastern Europe*. 2002. № 1–2 (47–48). P. 5–23.
- Weinberg 1993 – *Weinberg R.* Purge and Politics in the Periphery: Birobidzhan in 1937 // *Slavic Review*. 1993. № 52. P. 13–27.
- Weinberg 2007 – *Weinberg R.* Biology and the Jewish Question after the Revolution: One Soviet Approach to the Productivization of Jewish Labor // *Jewish History*. 2007. Vol. 21. P. 413–428.

“Birobidzhan Generation”: Construction of a Shtetl in the Far East

Gennady Estraiikh

(New York, USA)

Professor,

Skiball Department of Hebrew and Judaic Studies,

New York University

E-mail: ge293@nyu.edu

ORCID: 0000-0002-7885-7851

Iosef Brenner

(Birobidzhan, Russia)

PhD, Senior Research Fellow,

Institute for Complex Analysis of Regional Problems, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences; Research and Educational Center for the Study and Preservation of the Historical and Cultural Heritage in the Jewish Autonomous Region

Email: brener_iosif@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3322-5188

Abstract: This article attempts to add understanding to the project of constructing the Far Eastern Jewish autonomy. It is emphasized that from the very beginning, in 1928,

Birobidzhan had been built without any definite plan or, when a plan did exist, it usually would not be followed through. Twice, in the 1930s and 1940s, repressions weakened the intellectual and professional composition of the population of the Jewish Autonomous Region. Turning the city of Birobidzhan into a significant academic and cultural center remained an unrealized dream of enthusiasts of the Far Eastern Jewish autonomy. Even the construction of modern housing and sewage began as late as the 1960s. Birobidzhan languished as a backwater with a Jewish minority population, whose educational level was considerably lower than that, on average, for Soviet Jews. In stark contrast to an exemplary modern city, envisioned in blueprints of the early 1930s, the settlement of the bank of Bira River grew into essentially a shtetl, which endured until the 1990s, when the vast majority of its Jews left the area.

Keywords: Birobidzhan, nationalities policy, Soviet Jews, urban development, human capital

References

- Brener I. S., 2015, *Khronologiia istorii nesostoiavsheisia birobidzhanskoi konferentsii po iazyku idish* [Chronology of the history of the failed Birobidzhan conference on the Yiddish language], *Judaica Petropolitana*, 4–1, 65–112.
- Brener I. S., Zarembo A. V., 2013, *Birobidzhanskii proekt v nauchnykh issledovaniakh: tsennosti i interesy v istorii Evreiskoi avtonomnoi oblasti* [Birobidzhan Project in academic research: values and interests in the history of the Jewish Autonomous Region]. Kiev.
- Dekel-Chen J., 2007, “New” Jews of the Agricultural Kind: A Case of Soviet Interwar Propaganda, *The Russian Review*, 66, 3, 424–450.
- Estraikh G., 1995, Yiddish Language Conference Aborted, *East European Jewish Affairs*, 25, 2, 91–96.
- Estraikh G., 2018, Slukhi o vyselenii v Birobidzhan, Anastas Mikoian i amerikanskii evreiskii isteblishment [Rumors about Expulsion to Birobidzhan, Anastas Mikoyan, and the American Jewish Establishment] *Judaic-Slavic Journal*, 1, 103–117.
- Gamalei S. Iu., 2019, Kadrovyi sostav natsional’nyi teatrov Dal’nego Vostoka v 1930-e gody (na primere evreiskogo teatra g. Birobidzhana) [The staff of the national theaters of the Far East in the 1930s (on the example of the Jewish theater of Birobidzhan)], *Voprosy razvitiia tvorcheskoi sredy Dal’nego Vostoka Rossii i Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona* [Development of the creative environment of the Russian Far East and the Asia-Pacific region], ed. Skorinov S.N., Khabarovsk, 2019, 79–84.
- Ivanov A., 2020, V poiskakh novogo cheloveka na beregakh rek Biry i Bidzhana: Evreiskaia sektsiia Gosudarstvennogo muzeia etnografii v Leningrade (1937–

- 1941) [In Search of a new man on the banks of the Bira and Bidzhan rivers: the Jewish section of the State Museum of Ethnography in Leningrad (1937–1941)], *Sovetskaia geniza: Novye arkhivnye razyskaniia po istorii evreev v SSSR* [Soviet geniza: new archival researches on the history of Jews in USSR], vol. 1, eds. G. Estraiikh i A. Frenkel', Boston-Saint-Petersburg, 2020, 171–292.
- Konstantinov V., 2007, *Evreiskoe naselenie byvshego SSSR v XX veke* [Jewish Population of the former USSR in the 20th century], Jerusalem, 2007.
- Kostyrchenko G., 2012, *Tainaia politika Khrushcheva: vlast', intelligentsiia, evreiskii vopros* [Khrushchev's secret politics: power, intelligentsia, the Jewish question], Moscow, 2012.
- Kotlerman B., 2002, Yiddish Schools in Birobidzhan, 1939–1941, *Jews in Eastern Europe*, 3 (49), 109–120.
- Kotlerman B., 2007, “Why I am in Favour of Birobidzhan?”: Bergelson's Fateful Decision, *David Bergelson: From Modernism to Socialist Realism*, ed. J. Sherman and G. Estraiikh, Oxford, 222–235.
- Kotlerman B., 2020 “Ostanovi ruku tvoiu!": Pis'ma na ivrite iz Birobidzhana, god 1958-i [“Stop your hand!": Letters in Hebrew from Birobidzhan, year 1958] *Sovetskaia geniza: Novye arkhivnye razyskaniia po istorii evreev v SSSR*. [Soviet geniza: new archival researches on the history of Jews in USSR], vol. 1, eds. G. Estraiikh i A. Frenkel', Boston-Saint-Petersburg, 2020, 351–433.
- Krupnik I., 1995, Soviet Cultural and Ethnic Policies towards Jews: A Legacy Reassessed, *Jews and Jewish Life in Russia and the Soviet Union*, ed. Yaakov Ro'I, Ilford, Essex, and Portland, OR, 67–86.
- Kutovaia S.V., 2016, Marginal'nye faktory formirovaniia sotsial'nogo prostranstva Dal'nevostochnogo raiona (na primere EAO) [Marginal factors in the formation of social space in the Far Eastern region (on the example of the Jewish Autonomous Region)], *Sotsiologicheskie issledovaniia*. 2016, 1, 158–162.
- Lokshin A. E., 2015, O poriadke v"ezda iz-za granitsy v SSSR trudiashchikhsia evreev na postoiannoie mesto zhitel'stva v Evreiskuiu avtonomnuiu oblast' [On the procedure of entrance from abroad to the USSR of working Jews for permanent residence in the Jewish Autonomous Region] *Vostochnyi arkhiv*, 1, 72–75.
- Lur'e Ia. M., 2019, Cherez ternii Kryma k zvezdam Birobidzhana: dve pereselencheskie utopii v sovetskom agitkino [Through the thorns of the Crimea to the stars of Birobidzhan: two resettlement utopias in the Soviet agitkino], *Kino i kapital. Al'manakh Tsentra issledovaniia ekonomicheskoi kul'tury* [Cinema and Capital. Almanac of the Center for the Study of Economic Culture], eds. A. A. Pogrebniak, N. M. Savchenkova. Moscow – St. Petersburg, 130–141.
- Romanova V. V., Korolev D. V., 2008, Iz istorii bor'by s antisemitizmom v EAO v 1935 g. [From the history of the fight against anti-Semitism in the Jewish Autonomous Region in 1935], *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*, 1–8.

- Smirnova T. M., 2020, Evreiskaia avtonomnaia oblast': vzgliad iz-za okeana [Jewish Autonomous Region: a view from across the ocean], *Evrei v mirovoi istorii, kul'ture i politike*. Seriiia "Trudy po iudaike". Peterburgskii institut iudaiki [Jews in World History, Culture, Politics], 211–228.
- Tkacheva G.A., 2007, Dinamika chislennosti i sostava naseleniia Dal'nego Vostoka v 1941 – 1945 gg. [Dynamics of the size and composition of the population of the Far East in 1941–1945], *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniia*, 1, 60–74.
- Patek A., 2019, The Jewish Autonomous Oblast in the USSR in the Documents of the British Foreign Office (1952–1958), *Scripta Judaica Cracoviensia*, 17, 105–120.
- Richardson W., 1989, Architecture, Urban Planning and Housing During the First Five Year Plans: Hannes Meyer in the USSR, 1930–1936, *Urban Studies*, 26, 1, 155–163.
- Tolts M., 2002, Aliya from the Russian Federation: An Analysis of Recent Data, *Jews in Eastern Europe*, 1–2 (47–48), 5–23.
- Voloshinova I., 2013, Dinamika evreiskogo naseleniia v SSSR v 1920–1930 gg. [Dynamics of the Jewish population in the USSR in 1920–1930], *Nauchnye trudy po iudaike*, 46, 2, 277–288.
- Weinberg R., 1993, Purge and Politics in the Periphery: Birobidzhan in 1937, *Slavic Review*, 52, 13–27.

Архивы.
Публикации

Archives.
Publications

Дмитрий Фельдман

Кандидат исторических наук, главный специалист
Российского государственного архива древних актов (РГАДА),
Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-7035-8185
e-mail: dzfeldman@rambler.ru

«Приемлю смелость всеподданнейше просить...»

Аннотация: Публикация Д. З. Фельдмана, сопровождаемая его вступительной статьей и комментариями, содержит прошение крещеного одесского еврея, отслужившего в армии и сосланного в Сибирь за тайное исповедование иудаизма, об амнистии и возвращении на родину. Данный документ свидетельствует о частном случае неудачной адаптации евреев на новом месте проживания за традиционной «чертой оседлости».

Ключевые слова: крещение евреев, кантонисты, уголовный суд, император Александр III, Правительствующий Сенат, Министерство юстиции, Сибирь.

DOI: 10.31168/2658-3364.2021.1.10

5 ноября 1885 г. Первое уголовное отделение Департамента Министерства юстиции направило из Санкт-Петербурга в Московский архив Министерства юстиции (МамЮ)¹ отношение с просьбой выслать подлинное определение Шестого департамента Правительствующего Сената² по делу крещеного еврея Хрисанфа Васильева (до крещения Янко-Юсуфа) [РГАДА. Ф. 337. Оп. 2. Д. 863. Л. 1–1 об.]. К письму были приложены копии «всеподданнейшего прошения» Васильева и статейного списка на него, в которых описана биография просителя. Биография Васильева является свидетельством о судьбе одного из тысяч малолетних евреев, взятых

¹ Московский архив Министерства юстиции (МамЮ) – исторический ведомственный архив в Москве, образованный путем слияния Разрядно-Сенатского, Поместно-Вотчинного и Московского государственного архива старых дел, существовавший в 1852–1925 гг.; ныне в составе Российского государственного архива древних актов (РГАДА), расположенного в историческом здании МамЮ постройки 1886 г.

² Шестой департамент Правительствующего Сената выполнял судебные функции в Москве в качестве высшего апелляционного суда по уголовным делам; функционировал в 1763–1871 гг.

по рекрутскому набору в российскую армию и известных как кантонисты – солдаты кантонистских батальонов, в которых они проходили подготовку к полноценной армейской службе [Петровский-Штерн 2003, 114–172].

Судя по сведениям, содержащимся в прошении, он родился в Одессе около 1820 г. и получил имя Янко-Юсуф. Около 1831 г., в возрасте 11 лет, он был взят в армию и проходил службу в уланском полку в Харьковской губернии. То, что Васильев не смог сам подписать свое прошение в 1885 г. показывает, что за время службы он не научился ни писать по-русски, ни подписываться на этом языке.

Во время воинской службы Янко-Юсуф был крещен в православие «по распоряжению начальства» и получил имя Хрисанфа Васильева. Неизвестно, когда именно и при каких обстоятельствах Васильев был крещен – согласно исследованию Йоханана Петровского-Штерна, кампания массового обращения кантонистов евреев в православие началась лишь в 1843–1844 гг. [Петровский-Штерн 2003, 130–131]. Однако Васильев принял христианство лишь для виду и продолжал «втайне» исполнять «свою религию иудейскую». В этом он был не одинок. Сотни насильственно крещенных кантонистов пытались объявить о своем возвращении к еврейской религии после перевода из кантонистских школ в регулярные части во второй половине 1850-х гг., после смерти Николая I. Сотни других – как и Васильев – не объявляли открыто о возвращении в иудаизм, а просто начинали вести еврейский образ жизни после выхода в отставку [Петровский-Штерн 2003, 149–164].

Отслужив 25 лет, в 1856 г., Васильев вернулся в Одессу. Тот факт, что в прошении упоминается сын Васильева, носящий еврейское имя Гирш, позволяет предположить, что в Одессе он женился на еврейке, по еврейскому обряду, однако явно не мог зарегистрировать свой брак у казенного раввина, так как официально был православным.

В 1867 г. тот факт, что номинально православный Васильев исполняет еврейские обряды, вскрылся, и он был отдан под суд. Православная церковь являлась «первенствующей и господствующей верой» в Российской империи (статья 62 Основных государственных законов), и до революции 1905 г. «отпадение от православия» было полностью запрещено и сурово каралось. Даже в тех случаях, когда обвиняемый однозначно доказывал, что его переход в православие не был добровольным, как того требовали церковные каноны и государственное законодательство, закон не позволял ему избежать кары.

Васильев был сослан на вечное поселение в Сибирь, куда и прибыл с сыном Гиршем (и, вероятно, со своей еврейской женой) в 1869 г. Разумно предположить, что в Сибири Васильев также продолжал придерживаться еврейского образа жизни и общался с несколькими десятками других евреев, сосланных в тот же округ. К сожалению, мы ничего не знаем про

то, чем Васильев зарабатывал на жизнь в Енисейской губернии. Ясно лишь, что, как и большинство ссыльных и большинство евреев, он был отправлен в сельскую местность³, где и проживал в течение как минимум 16 лет.

15 мая 1883 г., в связи с коронацией Александра III, был опубликован высочайший манифест «О милостях, дарованных народу по случаю коронации», включавший в себя прощение недоимок и смягчение наказаний за некоторые виды преступлений. Через два года после обнародования манифеста Васильев, «преступление» которого не подпадало под амнистию, решил попытать счастья и подал прошение императору с просьбой разрешить ему и его сыну вернуться в Одессу.

25 ноября 1885 г. Сенатское отделение МАМЮ уведомило Департамент Министерства юстиции, что, во-первых, определение Сената по делу Васильева состоялось 11 августа 1867 г., а во-вторых, что оно находится в Книге журналов и определений 2-го отдела Шестого департамента Сената, которая в свое время (22 февраля 1878 г.) уже была отослана архивом из Москвы в Санкт-Петербург, в Министерство юстиции [РГАДА. Ф. 337. Оп. 2. Д. 863. Л. 2-2 об.]. К сожалению, окончательный результат этого дела нам неизвестен.

Прошение Васильева отложилось в копии в фонде Канцелярии Московского архива Министерства юстиции – одного из крупнейших дореволюционных архивохранилищ, ныне составляющих собрание Российского государственного архива древних актов.

Судьба Васильева, несомненно, является казусом и едва ли отражает типичную ситуацию с адаптацией евреев за Уралом. Как показывают исследования, в Сибири с ее довольно благоприятной конфессиональной обстановкой успешно сосуществовали и взаимодействовали между собой иудеи, крещенные евреи, геры, субботники, а также представители других этнических и конфессиональных групп [Рабинович 2002; Хижая 2008; Герасимова 2018; Берман, Орехова, Генина 2021 и др.]. Считается, что экономические перспективы и возможности социального роста в Сибири приводили подчас к намеренному нарушению закона с тем, чтобы попасть в сибирскую ссылку [Рабинович 2002, 54–59]. Однако случай Васильева демонстрирует прямо противоположное – после 16 лет в Сибири Васильев просит отпустить его обратно в Одессу. Данный пример неудачной адаптации на новом месте явно свидетельствует о многогранности социального опыта евреев в Сибири и в очередной раз доказывает, что обобщения работают далеко не во всех случаях.

³ См. об этом статью Анны Березин и Владимира Левина «Сибирский миф в еврейской истории: евреи Сибири как религиозная группа» в этом номере журнала.

**Прощение ссыльнопоселенца Тесинской волости Минусинского округа
Енисейской губернии Хрисанфа Васильева на имя императора
Александра III об амнистии и возвращении его с семьей в г. Одессу**

15 июля 1885 г.

Ваше Императорское Величество, всеавгустейший монарх!

До ссылки в Сибирь я был иудейского исповедания из одесских мещан, с 11 лет взят в кантонисты и определен в Серпуховской уланский полк, стоявший в Харьковской губернии, городе Балаклая⁴, где в том малолетстве и был окрещен в православие по распоряжению начальства без воли моей согласно прежних узаконений. По выслуге 25 лет, во время которых я, хотя и был крещен, но втайне исполнял свою религию иудейскую, и по отставке возвратившись в природной город Одессу, тоже держался иудейству; по обнаружению чего за обращение из православия предан был суду и по обсуждению в городе Одессе с лишением всех прав состояния в 1867 году сослан в Сибирь на поселение, по прибытии куда причислен в 1869 году Енисейской губернии Минусинского округа в Тесинскую волость и с того времени живу на этом месте. Причисление с семейством своим безукоризненно, но лишившись родины за одно лишь твердое содержание своей природной иудейской веры, понес я такое тяжелое наказание и томительную ссылку и задержание в Сибири в течение столько лет.

Всеавгустейший монарх! Ввиду всемилостивейшего манифеста 15 мая, которым дарование Вашего Величества многим ссыльным милость, и я хотя не мог по категории ссылки своей вполне воспользоваться, но приемлю смелость всеподданнейше просить не оставить распространить и на меня, угнетенного в Сибири старца, имеющего от роду около 65 лет и потерпевшего чрез это уже все физические силы, милость свою и повелеть – восстановить мои прежние права и позволить возвратиться с единственным сыном своим Гирше[м] на родину в город Одессу.

Июля 15 дня 1885 года.

Верноподданный Вашего Императорского Величества, ссыльнопоселенец Енисейской губернии Минусинского округа Тесинской волости, по крещению Хрисанф Васильев, а по иудейскому исповеданию Янко-Юсуф.

А по безграмотству его и просьбе руку приложил минусинский мещанин Иван Михайлов Петров.

⁴ Балаклея – до 1765 г. слобода в составе Харьковского полка; с 1765 г. центр Балаклейского комиссариата Изюмской провинции Слободско-Украинской губернии (Харьковского наместничества); в 1796–1891 гг. называлась Ново-Серпухов (по имени дислоцированного здесь Серпуховского полка), затем слобода Балаклея Змиевского уезда Харьковской губернии.

Жительство имею на месте причисления.

РГАДА. Ф. 337. Оп. 2. Д. 863. Л. 3–4.

Рукопись, копия.

На л. 3 сверху помета о дате получения: «13 августа 1885 г. Копия».

Библиография

- РГАДА – Российский государственный архив древних актов
Петровский-Штерн 2003 – *Петровский-Штерн Й.* Евреи в русской армии, 1827–1914. М.: НЛО, 2003.
- Хижая 2008 – *Хижая Т.И.* К вопросу о контактах между субботниками и евреями в России первой трети XIX в. // Проблемы еврейской истории. Материалы научных конференций Центра «Сэфер» по иудаике 2007 года. Ч. 1. М., 2008. С. 166–181.
- Рабинович 2002 – *Рабинович В.Ю.* Евреи дореволюционного Иркутска: меняющееся меньшинство в меняющемся обществе. Красноярск, 2002.
- Герасимова 2018 – *Герасимова В.А.* Сибирь толерантная? К вопросу об отношении к евреям в Западной Сибири в дореволюционный период // Вестник Пермского государственного университета. Серия «История». 2018. № (3) 42. С. 54–63.
- Берман, Орехова, Генина 2021 – *Берман Е.А., Орехова Н.А., Генина Е.С.* Сектанты-субботники Иркутской и Енисейской губерний (первая четверть XIX – первая четверть XX вв.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 71. С. 133–140.

“I have the Courage to Ask Most Sincerely...”

Dmitry Feldman

PhD in History,

Chief specialist, Russian State Archives of Ancient Acts, Moscow Russia

ORCID: 0000-0002-7035-8185

e-mail: dzfeldman@rambler.ru

Abstract: The publication of D.Z. Feldman, accompanied by his introductory article and comments, contains a petition of the baptized Odessa Jew who used to be in the Army and was exiled to Siberia for secretly professing Judaism, for amnesty and return to his

homeland. This document testifies to a particular case of unsuccessful adaptation of the Jews to a new place of residence beyond the traditional “Pale of Settlement”.

Keywords: baptism of Jews, cantonists, criminal court, Emperor Alexander III, Governing Senate, Ministry of Justice, Siberia.

References

- Petrovskii-Shtern, I., 2003, *Evrei v russkoi armii: 1827–1914* [The Jews in the Russian Army: 1827–1914]. Moscow: NLO, 558.
- Khizhaia, T.I., 2008, K voprosu o kontaktakh mezhdu subbotnikami i evreiami v Rossii pervoi treti 19 v. [On the question of contacts between “Subbotniks” and Jews in Russia in the first third of the 19th century]. *Problemy evreiskoi istorii. Materialy nauchnykh konferentsii Tsentra “Sefer” po iudaike 2007 goda* [Problems of Jewish history. Materials of scientific conferences of the “Sefer” Center on Jewish studies in 2007]. Pt. 1. Moscow, 166–181.
- Rabinovich, V.Iu., 2002, *Evrei dorevoliutsionnogo Irkutska: meniaiushcheesia men’shinstvo v meniaiushchemsia obshchestve* [The Jews of pre-revolutionary Irkutsk: a changing minority in a changing society]. Krasnoiarsk: Klaretianum, 238.
- Gerasimova, V.A., 2018, Sibir’ tolerantnaia? K voprosu ob otnoshenii k evreiam v Zapadnoi Sibiri v dorevoliutsionnyi period [Is Siberia tolerant? On the question of the attitude towards the Jews in Western Siberia in the pre-revolutionary period]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriiia “Istoriia”*, (3) 42, 54–63.
- Berman, E.A., and N.A. Orekhova, and E.S. Genina, 2021, Sektanty-subbotniki Irkutskoi i Eniseiskoi gubernii (pervaia chetvert’ 19 – pervaiia chetvert’ 20 vv.) [Sectarians–“subbotniks” of Irkutsk and Yenisei provinces (the first quarter of the 19th – the first quarter of the 20th centuries)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*, 71, 133–140.

Герасимова Виктория

(Омск, Россия)

Кандидат ист. наук, старший научный сотрудник,

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

E-mail: gerasimova@bk.ru

ORCID: 0000-0002-9968-3379

«План Киржница»: проект по переселению евреев в Сибирь в период Гражданской войны¹

Аннотация: Меморандум «Сибирь как центр еврейской иммиграции» был написан в 1919 г. по поручению посланника «Джойнта» в Сибири Ф. Розенבלата. Автор документа А. Д. Киржниц — известный журналист, библиограф, историк рабочего движения. В меморандуме представлен подробный исторический обзор проектов о переселении евреев в Сибирь с начала XIX в., приведена история общественно-политической полемики вокруг темы еврейской миграции из черты оседлости за Урал, в том числе вокруг так называемого плана Бруцкуса, обнародованного в августе 1915 г. Заметка, предваряющая публикацию документа, посвящена биографии А. Д. Киржница, а также историческому контексту, в котором появился этот документ. Дальнейшая судьба «плана Киржница» и его автора показывают определенную преемственность между идеями о создании в Сибири «центра еврейской иммиграции» и более поздним советским проектом по созданию на Дальнем Востоке еврейской автономии.

Ключевые слова: евреи, миграция, Сибирь, А. Д. Киржниц, Гражданская война, Джойнт, Иркутск.

DOI: 10.31168/2658-3364.2021.1.11

Публикуемый документ — меморандум «Сибирь как центр иммиграции для евреев» — обнаружен в объемном архивном деле под общим названием «Материалы (протоколы, доклады, инструкции, соглашения еврейских комиссий, евсекций наркомнаца, губнаца и др.) о восстановлении экономической жизни в Белоруссии, кооперировании и колонизации евреев, переселении безработных беженцев с Запада на Урал и Сибирь». Дело отложилось в фонде Народного комиссариата по делам национальностей (Наркомнаца) в Государственном архиве Российской Федерации и датировано 1921–1922 гг. Сам меморандум, однако, написан в июне-июле 1919 г. и возник в совсем ином историческом контексте. Этот источ-

ник ранее не был известен исследователям и впервые вводится в научный оборот.

В документе представлен подробнейший из существующих на сегодняшний день обзор проектов о переселении евреев в Сибирь с первой половины XIX в. до 1919 г., актуальная на тот момент полемика вокруг идеи создания еврейского «иммиграционного центра» за Уралом, а также изложен авторский план по организации масштабного переселения евреев в Сибирь. Меморандум был составлен по поручению Фрэнка Розенבלата, посланника Американского распределительного комитета «Джойнт» в Сибири. Летом 1919 г. Ф. Розенблат предпринял масштабную поездку от Урала до Маньчжурии с целью лично провести оценку нужд евреев – жертв Первой мировой войны и военнопленных [Beizer 2009]. Публикуемый меморандум был далеко не единственным документом, подготовленным для посланника «Джойнта». Во время своих поездок по городам Сибири и Урала Розенблат получал «меморандумы» от представителей разных общин, однако они носили локальный характер и содержали сведения о состоянии местных еврейских общин, беженцах и военнопленных.

Документом иного масштаба стал меморандум «Сибирь как центр еврейской иммиграции». Его автором был Абрам Давидович Киржниц — известный специалист по еврейской библиографии, журналист, историк рабочего движения.

Киржниц родился в Бобруйске в 1887 г. С 1906 г. он был активистом Бунда и печатался в русских и еврейских периодических изданиях². В 1915 г. за свою политическую деятельность был выслан в Сибирь. Во время пребывания в ссылке в Иркутске Киржниц женился на дочери известного фольклориста и местного общественного раввина Соломона Бейлина, Любови Соломоновне Бейлиной³. Сам Киржниц был выходцем из религиозной хасидской семьи, получил неплохое религиозное образование [Reisen 1929, 653]. После двух лет в Сибири, весной 1917 г., Киржниц ненадолго уезжал в Петроград и Минск, однако вскоре вновь вернулся в Иркутск.

Во время ссылки и после революции Киржниц продолжил вести активную общественно-политическую и журналистскую деятельность. С 1915 г. он сотрудничал с различными сибирскими периодическими изданиями, а наиболее значительной его публикацией на этой ниве в Сибири стал подробный статистический обзор «Книжное дело и периодическая печать в Сибири» [Киржниц 1916].

² Подробнее о журналистской деятельности А. Д. Киржница см. [Reisen 1929, 652–659].

³ О Соломоне Бейлине и членах его семьи см. [Берман 2020].

В Сибири Киржниц поддерживал также тесную связь с еврейскими периодическими изданиями Москвы и Петрограда, публикуя в «Еврейской неделе», «Новом пути», «Еврейском экономическом вестнике» и других изданиях сведения о текущей ситуации за Уралом и знакомя читателей в Европейской России с реалиями «восточных окраин». За время своего пребывания в Сибири Киржниц не только возглавил иркутский Бунд, но и создал после возвращения в Иркутск в 1918 г. Сибирскую еврейскую культур-лигу «Цукунфт» [А. К. 1919], запустил работу издательства «Еврейская свободная мысль», а также предпринял попытку создания собственной газеты «Отклики Бунда», кроме того, он исполнял обязанности уполномоченного по Сибири от Общества ремесленного и земледельческого труда среди евреев в России (ОРТ), о чем сам сообщал в меморандуме [ГАРФ, Ф. Р-1318. Оп. 24. Д. 12. Л. 48].

Центральной темой меморандума стал так называемый план Бруцкуса об организации еврейской иммиграции в Сибирь, предложенный известным демографом и экономистом Б. Д. Бруцкусом на съезде Комитета помощи жертвам войны в августе 1915 г.⁴ Несмотря на то, что план был отвергнут, он положил начало общественной дискуссии о новых направлениях еврейской иммиграции. Идеи, озвученные Киржницем в публикуемом тексте, нельзя назвать голословными или оторванными от реальности. В отличие от Бруцкуса, Киржниц не оперировал абстрактными представлениями о Сибири, поскольку владел актуальной информацией и лично занимался исследованием местных социально-экономических условий, в том числе состояния еврейских общин в регионе. Неизвестно, пользовался ли «план Киржница» поддержкой сибирских евреев. Возглавляемый Киржницем иркутский Бунд находился в идейной оппозиции основному органу самоуправления евреев Сибири — Национальному совету еврейских общин Сибири и Урала во главе с М. А. Новомейским, в состав которого входила сибирская еврейская финансовая элита. В августе 1915 г. на съезде ЕКОПО представители сибирских общин не выразили ожидаемой поддержки «плану Бруцкуса» о переселении еврейских беженцев за Урал. Едва ли с тех пор сибирская еврейская элита изменила свое мнение.

В настоящее время не удалось найти сведений о дальнейшей судьбе плана в архиве «Джойнта», однако в Советской России о нем не забыли. Самого Киржница приход советской власти застал в Иркутске, где он пользовался широчайшим авторитетом. Как отмечали иркутские функционеры евсекции, «это единственный еврейский пролетарский культурник и популярный оратор, пользующийся большим влиянием среди еврейских рабочих» [ГАНИИО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 6 об.]. Тем не менее он не вступил в ряды РКП(б) и в 1920 г. уехал в Читу, столицу

⁴ Плану Бруцкуса посвящена статья Полли Завадивкер в этом номере журнала.

Дальневосточной республики, где участвовал в разработке законодательства по этническим меньшинствам, в том числе предложил проект национально-культурной (экстерриториальной) автономии, легший в основу аналогичных проектов других этнических групп [Саблин 2020, 174]. После вхождения республики в состав РСФСР Киржниц уехал в Ново-Николаевск (1923 г.), а затем, в 1924 г., переехал в Москву.

Несмотря на смену политического режима, вопрос о расселении евреев за Уралом сохранял свою актуальность. Новый запрос исходил от молодой советской власти. В том же 1920 г. в протокол заседания иркутской евсекции внесли сведения о том, что глава секции Т. Л. Берин получил в Москве от ЦБ евсекций устное распоряжение «узнать обстоятельства Сибири» как возможного «центра еврейской иммиграции» [ГАНИИО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 465. Л. 14 об.]. Созвучность формулировки задания с названием меморандума Киржница довольно очевидна. Вероятно, этим объясняется включение «Меморандума» в архивное дело из фонда Наркомнаца: с «планом Киржница» ознакомились в Москве, но тогда он так и не был реализован.

К проектам переселения евреев за Урал советская власть вернулась позже, но в уже ином политическом контексте. Публикуемый документ — прямое подтверждение тому, что сама идея о рассмотрении Сибири как территории, перспективной для расселения евреев, получившая физическое воплощение в конце 1920-х — начале 1930-х гг., не возникла «из ниоткуда». Более того, автор документа оказался в рядах тех, кто активно пропагандировал массовое переселение евреев-трудящихся на Дальний Восток. Киржниц безусловно поддержал создание еврейской автономии в междуречье Биры и Биджана, активно участвовал в работе ОЗЕТ, не раз приезжал на станцию Тихонькую и позже в Биробиджан, чтобы лично все увидеть и рассказать об увиденном. В 1930-х гг. Киржниц работал в Биробиджане в качестве корреспондента газеты «Дер Эмес», после чего написал несколько популярных брошюр о переселении евреев в ЕАО [Киржниц 1934; 1936; Журавлева 2008]. В 1938 г. Киржниц был арестован и проходил по делу о «продаже Дальнего Востока японцам». В 1940 г. его освободили, однако подорванное здоровье восстановить уже не удалось, и вскоре он скончался. Как вспоминал его сын, выдающийся физик-ядерщик Давид Абрамович Киржниц, на похоронах его отца присутствовал весь цвет советской еврейской литературы: Перец Маркиш, Давид Бергельсон, Самуил Галкин, Лев Квитко [Киржниц 2001].

Текст документа публикуется с минимальными комментариями, в авторской редакции.

Источники

- ГАНИОО – Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 465. Протоколы, отчеты и списки членов еврейской секции. 70 л.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-1318. Оп. 24. Д. 12. Материалы (протоколы, доклады, инструкции, соглашения еврейских комиссий, евсекций Наркомнаца, губнаца и др.) о восстановлении экономической жизни в Белоруссии, кооперировании и колонизации евреев, переселении безработных беженцев с Запада на Урал и Сибирь. 43 л.
- А. К. 1919 – А. К. Сибирская Лига Еврейской Культуры // Цукунфт. Сб. статей. Иркутск: Еврейская свободная мысль, 1919. С. 11–16.
- Киржниц 1916 – *Киржниц А. Д.* Книжное дело и периодическая печать в Сибири // Сибирские записки. 1916. № 4. С. 105–112.
- Киржниц 1934 – *Киржниц А. Д.* Бирефельд. Казань: Татгосиздат, 1934. 23 с.
- Киржниц 1936 – *Киржниц А. Д.* Еврейская автономная область. М.: Дер Эмес, 1936. 131 с.
- Киржниц 2001 – *Киржниц Д. А.* Коротко о родителях // Труды по теоретической физике и воспоминания. Т. 1. М.: Физматлит, 2001. URL https://www.rfbr.ru/rffi/ru/books/o_61416#333 (дата обращения 22.08.2021).

Литература

- Берман 2020 – *Берман Е. А.* Семья казенного раввина С. Х. Бейлина в контексте истории XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2020. Т. 32. С. 75–82.
- Журавлева 2008 – *Журавлева О. П.* История книжного дела в Еврейской автономной области (1920–1960-е гг.). Хабаровск: Дальневосточная государственная научная библиотека, 2008. 438 с.
- Саблин 2020 – *Саблин И.* Дальневосточная республика. От идеи до ликвидации. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 480 с.
- Beizer 2009 – *Beizer M.* Restoring courage to Jewish hearts: Frank Rosenblatt's mission in Siberia in 1919 // East European Jewish Affairs. 2009. Vol. 39. № 1. P. 35–56.
- Reisen 1929 – *Reisen Z.* Leksikon fun der yidisher literatur, prese un filologie. III. Vilne, 1929. 405 с.

Сибирь как центр иммиграции для евреев
Меморандум, составленный А. Д. Киржницем,
по поручению представителя объединенного
распределительного комитета всех американских
фондов помощи евреям-жертвам войны,
д[окто]ром Ф. Р. Розенблатом⁵

Иркутск, июнь-июль 1919 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

- I. Правительственный проект колонизации Сибири евреями
- II. Проекты антисемитов выслать евреев в Сибирь
- III. Вопрос о переселении евреев в Сибирь во время войны
 - 1) Политические и экономические причины, выдвинувшие этот вопрос
 - 2) Доклад Б. Д. Бруцкуса и мнения оппонентов на съезде еврейских комитетов
 - 3) Отношение сионистов к проекту Б. Бруцкуса
 - 4) Литературные выступления Х. Д. Гуревича и Давидсона. Гр. Кваши и И. Клеймана
- IV. Деятельность О-ва Ремесленного Труда и ЕКОПО по исследованию Сибири
- V. Местная инициатива в этой области
- VI. Современная постановка вопроса:
 - 1) Усиление стимулов к массовой эмиграции евреев в старых еврейских центрах (Польше, Галиции, Украине, Литве и Белоруссии)
 - 2) Фактическое закрытие Соединенных Штатов Америки и Палестины для массовой иммиграции
 - 3) Сибирь, как единственный приемник значительных масс евреев
 - 1) Экономические факторы, благоприятствующие усиленной иммиграции евреев в Сибирь
 - 2) Национально-культурные факторы
 - 3) Ослабление психологических тормозов
- VII. Ближайшие задачи общественности
 - 1) Необходимость организации движения
 - 2) Работа в местах эмиграции
 - 3) Всесторонняя подготовка центров иммиграции
- VIII. Задачи американского еврейства

Вопрос о том, может ли Сибирь стать центром еврейской иммиграции и желательно ли такое направление еврейского эмиграционного

потока с точки зрения социально-экономических и национальных интересов еврейского народа — самый этот вопрос для еврейской общечественности России вопрос не новый. Впервые вопрос этот был поднят в 1836 году в правительственных кругах. Проектировалось переслать или сослать значительные массы евреев в наиболее отдаленные уголки Сибири. При чем инициаторами этого проекта преследовались две задачи. С одной стороны, таким образом надеялись освободить русское население Северо-Юго-Западных краев от «экономического засилья» евреев и чрезмерной эксплуатации последними темного крестьянского населения. А с другой, надеялись, таким образом, усилить «русский» элемент в крае, укрепить в нем позиции — политические и экономические — российской государственности. Для желающих поселиться в Сибири правительство тогда отдало 15 000 десятин земли в Тобольской и Омской областях, охотников переселиться в Сибирь, вопреки ожиданиям, среди евреев оказалось слишком много, и для удовлетворения всех записавшихся Министр Финансов предложил отвести для евреев еще 13.300 десятин земли, но Николай I это ходатайство отклонил и приказал совершенно прекратить переселение евреев в Сибирь.

Совершенно неприкрыто выявлял свою черносотенно-антисемитскую сущность второй по времени проект о колонизации Сибири евреями. Этот проект, относящийся к последним довоенным годам, исходил от черносотенной прессы («Русское Знамя»), руководимой столь прославившимся своим «жидоедством» деятелями как В. Пуришкевич, Н. Марков 2-й, д-р А. Дубровин и т. п. В реакционных кругах русской общественности, да и в некоторых близких к самодержавному правительству сферах, ухватились было и за этот проект, несмотря на то, что в нем уже не было даже и намека на государственные интересы, а шла речь исключительно об «избавлении России от паразитов евреев», о наиболее чувствительном ущемлении последних.

Этому проекту в еврейских кругах было придано меньше значения, чем первому, так как для всех было ясно, что и авторами его преследуется цель, ничего общего с сущностью проекта не имеющая, а именно — агитация против евреев, восстановление против них крестьянских масс губерний «черты оседлости» и моральное противодействие постановке в государственной думе еврейского вопроса. Еврейская общественность и печать тогда ограничилась лишь вскрытием этих истинных целей, преследуемых авторами проекта. На этом разговоры о нем закончились, и вопрос сам собою заглох, умер естественной смертью.

В третий раз вопрос о переселении части евреев из черты в Сибирь был поднят в начале второго года великой мировой войны, а именно в августе 1915 года. Ближайшими поводами, стимулировавшими постановку этого вопроса в порядок дня еврейской общественности, послужили:

- 1) массовое насильственное выселение и добровольное бегство евреев из районов военных действий и прилегающих к ним местностей;
- 2) вызванное последним обстоятельством разрешение евреям временно селиться в городах внутренних и окраинах губерний, в том числе и сибирских.

Первые два проекта, как сказано, возникли вне еврейского общества и не имели в виду интересов евреев. Последний же проект возник внутри еврейства, и главной и единственной его задачей было разрешение сложной проблемы еврейского экономического и политического бытия в России после мировой войны. Этот проект, вызвавший живой и продолжительный обмен мнений и бывший предметом страстных прений на первом всероссийском съезде еврейских комитетов помощи жертвам войны, заслуживает того, чтобы на нем подробно остановиться.

Возник этот вопрос, как сказано, в августе 1915 года. Было это сейчас после знаменитого циркуляра Министра Внутренних Дел Щербатова о разрешении евреям селиться в городах почти по всей России, на первом съезде комитетов помощи. Два обстоятельства выдвигали и ставили остро этот вопрос. С одной стороны, упомянутый циркуляр фактически отменивший почти целиком пресловутую «черту оседлости», носил временный характер. Указание в самом циркуляре, что он издается под давлением военных событий и лишь «впредь до изменения» этих последних, внушало руководящим еврейским кругам серьезные опасения, что по окончании войны этот циркуляр может быть отменен и могут быть восстановлены прежние ограничения в праве жительства и свободе передвижения евреев. С этими перспективами, столь же возможными, сколь и нежелательными для евреев, необходимо было серьезно считаться и заблаговременно принять меры к уменьшению шансов (их осуществления). И вот одной из таких мер было принято усиленное заселение евреями вновь открытых районов России, завоевание в них евреями прочных экономических позиций, что действительно могло бы оказать самое сильное сопротивление реставрационным вождедениям русских оптимистов.

С другой стороны, вопрос о Сибири как о центре для переселения евреев, в том момент очень остро ставила ситуация в т. н. черте оседлости. К тому времени, вся Польша, Литва, Прибалтийский край и ряд украинских губерний были уже оккупированы немцами и австрийцами. Из этих районов были насильственно и добровольно эвакуированы сотни тысяч евреев, которые в значительном большинстве сгруппировались в прифронтовой полосе, откуда они раньше или позже также должны были эвакуироваться. Экономическое же положение как этих, так и той части военных эмигрантов, которые очутились за чертой оседлости, было весьма незавидным. Передвижение десятков тысяч людей носило крайне хаотический и бессистематический характер. Поезда с беженца-

ми направлялись часто в такие пункты, где о подыскании какого-либо заработка не могло быть и речи, а в пункты, где был значительный спрос на рабочие руки, беженцы или вовсе не направлялись, или туда направлялись совершенно нетрудоспособные элементы. Кроме того, еврейской общественности уже и тогда было ясно⁶, что после войны из Польши, например, неизбежно начнется усиленная эмиграция евреев; вынуждены будут взять страннический посох в руки и значительные группы литовских и украинских евреев.

Что заокеанская эмиграция будет значительно затруднена — уже тогда не составляло секрета. Следовательно, оставалось только широко использовать представившуюся возможность колонизации некоторых районов России, где имеются необходимые для этого объективные [большой пробел в строке] — экономические и политические. Таким-то образом и возник вопрос о Сибири, как центре для еврейской иммиграции. На упомянутом съезде еврейских комитетов вопрос этот поднял известный еврейский экономист и статистик, профессор Петроградского сельскохозяйственного института Б. Д. Бруцкус. Он посвятил этому вопросу особый доклад, вокруг тезисов которого потом велись прения. Вот вкратце основания мысли этого заслуженного ученого, впоследствии опубликованные им на страницах еврейской печати («Еврейская неделя» за 1915 г. №№ 18 и 19). Еврейские общественные силы — говорится в докладе Б. Бруцкуса — воплощены текущей, неотложной работой по устройству беженцев. Нам надо как-нибудь пережить этот сегодняшний день, с которым сопряжены столь тяжкие страдания наших народных масс. Но те события, которые сейчас совершаются, имеют не только моментальное значение, они окажут огромное влияние и на будущее еврейского народа и за тревогами сегодняшнего дня мы все же не в праве это будущее забывать. Мы обязаны думать не только о том, чтобы как-нибудь устроить наших бесприютных, мы должны подумать и о том, чтобы поскольку беженцам не удастся вернуться на старые места, это устройство было надежным. Мало того, мы так должны направлять свою деятельность, чтобы результаты ее имели значение для будущего нашего национального коллектива. В постигшем нас несчастье мы должны искать путей к более счастливому и светлому будущему: нам надо уметь не только пристраиваться, но и строить свое будущее. И вот мне представляется, что на обширной территории Российской империи есть район, который как бы ждет евреев, который может принять их не тысячи, а сотни тысяч, и в развитии которого евреи могли бы сыграть совершенно исключительную роль. Там может создаться еврейский центр, по своему значению для нашей жизни, аналогичный нашему центру в Новом Свете, политическое влияние которого мы так определенно ощутили в по-

⁶ Слово написано над строкой.

следние дни. Я говорю здесь о Сибири. Мне могут сказать: разве мала для евреев Европейская Россия, что я предлагаю обратить особое внимание на далекую азиатскую окраину. Несомненно, что в Европейской России может устроиться немало евреев. Но все же существует принципиальное различие между нею и Сибирью. Сущность этого различия состоит в том, что Европейская Россия давно уже заселена; ее экономическая жизнь уже более или менее установилась, Сибирь же находится еще в процессе колонизации, и перед ней открыты исключительно широкие экономические горизонты.

Сибирь, включая Степное генерал-губернаторство, имела до последнего времени значение для России, преимущественно как район горнозаводской, и отчасти как район дикого скотоводства. Но в последние два десятилетия Сибирь приняла на себя миллионы земледельцев, и она выступила на рынок и с зерном, и с маслом, которого до войны вывозилось за границу на сумму до 70 мил. рублей. И важно здесь не только абсолютное количество произведенного продукта, еще важнее его отношение к численности занятого в производстве населения, т. е. производительность его труда. Она несравнима в земледельческой полосе России и в Сибири. Труд того же мало культурного крестьянина весьма малопроизводителен где-нибудь на центральном черноземье России, и он достаточно производителен в Сибири, ибо здесь у этого крестьянина земли вдоволь, и здесь не исчерпана еще сила только что поднятых девственных новей. Эти особенные условия отражаются и на развитии сибирских городов, которое происходит в темпе совершенно необычайном для Европейской России. При пересечении сибирской магистралью реки Оби в тайге возник небольшой железнодорожный поселок, он именуется теперь городом Ново-Николаевском, и имеет за 70 тыс. жителей. Население Омска за последние 15 лет утроилось, и сейчас в нем насчитывается до 125 тыс. жителей. Численность населения уездного города Барнаула уже достигла 50 тыс. человек, и с открытием движения по Алтайской дороге несомненно будет возрастать еще быстрее. Даже такие города, как Томск и Иркутск, которым проведение железной дороги по некоторым особенным причинам принесло, наряду с пользой и некоторый ущерб, удваивают в течение десятилетия свое население и насчитывают в настоящее время далеко за сто тысяч жителей каждый. Но торговое и промышленное развитие Сибири далеко не соответствует тем возможностям, которые у нее имеются. Сибирь обладает совершенно исключительными горными богатствами. В ней имеется золото, имеются богатейшие медные рудники, имеется, наконец, то, что для экономического развития страны значит больше, чем благородные металлы, — уголь, железо, и притом в наиболее выгодных комбинациях. Вновь прибывшие переселенцы поднимают все новые и новые земли. Необходимо доставлять им орудия производства, необ-

ходимо найти рынки для сбыта массы продуктов, которые они могут добыть, необходимо хоть частью эти продукты перерабатывать, необходимо этим земледельцам предложить соответствующие их потребностям ремесленные изделия.

Все знатоки Сибири рассказывают, что местный капитал не отличается большой подвижностью, и что местное население не отличается особенной предприимчивостью. При таких условиях еврейской предприимчивости открываются в Сибири совершенно исключительные перспективы. Средний еврейский предприниматель, обладающий обычно более чем скромным капиталом, но зато большим запасом инициативы, может рассчитывать здесь найти надлежащее применение своим способностям.

Но не только для еврейской мелкой буржуазии Сибирь должна явиться обетованной страной, не меньшие перспективы она открывает столь многочисленному классу еврейских ремесленников. Сибирский крестьянин тем отличается от крестьянина более населенных земледельческих районов Европейской России, что последнему почти нечего продавать, и он вынужден удовлетворить своим потребностям в натуральном порядке, у сибирского же крестьянина имеются избытки, и поскольку реализация их возможна, у него окажутся и денежные средства для приобретения ремесленных изделий. Масса еврейских ремесленников изготавливает посредственного качества изделия, которые, однако, вполне подходят к вкусам зажиточного крестьянина. Подтверждением этого является тот факт, что уже и теперь изготавливаемые в черте оседлости в еврейской домашней промышленности платье, обувь и другие изделия импортируются в Сибирь. Конечно, предложение на месте ремесленного труда различной квалификации вызовет новые потребности, которые сейчас не могут быть удовлетворены.

Нужды мелкого хозяйства породили в Сибири острую нужду в производстве соответствующих машин и орудий и в ремесленниках, умеющих эти орудия чинить. Сколько ремесленного труда требуется для надлежащего поддержания аппаратов, столь распространенных в западной Сибири маслодельных заводов. Многие продукты, как кожа, пушнина и т.д., которые сейчас вывозятся в совершенно сыром виде, с большой выгодой хотя бы частично могли бы быть обработаны. Таким образом, для еврейского ремесленника, а также промышленного рабочего, открыто в Сибири не менее широкое поприще, чем для еврейского торговца и предпринимателя.

В соответствии со сказанным совершенно различное значение будут иметь для нас города внутренней России и города Сибири. Если какая-нибудь Пенза, имеющая около 70 тыс. душ населения, может в течение десятилетия всосать в себя 5, а может быть, и 10 тысяч евреев, причем ни коренные жители, ни пришельцы не почувствуют тесноты,

то Ново-Николаевск, город таких же размеров, может легко удвоить свое население, за счет евреев, которые своим появлением не только не вызовут никакого стеснения, но наоборот, создадут условия для дальнейшего стремительного роста города. Понятно, что такие возможности и имеют для нас совершенно особенную ценность не только с экономической, но и с политической, и с культурной точки зрения.

И с политической стороны оседание евреев в Сибири встречает сравнительно благоприятные условия. Экономическая жизнь Европейской России уже более или менее определилась. Внедрение в нее евреев, как бы оно ни было для целого благотворным, кое-где заденет интересы различных торгово-промышленных слоев. Они не упустят случая начать агитацию против евреев, как против пришельцев. Иное положение мы встречаем в Сибири. Поприще для предприимчивости там настолько широко, что всякая инициатива прокладывает здесь дорогу и для других, более косных элементов, которые могут быть только благодарны людям инициативы. Но главное, что в Сибири еще не могло создаться и самого разделения жителей на коренных и пришлых, потому что здесь все еще свежо, здесь все пришельцы, и постольку все чувствуют себя своими. В этом отношении положение евреев здесь будет несомненно благоприятнее, чем в Европейской России. В подтверждение сказанного нельзя не указать на факты заступничества сибирского купечества за евреев. И надо заметить, что эти симпатии основываются на некотором знании сибиряками евреев, ибо последних здесь и теперь гораздо больше, чем в губерниях внутренней России (кроме черты, конечно).

Высказывая настоящие свои мысли, я конечно, не рекомендую сейчас же направить в Сибирь сотни тысяч беженцев. Прежде всего так далеко стоит посылать только трудоспособные элементы и притом лишь такие, которые решились окончательно порвать со своей старой родиной. Но, с другой стороны, я не предлагаю здесь какого-то проекта для далекого будущего, проекта, который сейчас подлежит лишь изучению. Америка уже открыта, и Сибирь — тоже. Каждое мое утверждение может быть подкреплено литературным материалом. А если так, то не приходится начинать только с посылки экспедиций для исследования этой страны. Если еврейские комитеты вынуждены направлять тысячами беженцев в города Поволжья, то такими же тысячами они с не меньшими основаниями могут посылать в города Сибири.

Открытие черты оседлости открыло перед евреями новые широкие горизонты, но все же я думаю, что самое крупное, [что] они имеют возможность создать, — на азиатской окраине России, и ее отдаленность не должна смутить, как не смутились наши эмигранты 80-х годов перед океаном, отделяющим Америку от Европы («Еврейская неделя», № 18, 1915 г., статья Б. Д. Бруцкуса «Где расселить наших беженцев»).

Уже на самом съезде тезисы Б. Бруцкуса встретили сильное противодействие со стороны ряда ораторов, главным образом сионистов, которые подошли к вопросу не с точки зрения экономических интересов и перспектив еврейства, а с точки зрения национальных интересов евреев. Всех ораторов этой группы беспокоило неизбежное расстояние [*так в тексте, вероятно, должно быть «расселение»*. — Прим. В. Г.] евреев, следствием чего неминуемо должна была быть массовая ассимиляция; некоторые же шли еще дальше и выразили опасение, как бы идеал «Сибиризм» не заменил собою идеала сионизма.

В виду несомненного интереса представляемого прениями по этому вопросу, позволим себе привести вкратце мнения представителей различных течений еврейской общественной мысли, а также и отдельных ученых-экономистов, высказанные на упомянутом съезде.

М. С. Розенталь (Петроград): «... Доклад Б. Д. Бруцкуса, чисто деловой, вызвал возражения принципиального характера, и потому они бьют мимо целей. Сибирь — район, импортирующий изделия еврейских рабочих на миллионы рублей, а потому при гостеприимстве со стороны местных евреев, при дешевом кредите, можно было бы туда направить значительное число квалифицированных рабочих».

Я. Д. Лещинский⁷ (еврейский экономист): «Вопрос о Сибири не должен быть поставлен с точки зрения национальной. Поскольку расселение евреев по городам Сибири практически возможно, и эти города не хуже городов Европейской России».

З. Л. Миндлин⁸: «Вопрос о переселении не принял здесь должного характера. Вместо практического дела создался политический вопрос,

⁷ Лещинский Яков (1876–1966) — еврейский социолог, экономист, общественный деятель. После Февральской революции 1917 г. в России принял участие в создании Объединенной еврейской социалистической рабочей партии. В 1921 г. эмигрировал из России в Берлин, где занимался наукой. В годы Второй мировой войны проживал в Нью-Йорке, где возглавил отдел экономики и статистики в Институте еврейских проблем при Всемирном еврейском конгрессе. В 1959 г. переехал в Израиль.

⁸ Миндлин Залкинд Лейбович (1882–1958) — социолог, демограф, советский государственный деятель. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В годы Первой мировой войны активно участвовал в деятельности архивно-статистической комиссии ЕВОПО. До 1920 г. член Бунда. В начале 1920-х возглавлял статистико-экономический отдел Евотдела Наркомнаца, был членом президиума Евобщесткома. Ученый секретарь государственной плановой комиссии (1924–1930), начальник отдела Центрального управления народно-хозяйственного учета Государственной плановой комиссии СССР (1930–1937). С октября 1937 г. — старший экономист городского управления народно-хозяйственного учета (Москва). В 1941–1942 гг. служил в качестве заведующего отделом плановой статистики в Красноуфимске. В 1942–1952 гг. — в городском статистическом управлении Москвы. С 1952 г. — научный сотрудник Института глазных болезней им. Г. Гельмгольца.

вопрос о национальном центре. Г. Подлишевский⁹ думает, что речь идет о национальном центре, об устройстве еврейской души. В настоящий момент нельзя ставить вопрос в форме решения национальной проблемы: концентрация или распыления. Нельзя во имя предвзятых взглядов решать вопрос о расселении десятков тысяч беженцев. Расселение не шло по идеологическим предпосылкам, а по внутренним законам. В настоящее время точно также нельзя ставить вопрос о расселении беженцев с точки зрения идеологических предпосылок».

М. Алейников¹⁰ (сионист) отмечает опасности идеологии распыления по образцу американского, где концентрация сама не может окрепнуть, надо ей содействовать. В настоящее время разгромлен еврейский быт, еврейская среда. Мы пострадали морально. Нужно стараться, чтобы этот быт не был потерян; единственный выход — концентрация.

Оратор сочувствует идее искания района для концентрации. Пусть это Сибирь. Но у докладчика это не просто Сибирь, а «сибиризм». В этом оратор видит признание докладчика, что необходима новая идея. Сионисты рады расширению «черты», но «сибиризм» не есть прогрессивное решение еврейского вопроса. В Сибири еврейская душа не успокоится. Это — этап. Путь ведет через Сибирь в Сион.

Д-р Н. Каценельсон¹¹ (сионист): «Решить проблему переселения по всей широте было бы здесь невозможно. Мы можем только уверенно сказать, что концентрация выгоднее экономически и национально. Нужно быть осторожным с ответственным делом направления переселенцев в известные места. В общем, тут трудно установить твердые принципы».

⁹ Подлишевский Авраам (1862–1929) — общественный деятель, сионист. В годы Первой мировой войны занимался помощью еврейским беженцам. В 1916 г. — один из основателей журнала «Га-Ам» на иврите (Москва). С 1918 г. в Польше, член ЦК сионистской организации Польши; член Временного Национального совета. Возглавлял представительство Керен ха-Йесод в Польше.

¹⁰ Алейников Михаил Семенович (1880–1938) — публицист, один из лидеров Российской сионистской организации. Окончил юридический факультет Харьковского университета. В 1917 г. издатель еженедельника «Рассвет». В 1919 г. уехал из России. В начале 1920-х активный деятель сионистского движения в Европе. С 1926 г. проживал в Хайфе. Участвовал в развитии промышленности и градостроительства Эрец-Исраэль. В 1937 г. получил орден Британской империи за труд на благо общества.

¹¹ Каценельсон Нисон Иосифович (1862–1923) — общественный деятель, депутат Государственной думы I созыва от Курляндской губернии. Окончил Берлинский университет со степенью доктора философии. Специалист в области экспериментальной физики. В 1899 г. в Базеле на 3-м Всемирном сионистском конгрессе избран директором Еврейского колониального банка. В 1903 г. сопровождал Теодора Герцля в его поездке по России. Один из основателей Союза для достижения полноправия еврейского народа в России (1905 г.). Член Конституционно-демократической партии. 10 июля 1906 г. в Выборге подписал «Выборгское воззвание», приговорен к трем месяцам тюрьмы и лишен права быть избранным. В 1910 г. возглавил Либавский эмиграционный комитет. С октября 1917 г. проживал в Латвии.

М. А. Кроль¹² (радикал, старый Сибирский общественный деятель): «Сибирское еврейство тоскует по живой еврейской работе. Еврейских беженцев встретят с любовью и лаской. Мы их примем и приютим».

Г. Б. Слиозберг¹³ (Петроград): «Когда-то для поддержки еврейства необходима была концентрация. В настоящее время для этого у нас имеются и другие пути. Рассеивание в смысле национальном не представляет опасности, если заблаговременно принять меры, если мы поддержим еврейский дух. Нужно дать переселенцам духовные удобства. Перед нами, как огненный столб впереди, должно шествовать истинно-еврейское просвещение».

В прениях по этому докладу, продолжавшихся несколько заседаний, приняли участие почти все делегаты, по окончании их докладчик (Б. Бруцкус) дал следующий краткий ответ некоторым оппонентам и внес конкретную резолюцию по вопросу о Сибири: «Тут говорили о “сибиризме”, но этот журнал [*опечатка, должно быть «жупел»*]. — *Прим. В. Г.*] не изменяет экономических положений доклада. Докладчик стоял все время на экономической почве, однако, он питает более широкие надежды относительно нашего культурного будущего. В Сибири экономические наши перспективы другого порядка, чем во внутренних губерниях. Нужно не останавливаться перед расстоянием и переселять уже сейчас. Все равно переселенцы туда пойдут, как пошли в Америку. Будем переселять туда не меньше, чем в Саратов. Нужно сейчас же за-

¹² Кроль Моисей Аронович (1862–1942) — исследователь Сибири, этнограф, юрист. Активный участник политических движений: народоволец, затем эсер, член Учредительного собрания. В 1887 г. сослан в Сибирь за политическую деятельность. Известен многочисленными публикациями о Восточной Сибири, бурятах, политике Российской империи на Востоке. После 1918 г. активный общественный деятель эмиграции, один из основателей Объединения русско-еврейской интеллигенции.

¹³ Слиозберг Генрих Борисович (1863–1937) — юрист и общественный деятель, один из учредителей Союза для достижения полноправия еврейского народа в России (1905 г.) и Еврейской народной группы (1907 г.). Окончил юридический факультет Петербургского университета, продолжил образование в университетах Гейдельберга, Лейпцига, Лёна, после чего получил звание магистра уголовного права в Петербурге. В 1912–1917 гг. он входил (от Еврейской народной группы) в Политическое бюро при еврейских депутатах, которое оказывало содействие и руководило деятельностью евреев — членов 4-й Государственной думы. В период Первой мировой войны он был одним из руководителей Еврейского комитета помощи жертвам войны (ЕКОПО) и фактически руководил работой по организации помощи выселенным и беженцам: вместе с М. Шефтелем Слиозберг представлял ЕКОПО в Особом совещании о беженцах, где добился для комитета правительственных ассигнований. Ему принадлежала также инициатива ходатайства, приведшего к практической отмене черты оседлости (ноябрь 1915 г.). В 1918 г. Слиозберг стал председателем ЕКОПО. В 1920 г. эмигрировал, обосновался во Франции, возглавлял российскую еврейскую общину в Париже.

няться организационной работой. В заключение докладчиком вносится следующая резолюция:

1) В виду особо благоприятных экономических перспектив, открывающихся пред евреями в Сибири, Совецание признает возможным теперь же направлять трудоспособный элемент среди выселенцев, поскольку они не дорожат своими связями с прежними местами жительства, и на эту окраину России.

2) Одновременно с этим совещание признает необходимым немедленно создать в Сибири еврейские организации для принятия беженцев, отыскания им занятий и выяснения условий для дальнейшего устройства в Сибири евреев (Еврейская неделя № 17 и 18 за 1915 г. стр. 17–24).

Общественный спор вокруг вопроса о Сибири не прекратился и после упомянутого съезда. Напротив, обстоятельному обсуждению он подвергался именно после съезда, в ряде статей еврейских общественных деятелей и экономистов. Причем у проекта Б. Д. Бруцкуса оказались и горячие сторонники и не менее горячие противники.

Вот извлечения, поневоле краткие, из главных статей по интересующему вопросу.

Не касаясь некоторых общепублицистических статей сионистской «Еврейской жизни» («Временное и вечное» Д. Самойлова и «Проблемы новой черты» С. Черновича¹⁴), затрагивающие этот сложный вопрос лишь вскользь, мимоходом и отрицая, осуждая самое постановку о Сибири, мы начнем с мнений противников направления евреев в Сибирь.

Наибольшие прения по докладу Б. Д. Бруцкуса, как сказано, вызвал вопрос о том, как должно вестись расселение в направлении ли рассеяния еврейских масс по необъятной территории России или же концентрации их в немногих сравнительно районах.

Этому же вопросу посвятил несколько статей видный еврейский экономист, д-р Х. Д. Гуревич¹⁵. Произведя анализ внутренних социально-экономических сил движущихся еврейских масс, экономической конъюнктуры в местах новых поселений, д-р Гуревич приходит к заключению, что приобщение части беженцев к наемному труду в промышленных предприятиях, главным образом на фабриках, поведет, если не прямо, то косвенно, к концентрации евреев более плотными, компактными масса-

¹⁴ Имеется в виду Шмуэль Черновиц (1879–1929) — журналист. Работал секретарем детского еженедельника на иврите «Олам катан» в Варшаве (1903 г.), входил в редакцию газеты «Ха-Зман» (Вильна, 1904–1905 гг.), «Ха-Цфира» (Варшава, 1910 г.) и т. д. После революции участвовал в издании «Га-Ам» на иврите. В 1917–1921 гг. жил в Москве и Омске. С 1921 г. — в Польше, затем переехал в Палестину в начале 1920-х. В Палестине был членом редакционного совета газеты «Ха-Арец», секретарем Ваад леуми (подмандатное самоуправление).

¹⁵ Гуревич Х. Д. (1865–1933) — публицист, соредатор газет на идише «Дер Фрайнд», «Ди идише велт», «Тогблат».

ми, особенно в том случае, если рядом с этим удастся, в местах скопления еврейских рабочих, устроить хотя бы небольшие группы ремесленников и торговцев, и этим положить начало новым хозяйственно-здоровым еврейским общинам.

Невзирая, однако, на этот столь благоприятный вывод, д-р Гуревич в другой статье («Внутренняя эмиграция евреев» Е[врейская] Н[еделя] № 28), резюмируя данные о передвижении евреев внутри России, приходит к следующему заключению: «Еврейское переселение из одних мест в другие совершается медленно, и никогда не принимает формы массового движения, никогда не имеет характера наплыва. При отмене черты евреи, даже несмотря на пережитые потрясения, возвратятся в значительном числе к покинутым местам, где они приложат всю энергию к восстановлению своей прежней хозяйственной деятельности, и только часть еврейских беженцев останется на новых местах, если она найдет там достаточно простору для своей предприимчивости и труда. Распределение евреев по всей России явится результатом длительного многолетнего процесса, гораздо более продолжительного, чем процесс расселения евреев по самой “черте”, потребовавшей для своего завершения чуть ли не целое столетие»¹⁶.

С этим столь категорическим заключением видного еврейского ученого пришлось серьезно считаться, если бы значительная часть цифровых данных, которыми он оперирует не были столь устарелыми, не относились бы к столь отдаленному прошлому русского еврейства, как 80-е и конец 90-х годов прошлого века, известно, что с этих пор русские евреи в земле своего социального развития проделали огромную эволюцию; с другой стороны, аргументация д-ра Гуревича, быть может правильная в нормальное время, совершенно неубедительна в исключительных условиях нашего времени переоценки всех ценностей как политически-духовного, так и социально-экономического бытия.

С гораздо более высшими [так в тексте. — Прим. В. Г.] доводами против проекта Б. Д. Бруцкуса выступил в печати один из еврейских общественных деятелей, Гр. Кваша¹⁷. В интересах объективности и всестороннего освещения этой спорной проблемы, приводим почти целиком его возражения.

Что сказать — спрашивает Гр. Кваша о проекте заселения Сибири, которому г. Бруцкус придает столь серьезное значение. Быть может, и даже

¹⁶ Д-р Х. Д. Гуревич. Концентрация или рассеяние // Еврейская неделя. 1915. № 20. С. 10–13.

¹⁷ Кваша Гершко Иосифович (псевдоним Григорий Оленев, 1881–1933) — российский горный инженер, математик, журналист и переводчик. Выпускник Горного института. По поручению правительства Керенского в мае 1917 г. Кваша был командирован в Соединенные Штаты Америки. Вернулся из США в 1924 г. Работал в Институте «Геолкарта». Переводил с немецкого и французского.

вероятно, что Сибирь со временем – во всяком случае, не в очень близком будущем — оправдает возлагающиеся на нее надежды, но пока что Сибирь представляет собой огромную страну с очень редким населением, весьма значительная часть которой занята непроходимой тайгой. Затем, довольно значительная часть территории Сибири занята кабинетскими землями, куда евреям доступ в настоящее время едва ли будет открыт. Территория, в большинстве бездорожная и лишенная самых примитивных элементов материальной культуры. Отдельные культурные оазисы не в счет. Процесс урбанизации затронул Сибирь лишь слегка — этим и объясняется слишком быстрое развитие нескольких городских центров; но число этих центров весьма и весьма ограничено. В Сибири и Степном генерал-губернаторстве (Акмолинская, Семипалатинская, Семиреченская области) имеется множество крупных торговых сел, куда евреям новым циркуляром доступ пока не открыт.

Рудничные поселки евреям тоже недоступны. По действующему законодательству, в различных *[вероятно, имеется в виду «рудничных»]*. — *Прим. В. Г.]* поселках, вообще селиться нельзя без разрешения владельцев рудников, а для еврея такое разрешение, вероятно, недостаточно. Да если бы евреям и разрешено было селиться в рудничных поселках, то еще большой вопрос, нашли ли бы они при нынешнем положении вещей, применение своему труду и своей предприимчивости. Что им там делать. Открывать лавочки. Но в каждом таком поселке имеется рудничный магазин и владелец, разумеется, не позволит никому открыть новый магазин, чтобы не создавать себе конкуренции.

Относительно производительности земледельческого труда в Сибири у г. Брукцуса, думается мне, тоже не совсем верное представление, хотя из предпосылки большей производительности земледельческого труда нельзя еще делать заключение, что и труд еврейского ремесленника или мелкого лавочника окажется в той же мере более производительным, чем, скажем, в Европейской России. «Труд же мало культурного крестьянина весьма малопроизводителен где-нибудь на центральном черноземе России, и он достаточно производителен в Сибири, ибо здесь у крестьянина земли вдоволь, и здесь не исчерпана еще сила только что поднятых девственных новей». Так пишет г. Бруккус. Положение это слишком общее, да и вообще неверное. Во-первых, не указано, о каких именно районах Сибири идет речь. Во-вторых, и это главное, нужно различать между коренными сибирскими крестьянами и переселенцами из Европейской России («российскими», как их называют сибиряки). Первые относительно культурны и зажиточны; среди прочих укрепились кооперативное движение (потребительское и производственное), и едва ли мелкой предприимчивости есть здесь развернуться. Что касается «российских» крестьян переселенцев, то об особенной производительности их труда и благосостояния едва ли есть действительное основа-

ние говорить. Достаточно указать на то, что нередко случаи обратного «бегства». И это несмотря на поддержку государства, несмотря на то, что Переселенческое Управление снабжает переселенцев, на выгодных условиях, сельскохозяйственными орудиями и небольшим капиталом, необходимым на первое обзаведение. Но если, вообще говоря, малая заселенность и обширность территории являются положительным условием для развития земледелия, то для ремесла и мелкой промышленности (и мелкой торговли) наличие этих данных составляет фактор отрицательного свойства.

Далеко не случайность, что еврейские эмигранты тяготеют к густо населенным, индустриально развитым культурным центрам. Так, евреи селятся в густо населенных, индустриально развитых восточных штатах Северной Америки, а не в относительно редко населенных западных штатах. Евреи скопляются в таких густо населенных пунктах, как Лондон и Ливерпуль. И в этом нет ничего удивительного, если принять во внимание род ремесла и мелкой промышленности в современном капиталистическом хозяйстве.

Если бросить ретроспективный взгляд на развитие мирового хозяйства, то придется констатировать тот факт, что роль ремесла, мелкой промышленности (и мелкой торговли) претерпела существенные изменения. На заре менового хозяйства и в дальнейшем до значительного развития крупного капиталистического хозяйства ремесло и мелкая промышленность играли роль вполне самостоятельную. Картина изменилась с развитием крупного капиталистического производства (включая и поставленное на капиталистических началах сельское хозяйство), ремесло и мелкая промышленность (отчасти и средняя) стали играть роль подсобную, обслуживая нужды крупной промышленности и занятого в ней рабочего населения. Именно крупное капиталистическое хозяйство и сопряженный с этим процесс урбанизации вызывают к жизни скопление огромных масс населения на относительно небольших территориях, и здесь-то ремесло и мелкая промышленность (отчасти и средняя промышленность) играют подсобную (подсобную, но не мало-важную роль). Правда, в такой стране, как наша, где еще значительно развито мелкое земледелие, ремесло и мелкая промышленность отчасти еще сохранили свой самостоятельный характер; но и у нас они находят наиболее благоприятную почву для своего существования и развития в местах, более или менее густо населенных и при наличии известного минимума материальной культуры.

Нет надобности доказывать, что для мелкой торговли и посреднического труда разреженность населения является условием особенно неблагоприятным, и сугубо неблагоприятным — при отсутствии даже самых примитивных элементов материальной культуры, при бездоро-

жьи и отсутствии густой сети почтовых учреждений, как это имеет место в Сибири.

Пока Сибирь не оплодотворена крупным капиталом, пока ее горные и другие богатства обречены лежать втуне, до тех пор она представляет условия неблагоприятные для развития ремесла и мелкой промышленности в большом масштабе, а следовательно, и для массовой еврейской иммиграции. Якобы отсутствующий у сибиряков дух предприимчивости тут же не при чем. У сибиряков нет таких крупных капиталов, какие необходимы для того, чтобы разбудить спящую красавицу — Сибирь.

«Сибирь, — пишет Бруцкус, — обладает совершенно исключительными горными богатствами. В ней имеется золото, имеются богатейшие медные рудники, имеется, наконец то, что для экономического развития страны значит больше, чем благородные металлы, уголь и железо, и притом в наиболее выгодных комбинациях» (курсив везде мой) *[В этой копии документа курсив не сохранен. — Прим. В. Г.]*.

Допустим, что это так (хотя нельзя не заметить, что ни один геолог под цитированными словами не подпишется, не подпишется по той простой причине, что горные богатства Сибири пока еще весьма мало изучены, а с точки зрения их промышленного значения почти совершенно еще не исследованы); во всяком случае, не подлежит сомнению, что Сибирь имеет промышленное будущее и, вероятно, большое и интересное будущее. Но предварительно ее действенная *[девственная. — Прим. В. Г.]* почва должна быть оплодотворена крупным, весьма крупным капиталом, не останавливающимся ни перед какими денежными затратами в чаянии вернуть их с барышом. А внедрению такого капитала в сибирскую промышленность должно предшествовать коренное изменение тех правовых и политических условий, в каких пребывает вся Россия и, в частности, Сибирь.

Когда это случится, когда Сибирь будет освобождена от связывающих ее, как и всю Россию, правовых и политических пут, когда она, благодаря этому, повлечет в себя крупный капитал, когда последний, оплодотворяя ее, создаст крупную промышленность и вызовет в жизни всегда сопутствующую крупной промышленности материальную культуру, тогда, только тогда современно будет поднять вопрос о Сибири, как о центре еврейской иммиграции.

Из сказанного, разумеется, не надо выводить, будто в Сибирь вообще не следует направлять беженцев. Беженцы, вероятно, и сами направятся туда, в умеренных количествах. В связи с этим, понятно, весьма желательно, прежде всего, устроить бюро труда и в некоторых крупных центрах Сибири¹⁸.

¹⁸ Опубликовано: Гр. Кваша. К вопросу о расселении // Еврейская неделя. 1915. № 22. С. 11–16.

С первого взгляда доводы Гр. Кваши весьма убедительно и красноречиво выявляют утонченность [*возможно, имеется в виду «утопичность»*]. — Прим. В. Г.] проекта Б. Бруцкуса, каковое впечатление эта статья и произвела на известную часть еврейского общества. В действительности же в аргументации упомянутого автора нет ни одного сколько-нибудь действительно убедительного довода против переселения евреев в Сибирь.

Не имея возможности в данный момент подробно остановиться на анализе аргументов Гр. Кваши — это мы сделаем ниже — заметим только, что ряд доводов Гр. Кваши отпали сами собою с падением самодержавия (ограничение в выборе местожительства внутри Сибири), все же прочие доводы, как мы убедимся впоследствии, базируются на незнании им современной экономической структуры Сибири, что в свою очередь объясняется отсутствием в Европейской России более поздних исследований и статистических материалов о Сибири. Таковы, например, грань, проводимая Гр. Квашей между коренным и пришлым населением, сомнение его в достаточном богатстве Сибири железом и каменным углем и т. п.

Выступили в печати и защитники проекта Б. Д. Бруцкуса И. Давиденко и др. Но, к сожалению, у нас в данный момент нет тех периодических изданий, в которых помещены эти статьи. Приводим поэтому некоторые извлечения из статей, косвенно затрагивающих этот вопрос.

«Из мест новых поселений евреев в центральных и восточных губерниях доходят до нас вести, которые по общему их впечатлению, могут считаться хорошими. Не замечается никаких серьезных трений с христианским населением, которое, несмотря на предшествовавшую прибытию еврейских беженцев — усердную работу черносотенцев, относится сочувственно и в некоторых местах даже дружелюбно к нашим скитальцам. Новоприбывшие ремесленники скоро находят работу и устраиваются не хуже, чем «в черте». И вообще все рабочие и трудящиеся элементы, спустя некоторое время, получают возможность самостоятельно или в качестве наемных рабочих зарабатывать на свое пропитание. Все отчеты комитетов помощи сходятся на том, что ремесленники, квалифицированные рабочие, простые чернорабочие, торговые служащие, конторщики и т. п. не долго будут искать работы в новых своих местах населения. Это само по себе весьма отрадный факт, до некоторой степени окрашивающий оптимистически наши перспективы.

И. Д-он¹⁹: «К вопросу о расселении» Еврейская неделя № 29. 1915 года.

¹⁹ Давидсон Иосиф (1880–1947) — врач, общественный деятель. В 1913 г. вместе с С. Мендельсоном основал в Польше еврейскую газету «Ежедневное обозрение». В 1917 г. издавал «Наш курьер», а в 1931 г. — «Наш мир». В 1908 г. основал ассоциацию «Здоровье», борющуюся с туберкулезом среди евреев, и до 1932 г. являлся ее председателем. В 1928–1931 гг. депутат сейма. С 1932 г. — в Палестине, где работал в Иммиграционном отделе Еврейского Агентства инспектором медицинской

Также оптимистически смотрит на процесс расселения евреев и известный еврейский общественный деятель И. А. Клейнман²⁰. Свою серию статей о перспективах евреев в связи с войной он заканчивает следующим тезисом: «Как ни грозно для нашей национальной личности, для национального культурного бытия и развития, вызванного ураганом войны, рассеяние наше по лицу всей русской земли есть в еврейской истории и психологии, в тайниках нашей судьбы не только консервирующая, но и концентрирующая сила. Нью-Йорк в Америке, в Галиции, в не знающей “права жительство” Австралии демонстрирует нам эту не всегда объяснимую особенность нашего национального “я”, присущую нам в гораздо большей степени, чем иным народам. Мы не знаем, как и где расселятся евреи, получив полную свободу передвижения на громадном пространстве Европейской России и Сибири. Можно, однако, верить, что после многих перемещений и размещений “закон” еврейского расселения выявится в России. Выявится не растворение еврейской массы отдельными каплями в громадных водах российского моря, а образование отдельных сгущений, стягиваемых центростремительной силой...» (И. А. Клейнман. "Перспектива" // Еврейская неделя № 26 1915).

Мы так подробно остановились на отношении различных групп еврейского общества к проекту направления значительных масс евреев в Сибирь, потому что это отношение крайне характерно и поучительно во многих отношениях как для общественности русских евреев в целом, так и для различных группировок в отдельности. С другой стороны, от этого отношения зависели многие практические предприятия в этой области, а также подготовка психологической почвы у масс беженцев, боявшихся Сибири, как страны каторжан и арестантов, как страны вечной ночи и лютых морозов.

Чтобы закончить с историей вопроса, надо сказать еще несколько слов о практических результатах постановки этого вопроса и обсуждения его в еврейской печати на упомянутом съезде.

В центральном комитете О[бщест]ва помощи жертвам войны «ЕКО-ПО» вопрос этот заглох совершенно. По крайней мере, ничто неизвестно о деятельности специальной комиссии, которая должна была бы быть издана для изучения этого вопроса. Больше того, неизвестно даже, была ли создана эта комиссия.

службы. Автор книги «Еврейская община» (1931), посвященной еврейским общинам в Польше.

²⁰ Клейнман Иосиф Александрович (1884 — после 1939) — юрист, историк, преподаватель Еврейского ун-та в Петрограде. Автор брошюры «Между молотом и наковальней (польско-еврейский кризис)». (СПб., 1910). Публиковался в «Пережитом», «Еврейской летописи», «Еврейской старине». В 1928 г. входил в состав редколлегии журнала «Еврейская старина». В 1939 г. сослан «за участие в деятельности контрреволюционной кадетской организации».

Не обнаружили должного интереса к этой проблеме и сибирские евреи, на которых возлагались большие надежды в смысле собирания материалов о перспективах еврейской колонизации в Сибири.

Значительный интерес к этой проблеме сохранило лишь О[бщест]во Ремесленного и земледельческого труда среди евреев, которое командировало в Сибирь особого уполномоченного с целью обследования по определенной программе более крупных сибирских городов и для насаждения в них ряда учреждений, которые могли бы облегчить экономическое устройство тем более значительных масс поселенцев (Бюро Труда, профессиональных школ, учебных мастерских, рабочих кооперативных столовых и т. п.).

Названному уполномоченному (к слову сказать, на этот пост был приглашен автор настоящих строк) за 1916 и начало 1917 г. удалось посетить и обследовать семь городов от Иркутска до Челябинска. Собранные материалы лишь отчасти были опубликованы в журнале О[бщест]ва, так как после революции издание это было прекращено.

Некоторые предварительные материалы по этому вопросу были собраны уполномоченным ЕКОПО, И. М. Розенгартом и Д. И. Левиным при посредстве специальной анкеты.

Была сделана попытка создать статистический центр с отделениями во всех более крупных пунктах Сибири с целью одновременного статистического изучения экономической емкости Сибири. Инициатива исходила от упомянутого уполномоченного О[бщест]ва Ремесленного Труда, еврейского литератора А. Юдицкого и автора книги «Евреи в Иркутске» В. С. Войтинского. Обещали содействие и видные сибирские еврейские общественные деятели. Но разразившаяся революция в начале 1917 г. приостановила осуществление разработанного этой группой плана.

За истекшие с февральской революции два с половиной года положение вопроса о направлении евреев в Сибирь сильно изменилось, что в свою очередь должно было заметно отразиться на отношении к этой проблеме различных группировок еврейской общественности Сибири.

Остановимся в начале на изменениях, произошедших в положении евреев в местах их постоянного массового поселения — Польше, Галиции, Украине, Литве и Белоруссии.

И до событий 1918–1919 гг. для всех было ясно и никем не оспаривалось, что по окончании мировой войны из названных районов, наиболее пострадавших от мировой катастрофы, начнется усиленная эмиграция, по меньшей мере, евреев. После же последних событий — массовых погромов и повторных военных действий, еще более разоривших местное еврейское население, эмиграционный поток, при первой же возможности потечет несомненно еще более усиленным темпом, увлекая с собою все сколько-нибудь трудоспособное, живое, энергичное, что осталось у еврейства названных районов.

В моем распоряжении нет цифровых и фактических материалов, которые иллюстрировали бы выдвинутое предположение. Но близкое знакомство с жизнью и политико-экономическом положением евреев в названных районах, с одной стороны, имеющиеся у нас факты о произошедшем там в последние годы, с другой, вполне, кажется, объективно подтверждает наше мнение, которое, к слову сказать, в России никем решительно не оспаривается.

Установив неизбежность усиленного эмиграционного движения по строкам [так в тексте. — Прим. В. Г.] еврейских центров, следует прежде всего, естественно, задаться вопросом, куда хлынет эта человеческая волна, в какую страну движется эмиграционный поток.

Прямого ответа на поставленный вопрос в настоящее время никто, вероятно, не рискнет дать. Но установить некоторые объективные законы направления этого процесса несомненно можно и должно.

До недавнего прошлого единственным значительным преемником еврейской эмиграционной волны были Соединенные Штаты Северной Америки. В настоящее же время взоры известных кругов еврейства обращены еще на Палестину. Смогут ли однако эти две страны в ближайшем будущем принять значительное количество эмигрантов?

Что касается Соединенных Штатов, то по-видимому мы стоим уже перед свершившимся фактом полного закрытия их границ на более или менее продолжительное время. Каково бы ни было наше отношение к этому факту, но считаться с ними мы должны. Стало быть, главный и почти единственный центр еврейской иммиграции для ближайших лет совершенно отпадает.

Остается еще Палестина. Оставляя в стороне вопрос об экономическом будущем Палестины вообще, можно с полной уверенностью быть поддержанным решительно всеми течениями еврейства, не исключая и сионистов, смею утверждать, что в ближайшие годы в Палестину нельзя будет направить и 10% всех тех элементов, которые вынуждены будут эмигрировать.

Следовательно, ни Америка, ни Палестина, не смогут удовлетворить той неотложной и скорой потребности в приеме сотен тысяч евреев, которые ждут первой возможности, чтобы оставить навсегда свои старые родины.

Других стран, которые могли бы заменить Соединенные Штаты, мировая карта не обнаруживает. Волей-неволей поэтому приходится обратиться к Сибири – этой стране будущего, во многих отношениях напоминающую Соединенные Штаты в первые периоды ее заселения европейцами. Не надо быть особенным знатоком Сибири, нет надобности оперировать статистическими данными, чтобы совершенно объективно установить, что Сибирь не только в состоянии принять эмигрирующие еврейские массы, но она остро нуждается в этом ферменте современно-

го капиталистического хозяйства. Особенно рельефно выявляется последнее положение, если с одной стороны более или менее конкретно представить себе пути ближайшего экономического развития Сибири, а с другой — бросить ретроспективный взгляд на роль и участие евреев в хозяйственной жизни старой Сибири.

Сибирь [находится] накануне ее полного завоевания капиталом — иностранным или российским для данного вопроса почти совершенно безразлично. Девственные недра Сибири начнут усиленно и интенсивно разрабатываться. Начнется лихорадочное железнодорожное строительство, что должно будет произвести глубокую революцию во всей экономической структуре страны. Богатейшие запасы различного рода сырья и животных и растительных продуктов начнут на месте перерабатывать, если не вполне, по меньшей мере в полуфабрикаты. Словом, и добывающая, и обрабатывающая промышленности, которые здесь несомненно расцветут в ближайшем будущем, открывают самые широкие возможности для наших капиталистов, с одной стороны и пролетарских и полупролетарских элементов, с другой. Не менее широкие горизонты открываются здесь и в области внешней и внутренней торговли, снабжении разбросанного по необъятной территории населения различными фабриками, сбору добычи рыбного и охотничьего промыслов и других сырьевых продуктов.

Что же касается роли и участия евреев в хозяйственной жизни старой Сибири, то материалы по этому чрезвычайно интересному и важному вопросу еще никем не собраны в общесибирском масштабе. Но и из имеющегося материала, относящегося, главным образом, к Восточной Сибири, мы можем привести лишь отдельные факты, дабы не загромоздить и не затянуть меморандум.

По данным, приводимым В. Войтинским в своей книге «Евреи Иркутска»²¹ участие евреев в хозяйственной жизни в 1897 г. представляется в следующем виде:

% евреев, участвующих

	В городах	В селах
Добыв. промышленность	1,5	0,1
Обрабатывающ.	5,8	2,3
Ремесла	10,0	4,4
Торговые	14,6	16,8

²¹ Имеется в виду: Войтинский В. С., Горнштейн А. Я. Евреи в Иркутске. Иркутск, 1915.

Чтобы уяснить себе значение этих цифр, надо заметить, что в указанное время евреи составляли в городах — 6% населения, а в селах — лишь 0,75%.

Огромную роль играют евреи в торговле с Монголией. Наиболее крупные торговые фирмы принадлежат евреям, причем обороты их растут и увеличиваются. Совершенно исключительная роль принадлежит евреям в деле развития золотопромышленности в Сибири и снабжении приискового населения всеми предметами потребления. Достаточно назвать имена барона Гинцбурга²², Я. Д. Фризера²³, Б. А. Хотимского²⁴, А. Х. Новомейского²⁵, Каплунов²⁶ и мн[огих] др[угих] — чтобы явно представить себе размах и капиталистические принципы, которые евреи внесли в сибирскую золотопромышленность, которая раньше носила примитивный и хищнический характер.

Весьма благоприятны в Сибири и национальные культурные факторы, необходимые для образования здесь значительных еврейских центров. Прежде всего в целом ряде городов уже в настоящее время имеется значительное еврейское население с заметным удельным весом во всех сферах общественной и экономической жизни. По далеко не полным и сильно преуменьшенным сведениям к началу 1919 г. было евреев: в Иркутске — 10 тысяч, Красноярске — 2 000, Каинске — 300, Ново-Николаевске — 700, Томске — 5 000, Мариинске — 1 500, Омске — 7 500, Петропавловске — 1 400, Верхнеудинске — 1 000, Чите — 4 000, Маньчжурии — 200, Харбине — 15 000, Владивостоке 1000.

Цифры эти приблизительные, но более точных нет. Во-вторых, в значительном большинстве этих городов имеется уже вполне сформировавшаяся или формирующаяся еврейская общественная жизнь: синагоги, школы, библиотеки-читальни, литературно-музыкальные общества,

²² Гинцбург Гораций Осипович (1833–1909) — действительный статский советник, купец 1-й гильдии, глава финансовой династии Гинцбургов, один из богатейших людей Российской империи в 1870–1880-е гг. В 1872 г. стал одним из учредителей Сибирского торгового банка, владелец предприятий по золотодобыче на Урале и в Сибири.

²³ Фризер Яков Давидович (1869–1933) — купец 1-й гильдии, золотопромышленник, меценат. Подробнее о нем см. в статье Ирены Владимирски и Марии Кротовой в этом номере журнала.

²⁴ Здесь опечатка в инициалах, имеется в виду Хотимский Борис Леонтьевич (ок. 1826–1873) — представитель томской купеческой семьи, купец 1-й гильдии, владелец золотых приисков.

²⁵ Новомейский Абрам Хайкелевич (1853–1916) — купец 1-й гильдии, золотопромышленник. Отец Моисея Новомейского, возглавлявшего в 1919 г. Национальный совет еврейских общин Сибири и Урала. Подробнее о семье Новомейских также см. в статье Ирены Владимирски и Марии Кротовой.

²⁶ Вероятно, имеется в виду семья Каплун (Каплуновы). Золотопромышленник А. И. Каплун образовал Сутарское (Амурская область) и Сретенское золотопромышленные товарищества.

еврейские народные дома, детские сады, рабочие клубы, богадельни, ночлежные дома, драматические кружки. Журналы «Еврейская жизнь»²⁷ (сионистская), «Сибирский вестник Бунда»²⁸ и т. п.

Так как значительную часть еврейского населения Сибири составляют евреи, недавно прибывшие в Сибирь, то ясно, что все специфические особенности еврейского быта при массовой иммиграции сюда еврейских масс, последние не только не ассимилируются с окружающим нееврейским населением, а, напротив, вернет в лоно еврейской национальной жизни десятки тысяч евреев сибиряков, уже успевших ассимилироваться. Практика последних лет богата подобными примерами.

Наконец, следует еще отметить, как весьма благоприятный фактор, произошедшее за последние пять лет изменение в отношении широких еврейских народных масс в Сибири. До войны евреи «черты» знали Сибирь лишь как место ссылки их родных и друзей, имели об этой стране самое превратное представление и сильно побаивались ее.

Начиная же с 1914 г. после прибытия сюда десятков тысяч евреев военнопленных из Галиции и Буковины, раскрытия Сибири для евреев и после массового возвращения в 1917 г. в Европейскую Россию политических ссыльных, Сибирью заинтересовались в самых разнообразных кругах еврейства, начали ездить туда часто по торговым делам, многие после двух-трех поездок привозили с собою сюда свои семьи и устроились здесь навсегда.

Боязнь Сибири теперь уже окончательно отошла в прошлое, и присутствие здесь десятков тысяч евреев, выехавших из старых центров в последние три-четыре года, делает более возможной и вероятной массовую иммиграцию сюда разоренных евреев Польши, Галиции, Литвы, Белоруссии и Украины.

Само собою разумеется, что еврейская общественность должна заблаговременно принять все меры, чтобы этот эмиграционный поток не застиг нас врасплох, чтобы заблаговременно были проделаны все необходимые подготовительные работы, как в странах эмиграции, так и в самой Сибири.

В странах эмиграции необходимо наладить солидный информационный аппарат для необходимого ознакомления широких масс еврейского населения как с природными, климатическими, экономическими особенностями и еврейской общественностью Сибири, так и с отдельными районами ее. С этой целью очень полезно будет заблаговременно составить и распространить несколько популярных брошюр на еврейском языке на эти темы.

²⁷ Журнал «Еврейская жизнь» издавался в Иркутске в 1919 г. После установления советской власти в Иркутске в начале 1920 г. выходил в Харбине.

²⁸ Двухнедельный журнал, издавался в Томске в 1917–1918 гг.

Кроме информационного аппарата, в странах эмиграции должны быть созданы справочные бюро для эмигрантов, которые будут регулировать и направлять эмиграционную волну, находясь в тесном и постоянном контакте с организациями по приему, распределению и устройству иммигрантов в Сибири.

Гораздо многограннее и сложнее задачи, стоящие перед нами в Сибири. Здесь помимо чисто иммиграционных организаций и ряда специальных обследований некоторых районов с интересующей нас точки зрения, необходимо сейчас же разработать план систематической работы по подготовке страны к приему значительных масс иммигрантов.

В этом отношении придется развить интенсивную и многообразную деятельность. Придется открыть ряд общеобразовательных элементарных школ и курсов с преподаванием тех специальностей, которые имеют больше шансов развиваться в данной местности. Необходимо сейчас же создать ряд библиотек с книгами и периодическими журналами на еврейском языке, поддержать морально и материально нарождающийся здесь еврейский театр, организовать ряд учреждений по оказанию социально-экономической помощи новому населению — приютов, кооперативных столовых, ночлежных домов, производительных и кредитных кооперативов и т. п.

При современном положении мирового еврейства инициативу в этой сложной и огромной национальной работе, которая потребует массу энергии, политического влияния людей и денежных средств, должны на себя взять евреи Соединенных Штатов Америки в лице Общественного Комитета.

Сейчас же должна быть образована особая комиссия по этому вопросу, которая должна наметить план своей ближайшей работы, завязать отношения с евреями стран эмиграции и Сибири и т. п.

Только «Общественному комитету» работа в таком масштабе, как это требуется, будет по силам, и он не в праве в настоящий грозный для еврейства момент ни отказываться от нее, ни даже откладывать ее.

Источник: ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 24. Д. 12. Л. 28–54. Машинопись.

“The Kirzhnits’s Plan.” A Project of Jewish Resettlement to Siberia during the Civil War Era

Victoria Gerasimova

(Omsk, Russia)

PhD, Senior Research Fellow,

Dostoevsky Omsk State University

E-mail: gerasimova@bk.ru

ORCID: 0000-0002-9968-3379

Abstract: The memorandum “Siberia as a Center for Jewish Immigration” was written in 1919 at the request of F. Rosenblatt, the representative of the Joint Distribution Committee in Siberia. The author of the document, Avrom Kirzhnits, was a well-known journalist, bibliographer, and historian of the labor movement. The memorandum provides a detailed historical survey of projects for the resettlement of Jews to Siberia from the beginning of the 19th century. It also presents a variety of socio-political polemics around the topic of Jewish migration from the Pale of Jewish Settlement to beyond the Urals, including those surrounding the “Brutskus plan” proposed in August 1915. An introductory essay to the document presents the biography of Avrom Kirzhnits and explains the historical context in which the document appeared. The subsequent fate of the “Kirzhnits plan” and its author demonstrate a certain continuity between the idea to create a “center for Jewish immigration” in Siberia and the later Soviet project for the establishment of Jewish autonomy in Birobidzhan.

Key words: Jews, migration, Siberia, Kirzhnits A.D., Civil War, JDC, Irkutsk

References

- Beizer, M., 2009, Restoring Courage to Jewish Hearts: Frank Rosenblatt’s Mission in Siberia in 1919. *East European Jewish Affairs*, 39, 1, 35–56.
- Berman, E.A., 2020, Sem’ia kazennogo ravvina S.Kh. Beilina v kontekste rossiiskoi istorii XX v. [The Family of the Crown Rabbi S. Kh. Beilin within the Context of the Russian History of the 20th Century]. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia “Istoriia”*, 32, 75–82.
- Reisen, Z., 1929, *Leksikon fun der yidisher literatur, prese un filologie*, III, Vilne.

Рецензии

Reviews

Артур Марковский

(Варшава, Польша)

Доктор исторических наук,

Варшавский университет

E-mail amarkowski@uw.edu.pl

ORCID: 0000-0002-0788-8036

**Виктор Дятлов, Яна Гузей, Татьяна
Сорокина. Китайский погром.
Благовещенская „утопия” 1900 года
в оценке современников и потомков**

СПб.: Нестор-История, 2020, 203 с.

DOI: 10.31168/2658-3364.2021.1.12

В последние несколько лет гуманитарные науки обратились к исследованиям массового насилия по отношению к евреям. Ряд важных публикаций по этой проблеме принадлежат ученым из Польши [Pogromy 2018a; Pogromy 2018b; Pogromy 2019a; Pogromy 2019b; Markowski 2018], США [Hagen 2018; Koptein, Wirtenberg 2018; Zipperstein 2018; Bemporad 2019], Израиля [Medykowski 2012], России [Миндлин 2018] и Германии [Bergmann 2020]. Значение тематики *mass violence* по отношению к евреям стало особенно очевидно после публикации работы Яна Томаша Гросса «Соседи» [Gross 1999]. Этот вызвавший широкую дискуссию текст открыл новые перспективы исследования новейшей (и не только) истории Польши, или – шире – Европы. Исследования насилия по отношению к евреям в Российской империи, особенно труды Джона Клиера, концентрировались вокруг поисков ответа на вопрос о генезисе современных антиеврейских предрассудков и *de facto* пытались описать генеалогию Катастрофы [Klier 2011]. В таком же духе выдержана и работа Дарюса Сталюнаса, в которой автор ищет причины насилия в сложных национальных и этнических отношениях в литовских губерниях царской империи [Staliūnas 2015].

Этим же путем идут исследователи, занимающиеся другими империями. Нам уже многое известно о насилии по отношению к евреям в австро-венгерской Галиции. Благодаря работам Т. Бухена, Д. Уновского, М. Собоня и К. Стаутер-Холстед мы понимаем как общественные и

экономические, так и политические механизмы, приведшие к актам массового антиеврейского насилия [Buchen 2012; Klier 2011; Unowsky 2018; Soboń 2011; Stauter-Halsted 2005]. Однако, помимо работы Вернера Бергманна «*Tumulte, Excesse, Pogrome*», до сих пор не предпринималось попыток более широких сопоставлений, выходящих за границы отдельных государств. Более того, современные работы о преследованиях евреев подают тему коллективного насилия как своего рода следствие реализации социального конфликта [Grinberg 2002]. Можно признать, что принципиальным *novum* современного анализа коллективного насилия является его заметная связь с еврейскими исследованиями. Стоит обратить внимание на факт взаимного игнорирования более ранних исследовательских школ, восходящих к Тилли и Гуру [Tilly 2003; Gurr 1970], и новейших исследований, инициированных работой Гросса. Это явление вызывает беспокойство, оно особенно вредно для современных еврейских исследований и в целом для нашего понимания механизмов коллективного насилия, его обусловленности. Это признак замыкания в своей сфере исследования.

Все эти проблемы ярко отразились в недавно изданной книге «Китайский погром. Благовещенская „утопия“ 1900 года в оценке современников и потомков». Авторы этой книги – российские исследователи. В.И. Дятлов – признанный историк, специалист по истории миграций и процессов национального строительства, работающий в Иркутском государственном университете. Я.С. Гузей, исследователь младшего поколения, недавно защитила в Петербурге диссертацию, посвященную страху перед „желтой опасностью“ в Российской империи XIX – начала XX вв. Третий член авторского коллектива, Т.Н. Сорокина – историк из Омского государственного университета, специалист в области истории Азии XIX и XX вв. и истории китайской эмиграции в Восточную Россию на рубеже XIX–XX вв.

Взаимодополняющие опыт и исследовательские навыки авторской группы хорошо коррелируют друг с другом. В работе выделяется не только надежное, хотя и традиционное видение событийной истории, но и заметный поворот в направлении истории общественного сознания, его изменений и его значения для понимания «китайского погрома».

В книге повествуется о довольно известном в российской историографии событии. В связи с восстанием «боксеров» в Китае, начавшимся в 1898 г., возросло напряжение на российско-китайской границе. Летом 1900 г. в Пекине произошла резня христиан, а Благовещенск был обстрелян с китайской стороны Амура, в результате чего погибли пять человек. Среди жителей приграничья, особенно в Благовещенске, росло чувство страха, подпитываемое слухами и сообщениями о зверстве китайцев по отношению к христианам и серьезной угрозе нападения на город китайских войск. Результатом социальной напряженности стало

решение губернатора Грибского, опиравшееся на послание военного министра Куропаткина, о выселении китайцев из Благовещенска за Амур. 17 июля 1900 г. как минимум 3500 человек были высланы из города под конвоем казаков и представителей местного населения. По дороге часть отстававших от колонны китайцев по приказу местного пристава была убита топорами, остальных загнали в Амур, приказывая добираться вплавь до китайского берега и стреляя как по тем, кто отказывался заходить в реку, так и по плывущим в сторону Китая. В итоге погибли около 3 тыс. человек. Помимо этого акта зверства, нападения на китайцев имели место и в нескольких других частях Приамурского края. Имущество изгнанных из Благовещенска было разграблено местным населением.

В первой главе рецензируемой работы представлено положение китайского населения в Благовещенске. Оно составляло около 12% жителей города. Авторы единодушно указывают на его огромную роль в развитии экономики, в том числе в розничной торговле и услугах. Мигранты из Китая составляли основу экономической системы города, поставляя товары и предоставляя подавляющее большинство мелких услуг, обеспечивающих повседневное существование всех жителей. Разумеется, преобладающая роль китайцев в сфере товарообмена вызвала споры и конфликты. Вместе с пугающими сообщениями о ситуации в Китае лавинообразно нарастала неприязнь к китайцам. В общественном восприятии прежние торговцы овощами, строительные рабочие и носильщики начали превращаться в опасных людей, варваров, бандитов, воров и обманщиков. Авторы здесь указывают на характерный тип мышления властей, рассматривавших общественную ситуацию в городе и регионе с этнической точки зрения. В период политических (ситуация в Китае) и экономических трудностей представители гражданских и военных властей в регионе проявляли растущую неприязнь к китайцам. На практике государственная администрация сыграла огромную роль в создании так называемого «желтого вопроса», то есть в формировании социальных представлений, частью которых была «китайская проблема», а эмигранты из-за Амура становились опасным, нежелательным, чужим элементом экосистемы региона. Китайцы рассматривались как почва для роста бандитизма, азартных игр, контрабанды алкоголя и источник антисанитарии. Положение китайцев в Благовещенске, их социальная и экономическая роль и растущее отвращение жителей к этой группе в общих чертах напоминают статус и положение евреев в черте оседлости. Обе группы схожи тем, что они были заняты в сфере товарообмена, отличались от окружающего населения в религиозном и культурном смысле и поддерживали прочные социальные внутригрупповые связи¹. Различия же между ними состоят в том, что евреи были эндемичной

¹ См. об этом статью Товы Бенжамин в этом номере журнала.

группой, веками проживающей на территории, «зараженной» насилием, а китайцы – эмигрантами из соседней империи.

Во второй главе авторы детально описывают главный «погром». Они указывают точную последовательность событий и показывают поведение и решения людей, вовлеченных в процесс массового убийства. Скрупулезно, почти час за часом, они прослеживают ситуацию колоссального напряжения и ряд плохих решений и упущений, допущенных российскими властями на пути к описываемой трагедии. Хотя описание здесь исключительно точное, так как содержит попытку объективизации действий, мы не узнаем здесь ничего особенно нового. Реконструкция хода событий с использованием в основном источников из прессы противоречит всей идее книги, которая ориентирована не столько на описание того, что произошло, сколько на процесс создания знания об этой трагедии и ее использования различными политическими акторами.

В следующих частях работы авторы все-таки будут вскрывать предвзятость прессы или даже журналистские манипуляции. Подобная процедура часто просматривается в работах, посвященных антиеврейскому насилию. Настойчивая попытка воссоздать события часто делается на основе источников, которые по своей природе склонны к вымыслу (пресса) и должны использоваться скорее для дискурсивного, а не фактографического исследования [Żyndul 1994].

Третья глава определенно носит новаторский характер и очень интересна, поскольку она касается анализа нарратива о «китайском погроме», создаваемого и распространяемого российскими властями. Основным достоинством этой главы является акцент на подробном исследовании документов, созданных российскими властями, и двусторонний анализ, проводимый с точки зрения как содержания, так и риторики, используемой официальными лицами и представителями силовых структур. Авторы указывают на попытку маргинализации и преуменьшения значения событий со стороны властей. Акт массовой агрессии, произошедший в Благовещенске, был расценен российскими чиновниками как случайная ошибка и непреднамеренная трагедия. Были предприняты попытки устранить контекст, связанный с антикитайскими настроениями, и объяснить некомпетентность и произвол принимавших решения лиц сложной организационной ситуацией и реальной опасностью высадки китайского десанта, а также угрозой поддержки этих военных действий местными китайскими эмигрантами. Также и в этой части очевидно сходство с анализом, посвященным насилию против евреев. Тщательное критическое изучение официальных документов часто приводит не столько к реконструкции событий, сколько к пониманию позиции аппарата власти и контроля [Klier 2011; Markowski 2018].

В четвертой главе книги представлена картина событий, как ее запомнили и передали свидетели. Сообщения местных журналистов, интеллигенции, а также (в меньшей степени) наблюдателей из низших слоев указывают не только на дифференциацию позиций, но и на явное социальное разделение в оценке трагедии. В этом процесс построения социальных представлений, описанный авторами, поразительно похож на тот, который имеет место в описаниях еврейских погромов. Высшие общественные слои осознавали масштаб трагедии и пытались найти этому объяснения. Они часто видели тот глубокий отпечаток, который «погром» оставил в общественном сознании. Вместе с тем не хватает глубокого анализа реакции так называемых простых людей (рабочих, лавочников), которые наверняка получили материальную выгоду, присваивая имущество, оставленное убитыми китайцами. Естественно, здесь трудно делать общие выводы, ибо обычно «простые люди» оставляют после себя мало исторического материала, а то, что доступно, видоизменено редакторами и требует тонких инструментов для интерпретации. Интересным элементом этой главы является анализ фактов культуры, включая местные песни. Такой подход не часто используется в исследованиях антиеврейского насилия. Скудность источников и приоритет необходимости реконструкции над проблемой понимания часто побуждают авторов, пишущих о еврейских погромах, преуменьшать значение источников, которые обычно используются в исследованиях по истории культуры.

Следующая глава явно связана с предыдущей. В ней представлены результаты исследований российского общественного мнения о Благовещенском погроме. Анализируя присущий российской прессе дискурс, авторы не забывают о контексте, который придавали этому делу проблема антисемитизма, погромы, дело Дрейфуса во Франции и дело Бейлиса. Они ясно указывают на огромную роль национализма и сложившиеся типы мышления российской интеллигенции в области национальной политики империи. Как и в исследованиях Сталюнаса, Уновского или Бухена, идеологическая и политическая сфера играет ключевую роль в понимании причин и их восприятии. Как утверждает Ханна Заремская в исследовании о еврейских общинах в средневековой Польше, суть заключалась, прежде всего, в том, как иерархическое общество откликалось на акты антиеврейского насилия [Zaremska 2011].

Именно идеологическая сфера повлияла на форму сообщений и определила объем знаний, которые распространялись о трагедии в Благовещенске. Печальное завершение этой главы – выводы, свидетельствующие о явном процессе забвения трагедии на границе с Китаем. Здесь дается два объяснения: общественное мнение не признавало эти драматические события важными или не видело необходимости в формировании более широкой реакции на них.

Следующая глава посвящена категории исторической памяти и описывает результаты исследований более ранней историографии и исторической журналистики, затрагивающих драматические события в Благоевщенске. Результаты этих исследований указывают на процесс забвения на фоне других трагедий XX в. Авторы подчеркивают не только проблему исторической памяти как определенного хранилища знания, но и открыто обсуждают гораздо более глубокую проблему социального и этического характера – ответственности. Они ставят вопрос о соотношении этих двух категорий и о функции историографии при рассмотрении вопроса о наследии зла. Как и в послевоенных дебатах после Едвабне², подчеркиваются нравственные принципы, которым должна соответствовать современная историография, и благодаря этой главе книги работа специалистов-историков становится важным элементом построения общества, открытого для знания.

Последняя глава посвящена анализу риторики сообщений. Здесь содержится ряд выводов, касающихся как языка, так и форм выражения и риторических инструментов. Культурологический анализ, являющийся своего рода резюме той части книги, где обсуждается проблема общественных представлений и средств, с помощью которых они формировались, во многом опирается на литературоведческие исследования насилия периода Второй мировой войны и реакции литературы на бесчеловечность Холокоста. Этот анализ сочетается с глубоким осмыслением психологических мотивов и механизмов преступления в Благоевщенске. В этой части также очень заметно существенное сходство с исследованиями еврейских погромов. Здесь вновь возникает понятие ответственности, на этот раз – в контексте значения действий государства и его должностных лиц как той структуры, которая несет ответственность не только за безопасность населения, но и за политику памяти и построения с ее помощью системы образования. Эта система понимается в книге как инструмент противодействия трагедиям коллективного насилия.

С точки зрения исследовательской оптики, книга «Китайский погром» непосредственно связана с опытом изучения антиеврейских погромов. Хотя авторы не приводят в сносках весь богатый спектр работ в этой области, читатель может легко найти сходные исследовательские инструменты, постановку вопросов и контексты интерпретации. Новшество, почерпнутое из иудаики, – это маргинализация вопроса о преступниках и виновниках (это известно из других, более ранних публикаций) и акцентирование вопроса об управлении знанием, о механизмах построения «нарратива», а также масштаба и области его политического

² Местечко в Польше, жители которого уничтожили евреев еще до прихода в него нацистов. Едвабне является главной темой вышеупомянутой работы Гросса «Соседи».

и общественного использования. Книга хорошо вписывается в область исследования общественных представлений, и в меньшей степени – в стандартное «социологическое» направление исторических исследований насилия. Это новый и очень редкий подход в российской историографии, и в этом видится ценность и значение данной работы. Авторы интересным образом приложили опыт из области еврейской истории и стимулы, порожденные недостатками классических исследований анти-еврейского насилия, к попытке переосмыслить уже хорошо известную в российской историографии проблему, хотя, как и все истории о погромах, – противоречивую и до сих пор вызывающую споры по вопросам причин, вины и ответственности.

Такое приложение опыта, безусловно, полезно и перспективно, ибо оно не только позволяет применить новый взгляд и таким образом частично интегрировать иудаику в область исследований истории Российской империи, но и представляет собой своего рода тестирование методов, которые пока ограничены областью иудаики. Книга убедительно доказывает, что исследования иудаики прошли это тестирование, более того, указывает на большой потенциал методов, разработанных в области изучения еврейской истории и культуры. До сих пор такие приложения опыта шли в обратном направлении.

Рецензируемая работа также указывает на существование общих и очень сходных механизмов как в осуществлении актов коллективного насилия, направленных против конкретной группы населения, так и в формировании общественных представлений о них. Обнаруживается, что социальные и политические обстоятельства играют фундаментальную роль в программировании этих механизмов, а категория массовых жертв отодвигается на второй план. Такой вывод, безусловно, является спорным с точки зрения исследователей иудаики, которые постоянно стремятся к обнаружению индивидуальности и уникальности объектов их изучения.

Однако книга не лишена недостатков. Возможно, наиболее важным из них является отсутствие голоса жертв. Исследователи не приложили усилий для поиска и анализа китайских источников на уровне не только верификации событий, но, прежде всего, формирования общественных представлений. Это существенный недостаток. Он не обязательно является результатом исключительно технических проблем (знание языка, доступность источников), но может быть (что еще более прискорбно) отражением позиции исследователей, замкнутых в парадигме российской истории и рассматривающих проблему только в этой перспективе. Такого рода «исторический империализм» обрекает читателя на незнание и делает проблему лишь наполовину рассмотренной. В книге нет анализа, указывающего на наличие или отсутствие связи между китайскими и русскими версиями событий. Мы узнаем из вторых рук и неточно мне-

ние самих китайцев, а голос пострадавших, вопреки тенденциям историографии, посвященной социальным проблемам, просто игнорируется. В этом отношении книга, к сожалению, фактически противоположна достижениям еврейских исследований. Одна из особенностей изучения иудаики, которую следует применять более широко, – это предельное расширение субъектности исследуемой группы.

В книге ясно указаны методологические стимулы. Во введении авторы ссылаются на книгу «Соседи» Гросса, но нигде не излагают свою методологическую позицию, не уточняют, какие инструменты используют и почему решили рассмотреть поднятую проблему именно тем, а не иным образом. Проблема общественного сознания в работе отсутствует. Она скрыта в форме исторической памяти, анализа языка, дискурса и повествования. Хотя книга более чем соответствует требованиям, которые могут быть предъявлены к работам из области исследований, столь мощно развитой Брониславом Бачкой [Baczko 1994].

Авторы не воспользовались и возможностью более решительно вступить в дискуссию с рядом работ, посвященных другим случаям коллективного насилия. Сравнительные аспекты, иногда относящиеся к еврейским погромам, исчезают среди описаний результатов исследований более мелких и детальных вопросов, как, например, отношение местных властей или потенциал события, оцениваемый с точки зрения общественного мнения.

Авторы «Китайского погрома», основываясь на результатах исследований как в области иудаики, так и на более ранних работах по коллективному насилию, имели возможность указать универсальные механизмы, лежащие в основе возникновения актов массового насилия, и показать схему построения знания о таких событиях, т.е. *de facto* создания исторических легенд. Они не воспользовались этой возможностью.

Несомненно, книга Дятлова, Гузей и Сорокиной – важное событие не только в области исторических публикаций в России. Однако кажется, что сами авторы недооценили ее значение и важность. Этические мотивы (память и покаяние), которые они иногда раскрывают в отдельных частях произведения, не должны заслонять значение книги в более широком контексте. К сожалению, отсутствие этого понимания или нежелание раскрывать заимствование методов не позволят читателям, менее осведомленным о еврейской истории, самостоятельно оценить феномен восприятия идей и исследовательской оптики не только из «старых» областей (история) к новым (иудаика), но также (причем с успехом) – в обратном направлении.

Перевод с польского В. Мочаловой

Библиография

- Миндлин 2018 – *Миндлин А.* Антиеврейские погромы на территории Российского государства. СПб.: Алетейя, 2018.
- Baczko 1994 – *Baczko B.* Wyobrażenia społeczne. Szkice o nadziei i pamięci zbiorowej. Warszawa, 1994.
- Bemporad 2019 – *Bemporad E.* Legacy of Blood: Jews, Pogroms, and Ritual Murder in the Lands of the Soviets, Oxford 2019.
- Bergmann 2020 – *Bergmann W.* Tumulte, Excesse, Pogrome. Kollektive Gewalt gegen Juden in Europa 1789–1900. Göttingen, 2020.
- Buchen 2012 – *Buchen T.* Antisemitismus in Galizien. Agitation, Gewalt und Politik gegen Juden in der Habsburgermonarchie um 1900. Berlin, 2012.
- Grinberg 2002 – *Grinberg D.* Problematyka przemocy związanej z tzw. erą przemysłową (Industrial Age) w perspektywie Nowej Historii Społecznej oraz socjologii historycznej // Człowiek i agresja. Głosy o nienawiści i przemocy. Ujęcie interdyscyplinarne. Warszawa, 2002. S. 154–172.
- Gross 1999 – *Gross J.T.* Sąsiedzi. Historia zagłady żydowskiego miasteczka. Sejny, 1999.
- Gurr 1970 – *Gurr T.R.* Why Men Rebel. Princeton, 1970.
- Hagen 2018 – *Hagen W.W.* Anti-Jewish Violence in Poland, 1914–1920, New York, 2018.
- Klier 2011 – *Klier J.D.* Russians, Jews, and the Pogroms of 1881–1882. Cambridge, 2011.
- Kopstein, Wirtenberg 2018 – *Kopstein J., Wirtenberg J.* Intimate Violence: anti-Jewish Pogroms on the Eve of the Holocaust. Ithaca, NY, 2018.
- Markowski 2018 – *Markowski A.* Przemoc antyżydowska i wyobrażenia społeczne, pogrom białostocki 1906 roku. Warszawa, 2018.
- Mędykowski 2012 – *Mędykowski W.* W cieniu gigantów. Pogromy 1941 r. w byłej sowieckiej strefie okupacyjnej. Warszawa, 2012.
- Pogromy 2018a – Pogromy Żydów na ziemiach polskich w XIX i XX wieku. T. 1. Literatura i sztuka / Red. S. Buryła. Warszawa, 2018.
- Pogromy 2018b – Pogromy Żydów na ziemiach polskich w XIX i XX wieku. T. 2. Studia przypadków (do 1939 r.) / Red. K. Kijek, A. Markowski, K. Zieliński.
- Pogromy 2019a – Pogromy Żydów na ziemiach polskich w XIX i XX wieku. T. 3. Historiografia, polityka i recepcja społeczna / Red. K. Kijek, A. Markowski, K. Zieliński. Warszawa, 2019.
- Pogromy 2019b – Pogromy Żydów na ziemiach polskich w XIX i XX wieku. T. 4. Holokaust i powojnie / Red. A. Grabski. Warszawa, 2019.
- Soboń 2011 – *Soboń M.* Polacy wobec Żydów w Galicji doby autonomicznej w latach 1868–1914. Kraków, 2011.
- Staliūnas 2015 – *Staliūnas D.* Enemies for a Day. Antisemitism and Anti-Jewish Violence in Lithuania under the Tsars. Budapest–New York, 2015.

- Stauter-Halsted 2005 – *Stauter-Halsted K.* Jews as Middleman Minorities in Rural Poland, Understanding the Galician Pogroms of 1898 // *Antisemitism and its Opponents in Modern Poland* / Ed. R. Blobaum. New York, 2005. P. 39–59.
- Tilly 2003 – *Tilly Ch.* The Politics of Collective Violence. Cambridge, 2003.
- Unowsky 2018 – *Unowsky D.* The Plunder. The 1898 Anti-Jewish Riots in Habsburg Galicia. Stanford, 2018.
- Zaremska 2011 – *Zaremska H.* Żydzi w średniowiecznej Polsce. Gmina krakowska. Warszawa, 2011.
- Zipperstein 2018 – *Zipperstein S.* Pogrom: Kishinev and the Tilt of History, New York–London, 2018.
- Żyndul 1994 – *Żyndul J.* Zajścia antyżydowskie w Polsce w latach 1935–1937. Warszawa, 1994.

Victor Dyatlov, Yana Guzei, Tatiana Sorokina. Anti-Chinese Pogrom. Blagoveshchensk "Utopia" of 1900 in the Opinion of Contemporaries and Descendants

Artur Markowski

Dr.hab., associate professor, Institute of History University of Warsaw
E-mail amarkowski@uw.edu.pl
ORCID: 0000-0002-0788-8036

References

- Baczko B., 1994, *Wyobrażenia społeczne. Szkice o nadziei i pamięci zbiorowej.* Warszawa.
- Bergmann W., 2020, *Tumulte, Excesse, Pogrome. Kollektive Gewalt gegen Juden in Europa 1789–1900.* Göttingen.
- Klier J.D., 2011, *Russians, Jews, and the Pogroms of 1881–1882.* Cambridge.
- Markowski A., 2018, *Przemoc antyżydowska i wyobrażenia społeczne, pogrom białostocki 1906 roku.* Warszawa.

Мария Макарова

(Москва, Россия)

Московская высшая школа социальных и экономических наук им. Т. Шанина (Шанинка);

Варшавский университет

магистр истории

E-mail: masza.makarowa@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9227-7581

Agata Maksimowska. Birobidżan. Ziemia, na której mieliśmy być szczęśliwi.

Wołowiec: Czarne. 2019. ISBN 978-83-8049-792-4. 357 s.

DOI: 10.31168/2658-3364.2021.1.13

Книга польского автора Агаты Максимовской «Биробиджан. Земля, на которой мы должны были быть счастливы» (*Birobidżan. Ziemia, na której mieliśmy być szczęśliwi*) вышла в 2019 г. в одном из лучших польских издательств *Czarne*, специализирующемся на издании репортажей. Она была опубликована в серии *Sulina*, в которой, как можно прочитать на сайте издательства, выходят не просто репортажи, но исторические и антропологические книги. Все эти работы объединяет то, что «они открывают перед читателем неизвестные проявления феномена под названием “Европа”, постыдные секреты и глубоко скрытые тайны»¹.

Книга Максимовской находится на границе между академической монографией, в которой автор реконструирует историю и современность биробиджанского проекта и даже пытается дать прогнозы на будущее, и репортажем. Ее большой плюс заключается именно в репортажности. Агата Максимовская – антрополог, выпускница Варшавского университета – провела в Биробиджане достаточно долгое время, хорошо знает местный контекст, текст книги насыщен цитатами из интервью с биробиджанскими собеседниками.

Подзаголовок книги Максимовской – «Земля, на которой мы должны были быть счастливы» – сразу говорит читателю, что книга относится к тем публикациям о Биробиджане, авторы которых далеки от идеализации истории Еврейской автономной области (ЕАО). Эта история рассматривается ими как неудачная попытка строительства автономии, перемоловшая людские судьбы, а настоящее Биробиджана представляется

¹ URL: <https://czarne.com.pl/katalog/serie/sulina> (дата обращения: 10.08.2021).

искусственно управляемым процессом создания бренда в политических целях. «Область, которая должна была стать проявлением еврейства, стала его тюрьмой», – пишет Максимовская о начальном этапе существования ЕАО [Maksimowska 2019, 144]. При этом местоимение «мы» в названии работы сразу намекает, что говорить в книге Максимовской будут прежде всего сами жители Биробиджана.

Повествование в книге Агаты Максимовской развивается хронологически. Автор начинает с истории еврейского переселения на Дальний Восток, строительства самого Биробиджана и одного из первых еврейских колхозов Валдгейма («лесной дом», идиш). Много внимания Максимовская уделяет вопросам советизации евреев и преобразования, которое, по замыслу идеологов биробиджанского проекта, должно было произойти с жителями местечек в Биробиджане. Эти вопросы автор рассматривает в более широком контексте национальной политики СССР, снабжая свои рассуждения многочисленными отсылками к работам других историков и используя в качестве теоретической рамки концепт коммунальной квартиры Юрия Слезкина.

Максимовская обильно цитирует тексты еврейских поэтов, которые связаны со строительством Еврейской автономной области. Стихи Эммануила Казакевича, Изи Харика и других авторов, написанные на идише, Максимовская переводит на польский с русскоязычных переводных изданий. Кроме того, она обращается к важному для этой темы фильму «Искатели счастья» и многочисленным пропагандистским публикациям и репортажам о Биробиджане, чтобы полнее описать контекст создания советской еврейской родины и сопутствующую этому пропагандистскую кампанию.

Максимовскую занимает также статус идиша и русского языка в ЕАО. Несмотря на особый формальный статус идиша в области, пишет автор книги, биробиджанские евреи не видели за идишем будущего и так же, как евреи в других частях СССР, не учили своих детей еврейскому языку. «Стыд и страх, связанные с еврейским характером области, делали еврейство чем-то неприличным, от чего по-хорошему следовало бы отказаться или, по крайней мере, спрятать, сделать потише, заглушить. Это касалось и еврейского языка», – считает Максимовская [Maksimowska 2019, 150].

Автор подробно реконструирует историю репрессий, дважды коснувшихся ЕАО – сначала в 1937–1938 гг. и затем в послевоенный период, – анализирует, как преследования затронули обе волны биробиджанских переселенцев, первая из которых, как пишет Максимовская, бежала на Дальний Восток от голода, а вторая – от воспоминаний.

Немаловажно, что Максимовская обращается к проблеме антисемитизма в Биробиджане, которой в официальном дискурсе о ЕАО просто не существует. Она использует в качестве доказательств существования антисемитских настроений в области устные источники. «Дружба на-

родов, – пишет автор, – существовала в Биробиджане лишь формально, приправленная антисемитской повседневностью. Еврейскость Биробиджана была тем, о чем охотно забывали. Однако из пропагандистских соображений поддерживалась иллюзия – еврейский театр, таблички на зданиях, программа на идише по радио» [Maksimowska 2019, 168].

Очистить историю ЕАО от иллюзий, пропаганды и ложных представлений, которые пропаганда транслировала вовне, Максимовская пытается и в той части книги, которая посвящена современности. Она пишет о вновь возникшем на волне перестройки интересе к истории переселения на Дальний Восток – еврейское возрождение в ЕАО началось еще в последние годы существования СССР. Автор приводит важную для понимания специфики этого возрождения историю украинца Георгия Шматко: в 1984 г., открыв для себя идиш, он стал учить язык совершенно самостоятельно и от руки переписал словарь, взятый у кого-то на время. Затем он начал преподавать идиш в местном пединституте: то, что раньше казалось сумасшествием, отмечает Максимовская, стало в начале 1990-х гг. вполне востребованным в Биробиджане знанием.

То же происходило в области религии и общественной жизни: биробиджанцы открывали для себя иудаизм, создавали десятки еврейских организаций, которые появлялись и исчезали. Однако, как отмечает автор, за этой активностью пришло разочарование – надежды на национальное возрождение в ЕАО оказались беспочвенными. Максимовская связывает такую ситуацию главным образом с эмиграцией: те, кто был вовлечен в описываемые процессы, вскоре репатриировались в Израиль.

Говоря о религиозной еврейской жизни, автор реконструирует историю биробиджанской еврейской общины, описывает и ее современное состояние. При этом, что немаловажно, Максимовская обращает внимание и на другие общины Биробиджана. Особенно ценными здесь кажутся ее наблюдения, касающиеся субботников, поскольку Максимовская еще успела застать последних из них в Биробиджане.

Книга Агаты Максимовской вышла в 2019 г., однако полевые исследования в ЕАО автор проводила преимущественно в конце 2000-х, десятью годами ранее. Поэтому та современность, о которой пишет Максимовская, на деле превратилась в историю и отдалена и от автора, и от читателя книги. Автор рассуждает об этой современности в категориях аутентичности и искусственности, «так, как можно попробовать выучить идиш заново, так и “еврейскость”», – пишет она, – можно заново открыть и выстроить на ней идентичность, иногда понятную только в локальном контексте» [Maksimowska 2019, 236].

Рассуждения Максимовской об идентичности биробиджанцев и еврейском как локальном бренде ЕАО представляются одной из наиболее ценных частей ее работы. Максимовская выступает здесь не столько как автор репортажа, сколько как антрополог, делящийся размышлениями

о современном Биробиджане. По мнению автора, понимаемые в соответствии с советскими культурными традициями «еврейские мотивы» оказываются для властей региона главным показателем того, что в ЕАО существует еврейская культура, при этом со стороны это выглядит китчем. Максимовская обращает внимание на интересную символическую борьбу, разворачивающуюся в современном Биробиджане: с одной стороны, для него по-прежнему важна история первых переселенцев, с другой же – в представлениях биробиджанцев о прошлом советский Биробиджан неожиданно становится штетлом. Местечковые мотивы появляются, пишет автор, в театральных представлениях и выступлениях еврейских эстрадных коллективов, в которых нет евреев. В этом локальном контексте «Семь-сорок» и «Хава Нагила» для многих, по мнению Максимовской, становятся квинтэссенцией еврейской культуры.

В книге прошлое постоянно взаимодействует с настоящим, а настоящее с прошлым – возможно, в этом уникальность самого Биробиджана. Однако автор пытается заглянуть также и в будущее, описывая, как влияет на жизнь Биробиджана соседство с Китаем, какие страхи пробуждает оно у жителей ЕАО. По мнению Максимовской, «спасение специфического локального еврейского наследия в эпоху глобального экономического и культурного обмена становится все более трудным». Автор настроена оптимистично и полагает, что коммерческий характер еврейской культуры в ЕАО будет усиливаться, а с историей биробиджанского проекта спустя некоторое время будут ассоциироваться «только сувенирные блюда с менорой и произведенные в Китае фигурки» [Maksimowska 2019, 323].

Следует отметить, что Максимовская строит свою книгу на многочисленных интервью с биробиджанцами. Она не использует архивные источники, а в своем повествовании об истории ЕАО обращается в основном к ставшим классическими работам биробиджанских краеведов и историков советского еврейства. При этом Максимовская использует собранные в биробиджанском поле интервью не как репортер, рассказывающий яркие истории своих героев и погружающий читателя в их судьбы, а как ученый, иллюстрирующий фрагментами интервью свои наблюдения и выводы, свой рассказ о предмете исследования.

Возможно, в этом заключается главный недостаток книги Максимовской как репортажа – ее герои невыразительны, они кажутся лишь иллюстрацией, блеклыми свидетелями большой истории, подтверждающими то, что проговорено автором. В то же время очень ценно (в том числе и для других исследователей истории ЕАО), что Максимовская успела поговорить со старшим поколением биробиджанцев, с потомками первых переселенцев, многие из которых уже ушли из жизни.

Несмотря на то что в польских репортажах фигура автора обычно хорошо заметна, в книге Максимовской нет ни ее самой, ни ее собственного голоса. Голосом, выражающим сомнения в осмысленности биробиджан-

ского проекта и отмечающим, что нынешние жители автономии «играют в евреев», становится голос Риммы Лавочкиной – биробиджанского поэта, которая делится здесь своими размышлениями о Биробиджане и биробиджанцах. Максимовская дает ей высказаться практически во всех частях своего повествования, делая Лавочкину сквозной героиней книги. Однако, так же, как и другие собеседники Максимовской, Лавочкина в ее книге – персонаж-свидетель, голос скептика, а не яркая героиня биробиджанской истории.

До выхода книги Агаты Максимовской в польской историографии существовала лишь одна посвященная Биробиджану книга – работа Артура Патека «Биробиджан. Советская земля обетованная?» [Patek 1997], а тема Биробиджана оставалась своего рода экзотикой, время от времени всплывая в репортажах польских журналистов, отправившихся на Дальний Восток.

Агата Максимовская изменила эту ситуацию: ее книга, хотя и не является *stricte* научной монографией и рассчитана скорее на широкого читателя, заполняет эту лакуну и дает возможность как тем, кто ничего не знает о Биробиджане, так и тем, кто знаком с темой, глубже погрузиться в историю и современность биробиджанского проекта, рассказанную преимущественно самими биробиджанцами.

Литература

- Maksimowska 2019 – *Maksimowska A. Birobidżan. Ziemia, na której mieliśmy być szczęśliwi*. Wołowiec: Czarne, 2019. 360 s.
 Patek 1997 – *Patek A. Birobidżan. Sowiecka ziemia obiecana*. Kraków: Historia Iagellonica, 1997. 103 s.

Maria Makarova

Moscow, Russia

Moscow School of Social and Economic Sciences (Shaninka), University of Warsaw

MA in History

E-mail: masza.makarowa@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9227-7581

References

- Maksimowska, A., 2019, *Birobidżan. Ziemia, na której mieliśmy być szczęśliwi*. Wołowiec: Czarne, 2019.
 Patek, A., 1997, *Birobidżan. Sowiecka ziemia obiecana*. Kraków: Historia Iagellonica, 1997.

Александр Локшин

(Москва, Россия)

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,

Отдел по изучению Израиля и еврейских общин,

Институт востоковедения РАН,

E-mail: ale-lokshin@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4185-5729

Конфессиональные и этнические группы российских регионов в XIX–XXI вв.

Сборник научных трудов / Ред. Ф. Селезнев, А. Сорокин.
М.: Эдитус, 2021. Вып. 3. Евреи и иудаизм в Российской
империи и СССР. ISBN 978-5-001 49 565-9. 200 с.

DOI: 10.31168/2658-3364.2021.1.14

Рецензируемый сборник издан Центром краеведческих исследований Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Автор рецензии видит свою задачу в том, чтобы представить статьи, опубликованные в этом издании, указать на их сильные и слабые стороны и тем самым способствовать изучению еврейской истории и культуры российских евреев, дальнейшей работе исследователей, впервые обратившихся к этим сюжетам.

В сборнике три раздела: «Еврейский вопрос в Российской империи», «Формирование и развитие еврейских общин в российских регионах», «Евреи в Российской империи: портреты и биографии». Было бы уместно каждый раздел сборника предварить небольшой вступительной статьей. В такой статье перед первой частью сборника, например, можно было бы объяснить читателю, что понимают его составители, говоря о «еврейском вопросе» в Российской империи. В предисловии к книге он определен как «социокультурный феномен», который разнонаправленно влиял на место евреев в обществе, служа одновременно и известным ограничителем, и «социальным лифтом» (с. 4). Это утверждение нуждается в обосновании. Так, несомненно, было бы важно понять, как ограничения в праве жительства, в профессиональной сфере и образовании для евреев в Российской империи могли повлиять на их социальную динамику. Во вступительной заметке ко второму разделу сборника небесполезно было бы сказать, как, когда и при каких обстоятельствах на

обширной территории Российской империи и Советского Союза происходит формирование и развитие еврейских общин. Этот процесс не мог не повлиять на политическую, экономическую и культурную историю страны, на территории которой жила самая большая еврейская община в мире. В предисловии сказано: «...изучение истории Российского государства <...> связано с исследованием его этнической истории. Будучи многонациональным, полиэтничным, постоянно расширяя свои фронтиры, Российское государство способствовало формированию компактных диаспоральных обществ. Их появление на территории различных регионов оказывало мощное культурное, социальное и политическое влияние на региональные процессы развития» (с. 3).

Первая часть сборника включает статьи по различной тематике. Они касаются прежде всего политики правящих сфер по отношению к евреям. Т. Т. Кручковский (Гродненский государственный университет им. Я. Купалы, Беларусь) анализирует отношение историка, профессора Петербургской Духовной семинарии О. Кояловича (1828–1891) к польскому и еврейскому вопросу в Северо-Западной России XIX в. Коялович был «одним из самых ярких представителей консервативного направления в российской историографии», одним из теоретиков западнорусизма – своеобразного регионального варианта позднего славянофильства (с. 6, 7). Он заявлял, что «жиды – это в своей массе люди крайне тяжелые, вредные для народа [то есть для русского населения – прим. А.Л.]». «Ради человеколюбия» этот профессор предлагал свой вариант решения еврейского вопроса: «...очистить от них хоть немного Западную Россию. Для этого лучше бы всего выселять их назад в Польшу; но так как это невероятно, то остается ожидать, чтобы они выселялись в Восточную Россию». Коялович в своих трудах предлагал «историческое обоснование весьма популярного мнения в российской консервативной среде во второй половине XIX – начале XX вв. о поляках и евреях как о постоянных врагах истинно русского человека» (с. 20). Автор статьи не обращается к вопросу о том, как взгляды Кояловича были встречены российскими историками демократического и либерального направлений, как относился к его трудам С. А. Бершадский, который обращался к тем же сюжетам и оказал большое влияние на становление российской иудаики в конце XIX – начале XX в.

Интересную статью представили независимые петербургские исследователи А. С. Манойленко и Ю. Е. Манойленко. На основе документов из Российского государственного исторического архива (РГИА) в статье прослеживаются особенности социально-правового положения дворян-иудеев. Авторы анализируют исторические условия и обстоятельства приобретения дворянского статуса лицами иудейского вероисповедания. К началу XX в. в Российской империи насчитывалось не более 196 потомственных дворян, указавших еврейский язык в качестве родного, что

составляло 0,016% от общей численности потомственного дворянства (с. 30). При этом надо учитывать то обстоятельство, что дворянами, родным языком которых был еврейский, могли быть и евреи, принявшие православие или какое-либо иное направление христианства. Сведения, представленные в этой статье, позволяют обратиться к вопросу, который не рассматривался до сих пор ни в зарубежной, ни в отечественной историографии: участие евреев в формировании правящей элиты имперской России. Дискриминационное положение многомиллионного еврейского населения в Российской империи не давало возможности евреям (в отличие, скажем, от немцев, татар или грузин), несмотря на социальный успех многих представителей еврейства и их активное участие в социально-экономическом развитии страны, претендовать на место в правящей элите империи.

В статье Т. С. Иларионовой (Институт государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте РФ) рассматривается «еврейский вопрос в аппаратной войне министров Витте и Плеве». Автор представляет министра внутренних дел В. К. Плеве как решительного сторонника репрессивной политики в отношении евреев, а министра финансов (позже председателя Комитета министров) С. Ю. Витте – как выступающего за либерализацию правительственного курса в еврейской политике. Иларионова пишет об этих министрах как о представителях «разных партий» в отношении государственного курса «по евреям» в период царствования двух последних императоров Александра III и Николая II (с. 35). Заметим, что сами должности министра внутренних дел и министра финансов во многом определяли подходы и взгляды этих крупных государственных чиновников. Плеве многие современники обвиняли в организации печально известного Кишиневского погрома (6–8 апреля 1903 г.), в результате которого было убито 47 евреев и пострадали сотни. Однако, как показали исследования (и, в частности, монография американского историка Э. Джаджа [Judge 1992]), эти обвинения не подтверждаются никакими твердыми свидетельствами. Впрочем, несмотря на то, что министр был хорошо информирован о происходящем в ту пору в Бессарабской губернии, он ничего не сделал для предотвращения погрома. Не была пресечена антисемитская кампания в местной прессе и подстрекательская деятельность вице-губернатора. Все это создавало атмосферу, при которой и стал возможен погром. Поддержка со стороны Министерства юстиции слухов о мнимом ритуальном убийстве усугубляла ситуацию. Тем не менее Плеве как глава Департамента полиции и министр внутренних дел не был заинтересован в массовом насилии и убийствах. В отношении к евреям он пытался сочетать репрессивные и поощрительные меры. Это была прагматическая политика, направленная на стабилизацию режима. Плеве видел решение еврейского вопроса в выборочной интеграции готовых к ней категорий евреев и

поощрении к эмиграции евреев из «низших классов». Он проследил за тем, чтобы взрыв насилия в 1903 г. больше в Кишиневе не повторился. Встречи Плеве с президентом Всемирной сионистской организации Т. Герцлем в Петербурге в 1903 г. и предпринятые для реализации сионистского проекта шаги – еще одно свидетельство того, что его позиция в еврейском вопросе не может трактоваться столь однозначно [Локшин 1992, 42–56]. «Юдофильски» настроенный Витте призывал евреев отказаться от поддержки революции и доказать свою лояльность. Встречи Витте в 1905 г. в США с еврейскими банкирами показывают, что он был далек от понимания еврейского вопроса как проблемы российского государственного строя, а также то, что мыслил он категориями концессий и привилегий для еврейской элиты. Министры финансов Н. Х. Бунге, И. В. Вышнеградский, В. Н. Коковцев, так же, как и С. Ю. Витте, выступали против усиления репрессивной политики по отношению к евреям, что, в частности, объяснялось стремлением получить зарубежные займы. Так что подходы Плеве и Витте в решении еврейского вопроса нельзя рассматривать как совершенно противоположные. Действительность была сложнее и определялась многими факторами.

Крайне лапидарно и схематично представлена деятельность Бунда — Еврейского рабочего союза в Литве, Польше и России – в статье «Деятельность Бунда на территории Белорусской губернии в условиях политической реакции после поражения революции 1905–1907 гг.» П. Т. Стецкевича, историка из Гродненского государственного аграрного университета. Обращение к этой теме, очевидно, вряд ли возможно без привлечения хотя бы некоторых архивных источников [Бунд 2010], без обращения к недавно впервые изданным на русском языке воспоминаниям одного из лидеров этой партии [Медем 2015], к работам российских историков [Шелохаев и др. 1996; Розенталь 2015, 536–550; Локшин 2020, 215–234], к монументальному исследованию израильского историка [Frankel 1983]. Более того, изучать историю еврейских политических партий в Восточной Европе, прежде всего социалистических и социал-демократических, как, например, Бунд и Поалей Цион, в современной историографии невозможно без знания языка еврейских масс – идиша. Необходимо понимание и того обстоятельства, что идеология и программные установки Бунда возникли и развивались в результате идейного и организационного соперничества с РСДРП и еврейскими политическими партиями и прежде всего с сионистским движением.

Статья ответственного редактора сборника А. А. Сорокина из Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского посвящена рассмотрению позиций правых партий и движений – Союза русского народа, Союза Михаила Архангела, Объединенного дворянства и других монархических организаций, чья деятельность была связана с ограничением участия евреев в земском самоуправлении и их избирательных

прав в выборах в начале XX в. Сорокин отмечает, что «правые на протяжении всего периода думской монархии [то есть с 1906 по 1917 гг. – прим. А. Л.] последовательно требовали не допускать предоставления избирательных прав на выборах в органы местного самоуправления евреям» (с. 64). Источниками для статьи послужили архивные документы, воспоминания ряда деятелей думских партий, опубликованные документы и материалы правых движений и организаций. Для сравнения было бы уместно в этой статье представить позицию по этому вопросу и других думских партий – октябристов, кадетов, социал-демократов; показать, как эта позиция правых была встречена в российском обществе тех лет. Возможно, что ограниченный объем статьи не позволил это сделать автору.

Завершает эту часть сборника статья А. Ф. Векслер (НИУ «Высшая школа экономики», Москва) «Общество распространения правильных сведений о евреях и еврействе: десять лет, отданных просвещению». Многие статьи сборника посвящены отношению к евреям правящих сфер и общества, однако здесь перед нами, пожалуй, единственная работа, в которой представлена реакция ряда известных еврейских деятелей на еврейский вопрос. Впервые в научной литературе предметом внимания стала деятельность этого общества. Векслер вводит в научный оборот ряд архивных материалов, воспоминания, отчеты о деятельности общества, название которого члены общества сокращали как ОПС – Общество правильных сведений. ОПС занималось организацией и чтением лекций и докладов, издательской и исследовательской деятельностью. В 1909 г. им проведено изучение еврейского населения Вологды, а затем Воронежа. Самое масштабное исследование проводилось в Витебской губернии и охватило 39 населенных пунктов, анкета, по которой работали исследователи, включала 1079 вопросов. В 1912 г. опубликован единственный выпуск «Известий Общества». Книжки и брошюры, изданные ОПС, рассылались в общественные городские, сельские, земские библиотеки. ОПС стремилось дать российской общественности объективные сведения о евреях, их культуре и обычаях – «противоядие», как писал один из создателей общества А. С. Кацнельсон, от массовой антисемитской пропаганды со стороны правых периодических изданий. Особенно активной работа ОПС была во время дела Бейлиса и в годы Первой мировой войны. Некоторые члены общества не были уверены в необходимости участия в ОПС и даже ставили под сомнение необходимость существования подобной организации. Векслер обнаружила в одном из петербургских архивов письмо лидера российского сионистского движения Е. В. Членова, который, выражая позицию многих своих единомышленников, писал: «...антисемитизм, борьбу с которым общество поставило себе целью, является <...> одним из последствий коренной аномалии в жизни еврейского народа – его бездомности. Антисемитизм

исчезнет сам собою тогда и только тогда, когда этот экстерриториальный народ вновь получит свою территорию. Всякие другие способы борьбы суть только паллиативы» (с. 71). Вместе с тем деятельность ОПС вряд ли уместно рассматривать в контексте Хаскалы – еврейского идейного, просветительского, культурного, литературного и общественного течения, возникшего во второй половине XVIII в. в Германии. В России его сторонники – маскилы – выступали за распространение светских начал в просвещении евреев, за приобщение к земледельческому труду, адресатом их обращений было еврейское население империи. 1880-е гг. отмечены упадком этой идеологии. Деятельность ОПС, как отмечает автор, была ориентирована на иную «целевую аудиторию» – русское население (с. 67). Однако в действительности слушателями лекций общества, как и читателями его печатной продукции, нередко были евреи.

Второй раздел сборника «Формирование и развитие еврейских общин в российских регионах» открывается статьей Д. А. Прохорова (Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь). В статье рассматривается правовое положение и организация религиозной жизни караимов в конце XVIII – начале XX в. Споры о происхождении караимов, пишет Прохоров, продолжаются уже более столетия. Автор указывает на различные теории и мнения. Сторонники «тюркско-хазарской» концепции происхождения восточноевропейских караимов считают, что караимы являются прямыми потомками хазар. Караимы, в отличие от евреев, исповедовавших раввинистический иудаизм и испытавших на себе «бремя принятого правительством антиеврейского внутриполитического курса», смогли «добиться от властей ряда преференций в сфере гражданского законодательства» (с. 84). Караимы, которые в своей религиозной традиции отвергали Талмуд, царские чиновники евреями не считали, ибо именно Талмуд считался корнем зла в иудаизме. Больше того, «ориентальный» облик караимов, их подчеркнутая лояльность режиму вызвали благожелательное отношение властей. Автор не пишет, какую теорию о происхождении караимов он разделяет. Вместе с тем отметим, что на протяжении почти всей своей истории караимы на Ближнем Востоке, в отличие от крымско-литовских караимов, считали себя евреями. Общая численность караимов в Российской империи по переписи населения 1897 г. составляла 12 894 человека (с. 87).

Браки и разводы евреев-мещан Санкт-Петербурга в 1860–1870-х гг. — предмет статьи петербургского исследователя М. А. Марковой. Один из выводов, к которым приходит автор статьи: «...практика разводов была более распространена среди еврейского населения, чем среди лиц христианских конфессий» (с. 93). Автор пишет, что «демографические процессы, протекавшие в еврейской общине во второй половине XIX в. <...> требуют дальнейшего изучения» (с. 89). Маркова указывает на немногочисленность литературы по этому вопросу. В статье находим ссылки на

работы Б. Бинштока (1923 г.) и Н. В. Юхневой (1980-е гг.). Между тем демографические процессы среди еврейского населения Петербурга рассмотрены в публикациях и ряда зарубежных авторов: американских [Freeze 2002; Nathans 2002], израильского [Штампфер 2012, 265–285], немецкого [Kleinmann 2006] историков. В сборник вошли и статьи о еврейских общинах в Нижнем Новгороде и Ярославле. В своей публикации Т. А. Медведева и М. И. Струкова (Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского) приходят к заключению, что нижегородская еврейская община во второй половине XIX – начале XX вв. «была скорее аккультурированной, нежели ассимилированной; сохранился родной язык и система обучения и воспитания, этническая и религиозная идентичность, еврейские традиционные общественные институты» (с. 104). Повседневная жизнь еврейской общины Ярославля в 1850–1950 гг., ее эволюция рассмотрена в статье А. В. Бородкина (Ярославский филиал Финансового университета при Правительстве РФ). В отличие от предыдущей, публикация Бородкина основывается на источниках, хранящихся в двух архивах города. Автор приходит к выводу, что повседневная жизнь общины напрямую зависела от взаимоотношений с местными властями. Впрочем, не лишним было при этом указать, что жизнь общины была связана и с еврейской религиозной традицией, отношениями с окружающим населением. Автор пишет, что немногочисленное еврейское население проживало в Ярославле уже в XVIII в. Однако каких-либо ссылок на источник, подтверждающий этот факт, в статье нет.

В краеведческой литературе и публикациях по иудаике за последние годы появился целый ряд исследований, посвященных истории евреев в городах и регионах. Хочется надеяться, что на очереди и компаративистские работы, которые дадут возможность ответить на вопрос, как еврейская община одного города отличалась от другой по численности, приверженности еврейской традиции, этнической идентичности и т. д. К еврейскому сюжету обратился еще один историк из Гродненского государственного университета им. Янки Купалы Э. С. Ярмусик. В своей статье он рассматривает историю евреев Гродненщины с XIX в. по настоящее время. Он отмечает, что в этом регионе широкое распространение получил хасидизм, а в середине XIX в. – движение еврейского Просвещения Хаскала, которое, по мнению автора, «объективно вело к ассимиляции» (с. 148). В России одним из следствий еврейского Просвещения была не ассимиляция, а становление социалистического и сионистского движений, формирование новых форм национальной идентичности. О еврейском рабочем и сионистском движении в Гродно пишет и сам Ярмусик. Отметим, что автор пишет и о деятельности раввина Исраэля Меира ха-Козна (1838–1933), известного под именем Хафец Хаим, – выдающегося религиозного деятеля. Многие слушатели его иешивы в местечке Радунь стали видными религиозными авторитетами. Вместе с тем

утверждение Ярмусика, что одно из сочинений Хафец Хаима о запрете злословия «у евреев является второй по популярности [книгой] после Торы» (с. 149) достаточно странно. Автор имеет в виду книгу «Хафец хаим» («Жизнелюб») о греховности злословия, изданную в 1873 г. Той же теме посвящено сочинение «Шмират га-лашон» («Воздержанность в речи», 1876). Возможно, что речь здесь идет об учениках и последователях этого раввина. Меир ха-Коэн – автор ряда других сочинений. Основной его труд, ставший особенно популярным, – сочинение в шести томах «Мишна брура» («Ясное учение», 1884–1907). Это толкование предписаний одного из разделов свода «Шулхан Арух». Одним из последних трудов Исроэля Меира ха-Коэна стал трехтомник «Асефат зкеним» («Собрание старейшин», 1902–1925), касающийся главным образом предписаний, относящихся к Храму и жертвоприношениям.

Третий раздел сборника – «Евреи в Российской империи и в СССР: портреты и биографии». О биографии врача тюремной больницы в Рыбинске (Ярославская губерния) И. М. Певзнера пишет историк из этого города А. Коняев. Интересна статья историка М. В. Медоварова (Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского) о взглядах и общественной деятельности А. Ф. Филиппова (1869–1936) – крещеного еврея по отцу, пытавшегося заручиться поддержкой и националистов, и либералов, а после 1917 г. ставшего сотрудником ВЧК.

Академик АН Туркменистана С. Мурадгелди реконструирует биографию главного редактора газеты «Туркменская искра» И. М. Рабиновича (1899–1938) – члена Еврейской коммунистической партии Поалей Цион, в декабре 1919 г. вступившего в РКП(б), обвиненного позднее в участии в контрреволюционной организации и приговоренного к расстрелу. В июне 1938 г. он был расстрелян на полигоне «Коммунарка» под Москвой (с. 196).

Объем рецензии не позволяет дать краткое представление обо всех статьях сборника. Авторы ряда публикаций, несомненным достоинством которых является введение в научный обиход не известных ранее имен, фактов, событий, архивных источников, подчас слабо знакомы с отечественной и особенно с зарубежной литературой по избранной теме. Например, историк О. В. Розина (Московский государственный областной университет) в публикации по истории еврейской общины города Шаргорода Подольской губернии опирается в основном на статьи из Краткой еврейской энциклопедии и на одну из книг известного популяризатора еврейской истории, израильского автора Ф. Канделя. Ей остались неизвестны многие публикации по теме, в числе которых и исследование коллектива российских и израильских авторов [Сто еврейских местечек Украины... 2000]. Именно в этом издании есть обстоятельная статья о Шаргороде, его истории, духовных лидерах, синагогах, кладбищах, архитектурном облике, погромах в городе.

Историк И. В. Омелянчук (Владимирский государственный университет) пишет о еврейских погромах октября 1905 г. в Одессе и Киеве. Между тем за последние десятилетия об этих событиях изданы работы как отечественных, так и зарубежных авторов [Герасимов 2003, 209–260; Будницкий 2006, 102–106; Aronson 1990; Klier 1992, 13–38; Weinberg 1992, 248–289; Humphrey 2010, 213–247]. Знакомство с перечисленными монографиями и статьями обязательно необходимо для исследователя этих трагических сюжетов.

Некоторые авторы сборника находятся вне дискурса, сложившегося в иудаике за последние десятилетия. Введение в научный обиход новых источников и их оценка невозможны без знания современной отечественной и зарубежной историографии.

Несмотря на указанные недочеты, можно только приветствовать работу Центра краеведческих исследований Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, сумевшего в одном издании собрать авторов из различных регионов России и из постсоветских государств. Большинство из авторов впервые обратились к изучению различных аспектов еврейской истории и культуры в нашей стране. Хочется надеяться, что этот интерес не будет утрачен и мы станем свидетелями новых ценных публикаций.

Литература

- Будницкий 2006 – Будницкий О. Евреи и революция 1905 г. в России: встреча с народом // *Неприкосновенный запас*. 2006. № 6(44). С. 102–106.
- Бунд 2010 – Бунд. Документы и материалы. 1894–1921. Сост. и комм.: Ю. Н. Амиантов и др. М.: РОССПЭН, 2010. 1358 с.
- Вейнберг 2016 – Вейнберг Р. Погром 1905 года в Одессе: исследование отдельного случая // *Погромы в российской истории Нового времени (1881–1921)* / Под ред. Д. Клиера, Ш. Ламброзы. М.: Книжники, 2016. С. 254–291.
- Герасимов 2003 – Герасимов И. «Мы убиваем только своих»: преступность как маркер межэтнических границ в Одессе начала XX века (1907–1916 гг.) // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 209–260.
- Кляйнман 2019 – Кляйнман И. Новые места — новые люди. Еврейская жизнь в Санкт-Петербурге и Москве в XIX веке. М.: Книжники, 2019.
- Локшин 1992 – Локшин А. Формирование политики (Царская администрация и сионизм в России в конце XIX — начале XX в.) // *Вестник Еврейского университета в Москве*. 1992. № 1 С. 42–56.
- Локшин 2020 – Локшин А. Бунд: между интернационализмом и национализмом // *Вопросы истории*. 2020. № 7. С. 215–234.

- Розенталь 2015 – *Розенталь И.* Бунд. Краткий очерк истории // Медем В. Из моей жизни. М.: Новый Хронограф. 2015. С. 536–550.
- Хамфри 2012 – *Хамфри К.* Одесса: погромы в городе-космополите // Антропологический форум. 2012 № 12. С. 213–247.
- Сто еврейских местечек 2000 – Шаргород // 100 еврейских местечек Украины. Подolia. Авторы-составители: В. Лукин, А. Соколова, Б. Хаймович. СПб.: Издатель Александр Герш. 2000. Вып. 2. С. 399–450.
- Шелохаев и др. 1996 – *Шелохаев В. В., Булдаков В. П., Ерофеев Н. Д.* Политические партии в России. Конец XIX — первая треть XX века. М.: РОССПЭН, 1996. 872.С.
- Штампфер 2017 – *Штампфер Ш.* Евреи в Российской империи в конце XIX в.: демографические аспекты // История еврейского народа в России. Т. 2. От разделов Польши до падения Российской империи. Под ред. И. Лурье. М.: Мосты культуры — Гешарим, 2017. С. 265–285.
- Aronson 1990 – *Aronson M.* Troubled Waters: The Origins of the 1881 Anti-Jewish Pogroms in Russia. Pittsburgh, 1990. 286 p.
- Judge 1992 – *Judge E.* Easter in Kishinev: Anatomy of Pogrom. New York, 1992.
- Klier 1992 – *Klier J.D.* The Pogrom Paradigm in Russian History // Eds. J. D. Klier and Sh. Lambroza. Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern Russian History. New York: Cambridge University Press, 1992. P. 13–38.

Religious and Ethnic Groups of Russian Regions in the Nineteenth to Twenty-First Centuries, Vol. 3. Jews and Judaism in the Russian Empire and the USSR

Alexander Lokshin

(Moscow, Russia)

PhD (History), Senior Research Fellow,

Israel and Jewish Studies

Department,

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences,

E-mail: ale-lokshin@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4185-5729

References

- Aronson, M., 1990, *Troubled Waters: the Origins of the 1881 Anti-Jewish Pogroms in Russia*. Pittsburgh Series in Russian and East European Studies, Pittsburgh: Univ. of Pittsburg Press, 286.

- Budnitskii, O.V., 2005, *Evrei i revolutzia 1905 g. v Rossii: vstrecha s narodom* [The Jews and revolution: the meeting with people]. *Neprekosnovennyi zapas*. (44). 102–106.
- Frankel, J., 1984, *Prophecy and Politics. Socialism, Nationalism, and the Russian Jews, 1862–1917*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 686.
- Frieze, Ch. Y., 2002, *Jewish Marriage and Divorce in Imperial Russia*. Hanover, Univ. Press of New England, 399.
- Gerasimov, I., 2003, My ubivaem tol'ko svoih: prestupnost' kak marker mezhetnicheskikh granits v Odesse nachala 20 veka (1907–1916 gg.) [We kill only ours: the criminality as the marker of interethnic borders in Odessa at the beginning of 20th century]. *Ab Imperio*, 1, 209–260.
- Humphrey, C., 2010, *Odessa: pogromy v gorode – kosmopolite* [The pogroms in the city]. *Antropologicheskii zhurnal*, 2, 213–247.
- Judge, E., 1992, *Easter in Kishinev: Anatomy of Pogrom*. New York, New York Univ. Press, 186.
- Klier, J.D., Lambroza, Sh., 1992, *Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern Russian History*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 13–38.
- Kleinmann, I., 2019, *Novye mesta – novye ludi. Evresikya zhizn' v Sankt-Peterburge i v Moskve v 19 veke* [The new places – the new people. The Jewish life in St. Petersburg and in Moscow in the 19th century]. Moscow, Knizniki, 486.
- Lokshin, A.E., 1992, Formirovanie politiki (Tsarskaya administratsiya i sionizm v Rossii v konze 19 – nachale 20 v.) [Shaping of the policy (Tzarist administration and Zionism in Russia in the end of 19th – beginning of 20th century)]. *Vestnik Evreiskogo universiteta v Moskve*. 1, 42–56.
- Lokshin, A.E., 2020, Bund: mezdu internatsionalizmom i natsionalizmom [Bund: between internationalism and the nationalism]. *Voprosy Istorii*, 7, 215–234.
- Rosental', I. S., 2015, *Bund. Kratkii ocherk istorii* [Bund – a short essay of the history]. Medem, V., *Iz moei zhizni* [From my life]. Moscow, Novyi Hronograf, 536–550.
- Stampfer, Sh., 2012, *Evrei v Rossiiskoi imperii v konze 19 v.: demograficheskie aspekty* [The Jews in the Russian Empire at the end of the 19th century: Demographic aspects]. *Istoria evreiskogo naroda v Rossii* [The History of the Jewish people in Russia]. Moscow, Gesharim, 265–285.
- Weinberg, R., 1992, The Pogroms of 1905 in Odessa: A Case Study. *Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern Russian History*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 248–289.

Светлана Погодина

(Рига, Латвия)

Dr.philol., доцент

Факультет гуманитарных наук, Центр иудаики Латвийского университета

E-mail: spogodina@inbox.lv

ORCID: 0000-0001-6020-728X

Дзинтра Гека. Шалом, Сибирь... воспоминания евреев, которые были вывезены из Латвии в Сибирь в 1941 и 1949 годах

Рига: Sibīrijas bērni, 2020. ISBN: 9789934821974. 658 с.

DOI: 10.31168/2658-3364.2021.1.15

В 2020 г. при поддержке благотворительного фонда Uniting History в Риге вышла книга, собравшая воспоминания латвийских евреев, вывезенных в Сибирь в ходе депортаций в 1941 и 1949 гг. Большой объем книги — 658 страниц — продиктован концепцией сборника: записанные на русском воспоминания переведены на латышский и английский языки. Составитель сборника и основатель фонда «Дети Сибири» Дзинтра Гека записывала истории и воспоминания евреев на протяжении многих лет в Латвии, Сибири, Америке и Израиле. В сборнике представлены 24 личные истории, хотя в целом в ходе работы фонда «Дети Сибири» было записано 670 интервью. Сосланные были в основном депортированы в деревни и поселки Красноярского края и Томской области. Евреи оказались вторыми по численности (после латышей) из всех пострадавших в ходе советских депортаций из Латвии в 1940-е гг. [Гека 2020, 7].

Основная цель книги — фиксация устных воспоминаний о том, как жили депортированные, как складывались их судьбы, как переживали они трагические события XX в. Воспоминания людей, родившихся в 1920-е и 1930-е гг., переданы в книге так, как сохранила их память рассказчиков. Память редактирует картину реальности в соответствии с жизненным опытом информанта, сохраняя отдельные эпизоды и впечатления. Но и они являются важными свидетельствами эпохи, представляя собой взгляд на исторические события «изнутри», показывая эти события такими, какими их переживали сами участники. Устная история сохра-

няет свидетельства современников и их эмоциональный опыт. Устные истории латвийских евреев о депортации тем более важны, поскольку затрагивают ранее табуированные сюжеты советского прошлого.

«Шалом, Сибирь...» является важным дополнением к сборникам материалов и исследований, посвященным записям свидетельств о советских депортациях [см., например: Davoliute, Balkelis 2018, Misiunas, Taagepera 1993, Blum, Koustova 2018]. Следует напомнить также, что в Риге работает Институт устной истории (Oral history in Latvia)¹, в хранилище которого находятся записи интервью, дневники и мемуары жителей Латвии. Эти тексты отражают как индивидуальную, так и коллективную память, для их авторов часто важной является проблема идентичности. В «Шалом, Сибирь...» история политических репрессий тоже представлена через частные судьбы. Собранные здесь материалы являются важным свидетельством, вступающим в противоречие с официальными документами советской карательной машины.

Важно подчеркнуть, что «Шалом, Сибирь...» — не научное издание, оно ориентировано на широкий круг читателей. В этом видится и определенная неудача книги. Столь важный и богатый материал мог быть представлен несколько иначе, с большим вниманием к общему контексту: разумеется, сюжеты воспоминаний обыкновенно развиваются непоследовательно, может быть нарушена хронология и т. п., и все это требует комментария и объяснения. К сожалению, рассматриваемому изданию недостает необходимого исторического контекста, в который бы были вписаны тексты устной истории. Возможно, вводная статья о советских депортациях вообще помогла бы объяснить специфику опубликованных нарративов. Согласно концепции составителя книги, тексты воспоминаний подвергались лишь минимальной редакции, дабы сохранить *речь* информанта. Это обоснованный выбор, но он тем более требует контекстуального и дискурсивного комментирования.

Практически все воспоминания детально фиксируют момент ареста, информанты достаточно подробно рассказывают о том, как им сообщили о депортации и как семья собирала вещи, описывают долгую дорогу до сибирских поселений и трудности сибирской жизни. Повторяющиеся мотивы в воспоминаниях — разлука с близкими при депортации, голод, тяжелый труд, отношение со стороны представителей советской власти. Акцент в устных нарративах зачастую делается на предметном коде: вещи становятся одним из немногих способов выжить, их обменивают на еду, теплая одежда спасает от сибирских холодов, и это то, что четко сохраняет индивидуальная память. Собственно еврейская тема почти не возникает в воспоминаниях, так как в депортации сохранять традиционный уклад жизни было уже невозможно.

¹ О его работе см. подробнее на официальном сайте Института устной истории: <https://mutvarduvesture.lv/en/>.

Несомненным достоинством книги является иллюстративный материал. В сборнике представлены семейные фотографии информантов, сделанные до войны и в сибирской ссылке. Издание воспоминаний латвийских евреев, депортированных в Сибирь в 1940-е гг., является важным событием в контексте разговора о коллективной памяти, фиксируемой в устных текстах. Эта публикация дополняет картину устных свидетельств о табуированных сюжетах советской истории.

Литература

- Гека 2020 – *Гека Д.* Шалом, Сибирь... воспоминания евреев, которые были вывезены из Латвии в Сибирь в 1941 и 1949 годах. Рига: *Sibīrijas bērni*, 2020. 658 с.
- Davoliute, Balkelis 2018 – *Davoliute V., Balkelis T.* Narratives of Exile and Identity: Soviet Deportation Memoirs from the Baltic States. Budapest: Central European University Press, 2018. 220 p.
- Blum, Koustova 2018 – *Blum A., Koustova E.* A Soviet Story: Mass Deportation, Isolation, Return // *Narratives of Exile and Identity*. Budapest: Central European University Press, 2018.
- Kurvet-Käosaar 2018 – *Kurvet-Käosaar L.* Narratives of Exile and Identity: Soviet Deportation Memoirs from the Baltic Countries // *Journal of Baltic Studies*. 2018. № 50. P. 555–557.

Dzintra Geka. Shalom, Siberia ... Memories of Jews who Were Deported from Latvia to Siberia in 1941 and 1949

Svetlana Pogodina

(Riga, Latvia)

PhD in Humanities, Assistant Professor

Department of Humanities, Center for Judaic Studies at University of Latvia

ORCID: 0000-0001-6020-728X

E-mail: spogodina@inbox.lv

References

- Geka 2020 – Geka D. *Shalom, Sibir'... vospominaniia evreev, kotorye byli vyvezeny iz Latvii v Sibir' v 1941 i 1949 godakh* [Shalom, Siberia! Memoirs of Jews who Were Deported from Latvia to Siberia in 1941 and 1949]. Rīga: Sibīrijas bērni, 2020. 658.
- Davoliute, Balkelis 2018 – Davoliute V., Balkelis T. *Narratives of Exile and Identity: Soviet Deportation Memoirs from the Baltic States*. Budapest: Central European University Press, 2018. 220.
- Blum, Koustova 2018 – Blum A., Koustova E. *A Soviet Story: Mass Deportation, Isolation, Return. Narratives of Exile and Identity*. Budapest: Central European University Press, 2018.
- Kurvet-Käosaar 2018 – Kurvet-Käosaar L. Narratives of Exile and Identity: Soviet Deportation Memoirs from the Baltic Countries, *Journal of Baltic Studies*. 2018. № 50. 555–557.

Памяти Ефима Иосифовича Меламеда

3 марта 2021 г. в Киеве умер от ковида выдающийся украинский историк-архивист Ефим Иосифович Меламед.

Трудно перечислить все книги и статьи Е. И. Меламеда, охватывающие самый широкий круг вопросов — от истории русской литературы до архивной иудаики и русско-еврейской истории и генеалогии, — которые, помимо Украины и России, были изданы в США, Англии, Израиле и Польше.

Среди этих публикаций особое место занимают его работы по формированию источниковой базы для исследований по еврейской истории и культуре, в том числе справочник «Архивная иудаика России, Украины и Белоруссии», изданный в 2001 г., и три тома межархивных путеводителей «Документы по истории и культуре евреев в архивах Украины», выходявшие с 2006 по 2014 гг. в рамках международного проекта Project Judaica. Эти три тома содержат описания почти двух тысяч фондов и коллекций из тридцати архивов, библиотек и музеев Украины. Действительно, сегодня вряд ли можно найти исследователя в области еврейской истории и культуры, который бы не пользовался этими путеводителями в своей работе.

Вызывает уважение и восхищение не только масштаб архивных разысканий, предпринятых для составления этих путеводителей, умение Ефима Меламеда корректно, но в то же время требовательно руководить группой сотрудников, работавших в проекте, но и уровень изложения архивных материалов, отвечающий самым высоким требованиям современной академической науки.

Чтобы добиться этого, Е. И. Меламед разработал четкий и емкий формат описания архивного фонда, который гармонично сочетает, как он сам говорил, «обобщения и конкретику». Если вы посмотрите предыдущие путеводители по архивам Москвы и Беларуси, изданные в рамках проекта Project Judaica, то, наверное, обратите внимание на то, что формат помещенных в них описаний несколько расплывчат, невнятен, труден для восприятия. Формат же, разработанный Е. И. Меламедом, благодаря четкости структуры, лаконичности формулировок и даже подбору различных шрифтов и курсива дает возможность пользователю сфокусировать внимание именно на той информации, которая в данный момент необходима для его работы. Именно этот формат был впоследствии выбран для архивных описаний, помещенных на Портале европейских еврейских архивов «Yerusha» (см.: <https://yerusha.eu>).

Людмила Шолохова, заведующая Отделом иудаики Публичной библиотеки Нью-Йорка, назвала Е. И. Меламеда «поэтом архивов». Это очень точная характеристика его отношения к работе. Археографическим описа-

ниям, составленным Меламедом, свойственна отточенность мысли, которую можно встретить именно в поэтических текстах. Как никто другой, он ощущал эту, может быть, не всегда явную поэтику архивного документа и умел найти нужные слова, чтобы передать ее в своих путеводителях и источниковедческих статьях.

В связи с этим нельзя не вспомнить пионерские публикации Ефима по истории целого ряда еврейских учреждений и их архивов, существовавших в Украине. Это статьи о Житомирском раввинском училище, действовавшем с 1847 по 1873 гг., об объединении еврейских художников, писателей, режиссеров и издателей «Культур-Лига», работавшем с 1918 по 1924 гг., и об Институте еврейской пролетарской культуры, а после его разгрома в 1936 г. — Кабинете еврейской культуры, уничтоженном в свою очередь советскими репрессивными органами в 1948 г.

«Блистательной вершиной многолетнего и захватывающего труда ученого» назвал ведущий научный сотрудник Центрального архива истории еврейского народа в Иерусалиме Вениамин Лукин статью Е. И. Меламеда «Как был уничтожен “венец еврейской культуры”. Еврейские ученые Киева накануне и во время Большого террора», опубликованную в конце прошлого года в первом томе серии книг «Советская гениза. Новые архивные разыскания по истории евреев СССР» (серия издается в рамках проекта Нью-Йоркского университета «История евреев Советского Союза»). Во втором томе этой серии, который сейчас готовится к печати, также будет опубликована статья Е. И. Меламеда о еврейских писателях Киева в свете материалов агентурных дел сталинских спецслужб.

Надеюсь, что мы еще не раз встретимся с Ефимом Иосифовичем Меламедом на страницах различных изданий, где будут еще опубликованы неизданные ранее его статьи.

Александр Иванов

(Санкт-Петербург, Россия)

Научный сотрудник, Межфакультетский центр «Петербургская иудаика»,

Европейский университет в Санкт-Петербурге

E-mail: aliv@eu.spb.ru

ORCID: 0000-0002-7293-3470

Alexander Ivanov

(St. Petersburg, Russia)

Researcher, Interdepartmental Center "Petersburg Judaica", European University

at St. Petersburg

E-mail: aliv@eu.spb.ru

ORCID: 0000-0002-7293-3470

Библиография научных трудов Е. И. Меламеда***Архивные путеводители и библиографические указатели***

- Документы по истории и культуре евреев в региональных архивах Украины. Т. 2. Николаевская, Одесская, Херсонская области / Науч. ред., состав. Е. И. Меламед; Рос. гос. гуманитар. ун-т и др. Киев: Издательский дом «Стилос», 2014. 776 с.
- Документы по истории и культуре евреев в региональных архивах Украины. Т. 1. Волынская, Житомирская, Ровенская, Черкасская области / Науч. ред., состав. Е. И. Меламед; Рос. гос. гуманитар. ун-т и др. Киев: Феникс, 2009. 472 с.
- Документы по истории и культуре евреев в архивах Киева / Науч. ред., состав. Е. И. Меламед, М. С. Куповецкий; Рос. гос. гуманитар. ун-т и др. Киев: Дух и Литера, 2006. 752 с.
- Архивная иудаика России, Украины и Белоруссии: Материалы для указателя литературы / Под ред. Д. А. Эльяшевича. СПб.: Изд-во Петербургского института иудаики, 2001. 104 с.
- Джордж Кеннан (Старший) в русской печати (1871–1991) / Аннотированный библиографический указатель на русском языке / Сост. Е. И. Меламед. Вашингтон, округ Колумбия: Вудро Вильсон Центр; Кеннан ин-т для перспективных российских исследований, 1993. 73 с.
- Documentary Sources on the Holocaust in the Archives and Museums of Odessa, Nikolaev, and Kherson Regions / A Preliminary Guide / Ed. by Efim Melamed. New York: Project Judaica, 2012. 77 pp.

Монографии

- Русские университеты Джорджа Кеннана. Судьба писателя и его книг. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1988. 336 с.
- Джордж Кеннан против царизма: [«Сибирь и ссылка» Джорджа Кеннана]. М.: «Книга», 1981. 127 с.

Статьи

- Как был уничтожен «венеч еврейской культуры»: еврейские ученые Киева накануне и во время Большого террора // Советская гениза. Новые архивные разыскания по истории евреев СССР. Т. 1 / Науч. ред.-состав. Г. Эстрайх, А. Френкель. Бостон; СПб.: Academic Studies Press; Библиороссика, 2020. С. 109–170.
- Судьба архива Киевского института еврейской пролетарской культуры: продолжение поиска // Архив еврейской истории. Т. 11 / Гл. ред. О. В. Будницкий. М.: РОССПЭН, 2020. С. 197–237.
- Ликвидация Киевского института еврейской пролетарской культуры и репрессии против его сотрудников. По материалам архивно-

- следственных дел 1930-х гг. // Архив еврейской истории. Т. 10 / Гл. ред. О. В. Будницкий. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 171–195.
- Не только памятник. К истории «Русско-еврейского (идиш) словаря» // Народ Книги в мире книг: еврейское книжное обозрение. 2018. № 135 (август). С. 4–10.
- Вторая попытка. К истории изданий Тараса Шевченко на идише // Народ Книги в мире книг: еврейское книжное обозрение. 2018. № 132 (февраль). С. 1–8.
- Еще раз о судьбе Аврома Абчука // Народ Книги в мире: книг еврейское книжное обозрение. 2017. № 130 (октябрь). С. 1–4.
- Ирония судьбы Аврома Абчука // Народ Книги в мире книг: еврейское книжное обозрение. 2017. № 127 (апрель). С. 8–11.
- Из комментария до «Шевченківського словника» // Записки Наукового товариства ім. Шевченка в Америці. Нова сер. Т. 1. Нью-Йорк, 2017. С. 229–232.
- По следам архива Культур-Лиги // Параллели: русско-еврейский историко-литературный и библиографический альманах. № 13–14. М.: Дом еврейской книги, 2015. С. 108–117.
- Судьба архива киевского Института еврейской пролетарской культуры: загадки и находки // Архив еврейской истории. Т. 7 / Гл. ред. О. В. Будницкий. М.: РОССПЭН, 2012. С. 242–255.
- «Красовский, известный по делу Бейлиса»... // Егупец: художественно-публицистический альманах. Вып. 20. Киев: Дух и Литера, 2011. С. 164–175.
- Источники для истории еврейских научных и культурно-просветительских учреждений 1920–1940-х годов в архивах Украины // Идиш: язык и культура в Советском Союзе / Науч. ред.: Л. Кацис, М. Каспина, Д. Фишман. М.: Изд-во РГГУ, 2009. С. 229–241.
- Из истории независимых исследований в области иудаики на Украине: судьба Еврейской историко-археологической комиссии при ВУАН (1919–1929) // Архив еврейской истории. Т. 5 / Гл. ред. О. В. Будницкий. М.: РОССПЭН, 2008. С. 77–98.
- Как явное делали тайным... Из истории засекречивания еврейских страниц родословной В. И. Ленина // Заметки по еврейской истории. 2008. № 1 (92) (январь). URL: <https://berkovich-zametki.com/2008/Zametki/Nomer1/Melamed1.htm> (дата обращения: 07.09.21) [полный вариант статьи].
- Как явное делали тайным... Из истории засекречивания еврейских страниц родословной В. И. Ленина // Лехаим: ежемесячный литературно-публицистический журнал. 2007. № 7 (183) (июль). С. 48–52 [сокращенный вариант статьи].
- Неудобное примечание // Лехаим: ежемесячный литературно-публицистический журнал. 2006. № 12 (176) (декабрь). С. 53–54.
- Из истории собирания и изучения еврейского письменного наследия на Украине в 20–30-е годы XX в. (О попытке создания Центрального

- еврейского исторического архива в Киеве) // *Judaica Rossica*: Сб. статей. Вып. 4 / Отв. ред. М. С. Куповецкий М.: Изд-во РГТУ, 2006. С. 51–76.
- «Отректись иудейской веры» ... (Новонайденные документы о еврейских предках Ленина) // *Vetstnik*. Vol. 15.2. № 21(332). [Baltimore] October 15, 2003. С. 22–24.
- Из родословной Хаима-Нахмана Бялика (По новым материалам) // *Еврейская культура и культурные контакты. Материалы Шестой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике* / Редкол.: Р. М. Капланов, В. В. Мочалова, Л. А. Чулкова. Ч. 3. М.: Сэфер, 1999. С. 179–187 (Акад. сер. Вып. 4).
- Еврейские благотворительные организации на Волыни (вторая половина XIX — начало XX веков) // *Еврейская благотворительность на территории бывшего СССР. Страницы истории: Сб. науч. тр.* / Под ред. Д. Эльяшевича и Б. Халлера. СПб.: Ин-т. социальных и общинных работников; Петербург. евр. ун-т, 1998. С. 38–52.
- Известный Эйхенбаум... История одной судьбы // *Евреи в России. История и культура: сб. статей* / Под ред. Д. Эльяшевича. СПб.: Петербург. евр. ун-т; Ин-т. исслед. евр. диаспоры, 1995. С. 79–90 (Труды по иудаике. Сер. «История и этнография». Вып. 3).
- «Посвящу Вудбайну...» По следам ненаписанной статьи В. Г. Короленко // *Вестник Еврейского университета в Москве*. 1995. № 3 (10). С. 141–153.
- Из комментария к «Краткой еврейской энциклопедии» // *Вестник Еврейского университета в Москве*. 1995. № 1 (8). С. 199–204.
- «Из-за одного человека...» (Неизвестные страницы В. Г. Короленко) // *Collegium*. 1994. № 1 (3). С. 161–167.
- Другой Наумов. История одной повести и одной жизни // *Вестник Еврейского университета в Москве*. 1993. № 2. С. 114–124.
- Об одном сюжете В. Г. Короленко // *Вопросы литературы*. 1987. № 5. С. 271–277.
- Забывтое письмо Н. М. Карамзина // *Русская литература*. 1976. № 3. С. 54–56.
- «Immortalizing the Crime in History...»: The Activities of the Ostjüdisches Historisches Archiv (Kiev – Berlin – Paris, 1920–1940) // *Russian Jewish Diaspora and European Culture* / Ed. by J. Schulte, O. Tabachnikova, P. Wagstaffand. Leiden & Boston MA: Brill, 2012. P. 373–386.
- The Fate of the Archives of the Kiev Institute of Jewish Proletarian Culture: Puzzles and Discoveries // *East European Jewish Affairs*. 2012. Vol. 42. № 2 (August). P. 99–110.
- The Zhitomir Rabbinical School: New Materials and Perspectives // *Polin: Studies in Polish Jewry*. 2001. Vol. 14. P. 105–115.
- In Which Haystack to Search: More on Sources for Russian-Jewish Genealogy // *Avotaynu: The International Review of Jewish Genealogy*. Vol. XIV. 1998. No. 4 (Winter). P. 16–18.

Sources on the History of Jewish Enlightenment and Culture in the Zhitomir Region State Archives // East European Jewish Affairs. 1996. Vol. 26. P. 97–101.

Публикации документов

«О погроме в Бердичеве» (Новонайденная записка Д. Липеца 1919 г.) / Публ., вступ. ст. и комментарии Е. И. Меламеда и Г. Я. Эстрайха // Архив еврейской истории. Т. 8 М.: РОССПЭН, 2016. С. 156–176.

Кеннан Дж. Сибирь и ссылка: [Пер. с англ.] Т. 1; 2: Путевые заметки (1885–1886 гг.) / Подгот. текста, вступ. ст. [с. 5–72] и примеч. Е. И. Меламеда. СПб.: Русско-балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999. Т. 1: 390 с.; Т. 2: 396 с. (Сер. «История России»).

«Разговор наш мне очень памятен...» Неопубликованные письма Л. Н. Толстого / Публ. и комментарии Е. Меламеда // Новый мир. 1989. № 7. С. 236–239.

Soviet Documents on the Korosten Rabbinical Congress / Introduced by Efim Melamed // Jews in Eastern Europe. 1996. № 1 (29). P. 41–53.

Периодическое издание

Judaic-Slavic Journal

2021

№ 1 (2021)

Сдано в набор 12.09.2021
Подписано в печать 20.10.2021
Формат 70х100 1/16
Офсетная печать
Усл. печ. л. 24.38
Тираж 300 экз.
Цена свободная

Учредитель

Российская академия наук, Институт славяноведения РАН
119334 Москва, Ленинский проспект, 32-а, корпус "В"

Издатель

МОО Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «СЭФЕР»
Тел. / phone number: (+7-495) 938-00-70
e-mail: sefer.journal@gmail.com

Отпечатано в типографии «Пробел-2000»,
109544, Москва, ул. Рабочая, д. 91